

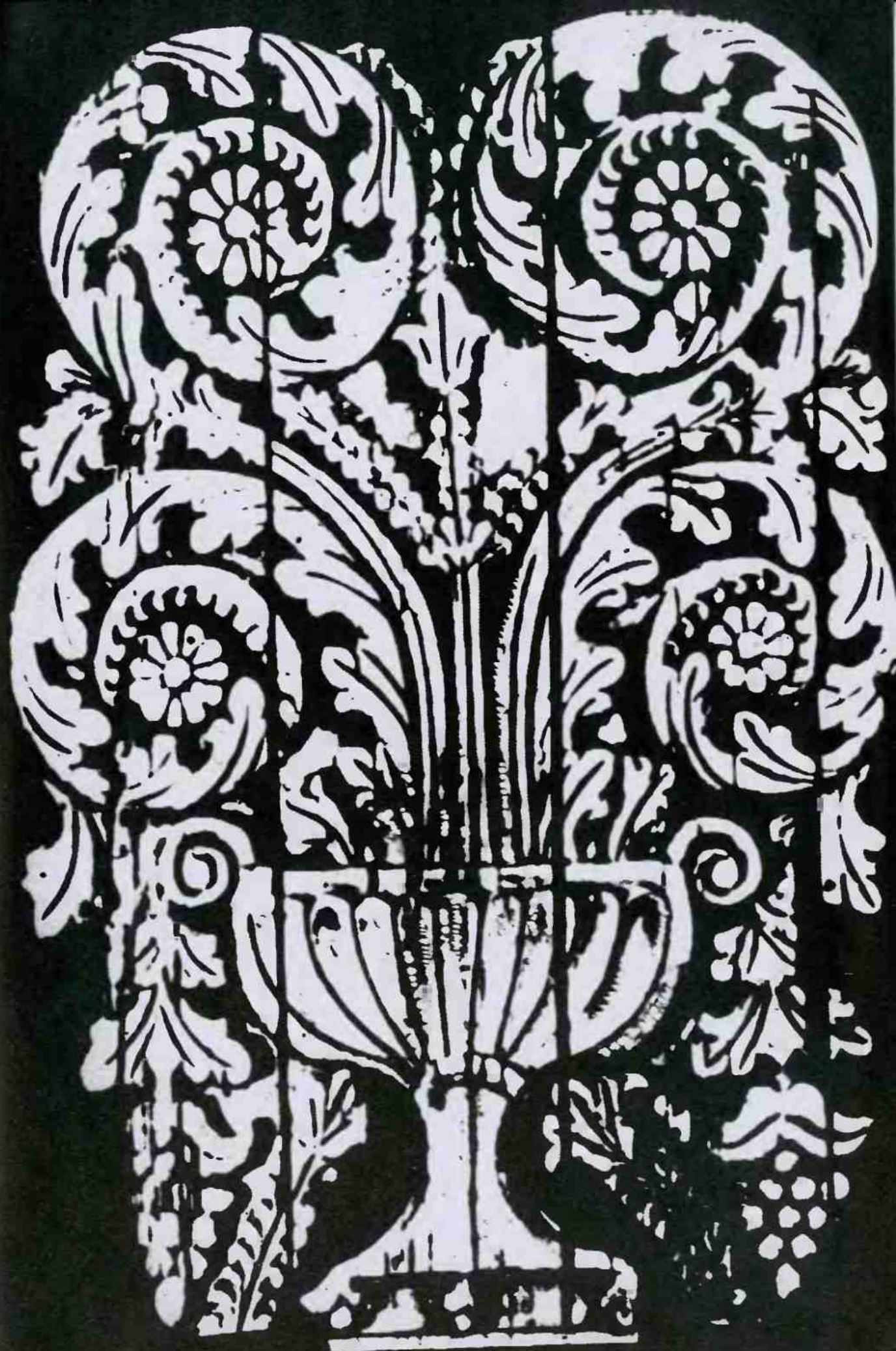
Мудрость народная

свадьба

Мудрость
народная
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

свадьба

**мудрость
народная**
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

**мудрость
народная**
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

ДЕСЯТЬ ВЫПУСКОВ

Под редакцией
В. П. АНИКИНА
В. Е. ГУСЕВА

Н. И. ТОЛСТОГО

Москва
«Художественная литература»

2001

**мудрость
народная**

**ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

**ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ
"ЮНОСТЬ И ЛЮБОВЬ"**

свадьба

**ОТ СВАТОВСТВА
ДО КНЯЖЕГО СТОЛА**

Москва

«Художественная литература»

2001

УДК 882
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6

ИЗДАНИЕ ВЫПУЩЕНО
ПО ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЕ
КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
Ю. Г. КРУГЛОВА

Статья «Свадебный стол в крестьянской избе»
В. М. КОВАЛЕВА И Н. П. МОГИЛЬНОГО

Подбор иллюстраций
В. М. ЖИГУЛЕВОЙ

Оформление
В. М. АЛАДЬЕВА

Фотографии

А. В. РЯЗАНЦЕВА

Фотосъемки произведены в
Сергиев-Посадском государственном историко-художественном
музее-заповеднике.

ISBN 5-280-02287-X

© Издательство
«Художественная литература»,
2001 г.

МУДРОСТЬ И ПОЭЗИЯ НАРОДНОЙ СВАДЬБЫ

1

Свадьба представляет собой одну из самых ярких картин ушедшей народной жизни. Это сложный ритуал, состоящий из обрядовых действий и обрядовой поэзии, выражающий хозяйственные, религиозно-магические и поэтические воззрения крестьян. Но прежде всего народная свадьба — это юридически-бытовой акт. «Брак в народе русском не был делом частным, но делом общественным. Вся община принимала в нем участие; с ее приговора, на ее глазах совершался брак. Из этого не следует, чтобы она стесняла браки; но как скоро брак затевался, то он был делом, в котором принимала участие целая община, соизволяя на него и свидетельствуя о нем»¹. Часто в старой деревне молодоженов, не справлявших свадьбу, не считали мужем и женой, и происходило это, конечно же, не потому, что земляки обижались на «жадность» новобрачных. Свадьба юридически закрепляла (как сейчас это делают загсы) в общественном сознании жителей округи те новые отношения, в которые вступала молодежь.

Свадьба узаконивала не только гражданское состояние вступающих в брак, она юридически закрепляла и хозяйственные, и экономические взаимоотношения двух семей, двух родов, устанавливавших родственные связи. За свадебной игрой надо видеть серьезную суть ритуала, нередко справлявшегося даже вопреки желаниям жениха и невесты.

В самом деле — всегда ли по любви совершались браки? Было бы неверно утверждать, что браки на Руси были только насильственными, любовь, безусловно, служила основанием для браков; но много свадеб совершалось без любви между новобрачными — только лишь по хозяйственной необходимости. «Иногда жених и не знает, — пи-

¹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1861, с. 316.

сал один из корреспондентов «Вятских губернских ведомостей», — что за невесту выбрали ему родители, и беспечно гуляет со своей братией, пока не объявят ему в какое-нибудь воскресенье, что сегодня будут смотрины... Тогда только он спохватится, что дело-то не совсем ладно, что его хотят связать по рукам и ногам. Но делать нечего, парень, почесавши затылок, скажет матери: «Ай-яй, мамка, неохота жениться-то» — и покоряется воле родительской»¹.

Свадьба, зафиксированная этнографами и фольклористами в XVIII—XX веках, отражает эту суровую суть русского брака.

Известны тысячи записей русской народной свадьбы. Каждая запись отличается от другой (а значит, отличаются друг от друга и сами обряды).

Свадьбы в двух рядом расположенных деревнях справлялись в чем-то по-разному. Но в бесконечно большом количестве региональных вариантов можно увидеть сходство, свидетельствующее о внутреннем единстве народной свадьбы.

По ходу совершавшихся обрядовых действий свадьба разделялась на три периода: предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. К предсвадебному периоду относятся сватовство, смотрины, сговор, великая неделя, баня, девичник; к собственно свадебному — обряды, совершавшиеся утром в день свадьбы в семьях жениха и невесты, приезд свадебного поезда в дом невесты, обряд отдавания жениху невесты, отъезд к венцу, приезд после венчания в дом жениха, свадебный пир, подклет; послесвадебный период свадьбы — это обряды утра первого дня после свадьбы, а также обряды, совершавшиеся в течение первого брачного года.

Начало свадьбы — сватовство, во время которого заключалось первоначальное соглашение о будущем браке. Со стороны жениха в дом невесты шли сваты или сват, сваха (это могли быть и чужие, и родственники, и крестные отец и мать). Жених в некоторых деревнях должен был тоже принимать участие в этом обрядовом действии. То, что приходили сваты, узнавалось родителями невесты сразу и без слов по всякого рода знакам (например, сваты садились, как правило, под матицей или вдоль половиц пола).

Если родители невесты были согласны на брак, устраивалось тут же небольшое угощение, в конце которого назначался день смотрин. То есть сватовство не было тем обрядом, на котором решалось окончательно, быть или не быть свадьбе. Если чем-нибудь затем, оказывалось, стороны не подходили друг другу, свадьба «расстраивалась».

Главное назначение смотрин — выяснить хозяйственное благосостояние обеих семей и посмотреть невесту (иногда сватали невесту, а ни жених, ни его родственники до смотрин не видели ее). Как это происходило? Обычно через несколько дней после сватовства родственники невесты (отец, мать, братья и др.) ездили «смотреть место» (хозяйство жениха): осматривали каждый уголок — что есть в доме, на дворе, какое хозяйство и пр. Часто при этом ходили спрашивать о достатке будущих родственников соседей, так как бывали случаи, когда ко дню смотрин сторона жениха собирала себе в дом и на двор по деревне посуду, лошадей, коров, овец и т. д.,

¹ Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде. — Вятские губернские ведомости, 1861, № 2.

чтобы не показаться бедными. В доме невесты происходили тоже «смотрины» достатка ее семьи. И ее выводили на смотр. Невесту просили пройти по комнате (не хромая ли?), сказать какую-нибудь фразу (не немая ли?), смотрели, не кривая ли, просили показать свое рукоделие (умеет ли что делать?) и т. д.

Смотрины, как и сватовство, не означали окончательного решения о том, быть или не быть свадьбе. Иногда именно после смотрин, познакомившись друг с другом, или обе стороны, или одна из них отказывались от брака. Если же смотрины удовлетворяли обе семьи, назначалось рукобיתье — один из главных компонентов свадьбы.

На рукобיתье, которое обычно происходило в доме невесты, решались многие важные вопросы: договаривались о приданом невесты и о «кладке» за нее, определяли, какие дары должна дать сторона невесты родственникам жениха, распределяли затраты на свадьбу и, наконец, назначали день свадьбы. Если по всем пунктам стороны приходили к согласию, совершалось рукобיתье — юридически-бытовой обряд, который означал принятие обеими сторонами окончательного решения о свадьбе. После этого, если одна из сторон отказывалась от свадьбы, она возмещала убытки другой (иногда даже через суд).

Название обряда происходит от названия действия, положенного в его основу: отец невесты и отец жениха обычно «ударяли по рукам», как бы скрепляя этим сделку. На рукобיתье приглашались близкие и дальние родственники как жениха, так и невесты, поэтому обряд получал широкую огласку. Устраивалось небольшое угощение.

После рукобיתья наступала «великая неделя». Ее назначение было также чисто практическое, хозяйственное, поэтому она могла длиться не обязательно неделю, но и меньше и больше — даже более двух-трех месяцев. Это зависело от того, как быстро обе стороны приготовятся к свадьбе: сварят пиво, брагу, закупят вино, съестные припасы, как быстро сторона невесты соберет приданое и т. п.

Во время великой недели невеста ходила причитать на улицу, прощаясь с соседями, деревней, рекой, лесом, полями; если была сиротой, ходила на кладбище просить благословения у умерших родителей; с подругами ходила по деревне и созывала гостей на свою «слезливую свадебку». В великую неделю совершалось еще два важных обрядовых действия: баня и девичник.

На девичнике невеста прощалась с «дивьей красотой» — символом девичества. Этот обряд в основе своей тоже юридически-бытовой, так как знаменовал собой конец определенной части жизненного пути человека. На Севере дивью красоту символизировали ленточки, выплетенные из косы невесты; в части среднерусских и в южных губерниях дивью красоту символизировало украшенное деревце (елочка, сосенка, например).

Но прощание с дивьей красотой — производный обряд от другого, пожалуй самого главного, обряда девичника — расплетания косы невесты. Девушки на Руси, в отличие от женщин, носили косу. Поэтому расплетание ее прямо указывало на скорое изменение в жизни девушки: она должна была стать женщиной, женой, матерью.

В день свадьбы также совершался ряд важных юридически-бытовых обрядов. Центральными обрядами дня свадьбы являются: отдавание невесты жениху за стол, окручивание невесты, принятие молодой в доме мужа и подклет (т. е. брачная постель).

Обряд отдавания невесты жениху за стол происходил в торжественной обстановке, в присутствии большого стечения народа: в дом невесты прибывал свадебный поезд с женихом, для которого выкупалось место, и тут — уже наряженную — невесту выводили из другой комнаты за руки (выводить мог отец, крестный или крестная) и на глазах у всех (смотрите, мол, честь по чести выдаем!) передавали в руки жениха. Затем он вел ее за свадебный стол и, усаживая рядом с собой, непременно наступал невесте на ногу, выкалывая тем самым уже вступившее в силу свое право на нее. Общий хор именно в эту знаменательную минуту затягивал песню:

Ягода с ягодой сокатилася,
Ягода ягоде поклонилася,
Ягода ягоде в глаза зазрела,
Ягода с ягодой в уста целовалася!

Это и есть центральный обряд всей свадьбы в целом. Он знаменовал то, что затем повторяло венчание: именно после совершения этого обряда жених мог называться мужем, а невеста — женой. После венчания в церкви происходило окручивание молодой: расплетенные накануне волосы невесты свахи заплетали в две косы и надевали ей на голову «бабью кичу» — женский головной убор. Как писал крупнейший знаток свадебных обрядов Е. Кагаров, этот обряд — «акт принятия новобрачной в половозрастную группу замужних женщин»¹.

То же юридическо-бытовое значение имели и некоторые другие обряды дня свадьбы, в том числе обряды: принятие молодой в доме мужа и «подклет».

Послесвадебные обряды уже не имели решающего юридическо-бытового значения. Утром на следующий день молодых будили и вели в баню. В это утро было много шуток, комических сценок: молодую заставляли носить воду, мести осколки разбитой посуды, в которые бросали деньги, и т. д.

В первый день после свадьбы многие рядились: в старика, старуху, животных, птиц. В последующие дни ничего существенного не происходило. Молодые ездили в гости к своим родственникам, у которых устраивались небольшие гулянья.

Таков ход народной свадьбы, ее хозяйственное, юридическо-бытовое значение. Но была у нее еще одна важная функция: ее обряды обеспечивали «безопасность» заключения брака, защищали начало жизни молодых супругов от потусторонних, враждебно настроенных к жениху и невесте сил. На свадьбе совершалось огромное количество магических обрядовых действий: одни ограждали жениха и невесту от сверхъестественных сил (так называемые профилактические обряды), другие стремились обеспечить им богатство, любовь, здоровье (продуцирующие). Для того чтобы отпугнуть злые силы, на свадьбах, например, открывали стрельбу из ружей, звенели металлическими предметами, разбивали посуду, щелкали кнутами. Таковы же обряды с веником (перед невестой, идущей в баню, мели дорожку веником; свадебный поезд, отъезжавший к венцу, обметали веником, и т. д.), обряд махания или качания (дружка шел впереди молодых и размахивал плат-

¹ Кагаров Е. Состав и происхождение свадебной обрядности. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929, т. VIII, с. 186.

ком, отгоняя нечистую силу), обряд вбивания гвоздей (в стену, около которой сидели новобрачные, вбивали деревянные гвозди, якобы приковылавшие злое начало жизни); с этой же целью заставляли кричать на свадьбе петуха (пенье петуха отвращало, по поверьям, потусторонние силы) и т. д.

Духов зла стремились обмануть, и для этого, например, изменяли внешность как новобрачных, так и других участников свадьбы: гости мазали лица сажей, жених и невеста часто переодевались. Существовал также обычай выставлять мнимых невест: жениху предлагалось угадать в ряду переодетых девушек свою суженую. В разговорах на свадьбе нередко употреблялись иносказания, чтобы ввести в заблуждение злые силы. Все отверстия в доме прочно затыкали, чтобы укрыть от них новобрачную, ее голову предусмотрительно покрывали большим платком, полотенцем, фатой; существовал также обряд покрытия новобрачным рук.

С той же целью существовали запреты жениху и невесте разговаривать во время свадьбы и требование воздержания от еды (ею колдун мог «испортить» молодых); запрещалось произносить вслух имена жениха и невесты. Для совершения свадебных обрядов избегали несчастливых дней (свататься или заключать брак во вторник или в пятницу считалось плохой приметой) и др.

Продуцирующие обряды обеспечивали чадородие и богатство молодым. К ним относились обрядовое купание невесты накануне венчания в бане (вода «животворяща и плодородна»), осыпание молодых зерном: пшеницей, овсом, житом, рисом и хмелем, чтобы молодые были так же плодovitы, как эти растения, лизание молодыми соли (соль, считалось, поднимала плодородие и способствовала беременности), сажание на колени новобрачной мальчика или куклы (мальчика сажали, чтобы первым ребенком в семье был мальчик). К этим же обрядам относится постилание соломы, снопов или сена в избе, насыпание в обувь жениху и невесте мака или какого-нибудь зерна, использование шубы в качестве обрядовой одежды, ритуальное бичевание (удар «розгой жизни»), угощение яблоком или другой обрядовой едой — кашей, яичницей, разбивание посуды («сколько черепков, столько ребят молодым!»), обрядовое сквернословие и др.

Часть обрядов была направлена на то, чтобы укрепить любовь новобрачных: смешение вина жениха и невесты (невеста наливала из своего стакана вино в стакан жениха, и наоборот), еда и питье новобрачных из одной посуды, прикасание молодых головами, изображение пары голубков на каравае или на другой обрядовой еде, совместное глядение в зеркало, связывание жениха и невесты платком, соединение караваев, хлебов жениха и невесты, обход невесты вокруг жениха, угощение жениха пирогом, лежанием за пазухой у невесты.

Чтобы обеспечить чадородие, богатство, счастье гостям и участникам свадьбы, девушки, участвовавшие в «баенном» обряде, окроплялись водой, оставшейся после омовения невесты (считалось, что эта вода способствовала их здоровью; по другим поверьям, девушки после этого скорее выходили замуж). А для повышения плодovitости домашних животных и плодородия полей устанавливали постель новобрачных в хлеве или близко от него; остатки свадебного кушанья иногда разбрасывали по полю.

Было, конечно, огромное количество и других магических обрядов, привести хотя бы малую их часть здесь нет возможности. Но и то, что уже сказано, свидетельствует об их важной роли на свадьбе.

Свадебные обряды всегда выполнялись под речитативный, хоровой или сольный аккомпанемент традиционных приговоров, причитаний, песен. Следует отметить многофункциональность свадьбы, обусловленную ее ритуальной, юридическо-бытовой, магической и эстетической сущностью. Все три вида свадебного фольклора различаются между собой вполне определенно. Приговоры являются словесно-драматическими, причитания — словесно-музыкально-драматическими, а песни — словесно-музыкальными произведениями. Исполнители свадебных приговоров разыгрывали их, активно используя жест, и мимику, и интонацию. Вопленицы, причитая на свадьбах, также пользовались средствами исполнительского искусства.

Во всей своей первозданной красоте, подлинности и достоверности перед нами предстает отнюдь не театральное искусство, а обрядовая поэзия. Главное в ней — слово, произносившееся или певшееся не столько ради эстетического наслаждения, сколько ради удовлетворения практических, хозяйственных нужд человека. Степень проявления драматического начала в разных жанрах различна. Это может быть и монолог-обращение, и целое ритуальное представление.

Приговоры, причитания и песни не изолированы в обряде друг от друга. Причитание вызывало необходимость исполнения песни, песня, в свою очередь, обуславливала исполнение или другой песни, или причитания, или приговора. И рождалось обрядовое действие, а как следствие этого даже песни воспринимались как необходимый элемент ритуального представления.

Приговоры на свадьбе исполнял преимущественно дружка, хотя «приговаривали» и некоторые другие ее участники — сват, сваха, родители жениха и невесты и т. д. Обрядовая и поэтическая сущность приговоров дружки во многом объясняется его ролью в свадьбе: он был защитником жениха и невесты от сверхъестественных сил, распорядителем в обряде и шутом-балагуром.

В дружке обычно выбирался человек, умевший противостоять колдунам, и его приговоры были направлены против их козней. Например, перед отъездом свадебного поезда в дом невесты дружка заклинал дом жениха: «Будь наша хоромина пресветлая, благословенная: каждая дырочка, каждая щелочка, со дверьми, с окошечками, со бревешечками; кругом нашей хоромины каменная ограда с железным тыном!» В таких приговорах угадываются черты заклинаний и заговоров.

Вместе с тем приговоры рассказывают о том, как избирался дружка, как набирался состав свадебного поезда, как родители жениха угощали свадебжан обрядовой едой, как свадебный поезд во главе с дружкой отправлялся за невестой, как встречали его у ворот и в доме невесты, как отдавали жениху невесту, ехали под венец, возвращались в дом жениха, как проходил свадебный пир и т. д. По приговорам можно в деталях восстановить ход той части свадьбы, в которой принимал участие дружка, являвшийся не столько комментатором, сколько инициатором многих обрядовых действий.

Магическое, ритуальное значение приговоров тесно связано с игровым. Сочетание серьезного и комического — один из самых ярких их признаков. Обрядовая действительность представляется в них то в идеальном, то в фантастическом, то в реальном, то в балагурно-шутовском плане. Дом невесты, например, мог изображаться как новый высокий терем, в который можно попасть по кленовой лесенке через двери с хрустальными ручками, — и

вдруг дружка заявлял, что у дома невесты «ступеньки редки, крыльцо высоко, двери узки» и т. д., а сам он, поднимаясь по дубовому крыльцу, «на первую ступень ступил — ступень обломилась, на вторую ступил — опять обломилась, на третью ступил — и третья обломилась». И тут же обращался к родителям новобрачной: «Сват и сватья! Есть ли в доме яры собаки? Ярых собак садите на цепь, стариков-колдунов, петухов-клевунов, баб бранливых пихайте на печь!»

Самая колоритная фигура приговоров — сам дружка. Перед нами — мастер на все руки, талантливый, серьезный и веселый человек. Дружка — «легкая ножка», у него сердце с покором (покорное), голова с поклоном, голос у него приветливый, он остро слов. Но дружка может быть и грозным, опасным. «Если не откроете ворота, — предупреждает он, — то я скóкну, ворота ваши за скобы возьму и их с крючьев сорву!» Черты разбойника переплетаются с фантастическими деталями. Например, накупив и куниц, и лисиц, и красных девиц, дружка «на коня садится — конь веселится, по полю едет — земля дрожит». Но рядом и вполне реальные черты крестьянина. Рассказывая о своей жизни, он признается: «А мы живем — слава Богу! У нас живы быки и коровы...»

Приговоры давали яркому исполнителю простор для выдумки и импровизации, что позволяло выходить за границы обряда: в них появлялись, хотя и редко, социальные мотивы. Из самохарактеристики дружки можно узнать, что его житье-бытье бедное: за свою жизнь испытал он много «скуды и беды» — так много, что и не знает, куда от них сбежать. Примета таких самохарактеристик — четкая социальная противопоставленность. Дружка жалуется: «Богатые люди пиво да вино пьют, а меня, бедного, только по шее бьют!»

Композиционная форма приговоров — монолог. Приговоры дружки исполнялись всегда от первого лица единственного числа. Если дружка обращался к кому-либо из участников ритуала, то возникал диалог, придававший обряду свадьбы характер драматического представления. В основе приговоров дружки лежит сказовый стих.

От приговоров отличаются причитания. Они исполнялись речитативом — своеобразным говорком с ясно выраженным декламационным началом. В них есть мелодия, хотя и слабо выраженная, чего нет в приговорах. Большую роль в исполнении причитаний играли драматические элементы: всхлипывания, оханье, аханье, эмоционально ярко окрашенные вопросительные и восклицательные интонации, обращения, поклоны и т. д. Это объясняется тем, что причитания изображали только трагическое в жизни. Поэтому для них характерно сильно выраженное лирическое начало, очевидно исконное в них.

В центре свадебных причитаний — судьба девушки, насильно выдаваемой замуж за нелюбимого человека¹. Весь свадебный обряд, все свадебные отношения, все участники свадьбы — в поле зрения невесты. Как только она узнавала о том, что свадьбе быть, начинала причитать — «вопить», «выть». Эти термины точно отражают сущность самого исполнения причитаний и их содержания. «Плач великий» стоял на свадьбе до венчания, до «окручивания». И это естественно. Невеста должна была рассказать о своем горе, о нежелании выходить замуж за «злодея добра молодца», похвалить

¹ При этом надо иметь в виду, что девушки, выходя замуж по любви, все равно должны были причитать: они как бы разыгрывали роль.

девичье житье и поругать «бабью жизнь», возвысить родной дом, улицу, деревню и унижить «чужу сторону». Но свадебный этикет позволял это делать до определенного предела: после того как невеста отдана в руки жениха и «окручена», причитать возбранялось.

Естественно, что в причитаниях изображены окружавшие невесту участники обряда. Это и родимые батюшка и матушка, и милые подруженьки, и храбрый дружка, и грозный тысяцкий... Но рядом с ними — персонажи-символы, персонажи-олицетворения, конкретизировавшие такие явления, понятия, как бабья неволя, смерть, горе и т. д. Смерть, например, представляла в образе старухи или в виде какого-нибудь зверька, птицы.

Причитания имеют довольно сложную поэтическую структуру. Их композиционная форма — монолог. Форма исполнения — от первого лица единственного числа. Обычно невеста сама рассказывала о своем горе, о своих думах и надеждах. В некоторых же местностях (особенно на Севере) от имени невесты причитания исполняли вопленицы (или, как их еще называли, «вытницы», «плакальщицы» и т. д.). Известна также хоровая форма исполнения причитаний: вместе с невестой или без нее, но от ее имени причитали подруги.

Свадебные песни, в отличие от причитаний и приговоров, не представляют собой единое целое. В зависимости от обрядового назначения они подразделяются на несколько жанров: на ритуальные, заклинательные, величальные, корильные и лирические песни.

Ритуальные песни выполняли в свадьбе очень важную роль: с их помощью формировались и реализовывались сами свадебные обряды. В свадьбе донских казаков, например, существовал обряд перевоза (переноса) приданого невесты в дом жениха. Когда наступало время совершения этого обряда, хор пел:

Сестрицы-подружки,
Сестрицы-подружки,
Несите подушки!
Сестрицы Катерины,
Несите перины!¹

И девушки — подруги невесты — отправлялись с «подушками» и «перинами» в дом жениха.

Ритуальные песни исполнялись в начале многих важных обрядовых действий свадьбы: они определяли время отправления свадебного поезда за невестой, извещали о приезде молодых к дому жениха, вызывали его родителей встретить новобрачных, приглашали к свадебному столу гостей, отправляли молодых на подклет, объявляли о конце свадебного гуляния и т. д.

¹ Поскольку главная задача ритуальных песен заключалась в том, чтобы сформировать обряд, обрядовое действие, в них нет изображения человека, взаимоотношений участников свадьбы. Они мало обращали внимания и на окружавшую крестьянина обстановку, на мир природы. Именно поэтому в песнях нет ни развернутых описаний природы, ни картин народного быта.

Ритуальные песни исполнялись хором. Хор являлся активным участником обрядов. Исполняя песни, он выступал в обряде как бы в роли режиссера, создавал, направлял течение обряда, советовал, приказывал, приглашал

Л и с т о п а д о в А. М. Песни донских казаков, т. 4. М., 1953, № 80.

и т. д. Он всегда обращался к кому-нибудь из участников обряда, благодаря чему возникали драматические сценки-диалоги.

Оригинальный жанр свадебной поэзии — заклинательные песни. Целе-направленность песен-заклинаний — в стремлении «воздействовать на то или иное явление природы, от которого ожидалась помощь в трудах земледельца, на тот или иной заповедный предмет, которому приписывалось магическое значение, на неведомую силу-судьбу, распорядившуюся счастьем человека в его личной жизни»¹. Эта особенность заклинательных песен объясняет их древнее происхождение и отличает от других жанров свадебного фольклора. Человек обращался к сверхъестественным силам, умолял, просил, требовал от них помощи. Певцы заклинали сверхъестественные силы сделать свадьбу «крепкой», «долговечной» и конкретизировали свою просьбу, прося четыре «границы жизни»: «первую грань — на любовь, на совет, другую грань — на долгий век, третью грань — на хлеб, на соль, четвертую — на детушек».

В песнях высказывались и другие просьбы, чаще всего о благополучном начале или завершении, например, свадьбы в целом, когда просили благословить «игру заигрывать, игру веселую, свадьбу хорошую», или отдельных обрядов — например, когда просили магические силы помочь свахе «косу расплести, Натальину косу, Михайловны русу!». Как и ритуальные, заклинательные песни исполнялись хором, как правило от первого лица множественного числа. Обычно хор обращался к христианским святым — покровителям новобрачных Кузьме и Демьяну.

О величальных песнях говорит их название — ими величали участников свадьбы. Песни желали им богатства, здоровья, красоты, счастья.

Адресатами песен являются две группы участников свадьбы: свадебные чины (жених, невеста, тысяцкий, дружка, большой боярин, средний боярин, подружье, поезжане, сваха, сват и т. д.) и гости новобрачных. В их изображении отразились народные представления о человеческой красоте и нравственности.

Вот, например, каков величаемый добрый молодец — крестьянский парень. Песни обращают внимание на его внешность, и прежде всего — на волосы. Они кудрявые, длинные, «по плечам висят» и «как жар горят». Молодец, сидя перед зеркалом и любясь собой, расчесывает их; но за ними ухаживают и другие: мать, сестра, реже — красная девица. Волосы вызывают восторг у окружающих. Ими любуются, например, специально съезжающиеся для этого купцы: «С городов купцы съезжались, на его кудри дивовались...»

У обладателя великолепных волос должно быть прекрасным и лицо. Поющие величальные песни задаются, например, вопросом: кто из сидящих на свадебном пиру лучший, кто всех «красовитей»?

Николай из нас лучший, Лукич красовитей:
Личико белого снегу, щечки-то алые —
Алей маку алого, алей огородного!

Но песни фиксируют внимание и на походке (походка у молодца обыкновенно «павлинная») и тщательно изображают его одежду. Молодец умеет одеваться: у него самые дорогие и самые модные вещи («заморские»), он

¹ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, с. 33.

носит их с шиком. На его шапочку дивуются съезжающиеся специально полюбоваться ею бояре: стоит она «семьсот золотников, пятьдесят подузорничков»! Эту шапочку молодцу подарил сам царь, когда ездил в Орду брать за себя замуж царевну...

Внешность, одежда подчеркивают исключительность молодого человека, его высокие человеческие качества. Он умен, речист и щедр: может «по городу ходить, полтиною по городу швырять, пятаками дорогу устилать, по червончику в окошечко бросать». Он любит ходить по пирам, по сговорам, по девичникам, чтобы послушать хорошие песни. Его все любят.

Молодец — сын уважаемых родителей; ему пророчат великое будущее, предрекают карьеру: «Всеволоду Петровичу быть воеводой, что носить ему шубу соболью!»

Так же возвышенно изображаются и другие участники свадьбы. Их идеализированные портреты — не что иное, как народное представление о том, каким должен быть человек, как он должен жить, каковы должны быть его взаимоотношения с окружающими людьми.

Предметный мир величальных песен строго определен: это богатые, роскошные и модные предметы, вещи, драгоценности и прочее — зеркала, жемчуг, золото, серебро, хрусталь, дорогие меха, шубы и т. д. Тот идеальный мир, который изображается в них, кажется вечным, незыблемым, вневременным. Движение времени в величальных песнях не ощущается, да и откуда ему быть? Ведь в них нет изображения таких событий, которые могли бы потрясти этот мир или как-нибудь его изменить; нет в центре величальных песен и изображения такого человека, духовный мир которого был бы противоречив; психологическая напряженность в величальных песнях отсутствует.

Песням-величаниям противостоят в обряде корильные песни: их пели, чтобы создать комическо-сатирический портрет величаемого, посмеяться над человеческими пороками.

Как и в песнях-величаниях, в корильных главное — изображение человека: рисуется внешность персонажей, их одежда, показывается отношение к ним окружающих и т. д. Но если в песнях-величаниях все идеализируется, то в корильных — все изображается гротескно. Красивые, богатые, модно одетые, умные, щедрые персонажи величальных песен в корильных превращены в нищих, воров, обжор, пьяниц, дураков. Один и тот же участник свадьбы существует в обряде как бы в двух прямо противоположных измерениях. Сват на свадьбе, например, одно из самых почитаемых лиц; в песнях-величаниях он рисуется умным, хитрым, мудрым человеком, в корильных же он — воплощение тупости, бестолковости. В одной из песен рассказывается о том, как сват заблудился, привел свадебный поезд не к невесте во двор, а в огород, где полил капусту пивом и молился не на икону, а на вереву, прося ее указать дороженьку, как «по невесту ехать...».

Соответствует персонажам корильных песен и фон, на котором они изображены. В величальных песнях раскрываются просторы вселенной: звезды, солнце, месяц; приметы больших городов: терема, широкие дороги и т. д.; громадные богатства и прекрасные одежды величаемых; в корильных же раскрывается мир суженный, заземленный, бедный. И детали этого мира соответствуют ему. Корильная песня активно использует, например, приметы не городского, а деревенского быта, причем нередко заглядывает в его темные уголки. В песнях часто упоминаются рогожи, лопаты, дубины, веретена, треухи, безмены, тряпки, коромысла, лоханки и т. д.; живот-

ные: собаки, кошки, поросята и т. д. Разумеется, все эти детали необходимы для того, чтобы оттенить наиболее непривлекательные качества адресатов корильных песен и выразить к ним отрицательное отношение. Противопоставление корильных песен величальным можно объяснить как их древним магическим назначением (словом заклинали и богатство, и несчастье), так и обрядовой ситуацией: традиция исполнения величальных песен на свадьбе требовала вознаграждения, если же величаемый оказывался скуп или по какой-нибудь другой причине не одаривал певцов, то его в наказание корили.

Если в центре внимания ритуальных и заклинательных песен были обрядовые действия, величальных и корильных — участники свадьбы, то в лирических песнях главным стало выражение определенных обрядовых чувств и настроений.

По эмоциональному содержанию свадебные лирические песни подразделяются на две противоположные группы. В основе этого разграничения два взаимоисключающих отношения к свадьбе — отрицательное и положительное. Свадебные события, изображенные в обеих группах песен, можно расположить в определенном порядке: они дают представление о взаимоотношениях новобрачных до свадьбы, во время свадьбы и после нее в соответствующей последовательности и оценке.

В первой группе песен главным действующим лицом является невеста. Все события, связанные с ее судьбой, подаются через ее отношение к ним. Назначение этих песен в том, чтобы как можно ярче, глубже и эмоциональнее представить трагическую судьбу девушки-невесты. Не подозревающая ничего плохого, пляшущая в хороводе красная девица насильно выдается замуж за разбойника-погубителя. Самая последняя песня, которая венчает эту группу, рассказывает о просьбе молодой жены к матери: «Выкупи меня, матушка, из неволи!» — «Что будет дать, дитятко?» — «Сто рублей...» — «Негде взять, дитятко».

В песнях другой группы девушка-невеста по своему характеру и поведению совершенно иная. Сокол-молодец летит через ее терем, роняет кольцо и просит поднять его, но она отказывается это сделать, так как спешит в церковь высматривать женихов. Или: молодец спрашивает у девушки дорогу к ней в терем, а она ему с достоинством и вместе с тем лукаво отвечает:

Ох ты глупый добрый молодец!
Уж какая в терем дороженька?
Дороженька в чисто поле —
Широкое, прероздольное!

Девушка с радостью встречает весть о том, что родители «наградили» ее женихом; она скучает по нему, просит девушек погромче петь, когда он придет, чтобы ему было весело; она радостно встречает его, легко покидает свой родной дом, не испытывает тревоги; идет в семью мужа, не боясь его родителей — лютых свекра и свекрови. И окончание взаимоотношений между женихом и невестой иное. Когда молодец, уже муж, спрашивает молодую жену, кто ей мил больше всех из роду, она отвечает: «Мне мил-милешенек Иванушка в дому!» — «Это-то, Машенька, правда твоя, это-то, Машенька, истинная!»

Почему же свадебные лирические песни так противоречиво оценивают свадьбу? «Провести грань между подлинным чувством и чувством, заказан-

ным обрядовой традицией, в свадебной игре бывает чрезвычайно трудно»¹. Всегда ли в песнях высказывалось то, что на самом деле чувствовала та или иная невеста? Нет, конечно. Ведь обряд требовал отдать дань уважения семье, в которой выросла «княгиня первобрачная», но в то же время песни не должны были оскорблять и чувств той новой семьи, что после свадьбы становилась ей родной. Кроме того, песни обязательно должны были эмоционально настроить невесту, подготовить к серьезному изменению в ее жизни — переходу от беззаботного, вольного «девичья» житья к тяжелой безрадостной «бабьей» жизни. Песни, таким образом, играли важную роль в формировании у новобрачной нового, положительного, отношения к своей будущей жизни. Ход свадьбы в эмоциональном плане был очень неровен: веселье в обряде перемежалось с трагическим, шла борьба между трагическим и оптимистическим началом, в конце концов конфликт исчерпывался и свадьба заканчивалась всеобщим весельем. Большую роль, если не первую, играли в этом лирические песни.

3

Очерк русской свадьбы не полон без обращения к истории ее бытования.

В записях свадьбы XVIII—XX веков сохранились многие реликты историко-правовых форм брака в родовом обществе, а определенная часть магических обрядов могла возникнуть в те далекие времена, когда человек стоял только в начале долгого пути познания мира.

В XIX веке широко, например, бытовал обычай, требовавший, чтобы все члены свадебного поезда (мужчины) перед первой брачной ночью лежали на приготовленной для новобрачных постели. Существовал также обычай, согласно которому невеста, приехав от венца в дом жениха, должна была поцеловаться со всеми его родственниками. Оба эти обычая, несомненно, являются отголосками первобытного группового брака, когда невеста принадлежала не только жениху, но и всем мужчинам рода.

Есть отголоски древнего брака-умыкания. В песнях и причитаниях нередко изображается ситуация, когда невеста, узнав о приезде жениха, просит родителей, подружек спрятать ее от него — погубителя, разорителя, разбойника. «Повесть временных лет» свидетельствует, что у восточных славян брак-умыкание был широко распространен. Так, древляне попросту «умыкали девиц у воды», а радимичи, вятичи и северяне «умыкали себе жен по сговору с ними». Эта форма брака прошла через века, отголоски ее встречались и в начале нашего столетия.

Но больше всего в свадьбе сохранилось свидетельств о существовании брака «купли-продажи». Довольно широко, например, еще в XIX веке был распространен на свадьбе обычай «кладки»: сторона жениха должна была дать семье невесты выкуп за нее. Кладка могла состоять из определенного количества денег и одежды для невесты. Кладка затем становилась собственностью невесты. Но это, вероятно, позднейшая модификация обычая: зачем семье жениха давать деньги или покупать одежду будущему своему члену семьи, непременно фиксируя это в свадебном обряде?

¹ С о к о л о в Ю. М. Русский фольклор. М., 1941, с. 165.

И конечно же, о браке «купле-продаже» красноречиво говорит обряд сватовства. Во многих деревнях сваты представлялись купцами, предлагали родителям невесты купить у них «товар» («У нас — купец, у вас — товар»).

В свадьбе есть отголоски верований человека: в культ предков, в культ очага, в демонические силы, способные принести вред молодым, и т. д. Весьма распространены в свадьбе обряды, связанные с печью. По древним представлениям, очаг (позднее — печь) — обитель духов родовой общины, поэтому, когда сваты приходили в дом невесты в первый раз, они обязательно прикасались руками к печи, чтобы привлечь на свою сторону эти магические силы; когда сваты уходили, то, наоборот, семья невесты должна была как можно дальше отойти от печи, ибо за прием в дом «чужого» духи могли рассердиться. Когда же невеста после венца приезжала в дом жениха, она должна была приобщиться к домашнему культу рода-семьи мужа. Это опять был или обряд с печью, или обход вокруг стола, заменивший когда-то у русских представление об очаге.

Любопытен еще один обряд. Новобрачным, особенно невесте, на некоторых свадьбах запрещалось наступать на порог: его можно было только перешагнуть. Невеста не могла коснуться его даже одеждой. Запрет наступать на порог объясняется древними формами погребения: умершего хоронили под порогом дома и он был как бы защитником семьи, но в то же время мог и наказать тех, кто плохо к нему относился (наступил на порог, например).

Широко распространен был на Руси обычай причитания невесты на кладбище, когда она призывала на свою «свадебку» умерших родителей.

Как видим, в русской свадьбе, которую мы знаем по записям XVIII—XX веков, много от далекого прошлого. Многие обряды и обычаи, несомненно, идут из первобытнообщинного строя, но в том облике, в котором она дошла до нас, свадьба сложилась гораздо позднее. Ход русской традиционной свадьбы можно считать устоявшимся начиная с XIV века. Об этом говорит, например, описание свадьбы одной из дочерей Ивана III с князем В. Холмским, состоявшейся в 1500 году. «Урядить свадьбу, — пишет один из немногих исследователей истории свадебной обрядности А. И. Козаченко, — велено было по твердо установившемуся обычаю... как велось исстари, при князе великом Симеоне Ивановиче <Гордом, 1340—1353>, при великом князе Василье Васильевиче <Темном, 1425—1462>, при отце великого князя <Ивана III, 1462—1505>... не поруша ни в чем»¹. Описание же свадьбы между литовским великим князем Александром Казимировичем и дочерью Ивана III Еленой Ивановной обнаруживает почти все составные части традиционной народной свадьбы: сватовство, смотрины, сговор, расплетание косы и возложение бабьей кики, баня и др.

Традиционная свадьба не могла оставаться неизменной. Проникновение капитализма в деревню исподволь разрушало старинный брак, строившийся на чисто хозяйственной основе — по договору: сначала в городе, а затем в деревне стало расти число браков, заключавшихся преимущественно по любви и не отягощенных экономическими соображениями. Процесс, начавшийся в XVIII—XIX веках, завершился в XX веке, а точнее, в 20—30-е годы: новое время в принципе подорвало основы старого брака. Подавляющее число браков уже с начала XX века стало заключаться по любви, и

¹ Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда. — Советская этнография, 1957, № 1, с. 66.

уже не было необходимости в традиционных обрядах — они стали или модернизироваться, или исчезать. Исчезновение шло более активно, чем модернизация: после Октябрьской революции юридическо-бытовая функция перешла к советским учреждениям (загсы, сельсоветы); восприятие магического назначения свадьбы, ослабевавшее с появлением в деревне новых веяний, нового мировоззрения, не устояло в беспощадной борьбе с самими обрядами, объявленными воинствующими атеистами «религиозным дурманом». Если где-то и сохранялись свадебные обряды, то это были отдельные свадебные обрядовые действия, в основном ритуально-игровые или магические (осыпание зерном, стрельба из ружей и проч.), и участниками свадьбы они воспринимались как игра, шутка. Все попытки возродить народную свадьбу, как, впрочем, и создать новую, советскую, свадьбу, оканчиваются неудачей. Но мы не должны огорчаться из-за этого. У нас есть тысячи и тысячи великолепных описаний старинной свадьбы, передающих ее красоту, мудрость и оригинальность. Только небольшая их часть издается в этой книге, но и по этим публикациям можно убедиться в том, как талантлив и щедр народ, как сильно бился в нем родник творчества, как умел он не только растить хлеб, строить избы, защищать родную землю, но и создавать духовное, праздничное, трагическое и светлое искусство.

Ю. Круглов

СВАДЬБА

*ВЫБИРАЙ ЖЕНУ
НЕ В ХОРОВОДЕ,
А В ОГОРОДЕ*

СВАТОВСТВО
СМОТРИНЫ
РУКОБИТЬЕ
МАЛЬЧИШНИК
ДЕВИЧНИК
БАНЯ
СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД
ВЕНЧАНИЕ
СВАДЕБНЫЙ ПИР
КНЯЖИЙ СТОЛ
ОТВОДИНЫ

НАРОДНАЯ СВАДЬБА В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СОВЕЩАНИЯ В СЕМЬЕ ЖЕНИХА

ЩЕ С ОСЕНИ В КАЖДОЙ СЕМЬЕ, где есть холостой взрослый парень, решают: в этом мясоеде его женить или погодить до следующего. Иногда, если парень «озорной да непокорливый», если он «не в семью, а из семьи тащит», — в наказание за озорство женитьбу откладывают. Если же решат поженить молодца, чтобы «не баловался» (так обыкновенно мотивируют необходимость женитьбы), то парень начинает «гулять» по беседам и свозам, высматривая «помысленную», если только это уже не было сделано ранее, что, особенно в последние десятилетия, бывает гораздо чаще. Прогулявши достаточно, в конце святок парень заявляет своим родителям о сделанном выборе. Обсуждать выбор невесты приглашаются крестный отец и крестная мать жениха, родные тетки и иногда другая ближняя родня — составляет семейный совет. Если найдут, что невеста «стоящая» и «не лихова отца-матери дочь», то

Фрагмент женского головного убора. XIX в. Архангельская область

определяют время, когда ехать свататься. Тогда же решают вопрос о том, сколько можно дать «на стол», то есть вывода за невесту, и сколько взять приданого. Конечно, эти советы не обходятся без споров между родителями и детьми, главным образом из-за бедности невесты¹, но по большей части, особенно в последнее время, все делают так, как хочет парень.

СВАТАНЬЕ

В назначенное время отец и мать жениха, сам жених и «кресна»² или тетка жениховы едут свататься. Перед отъездом, как и вообще перед началом всякого важного дела, все ненадолго присаживаются, затем встают и молятся Богу. Потом старший говорит: «Ну, зачал положили, дай Бог и в совершенье привести!» Ему отвечают: «Дай Бог, святой час!»

Для сватовства, «для начатия дела», стараются выбрать легкий день, для чего иногда руководствуются «Брюсовым» календарем и старинными сведениями о днях легких и тяжелых. Вообще считают днями тяжелыми, неблагоприятными для начала сватовства, — среду, пятницу, понедельник. Все приготовления к сватовству обставляются возможною таинственностью; всякие приготовления возможно тщательнее укрывают от постороннего глаза. Выезжают сваты обыкновенно в сумерки или, еще лучше, вечером; очень хорошо выехать в метель, в пургу, в непогоду. Лошадей запрягают «на задворках» или на дворе, чтобы никто не приметил. Выходят закутанные так, что видны одни глаза, быстро садятся в сани и нахлестывают лошадей, чтобы как можно скорее промчатся по деревне; если только возможно, то едут не улицей, а «по задворкам» — по-за деревне. Всю дорогу едут быстро — «гонятся на весь дух»,

¹ Иногда родители хотят получить известный комплекс приданого за невестой, а сын знает, что за невестой или не дадут, или даже по состоянию и дать столько не могут; тогда он решительно заявляет об этом на семейном совещании, например: «Хоша у Марьи другой ношовой шубы и нет, а только нас это не касаето — и в одной ходит, а другую-то заработать завсегда успиет. А коли экую девку из-за шубы не брать, так надо вовсе ума решиться». В таком случае при обсуждении вопроса о приданом с родителями невесты родные жениха хотя «для прилику» или «для блезиру» и настаивают на получении желаемых вещей, но не так «напористо». Иногда же, во избежание пересудов однодеревенцев, сами дают денег на приобретение недостающих вещей, лишь бы приданое было «во всем полном аккурате».

² То есть крестная мать или, в случае ее смерти, заменяющая ее место женщина (непременно пожилая).

объезжая, по возможности, всякое жильё стороной, «задами». При встречах быстро отворачивают, становясь к дороге затылком и тщательно закрываясь. Все это делается для того, чтобы избежать «сглазу»: чтобы от «стричи», от «слова» чего не случилось, чтобы «не разохлось» предстоящее дело — сватанье.

Прямо к невесте не въезжают, а останавливаются у соседей, у какого-нибудь кума или свата (в деревне почти все друг другу «кум, лебо сват, лебо дальняя родня»), и уже оттуда посылают к родителям невесты спросить: приехали-де такие-то посмотреть товарец — сенцо либо соломку — так не примете ли? Ответ дают не вдруг. Отец и мать невесты, конечно, догадываются, какой товар приехали смотреть нежданные-незванные купцы. Если в этой деревне есть близкие родственники, то «бегом-швырком, на одной ноге» собирают их и устраивают наскоро семейный совет, на котором обсуждается вопрос о выдаче замуж дочери, оцениваются всесторонне нравственные качества жениха и членов его семейства, их имущественное положение и пр.

И если жених «не по мысли», если плоха его семья или достатки плохи («неестественные мужики», «расточи-домок»¹), то прямо отказывают: нонеча-де девку выдать не хотим: молода-де, да и наряду ничего не справлено; или прямо «лепят в глаза» посланному с запросом: скажи-де, не по себе дерево рубят, ехали бы к ровне. Но такой ответ получается редко. Разве уж очень «зазнаисты» родители невесты или же действительно жених, как говорится, «через число заскочил», «с суконным рылом в калашный ряд втютился».

Если же на совете выяснилось, что жених нравится и в приданом надеются столкнуться, то посылают в кабак за водкой и в беседу — за невестой. А за приехавшими, в виде почетного посла, отправляют кого-либо из близких родственников.

Мигом по всей деревне облетает весть: «К Ворошиловым сваты приехали, и Дуньку уж из беседы выкликали».

Вся деревня целый вечер занимается обсуждением достоинств и недостатков жениха и невесты. «Кумушки» летают из избы в избу. Языки колотят без умолку. Под окошки к невестину дому мало-помалу перебирается почти вся деревня. Это — неизменная особенность всякого деревенского выдающегося события.

Сваты и жених перебрались в невестин дом. Здесь все ведется также «по чину», «по уставу», раз навсегда заведенным порядком. Жених временно остается в сенях, или же его отправляют в другую избу, если таковая имеется у родителей невесты, а сваты идут туда, где их дожидаются хозяева, — обыкновенно в зимней жилой избе.

¹ Терминами «естественный» и «неестественный» или «малочной» определяется зажиточность крестьянина.

Здесь сначала все «гурьбой» останавливаются под полатями в шубах, вообще во всей одежде, в которой приехали, и не раздеваются, какая бы ни была температура в избе. Такой обычай ведется во все время сватовства. В то же время невестина родня вся сидит, по старшинству, в «красном», в переднем, углу, по лавкам. Сначала довольно долго толкуют о том о сем, большею частью о совершенно посторонних вещах, закидывая лишь изредка словечко-другое и об настоящей цели приезда.

Приносят водку, отец невесты наливает стаканы, а один из младших по летам родственников невесты ставит стаканы на поднос и угощает приезжих сватов. Начинается долгая церемония угощения и упрашивания «отведать» винца. Сваты отказываются всеми способами и, как того требует деревенский этикет, в свою очередь просят вперед выпить хозяев, чтобы «проторить дорожку». Но радушные хозяева в конце концов все же так или иначе упрашивают, «уламывают» гостей. Такое угощение продолжается во все время сватовства, составляя частые «перемежки» среди деловых переговоров.

В это время невеста переодевается в хорошую одежду, оповязывает голову большим «платком-шалечкой» и сидит «в кути», то есть у печки за перегородкой, или лежит на полатях (иногда на печке) и полегоньку начинает «выть» (так называются и всхлипывания, и плач, и причеты с плачем и без плача в разные моменты всей свадебной церемонии).

Наконец подвыпившим сватам надоедает толковать бог знает о чем, и они прямо заявляют, зачем приехали. Родители невесты притворно удивляются и стараются отклонить сватовство, согласно требованиям деревенского этикета. Но все их возражения устраняются ловкими свахами¹, и тогда начинается обсуждение вопроса относительно того, сколько взять с жениха «на стол» (иначе называется — «вывод» за невесту). Начинается отчаянная торговля, приправляемая крепкими словечками, разными «покорами»². Несколько раз, как цыгане на ярмарке, представители той и другой стороны хлопают по рукам, несколько раз сваты берутся за шапки, делая вид,

¹ Иногда, отправляясь свататься, нарочно берут с собой для этой цели хотя и не очень близкую по родству, но бойкую на язык бабу, которая за словом в карман не полезет и «кому хоть на ответ слово сдержит». Женщины с той и другой стороны обыкновенно и ведут все переговоры, а мужчины по большей части лишь санкционируют результаты переговоров.

² Тут идет «всякое лыко в строку» из всей родословной той и другой стороны, но «до сурьезного» дело не доходит, так как все говорится лишь для того, чтобы выторговать сколько-нибудь в приданом или выводе.

что собираются ехать домой, несколько раз «ломают грех пополам»¹.

А у невесты все одно дело: она сидит в кути и воет. В это время ее вытье не сопровождается какими-либо наговорами. Она лишь чутко прислушивается к ходу переговоров, усиливая свои всхлипывания и вопли в особо важные, по ее мнению, минуты. Чем ближе к концу идут переговоры, тем сильнее воет невеста. Но на вытье ее не обращается ни малейшего внимания. Все знают, что это только «гля модили, чтобы люди не осудили». Этого требует своеобразный деревенский этикет. Момент рукобיתья сопровождается раздирающими душу воплями. Затем наступает временное затишье.

ПОМОЛВКА

Размер вывода не одинаков. В подгородных местностях, особенно в Шунгенской волости, «на стол» за невесту берут 60—180 рублей; в волостях же, удаленных от Костромы, где народ посерей, размер вывода колеблется между 15—75 рублями и даже менее.

Наконец размер вывода установлен. Поднимается вопрос о приданом невесты. Снова выпивка; шум и споры не меньше прежнего, а гораздо более, так как за свои деньги новая родня желает получить как можно большую компенсацию.

Приданое, как и вывод («на стол»), в разных местностях также очень различно. В Шунгенской волости, например, за невестой дают: шубу зимнюю суконную на лисьем меху, шубу дубленую, жакетки — зимнюю и летнюю, два полупальта, сапоги валяные и кожаные, двой ботинки, калоши резиновые, платье шелковое, два или три — шерстяных и пять-шесть ситцевых платьев и полуплатьев, двенадцать рубашек полотняных², шаль зимнюю, три-четыре полушалка, два платка шелковых, пять-шесть шерстяных и до десятка, а иногда и более ситцевых платков; несколько полотенец, 2—3 простыни, войлоки на постелю, одеяло «штучное» (то есть собранное из разных отрезков ситцу, настриженных квадратами или треугольниками), одну или две подушки и две-три навины — «мужу на портки».

В Шишкинской волости, около города Судиславля, на другом конце уезда, приданое не такое — много беднее. Здесь в состав приданого входит шуба «ношова», кафтан домашнего сукна, сапоги кожаные и валяные, ботинки, шуба суконная, пальто казинетовое или твиновое, три сарафана, шесть рубах домотканых пестрядин-

¹ То есть соглашаются на половинные уступки как в деньгах, так равно и в отдельных частях приданого.

² «Подставы» у рубах (нижняя часть от пояса) обыкновенно из навины или холщовые.

ных, пестрядинный только «стан», а «подстава холщовая», шаль, несколько платков и полотенец (штук по 5—6), редко войлок, а чаще «соломеница», или «свищевка», связанная из «ситника» — болотного тростника или из соломы, и штучное одеяло¹.

Иногда у невесты не бывает шубы, или сапогов, или чего-нибудь другого из одежды; тогда выговаривают, чтобы жених еще до свадьбы завел нужную вещь, чтобы «после² покору не было», да уж потом богоданные родители и не дадут, и рассчитывать нечего.

БОГОМОЛЬЕ

Когда вывод и приданое невесты определены и все подробности взаимного договора выяснены, отец невесты надевает шубу, покрывает правую руку полрой, мехом вверх, то же самое делает и женихов отец. После этого, помолвившись на образа, хлопают друг друга по руке, говоря: «Как шерстка с шерсткой сходятся, так бы и у ребятешек наших сходилось по любви!»

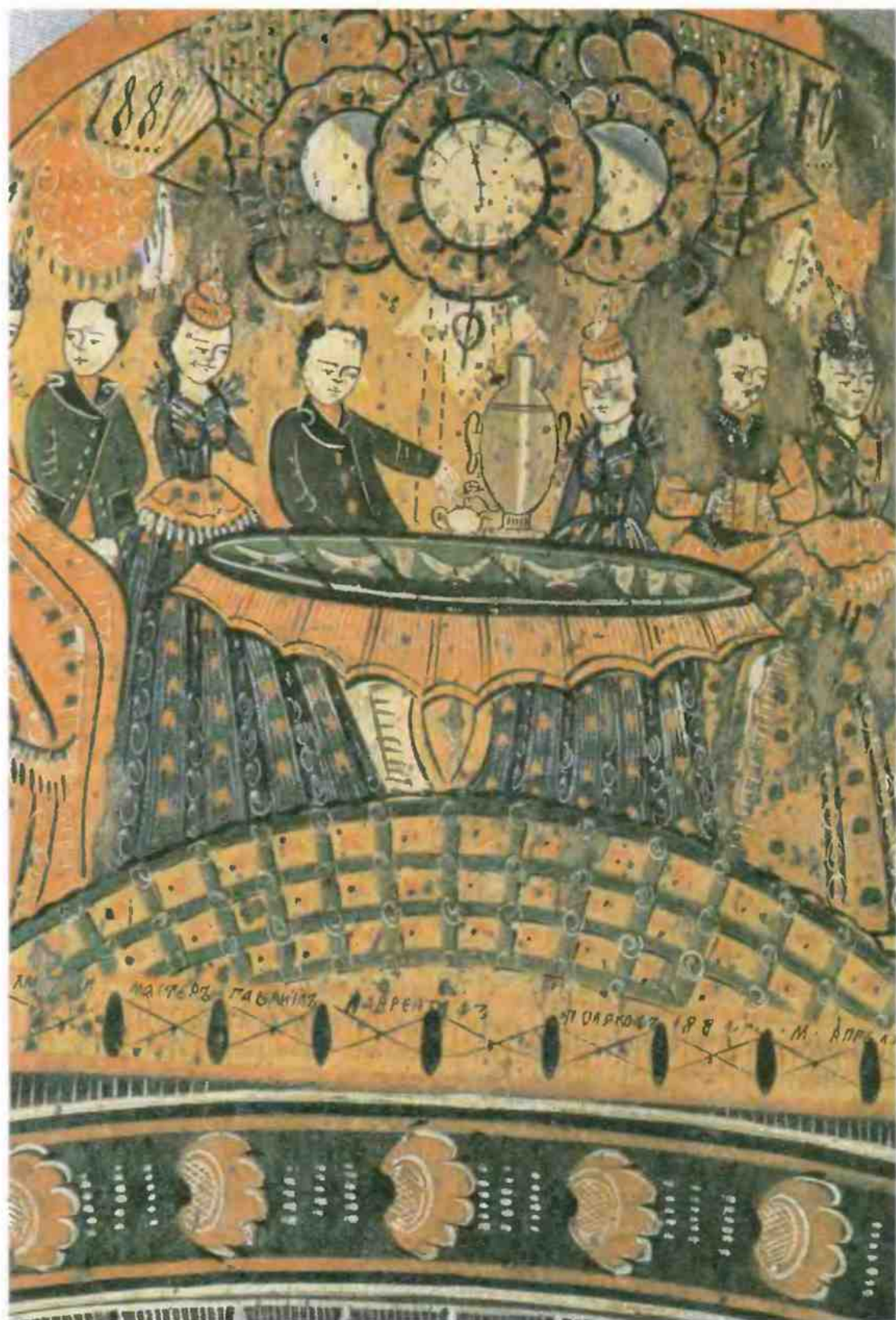
Только теперь один из сватов из сеней или из другой избы приводит жениха и ставит осередь избы; вся его родня становится около него. Мать невесты идет в куть и выводит оттуда принаряженную невесту. Невесту показывают жениху — ставят против него «на одной половичке», и тут же спрашивают, согласна ли она выйти за него замуж. Но это только одна формальность. Невеста обыкновенно лишь «воет» и не говорит ни одного слова. Это принимается за согласие, и все на минуту присаживаются, а затем встают и молятся Богу, после чего жених и невеста, взявшись за руки, целуются.

Но бывает, что сватовство расходится, — «дело разохлось», говорят со вздохами сваты. Если невеста — девица «караштерная» и жених ей очень не по мысли, то она прямо заявляет, что идти не хочет: «Хошь режьте, а не пойду». И сватам приходится поворачивать оглобли. Только это бывает редко, так как у жениха с невестой по большей части все дело налажено уже раньше и «заручка» взята³.

¹ В той и другой волости я перечисляю приданое средней невесты, то есть не очень богатой и не бедной.

² Впоследствии, после свадьбы.

³ Парень, заранее, на беседах, уговоривший девицу выйти за него замуж, обыкновенно берет с нее «заручку», то есть какой-нибудь предмет, чаще всего колечко или «косынку» (платок) в знак ее согласия на замужество. Этот освященный давностью обычай уважается и родителями той и другой стороны. Иногда девица, не рассчитывая почему-либо на согласие родителей, успевает перетаскать к парню все свое приданое и в случае окончательного отказа уходит «самокруткой».

Фрагмент донца прялки. Г. Поляков. 1881 г. Нижегородская область, г. Городец

Но иногда дело бывает и так: девица идти за сговоренного жениха не хочет, упирается ногами и руками, воеет на истошной голос. Батюшка берет вожжи или чересседельник и «учит» девку — сначала полегоньку, а в случае упорства и покрепче. Бедная девка покоряется своей участи.

Тут же, после богомолья, назначают день, когда родители невесты должны в свою очередь приезжать к жениху «дом смотреть».

До глубокой полночи тянется попойка, и часто случается, что новых сватушек сваливают в сани, как колоды, и отправляют домой с провожатым.

Теперь невеста «запорушена», «пропита» и до самой свадьбы носит название «сговоренки». Подруги приходят к невесте помогать шить приданое и припасают подарки поезжанам на сговорки.

ДОМ СМОТРЯТ. ПОБЫВАШКИ

В назначенное время родные невесты ездят к жениху «дом смотреть». Дом смотреть ездят целым поездом, человек 10—15. Выезжают днем, часов в 11—12, чтобы иметь возможность засветло осмотреть хозяйство жениха; жених обязан припасти хорошее угощение, чтобы напоить всех «в доску» (как у нас говорится).

Во время пиროвания, когда «стол во полустоле, почестен пир во полупире», то есть когда новые сватушки «малость позапорошат глазки», ходят осматривать дом, хозяйство и скотину у жениха. За гостями ходит куча ребятишек¹ с криками: «Изба-то развалилась! Зауголки все кулаком отшибешь! Сквозь крышу солнышко нытрится! Лошадь завтра на клейной завод повезут!» Вообще «хают» все, что только можно, — до тех пор, пока им не вынесут чашки с орехами или «бобушками»².

Получивши угощение, ребята успокаиваются.

После осмотра дома жених с родителями и близкими родными (кресна³ или старшая тетка) раза три или четыре ездят к невесте «на побывашки». Тут большого угощения не полагается, разве только на очень богатых свадьбах. На побывашках, как в обыкновенных гостях, никаких особенных обрядов и обычаев не ведется.

¹ Без них никакое дело не обходится в деревне. Взрослые глядельщики, само собой, также присутствуют, но ведут себя сдержаннее.

² Так называется полубелый круто испеченный сладковатый хлеб, изрезанный на мелкие кусочки.

³ Крестный отец и крестная мать («кресной» и «кресна» или «кокой» и «кока») считаются в деревне одними из самых близких родственников.

Донце прялки. Г. Поляков. 1881 г.
Нижегородская область, г. Городец

ДЕВЬЯ КРАСА

Дня за два до створок все однодеревенские подружки невесты «сорежают девью красоту». Утречком они идут в лес, ломать вершинку с елки, которая пожулеватей, и приносят в избу одной из них. Здесь эту вершинку «бантят», то есть украшивают разноцветными лентами, бумагой и свечками. Это и есть — «девья красота», или «девья краса», знаменующая невинность, девственность невесты.

Иногда накануне створок, когда все девицы понесут к створенке девью красу, то остановятся среди деревни и запоют:

Мы пойдем, подружки милые,
Ко своей ли ко подруженьке
К Олександре-то Ондриевне,
Среди широки улицы
На кресте¹ мы остановимся,
На все четыре сторонушки
Поглядим мы да подумаем:

¹ Перекресток, где расходятся в разные стороны дороги.

Как во первой во сторонушке —
 Холодным-то холоднешенько¹;
 Во второй-то во сторонушке —
 Голодным-то [гол]однешенько²;
 Как во третьей во сторонушке —
 Там гуляет тут гуляньицо;
 Во четвертой во сторонушке —
 Там кокует-то кокушечка —
 Что не наша-то ли подруженька
 Олександра-то Ондриевна?
 Она плачет — что река льется,
 Возрыдает — что ручьи текут!

Как войдут на мост³, то снова поют песню:

Мы прошли по всей деревнюшке,
 По широкой красной уличке —
 Нет нашей подруженьки,
 Нету белой лебеди
 Олександры свет Ондриевны!
 Ко двору пришли ко новому,
 Ко воротечкам тесовыем,
 Ко мосточку ко калинову:
 Олександрюшка собирается,
 Ондриевна соряжается
 Во дальнюю во дороженьку,
 На чужую на сторонушку!
 Отстаешь ты, лебедь белая,
 Что от стада лебединоого,
 Пристаешь ты, лебедь белая,
 Что ко стаду, ко серым гусям:
 «Не щиплите, гуси серые,
 Не сама я к вам залетела,
 Не своею доброй волею —
 Занесло меня погодою!»

Невеста в избе воет...⁴

Когда принесут в избу, то девью красоту ставят в кути с песнями.

Невеста снова воет⁵.

А когда отвоет, то ставят самовар и пьют чай.

¹ Или: «холоднехонько».

² Или: «голоднехонько».

³ То есть в сени невестина дома.

⁴ Тексты не приводятся, так как содержание их произвольное, зависит от личных способностей каждой невесты.

⁵ То же.

СГОВОРКИ

Обыкновенно накануне свадьбы бывают «сговорки» («девишник»). Жених с родней приезжают к невесте. Приезжает народу человек 15—20 и более, подводах на 7—10, с колокольцами, бубенцами, на хороших саночках, лошади в наборной сбруе. Собирается и невестина родня, но не вся, а более близкая.

Изба украшается обыкновенно полотенцами, которых штук 10—15, вышитых и украшенных кружевами и лентами, развешивается по «полавошникам» вокруг всей избы. Предполагается, что все полотенца работы самой невесты, и вешаются они как доказательство того, что невеста рукодельница. Но часто бывает и то, что полотенца собраны со всей деревни, ото всех девок.

а) Женихов стол

На сговорках бывает два стола. Сначала «женихов стол» — это женихова родня угощает невестину; потом «невестин стол» — невестина родня угощает женихову. Жених, собираясь на сговорки, берет с собою два четвертных бочонка вина — простого и красного (настоянного на сандале) — и «коробку» (лубяной гнутый сундук) с закусками: жареной солониной и большими белыми папушками.

Невестина родня садится за стол. Невеста выходит только поздороваться с женихом и будущими свекром и свекровью, а затем тотчас уходит в куть, где ее подруги начинают одевать ко второму столу.

Во все время первого стола женихова родня «толпится» под полатями на ногах и в шубах. Хотя их и приглашают присесть и раздеться, но, по обычаю, они должны стоять под полатями и преть, не сдаваясь на уговоры хозяев.

Невестина родня уселась. Жениховы родственники откупорили бочонки и распаковали закуски. Начинается диалог между «кореными» сватами и свахами (отец и мать жениха и невесты). Разговор ведется с отменной вежливостью: «Что, сватушка, все у вас собрались, со всеми сродственниками?» — «Все, сватушка, собрались; больше ждуть некого». — «Пожалуйте нам, свахонька, тарелочку».

Подают тарелку. Мать жениха вынимает узелок с конфетами и орехами и отправляет к невесте в подарок от жениха. Затем «кореным» свахе и свату дружка подносит по черному хлебу, по сдобной белой булочке и по горсти орехов, а всем остальным родным только по горсти орехов и белой булочке (ныне обыкновенно подносятся городские калачи) с наговором — отдельно каждому:

Тысяцкого положенья,
Свахиногo поспешенья,
Дружкиногo подношенья —
Сватушко, батюшко

Иван Олексиевич¹,
 Подарочек-то примите,
 Да нареченного зятюшка полюбите,
 Да хлебцем не уморите!

А тысяцкий сидит у «коробки» и отмеривает по горсти или по две орехов и по булке каждому. «Обратите, свахонька, тарелочку», — говорит наконец дружка, оделив подарками всю невестину родню.

Тарелку снова приносят и вместе с ней несколько блюд. На них накладывают папушники, солонину и ставят на стол. Водку наливает отец жениха на особом столе и разносит на подносе. Перед угощением сначала все присаживаются ненадолго, причем жениховой родне приходится приседать на корточки, потом торжественно молятся Богу. Если на сговорках присутствует священник или есть какой-нибудь грамотей, то его просят прочитать вслух молитву «Отче наш», по окончании которой все говорят: «Аминь!» При этом шутники прибавляют: «А кто не заминит, тому и водки не дадут».

За первым столом вино подносят рюмками: рюмки по три, по четыре. Пить больше не позволяет деревенский этикет. За первым же столом невестины сваты и свахи «знакомятся» с жениховыми. Знакомятся так: женихов отец подносит водки невестиному родственнику; новый сват берет рюмку и «выкликает» кого-нибудь из жениховой родни, уверяя, что без свата он не может выпить ни капли; сват, поцеремонясь немного, как того требует приличие, выходит из толпы, берет тоже рюмку, целуется с выкликнувшим его и, приговаривая: «Ну, теперь будемте знакомы, сватушка», выпивает и снова скрывается в толпе.

Конечно, это один обычай, так как все давным-давно прекрасно знают друг друга, не один раз вместе пили, не один, может быть, раз друг друга били во хмелью.

б) Жених и невеста на сговорках

После первого стола выводят невесту, одетую в шелковое или, редко (по бедности), шерстяное платье (обыкновенно розового или зеленого цвета), и сажают рядом с женихом под образа, «на поповскую щель»². У невесты на голове цветы восковые, коса заплетена

¹ Каждый раз дружка называет по имени-отчеству того, кому идет подарок.

² Если на сговорки приглашено духовенство, то священник сидит рядом с женихом, а «матушка», жена священника, рядом с невестой. Прочие же почетные гости, но не родня сажаются ниже родни, чаще на особую скамью.

и перевита лентами, на пальцах все свои кольца, в руках косынка, на ногах башмаки с калошами.

На женихе пиджак домашнего шитья¹, жилетка с открытым воротом, через шею серебряная «подцепка» — цепочка, иногда две (но часы бывают не всегда), малиновая кашемировая рубашка, строченая или вышитая, на ногах длинные сапоги и калоши-ботинки², голова обильно смазана маслом, затылок тщательно выбрит.

Рядом с невестой садятся свекор и свекровь, рядом с женихом — тесть и теща. Далее налево, поперек избы, свахи; справа, вдоль избы, сваты — по степени родства.

в) Невестин стол

За вторым столом водку подносят стаканами. Подносчиком выбирается ловкий, речистый, крепкий на вино и «наложный» потчевать мужчина. Крепкий на вино потому, что приходится выпивать чуть не с каждым; умеющий потчевать и речистый потому, что все сваты, особенно свахи, церемонятся и упираются до невозможности, несмотря на то что в обыкновенное время все выпить не прочь и без угощения.

Подносят, как и вообще на всех свадебных «застольях», строго сообразуясь со степенью родства и всем поровну. Обнести когонибудь или поднести «не по большине» — значит нанести кровную обиду.

Сговоренным (жениху и невесте) полагается «чарочка на парочку», то есть одна большая рюмка красного вина на двоих, которую и выпивают они пополам, — одну за весь вечер, испивая по капельке — «пригубливаясь».

Во время сговорок жених для того, чтобы получить «большину», старается под столом найти ногу невесты и приступить ее, а невеста старается убирать ноги подальше. Когда жених достигнет своей цели, невеста вдруг начинает выть:

Не спасибо те, родна матушка!
Истопила ты нову горенку
Холодным-то холоднехонько:
Прихватило мои ноженьки
Ко полику ко тесовому;
Прищипало мои рученьки
От перстней-то от злаченых!

¹ Работы бродячих деревенских портных.

² То есть высокие калоши, такие же у невесты.

Погляди, родима матушка,
 Со разделщиком со батушком:
 Уж и ровня ли со мной сидит,
 Не мякиной ли мешок набит,
 Не разиня ли он рот сидит,
 Не смеются ли люди добрые?

Весь вечер тянется томительная процедура потчеванья и упрашиванья выпить чарочку с криками «горько» (жених с невестой целуются — «сластят»), прерываемая только однажды выносом девьей красы¹. Выносят ее в известный, для разных местностей разный, момент.

г) Вынос девьей красы

Девья краса — это верхушка елки, убранная лентами, на верхушке елки прилеплено пустое куриное крашеное или сахарное яйцо. Штук двадцать зажженных свечей дополняют украшение девьей красы. Она служит символом красоты и невинности невесты и знаменует прощание девиц с своей подругою. Девью красу выносит из кути девица которая пошустрей². Вынос девьей красы сопровождается длинным «наговором».

Перед выносом, принимаясь брать девью красу, девица говорит:

Не пора ли нам, подруженьки,
 Идти-то в путь-дороженьку
 По новой по горнице,
 По светлой по светлице
 По зеленую елочку,
 По красу по девичью?
 Иду я не с мосту,
 Беру я неспроста:
 Господи, благослови, Христос,
 Чтобы так³ пришлось!
 Белая березонька раскужлевется,
 Красна девица брать примавется!

Берет в руки девью красу, выходит из кути и, еле-еле ступая, подходит к столу, наговаривая:

¹ Варианты названия: «дивья краса», «девья красота».

² То есть та, которая посмелей, поречистей, может, при случае, и ответить остроумно.

³ То есть: складно, в лад, в рифму.

Из дому из нового,
 Из-за брусика положеного,
 От печки кирпичная,
 От столбика горемышного,
 От брусика кленового,
 Из-за занавесочки шелковая
 Девья красота приздымается!
 Пораздайся, народ,
 Расступися, народ,
 Красна девица идет;
 Не одна она идет —
 Красу девичью несет!
 Иду, выступаю,
 Половички считаю
 По полику по тесовому
 Ко столику ко дубовому,
 Ко скатертям браным,
 Ко яствицам сахарным,
 К напиточкам медовым,
 Ко ложечкам кленовым,
 Ко вилочкам злаченым,
 К солоночкам точеным,
 Ко ножичкам булатным,
 Ко всем гостям приятным!
 Дайте вы мне, красной девице,
 Встать-приостановиться,
 С умом-разумом спохватиться,
 Идучи бы мне, красной девице,
 Не усмехнуться,
 За соломинку не запнуться,
 Среди полику не упасть,
 Красу девичью не уронить,
 Восковых свечей не посшибать,
 Алых ленточек не растерять,
 Подойти бы мне, красной девице,
 Ко столикам поближе,
 Поклониться всем гостям пониже!

Останавливается перед столом и продолжает:

Здравствуйте, сватушки и свахоньки,
 Все гости приезжие,
 Хозяином почтенные!
 Не всем поимянно,
 А всем вообще низкий поклон!

Кланяется всем гостям, гости откланиваются, обыкновенно раздаётся несколько шуток по адресу девушки, но тут она должна молчать, пока не выполнит все положенное по заведенному порядку:

Вот, сватушки и свахоньки,
Не думали мы, не гадали
Экова несчастного случаю получить!
Посадили нашу подруженьку за стол,
А мы — красу девичью на стол!

Ставит девью красу перед женихом и невестой и обращается к дружке:

Тысяцкий молодой
С широкой бородой,
Дайте мне знать,
Как князя молодого звеличать?

Кланяется дружке. Дружка встает и, отдав ответный поклон, рассказывает имя и отчество жениха. Девица продолжает:

Из-под снегу, из-под тали,
Из-под белья хрустали
Встает белый, кудреватый Иван Петрович —
Холост, неженатый!
Иван Петрович, извольте:
На красу девичью поглядите
Да нас, красных девушек, подарите,
Одарите — осеребрите!
А не осеребрите, дак озолотите,
А не то так и медянки побольше накладите!
А все-таки нас, красных девушек, подарите
Хоть делом-то небольшим,
Да карманом-то не пустым!
Мы не с тем,
Чтоб нам рубликов семь,
А по мощи, по силе —
Рублика четыре!
Положите рубликов шесть,
Да и будет нам,
Красным девушкам, в честь!
Вот, сватушки и свахоньки, мы на горочку
Ходили по зеленую елочку,
Три денечка меледили,
По башмачкам износили,

Женский праздничный костюм. 1920-е гг. Пензенская область

По чулочкам истоптали,
По перчаткам изодрали,
По колечушку сломали!
Не с полудня мы ходили,
Не с полуночи —
На закате светла месяца,
На восходе красна солнышка,
Когда пташечки вставали,
Соловьюшки распевали,
А мы в то время по рощице гуляли,
Кужлеватые елочки искали!
С этой елочки вершинушку ломали,
На этой на вершинушке
Красу девичью соряжали,
Для вас, сватушки и свахоньки,
На эту пору-времячко припасали!
Наша краса девичья зеленешенька,
У нас Александра Андреевна¹ молодешенька
По садику гуляла, цветочки рвала,
Вьюночки² плела —
На свое времячко красу девичью соблюла!
Где же вы, сватушки, ехали?
В нашу рощицу не заехали,
Нас, красных девушек, не посадили?
А мы, девушки, вас не дождались,
По ручке взялись да домой поплелись!
На нашей красе девичьей
Ленты-то атласные,
Денежки даваны не напрасные!
Свечечки-то восковые,
Денежки даваны не даровые!
Ехали вы, сватушки да свахоньки,
Чистыми полями,
Темными лесами,
Зелеными лугами,
Подъезжали вы к селению,
Ко деревне ко Семилову,
Ко высокому терему,
К Алексею ко Тихонычу³,
А мы, красны девушки,
В то время в поседочках сидели,

¹ Имя невесты.

² Веночки.

³ Отец невесты.

В окошечки глядели,
На вас, сватушки и свахоньки, смотрели,
Как вы из саночек вылезали,
Золотой казной брячали,
В часту лесенку входили,
По пятам карманам[и] били!
У нашего-то сватушка
Алексея Тихоновича
Есть на крыше жердочки —
Кладите нам все сроднички;
На потолке есть земля —
Кладите нам серебра,
А в земле-то червячки —
Кладите четвертачки;
Под порогом-то венички —
Кладите нам полтиннички!
Свахоньки любезные,
Здесь мода такая:
Нашивают на подолы-то павы —
Кладите нам и все бабы!
У нашего сватушка
Есть на дворе жеребята —
Кладут и холостые ребята!
Экие вы, сватушки, хорошие,
Экие вы, свахоньки, пригожие!
Экие вы, сватушки, обрядные,
Экие вы, свахоньки, ненаглядные!
На вас, сватушки, тулупы-то добрые,
На вас, свахоньки, полушубки-то долгие,
Карманы-то до пят —
Кладите-ка нам опять!
У нашего сватушка
Под окошком лежит шест —
Накладите-ка нам рубликов шесть!
А кто ловок да совок —
Положьте рубликов сорок!
Положите рубликов восемь —
Так и на ту осень милости просим,
А как положите рублика полтора —
Так и не заглядывай сюда!
А кто положит пятак —
Возьми его назад:
Не пригодится ли на табак!
Кто положит грош —
Возьмет того дрожь!
Вот, сватушки:

Кто две свички задует,
У того две жены помрут,
А кто три задует —
У того три жены помрут;
А кто кладет да не задувает,
У того и умрет — да встанет!
У нашего сватушка
Есть на дворе верей —
Кладите нам по янтари!
У нашего сватушка
Есть в избе-то лавочки —
Кладите нам, красным девушкам,
На булавочки!
Есть в избе-то полочки —
Кладите нам на иголочки!
У нашего сватушка
Есть в избе полати —
Кладите нам на шелковые платы!
Есть в избе полички —
Кладите нам на рукавички:
Чтобы нам подруженьку свою проводить
Да ручки не ознобить!
Вот, сватушки и свахоньки,
Крепко поле огородом,
А у меня, красной девушки,
Кажинное слово с приговором;
Красно поле рожью,
А у меня, красной девушки,
Кажное слово с ложью:
А и мне бы, красной девушке,
Стоять не застояться,
Долго с вами, сватушки и свахоньки,
Не заняться,
Говорить не заговориться,
Ко дверям бы не обратиться,
Печке не поклониться!
Вот вам, сватушки и свахоньки,
Последнее словечко:
Положите мне, красной девушке,
На серебряно колечко!
Говорю я не в шутку —
Положите на бархатну шубку!
Поклон — да и вон!

В то время, когда девица наговаривает, сначала жених, а потом и все другие гости, к кому она обращается с наговором, задувают свечи и кладут на тарелку денег. Другая девица стоит рядом с пучком лучины и зажигает снова задутые свечи.

Жених и почетные гости кладут серебром копеек по 10—15, а прочие медными 3—5 коп. Наговор этот в последней своей части иногда изменяется применительно к обстоятельствам, когда, например, на сговорках присутствуют не родные, но посторонние почетные гости: старшина, писарь, учитель. Тогда делаются вставки — вроде следующих.

При обращении к учителю:

У нашей-то княжны на платках
Вышиты вензеля —
Кладут и учителя!

Или при обращении к старшине:

У нашего-то сватушка
На колесах шины —
Кладут и старшины!

Или при обращении к писарю:

У нашего-то сватушка
Поставлены на речке вентеря —
Кладут и писаря!

Когда все гости положат кто сколько может, наговаривавшая девица снимает девью красу со стола и относит снова в куть с наговором:

Краса девичья со стола снимается,
Бутылочка водочки наливается,
Сверх того пробочкой затыкается!
Не той пробочкой, что из бересты свита,
А той, что из серебра-то слита!

Девица ставит на стол принесенную с собою из кути пустую бутылку, говоря:

Не осудите, сватушки и свахоньки,
Что посудинка мала:
Второпях брала,
Так и попалась мала!

Девичам наливают бутылку водки и кладут сверху серебряную монету. При этом ловкая, шустрая девица вступает в разговор с гостями и шутками и прибаутками успеваеt выпросить еще денег на всю девичью братью.

д) «Подарушки»

После выноса девьей красоты девицы начинаюt дарить всех гостей подарками. Поочередно, начиная с более почетных (но не с более богатых), девицы подносят на тарелке или на подносе изготовленные заранее подарки, встаюt против гостя и с поклоном говорят:

(Имя и отчество гостя, которому идет подарок),
 Подарочек-то примите
 Да меня, красну девушку, подарите
 Насколько изможения есть —
 Так и будет мне, красной девушке, в честь!

Подарками служат: большие шляпы, сплетенные из соломы; выстриженные из бумаги рубашки; часы с цепочкой; бумажные муфты, обшитые куделей; счеты из бус; вышитые носовые платки (только на богатых свадьбах или для богатых гостей). Гости отдаривают девиц деньгами.

После этого девицы в кути пьют водку и начинаюt петь песни, например:

Что не с гор снежки таяли —
 Из-под горы гости ехали,
 Всю деревню проехали,
 К Алексею Тихонычу на двор въехали!
 А душа Александрюшка испугалася,
 Алексеевна забоялася,
 За подруженек схоронилася:
 «Вы, подруженьки, вы, голубушки,
 Схороните меня, девушку:
 Понаедут мои погубители,
 Погубят¹ мою головушку,
 Принарушат² красу девичью!»

¹ Вариант: «Погубить»

² Вариант: «Принарушить».

Или другая песня:

Что вчера у нас сват сватался,
Сват сватался, он расхвастался:
«Сторона наша, сторонущка,
Сторона наша привольная:
Виноградом поле сеяно,
Черносливом огорожено,
Медяной росой поливано!
У нас двор-от на семи столбах,
На семи столбах точеных,
На дворе скота ни есть числа,
В сельниках добра ни есть конца,
Золотой казны полна мошна,
А в избе-то ровно в горнице,
А жених-то ровно яблочко¹.

Если же жених и гости плохо одарили девиц, то они, расхрабрившись от выпитой водки (пьют чаще в чаю) и подстрекаемые со стороны, иногда поют дальше, как бы в ответ на хвастню свата:

У нас двор-то на семи колах,
На семи колах востреных!
На дворе скота одна коза,
Да и та коза бесхвостая!
В сельниках добра одна зобня,
Да и то зобня бездѣнная!
Золотой казны — одна мошна,
Да и та мошна истертая,
А изба стоит — покачнулася,
А жених-то ровно чучело!

Дружка дает девицам водки и денег и просит, чтобы они больше таких песен не пели². Девицы поют другие песни.

Наиболее распространенная из них — так и называемая «Изменная» — такова:

Ты — изменная изменщица,
Ты — лихая переменщица,
Изменила ты роду-племени,
Отцу с матерью родимым,
Всем подруженькам-голубушкам!
Не хотела ты взамуж идти:

¹ В некоторых деревнях обе эти песни соединяются в одну.

² Но такие выходки не всегда благополучно сходят с рук; девиц в самом начале песни призывают к порядку, грозя выставить вон; тогда девицы «отводят душеньку» уже после окончания пиршества, распевая укорительные песни на улице.

«Не иду взамуж, не думаю
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатого!»
Ты хотела в монастырь идти,
В монастырь идти в игуменьи,
Нас, подруженек, в монахини!
А теперь ты за столом сидишь,
За столом сидишь с товарищем,
За едину с ним думу думаешь,
Из одной с ним чары кушаешь,
Нас, подруженек, не слушаешь!

Сундук и фрагмент сундука. XIX в.
Приуралье

Сговорки по большей части приходятся в субботу, потому что свадьбы бывают чаще всего в воскресенье — подряд два скоромных дня. Или же сговорки устраивают в воскресенье, а свадьбу в понедельник. Приезжают гости в 1—2 часа дня, а разъезжаются в 6—7 ч. вечера, чтобы успеть к свадьбе «вычередиться».

УТРО В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Утром, в день свадьбы, еще не вставая с постели, невеста воет, обращаясь к матери:

Ты, родимая матушка,
Не спалася мне темная ноченька,
Не спалася мне, не дремалася!
Поглядела я в окошечко —
Я увидела, молодешенька:
Часты звезды рассыпаются,
Светел месяц как малахай висит,

Часты звезды все прирассыпались,
 Светел месяц принарушился!
 Над белой зарей я призабылася,
 Мне приснился сон, привиделся:
 Прилетела ко мне пташечка,
 Горемычная кукушечка,
 Что садилась на окошечко;
 Куковала эта пташечка,
 Горемычная кукушечка,
 Жалобным-то жалобнешенько!..
 Мне приснился сон, привиделся:
 На дворе-то стоит хатина —
 Что пустая-то хоромина,
 Напрочь углы отваленные;
 На печи-то лежит котище,
 По полу-то ходит гусина¹;
 Что по лавочкам — касаточки,
 По скамеечкам — воробышки!..

¹ То есть: «гусыня».

Мать в ответ «отвывает»:

Ты, родимое мое дитятко,
То не сон тебе привиделся —
Это въявь тебе показалось!
Горемышная кукушечка —
Ты, родимое мое дитятко;
На дворе-то стоит хатина —
Чужедальняя сторонущка!
На печи-то лежит котище —
Это твой лихой свекрище!
По полу ходит гусина —
То лихая свекровушка!
По лавочкам касаточки —
Твои золовушки-наговорщицы!
По скамеечкам воробышки —
Твои диверья-доглядчики!

Затем, в течение дня, до приезда жениха, сговоренка воет еще много раз, обращаясь к разным лицам, например к снохе, так:

Уж ты, ласточка сизокрылая,
Ты, касаточка моя белая!
Ты скажи, невестка милая,
Хорошо ли жить в чужих людях,
У чужого отца-матери,
У чужого роду-племени?

А сноха в ответ воет довольно дипломатично, так как сама живет в чужих людях:

Ты, голубушка моя белая,
Ты, золовушка моя лихая!
Не ровен-то в лесе лес растет,
Не ровен-то чужой люд живет:
Уж ты вой, моя голубушка,
Уж ты вой не отставаючи,
Горьки слезы не утираючи,
У тебя личико не бумажное,
Горючи слезы не жемчужные!
Во чужих людях намаешься
И неволюшки напримаешься!

ПРИБЫТИЕ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА. У ИЗБЫ

В самый день свадьбы, часов в 12 или в час, жених с поезжанами отправляется за невестой, чтобы ехать в церковь. Не доезжая до деревни весь поезд останавливается в поле, а дружка с иконой и полудружье едут в дом невесты. Дружка подъезжает к воротам, где уже собралась толпа народу со всей деревни. Подъехавши, дружка начинает «наговаривать». Встречать дружку выходит отец невесты. Идет медленно, не торопясь, давая время дружке «исправиться».

Наговор дружки:

Ехал я, друженька,
Темными лесами,
Чистыми полями,
Зелеными лугами,
Ракитовыми кустами
Под крутым светлым месяцем,
Под частыми мелкими звездами;
На кусточках есть листочки,
На листочках есть цветочки!
Ехал я улицей ямской,
И вижу я — стоит народ толпой,
Робятишки тут играли,
Мне, сватушко, дом ваш указали!

Обращается к отцу невесты, который к этому времени уже подошел к нему:

Сватушка любезный,
Я у своего сватушка любезного
Подымался из высокого терема
Не один, не двое,
Не сам-друг, не трое:
Я, храбрый друженька, и полудружье,
Нареченный князь и тысяцкий
Со своим со храбрым полчищем¹
Со Божьим милосердием!
Приезжаем к своему любезному сватушку
К высокому терему,
Ко двору ко широкому;
У широкого двора вереюшки точеные,
Воротечка колоченые,
Кольчики полуженные,
Подворотенка дубовая!

¹ Чаще: «поездом».

Вереюшки, расшатитесь,
Воротечка, растворитесь,
Подворотенка, выставься!
Вереюшки расшатились,
Воротечка растворились,
Подворотенка выставилась,
Меня, храброго друженьку,
И с полудружьем
На широкий двор пустили!

Если при доме имеется так называемый «красный двор», то дружка туда и входит, а если нет, то наговаривает у крыльца:

Я, друженька небогатый,
Приехал на звере мохнатом,
Ножки его коротенькие,
Брюшко у него ширококонькое;
Повернул я своего храброго коня
Круто-накруто,
Поставил я его с пути на путь:
Стой, мой конь, не шатайся,
Никому в руки не давайся!
Стоит мой конек не привязан,
Даваться в руки никому не приказан;
Стоит он — веселится,
Под ним соломка шевелится,
Глибка с глибкой сдвигается,
Наш любезный сват, видно,
Об нас сумлевается!
Сватушка любезный,
Нет ли нашим коням овсеца,
А не овсеца, дак сенца,
Не сенца, дак соломки?
А нет соломки,
Так поставим к сторонке!
Сватушка любезный,
Нет ли у вас во дворе-то
Собачки лихой?
Как бы она не прискочила
Да у нас бы хвостик коню
Не откусила!
Сватушка любезный,
У нас хошь кони-те не ражи,
Да зато сбруя хороша:
Уздечка симянная,
Седелочка репяная:

Как бы воробышки не налетели
 Да нашу уздечку не расклевали,
 Как бы поросятка не выбежали
 Да нашу седелочку-то не съели!
 Много я вас, сватушка, тревожил
 И желаю вас еще побеспокоить:
 Нет ли у вас, сватушка, мне-ка
 Такова благонадежного человека-сторожа?
 А не сторожа, так караульщика —
 Моего доброго коня постеречь,
 От всех лихих ворогов оберечь!

Выходят два брата невесты или близкие родственники, из молодых, и становятся у лошади. Дружка дает им вина и пирог на закуску, говоря:

Вот, господа караульные,
 Вам полштофика винца,
 А на закуску дам я вам пирожка!
 Пить — пейте,
 Да моего добра коня не пропейте!
 Я, друженька, и с полудружеством
 По двору похожу,
 По заулочкам погляжу —
 В высок тереме хочу побывать!

Обращается к отцу невесты со словами: «Можно ли, сватушка?» Сват отвечает: «Просим милости!» Дружка говорит:

Вот, сватушка, покорнейше благодарим,
 Что вы в правде состояли,
 Мне, храброму друженьке,
 На ответ слово подержали!

Идет к крыльцу, говоря:

Подхожу я, друженька,
 К балясинкам точеныем,
 К воротечкам сколоченыем,
 Ко лесенке тесовой,
 К приступочкам брусовым!
 На свою пору-время припасли:
 Лесенка пилой пилилась,
 Вострым топориком рубилась,
 Ручки делали,
 Ножки бегали!

Обращается снова к отцу невесты со словами: «Примете, сватушка?» Отец невесты говорит снова: «Просим милости!» Тогда идет дружка в лестницу со словами:

По лесенке иду,
По приступочкам ступаю,
Приступочки считаю;
Приступочки перечел —
На калинов новый мост взошел:
У нашего любезного сватушка
У высокого терема —
Дверечки дубовые,
Иголочки¹ кленовые,
Скобочки полуженные!
Без молитвы дверь не затворяется,
Без аминя дверь не отворяется!

ДРУЖКА В ИЗБЕ

Дружка читает Иисову молитву, зааминивает (говорит после конца «аминь») трижды и сразу отхватывает с молитвой дверь, а сам отскакивает, как бы откинутый неведомой силой. Затем входит в дверь, останавливается у порога и продолжает наговор:

Я, храбрый друженька,
Аминь сотворил,
Дубовую новую дверь растворил!
Скок я через порог —
Насилу я ноженьки свои переволок!
Экой, сватушка, у вас
Высочайший порог:
Я, храбрый друженька,
Насилу ноги свои переволок!
Сватушка любезный,
Случилось со мной несчастье,
Не большое да и не маленькое:
Веревочки у меня развязались,
Онучки мои порастрепались,
Лапотки у меня с ног поскидывались!
Всепокорнейше прошу:
Онучки с лапотками подберите

¹ Дверные украшения, врезанные плотно в двери.

Да их подальше уберите —
 Когда потребуются,
 Так вы подайте мне их!¹

Отправляясь за невестой, дружка поверх сапогов надевает лапти, которые теперь и стряхивает с ног. Страхнувши, продолжает:

Пол и середка² —
 Из чистого серебра!
 Высоченный потолок —
 Ровно в бархат весь оболоч!³
 Сватушки нарядные,
 Свахоньки обрядные —
 Кто сидит по лавочкам,
 Кто сидит по скамеечкам,
 Кто сидит на пешном столбе,
 Посмотрю и я, друженька, везде:
 Сватушки и свахоньки любезные,
 Все гости смиренные,
 Хозяином почтенные,
 Скажите вы мне слово легкосердное:
 Кто в доме начало?

Коренной сват говорит: «В доме у нас начало — Спас Пресвятыя Богородицы».

Дружка подходит к божнице, ставит свою икону на тябло и говорит: «Господу Богу помолимся».

Все находящиеся в избе молятся Богу. Потом дружка продолжает: «Всем добрым людям поклонимся!»

Кланяется сначала отцу и матери невесты, а затем в три стороны всем присутствующим. Ему все откланиваются. Затем дружка продолжает:

Из дому в дом
 Привез я нижайший поклон!
 Здравствуйте, сватушки и свахоньки любезные
 И все гости почтенные!

Обходит с полудружьем всех сватов и свах; начиная с коренного свата и свахи, здоровается со всеми и целуется. Затем продолжает:

¹ Вариант: «назад обратите».

² То есть середина пола.

³ Здесь можно видеть намек на прежние курные избы, потолок которых покрыт был копотью.

Сватушки любезные
И все гости смиренные,
Скажите вы мне слово легкосердное:
Кто здесь в доме хозяин?

Ему называют имя и отчество хозяина, коренного свата, отца невесты. Дружка спрашивает: «Сватушка любезный, Алексей Тихоныч, у вас вчера¹ гости были?» Сват говорит: «Были!» Дружка продолжает допрос: «Вино-пиво пили?» Сват отвечает: «Пили!» Дружка: «Не обещались ли вы отдать свое дитя за нашего жениха?» Сват: «Обещались!» Дружка:

Вот покорнейше благодарим, сватушка,
Что вы в правде состояли,
Мне, храброму друженьке,
На ответ слово сказали!
У нашего-то сватушка,
У Алексея у Тихоныча,
Есть зелен сад,
В этом садике
Стоит яблонца,
На этой яблонце
Висится яблочко —
Спело и зрело, —
Ко времячку поспело!
Вы сами, сватушка, сорвете
Или мне прикажете?

Сват отвечает: «Как знаешь, дружка!» Дружка говорит: «Вот я, храбрый друженька, сяду на лавочку да подумаю». Садится на переднюю лавку.

Невеста в это время сидит в кути, за перегородкой или за занавеской. Когда дружка садится на лавку думать, невеста в кути воет:

Уж вы послушайте, милы подруженьки,
Что я буду говорить,
Во слезах я буду просити:
Уж вы встаньте-ка стеной каменной,
Не пропускайте вы ко мне храброго друженьку,
Постарайтесь за меня в достальные².

¹ Если сговорки были накануне.

² То есть: «в последний раз».

Девичий головной убор «Коруна». XIX в. Ленинградская область

Дружка встает с лавки и идет сам в куть за невестой, приговаривая:

Встаю я, друженька, с лавочки
 На скорые ножки,
 На козловые сапожки,
 На медные скобочки!
 Пораздайся, народ,
 Расступися, народ,
 Храбрый друженька идет!
 По полу я иду,
 По тесовому иду,
 По полу ступаю:
 Половички перечел,
 До красной девицы пришел!

Пока он, потихоньку переступая, с наговором, перебирается в куть, перед дверью, ведущую за перегородку, где сидит невеста, выстраивается стена деревенских баб, которые требуют с дружки выкуп за невесту. Дружка пробует их раздвинуть, причем совершает несколько рискованные путешествия в запретные области женского

Девичий головной убор «Коруна». Вид сзади. XIX в. Ленинградская область

костюма. Бабы смеются, отбиваются, но дороги не уступают. Тогда, видя, что их ничем не проймешь, дружка дает бабам бутылку вина, если, предвидя это, захватил с собой, или же платит деньгами.

Невеста в это время воет, обращаясь к дружке:

Я не знаю, приезжий друженька,
 Как назвать-то вас по имени,
 Ввеличать вас по отчеству!
 Не берись, приезжий друженька,
 За мою за праву рученьку:
 Что моя-то права рученька
 По кисточку в горячих слезах,
 По суставчики в золотых перстнях!

Дружка, подойдя к невесте, становится рядом с ней и говорит:

Дозвольте мне, красна девица,
 Правую рученьку!
 Не ту рученьку,
 Что с горячим слезам,
 А ту рученьку,
 Что с золотым перстням!

Невеста подает дружке руку, и тот ведет ее из кути в передний угол, приговаривая:

Пораздайся, народ,
 Расступися, народ:
 Красна девица идет!
 Не сама она идет —
 Храбрый друженька ведет!
 Молодые-то молодушки
 Стоят по правую сторонушку,
 А красные-то девушки
 Стоят по левую сторонушку!
 Молодые молодушки,
 Завитые ваши головушки,
 Серебряные сережки,
 Вы глядеть глядите,
 Только мне, храброму друженьке,
 На ноженьку не вступите
 Да меня за белы кудерьки не схватите!
 Как бы мне, друженьке, не оступиться
 Да кому-нибудь за титечку не схватиться,
 А ежели ручка холызнет,
 То и пониже пупочка попадет!

Останавливается перед столом и говорит:

Подвожу я красну девицу
Ко столику дубовому,
Ко скатертям браньем,
Ко есвецам сахарным,
Ко напитоккам виноградным,
К солоночкам точеным,
Ко ложечкам кленовым!

Сажает невесту в красный угол, приговаривая: «Садится красная девица на лавочку!» А затем обращается к отцу невесты со словами:

Сватушка любезный,
Нет ли нашей-то
Нареченной княгине сторожа,
А не сторожа, так караульщика?
Уж вы, сватушка, дайте мне-ка
Таковá надежного человека,
Чтобы мне можно было от кого
Отойти и отъехать!
По правую сторонушку — братика родного,
А по левую сторонушку — сестричку родную!

Брат и сестра невесты садятся с той и другой стороны ее. Если нет родных — садятся двоюродные. Дружка продолжает:

Сватушка любезный,
Есть ли у нашей-то нареченной княгини
Шуба лисья,
Опушка кунья,
Петельки витые,
Пуговки литые,
Бел чулок,
Сафьян башмак,
Белила, румянила,
Часторыбий гребешок?
Если нет у вас,
Берите вы у нас!
У нас богасьва много,
У Бога богасьва более того!
Поживем,
Так более того наживем!

Дружка подает подарки от жениха невесте, а также те вещи, которые были выговорены с жениха в приданое невесте. Если выговорено ничего не было, то дружка передает одни только подарки, которые держал до этого полудружье. Подарки состоят из нескольких принадлежностей несложного деревенского туалета или каких-либо мелких украшений. Однообразия в этом случае не замечается.

После сего сват обращается к присутствующим:

Сватушки любезные,
Все гости почтенные,
Скажите мне слово легкосердное:
Кто здесь в доме хозяйюшка?

Называют имя и отчество матери невесты. Тогда дружка обращается к ней со словами:

Свахонька любезна Овдотья Васильевна,
Благословите нашему нареченному князю
Вашего хлеба-соли отведасть!

Коренная сваха выносит на тарелке хлеб с солью и ставит на стол в передний угол. Дружка берет хлеб, приподнимает его три раза и повторяет трижды же:

Сватушка любезный,
Ваш хлеб и наш хлеб:
Нашему хлебу быть наверху!

Затем берет нож и срезывает горбушку, приговаривая:

Свахоньки-стряпушки,
Срежу я с этого хлеба горбушку;
Нет ли у вас какой-нибудь тряпушки
Завязать горбушки?
А если нет у вас тряпушки
Завязать горбушки,
То я их повешу через себя,
И вам, свяхонькам, довольно совестно будет!

Дружке дают платок. Он вынимает привезенную им от женихова хлеба горбушку и, круто посоливши обе, крепко связывает их в платке, сложивши широкими сторонами. Вместе с горбушками связываются и две ложки. Тут же дружке и полудружьё от невесты дарят плюсу (кумачу) на перевязи через плечо. Перевязи украшены лентами, бумажными цветами и соломенными кистями. Иногда это

просто длинные полотенца («рушники», «утирачие платы») с богато расшитыми концами. «Навязывают» их дружке и полудружью свахи. С такими же перевязями щеголяют и невестины дружка и полудружье.

Получивши перевязь, дружка кланяется и говорит:

Покорнейше, свaxonьки, благодарю,
Я и сам вас за это одарю!

Дает дружка денег и заявляет, обращаясь к коренному свату:

Сватушка любезный,
Мы гости заезжие:
Ехали мы темными лесами,
Под черными облаками,
Украшенными звездами;
Ехали мы зелеными лугами,
Ракитовыми кустами,
Чистыми полями —
У нас кони встали!
Кони стоят у нас под коврами,
Добрые молодцы — под белыми кудрями!
Не споконьте нас в поле
На Божью волю¹
И не заморозьте на чужой на стороне!

Коренной сват говорит: «Просим милости в дом пожаловать со всем поездом честным!»

Тогда дружка берет икону с божницы, прощается со всеми сватами и свахами и вместе с полудружеством едут за всем поездом.

ПРИБЫТИЕ ВСЕГО ПОЕЗДА

Тем временем поезжане, у которых захвачен с собой порядочный запас водки, успевают несколько раз «пройти круговую», «пропустить рядовую» по стаканчику, чтобы сократить довольно долгое и томительное ожидание. Если не очень холодно, то они несколько не в претензии на замешкавшегося у свата дружку.

Дружка, подъехавши к стоящему в поле поезду, объезжает его кругом, становится во главе, крестится несколько раз, стоя в санях, дает знак к отправлению. Все нахлестывают лошадей и едут в деревню, прямо к дому невесты.

¹ Вариант: «На Божьей воле».

Когда поезд подъедет к дому невесты, дружка подходит к жениху, берет его за руку и ведет в избу. За ними входят все поезжане и становятся под полатами не раздеваясь. Дружка снова ставит икону на божницу. Молятся всем поездом и здороваются со всеми вообще.

В это время невеста воет:

Что не верба низко клонится —
 Добрый молодец Богу молится,
 Что не травонька по полю расстилается —
 Буйная головушка поклоняется!
 Вы повеите, ветры-вихори,
 Со полночной со сторонушки,
 Унесите моих ворогов,
 Наипаче моего погубителя!

Дружка подводит жениха в передний угол к невесте и говорит, обращаясь к коренному свату:

Вот, сватушко, мне-ка местечко ослободите,
 Я нового наместничка привез!
 Ехали мы поприпотели —
 Испить мы захотели;
 Нет ли у вас стопочки пивца,
 А не стопочки пивца,
 Так в рюмочке винца,
 А не рюмочку винца,
 Так стаканчик водицы!

Коренной сват подает дружке кружку или стакан пива или квасу. Тот обращается к сидящим по обе стороны невесты сторожам и говорит:

Покорнейше вас благодарим,
 Что вы в правде состояли,
 Нашу нареченную княгиню сохраняли,
 Топерича самому нареченному князю
 Местечко ослободите!

Те отказываются и требуют себе выкупа за место, и жених должен выкупить себе место около невесты. Дружка передает кружку с пивом жениху, который в виде выкупа угощает брата невесты. Брат испивает из кружки и говорит: «Не солено». Жених опускает в кружку серебряную монету. Тот снова пьет и снова говорит: «Не сладко». Тогда кладет деньги дружка. Брат отпивает еще глоток и говорит жениху:

Иван Петрович!
Ведь моя-то сестрица
Не по-за полю гуляла,
Не космам трясла,
Не по лесу бродила,
Не с парням время меледила,
А в горенке сидела,
В окошечко глядела,
Свою девью красоту
Про суженое свое¹ соблюдала!

Жених кладет еще денег в кружку, и брат невесты уступает свое место жениху. Когда жених покупает место, невеста в это время воет, обращаясь к брату:

Не сдавайся ты, мой милый брат,
На слова-то их на ласковы,
На поклоны-то на низкие,
На злату казну богатую!
Что слова у них обманчивы,
А поклоны-то наемные,
Золота казна переходчива!

Жениха сажают по правую сторону невесты, а невестина сестра остается пока сидеть на своем месте. Невеста воет:

То не сокол летит по-за полю —
Добрый молодец идет по-за столу!
Не садися-ко ты, добрый молодец,
Со мной рядом, молодешенькой,
Ты со спесью и со гордостью,
А ты садися, добрый молодец,
Со Божиим-то милосердием!

Сейчас же после выкупа места дружка подносит невестину отцу хлеб и соль со словами:

Любезный сватушка
Алексей Тихонович,
Кланяется вам наш сватушка
Хлебом-солью,
А сверх того — любовью!
Ножки-то у меня с подходом,

¹ Чаше: «Про суженого своего».

Ручки-то с подносом,
 Язык с подговором,
 А сердце-то с покором,
 Буйна головушка с поклоном!
 Хлебец-то примите,
 А зятюшка полюбите
 Да почаще в гости зовите,
 Да и меня, храброго друженьку!

Затем дружка вынимает узел с орехами и одаривает по старшинству всех родных невесты начиная с отца. Орехи обыкновенно передаются полудружью, который их и держит, пока дружка распределяет порции. А дружка предварительно спрашивает себе тарелку, на которой и подносятся отмеренные порции:

Сватушка любезный,
 Ехали мы темными лесами,
 Зелеными лугами,
 Чистыми полями,
 Ракитовыми кустами;
 Буйны ветры раздували,
 На нас зверье тут нападали,
 Мы все стрелочки,
 Все тарелочки
 В них пораскидали!
 Нет ли у вас, свахонька, тарелочки,
 А не тарелочки, так блюдечка:
 Сказать — по-русски назвать;
 Бить челом орешками,
 Свахонькиными поспешками!

Дружке сваха дает тарелку. Он кладет на тарелку горсть или две орехов и в это время приговаривает, обращаясь к своему помощнику — полудружью:

Тысяцкий молодой
 С широкой бородой,
 Ко стороночке поотдайся,
 В наши дела не мешайся!

Отмеривши положенное, дружка обращается к тому сродственнику, которому назначается подарок, называя его по имени и отчеству:

Сватушка наш любезный
 (Имярек),
 Повыйди-повыступи
 Из-за печки кирпичная,

Деталь женского головного убора — «наушницы». Середина XIX в. Рязанская область

Из-за столбика горемышного¹
 По полику тесовому,
 Ко мне, друженьке веселому!
 У меня ножки с подходом,
 Мои ручки с подносом,
 Голова с поклоном,
 Язык с подговором,
 Сердце с покором!

Выкликаемый сват выходит и становится перед дружкой, тот подает ему тарелку с орехами, приговаривая:

Орешки вы примите
 Да молодого зятя любите,
 Почаще в гости зовите,
 Да, сватушка, и меня, дружку,
 не забудьте!

Затем выкликает мать невесты и точно таким же образом одаривает ее орехами:

Любезная наша свахонька
 (Имярек),
 Повыйди-повыступи
 Из-за печки кирпичная,
 Из-за столбика горемышного
 По полику тесовому
 Ко мне, друженьке веселому!
 Ножки у меня с подходом,
 Ручки с подносом,
 Голова с поклоном,
 Язык с подговором,
 Сердце с покором!
 Орешков малость примите,
 Молодого зятя любите,
 Почаще в гости зовите;
 Блины пеки потоньше,
 А мажь потолще,
 Да и меня, друженьку, не забудь!

¹ Это уже не соответствует действительности, так как все родственники невесты группируются около стола; вероятное заимствование из наговора при выносе девьей красоты.

При одаривании сватов у «веселого друженьки» готов новый наговор. Выкликнувши свата, как сказано выше, дружка подает ему орехи с такими словами:

Сватушки тороватые,
Вы люди богатые,
Бороды широкие,
Карманы глубокие!
Орешки примите,
Молодого зятя любите
Да почаще в гости зовите;
Винца на столик поболее ставьте,
Да и меня, друженьку, не отставьте!

После сватов приходит очередь всех свах; дружка дарит их, приговаривая:

Молодые молодухи,
Завитые ваши головушки,
Серебряны сережки!
Орешки вы примите,
Молодого зятя любите,
Да и меня, друженьку, прочь не гоните!

Оделивши сватов и свах, дружка не забывает и присутствующих девиц. И им дает порцию орехов, но всем уже вообще, с подходящим приговором:

Красные девицы —
Криношные блудницы!
Ваше дело на погребницу лазать
Да сметанку снимать,
Колобки месить,
Пастушкам в поле носить —
Не пастушкам,
А милым дружкам!
Подарки примите,
Молодого князя любите!

Если есть старухи, то дружка дарит и им орехов, а не то так свахам, которые постарше и не близкая родня, лишь бы не пропал даром такой наговор:

Деталь женского головного убора — «наушницы». Середина XIX в. Рязанская область

Старые старушки —
 Ос...нные м...шки,
 Косые заплатки,
 Толстые запятки!
 Ваше дело на печи лежать
 Да ватажку мять!
 Орешки примите
 Да молодого князя любите!

Остатки орехов кидает на печь и на полати ребятишкам¹. Там начинается драка и рев. А дружка наговаривает:

Маленькие робетёнки —
 Обо...ые портчонки,
 Синие пупки,
 Зеленые ваши желудки!
 Вы глядеть глядите,
 Да сопли с полатей не уроните,
 Мне, храброму друженьке,
 Головку не прошибите!
 Орешки вы примайте
 Да молодого князя поминайте!

После того как все орехи разделены, дружка берет у полудружья пустую коробку, перевортывает ее на виду у всех дном кверху и ударяет несколько раз ладонью по донцу, а затем передает ее обратно полудружью, который и относит ее в дружкины сани.

По окончании этой церемонии начинается другая — расплетание косы у невесты. Расплетает косу коренная сваха, которая предварительно должна выкупить место около невесты, занятой ее сестрой или молоденькой родственницей. Дружка подводит коренную сваху и говорит:

Молодая наша свaxonька
 Олена Олексиевна!
 Очень долго вы сидите —
 Местечка не просидите!

¹ Маленькие ребятишки и девчушки, лет 5—12, являются непременными участниками всякого выдающегося события деревенской жизни, а в свадебной церемонии они принимают даже некоторое участие; еще до приезда свадебного поезда они поодиночке забираются в избу и располагаются на голбце, откуда и наблюдают, свеся головы, за всем происходящим в избе.

Времячка уж много прошло,
 Как бы из-под вас не потекло!
 Извольте нам местечко освободить,
 А мы вас за это можем подарить!

Невеста же, обращаясь к ней, воет:

Ты, желанная моя сестрица,
 Ты не будь моя ненавистница,
 Ты годком еще молодешенька,
 Умом-разумом ты глупешенька!
 Не сдавайсь, родимая сестрица,
 На слова-то на ласковы,
 На златую казну на богатую,
 На поклоны на низкие!
 Что слова у них — обманчивы,
 А поклоны-то подвидные,
 А злата казна проходчива!

Но маленькая девушка, получив какую-либо серебряную монету, живо уступает свое место и лезет на полати к своим сверстницам похвастаться полученной деньгой.

Коренная сваха заняла место около невесты. Теперь ей предстоит довольно трудная и сложная операция — расплести косу у невесты, расчесать и, таким образом, приготовить к обряду, совершаемому в церковном притворе после венчания. Об этом обряде будет упомянуто своевременно далее.

Волосы, заплетенные в одну косу, носят девушки. Одна коса — символ девичества, с которым, предполагается, с такой неохотой расстаётся девушка. И вот предпринимаются различные меры для того, чтобы воспрепятствовать, затруднить расплетанье косы, символизирующее переход от свободной, привольной девической жизни к тяжелой подневольной бабьей доле.

В этих целях в день свадьбы еще с утра приводят косу невесты иногда прямо в невозможное состояние: путают волосы, смачивают их сахарной водой или медом, завязывают узлы и, наконец, втыкают в заплетенную косу массу иголок. Свахе приходится разрушать это сложное сооруженье.

Пока коренная сваха заплетает косу, невеста воет:

Уж приезжая ты свяхонька!
 Я не знаю, приезжая свяхонька,
 Как назвать тебя по имени,
 Звеличать вас по отчеству!
 Не берись, приезжа свяхонька,

За мою за косу русую:
 Что в моей-то во русой косе
 Два-те ножичка булатные!
 Приобрежешь ты свои рученьки,
 Зарудаешь ты светло платьицо!

Сваха, конечно, не обращая никакого внимания на причеты невесты, старается очистить от всего постороннего ее косу и, сделав это, заплетает снова так, чтобы возможно скорее можно было впоследствии расплести ее на две косы.

Когда коренная сваха управится со своим делом (косой невесты), отец невесты приглашает весь женихов поезд «перед начатием доброго дела подкрепиться»: «Пожалуйте, сватушки и свахоньки, почеститься чем Бог послал», — говорит он, и весь поезд садится за стол.

Тут «столы сидят» недолго. «Рассусоливать неколи». Подают к столу лишь лапшу с мясом: едят ее с «папушником» — белым хлебом; наливают по 2—3 рюмки водки и затем кладут на стол два длинных «с аминем» (без начинки) пирога крест-накрест: знак, что ничего не будет.

Во время стола невеста воет:

Ты, родима моя матушка,
 Вековая моя заботница,
 День-деньской потаковщица¹,
 Ночь-ночная богомольщица!
 Погляди-ка, родна матушка,
 На свою на дочь на милую
 Ты в последний раз, в останешний!
 Ты ходи-ка, родна матушка,
 Ступай реже, потихохоньку,
 Носи есьва помалехоньку,
 Протяни-ка день до вечера,
 Что до самой темной полночи,
 Чтобы гости здесь позабаялись,
 Меня, горькую, позабыли!

Вслед за этим обращением к матери невеста воет также, обращаясь и к брату или молодому близкому родственнику, заступающему место брата (в данном случае на него возлагается обязанность виночерпия — наливать вино и обносить им женихов поезд):

¹ Вариант: «послощица».

Ты послушай-ка, мой милый брат,
 Что я буду тебе говорити,
 Во слезах я буду просити:
 Ты ходи-ка потихохоньку,
 Питьецо носи помалехоньку,
 Протяни-ка день до вечера,
 А со вечера до полуночи¹,
 Чтобы гости здесь позапили,
 Меня, горькую, позабыли!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ И ОТЪЕЗД В ЦЕРКОВЬ

Тотчас же после стола совершается обряд благословения образом. Стол из переднего угла убирается. Затепливают лампадку. Кто-нибудь читает молитву. Отец невесты берет предназначенный в приданое за невестой образ — почти всегда какая-либо икона Пресвятой Богородицы — и становится вместе с матерью невесты в передний угол («к тяблу») лицом к народу. Невеста и жених становятся перед ним.

Сначала благословляет невесту отец. Невеста трижды кланяется в землю, а отец в это время делает крестообразные движения над ее головой. Потом невеста прикладывается к образу и целует отца.

Во время благословения невеста воет:

Катись, молись, правая рученька,
 Покланяйся, буйная головушка!
 Ты, радельщик мой батюшка,
 Я не злата прошу и не сѣребра,
 Я прошу, радельщик-батюшка,
 Великого благословеньица —
 Навеки нерушимого!

После отца точно так же благословляет невесту мать. Невеста воет:

Катись, молись, правая рученька,
 Покланяйся, буйная головушка!
 Ты, радельщица моя матушка,
 Я не шитого прошу и не браного,
 Не большого прошу приданого:

¹ Вариант к вышеприведенной фразе в причете, обращенной к матери.

Я прошу, радельщица-матушка,
Великого благословеньица —
Навеки нерушимого!

Когда обряд благословенья закончится, все собираются ехать к венцу. «Столы отсидели», формальности все выполнены «честь честью», как заведено исстари.

Дружка соединяет руки жениха и невесты и за руки ведет их к двери. Невеста воет:

Отсидела лебедь белая
Среди моря на камешке,
Полетела лебедь белая
За сине море во чужи края!
Отсидела я, молодешенька,
Что во красных-то во девушках,
Увезут меня, молодешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку!

Дружка доводит жениха и невесту до порога и останавливается. Невеста остается в избе, а жениха дружка уводит «на мост» и ставит перед порогом двери, ведущей в избу.

К невесте подходит ее отец (в некоторых местах — ближайший родственник), берет ее за руку и спрашивает жениха: «Пошто, зеть, приехал?» Дружка за жениха отвечает: «По Божье милосердие!» Тогда дружка невесты передает ему икону, которою ее только что благословляли. «А еще пошто, зеть, приехал?» — продолжает спрашивать отец невесты. «По свое суженое», — отвечает уже сам жених.

Тогда отец невесты отпускает ее руку, и она ступает через порог, но, как будто отброшенная какою-то силою, отпрядывает назад в избу. И так проделывает трижды, каждый раз творя громко Иисусову молитву.

Дружка с женихом и со всем поездом идет на улицу и усаживает поезд, то есть с шутками и прибаутками суетится около размещающихся по своим саням сватов и свах. Жених стоит около своей лошади и пока еще не садится.

Невесту же в это время ведут одевать на дорогу в шубу и вообще в зимнюю одежду. Эта церемония совершается в кути. Одевают невесту свахи. Сама же невеста в это время воет, обращаясь к своей шубе:

Уж ты, шуба моя, шуба новая,
Шуба новая, неношенная,
Незаношенная, незаруданная,
В красных девушках не надеванная!

Одевшись во всю свою зимнюю одежду, невеста в последний раз прощается со своими родителями: сначала с отцом, обращаясь к которому воет:

Ты, радельщик мой батюшка,
Ты послушай меня, горькую,
Я об чем буду просити,
Во слезах буду говорити!
Не забудь, радельщик-батюшка,
Со радельщицей со матушкой
На чужой меня сторонушке,
У чужого отца-матери,
У чужого роду-племени!
Ты ходи, радельщик-батюшка,
Со радельщицей со матушкой
Что ко мне в дороги гости!

Затем невеста прощается с матерью и, обращаясь к ней, воет:

Ты, радельщица моя матушка,
Векова моя сухотница!
Ты послушай меня, матушка,
Что я буду тебе говорити,
Со слезам я буду просити!¹
Ты ходи, родима матушка,
Со радельщиком со батюшком
Что ко мне-то в дороги гости!
Не откладывай, радушка-матушка,
Что зимой-то за погодушкой,
Красным летечком за работушкой,
Не спокиньте сиротинушкой
В чужедальней во сторонушке,
У чужого роду-племени,
У чужого отца-матери!

Нужно здесь отметить, что при одеванье невесты к венцу принимаются меры к тому, чтобы ее по дороге как-нибудь не сглазили, не «изурочили», чтобы к ней что-нибудь не «присунулось». Чаще всего для этой цели в одежду невесты втыкаются крест-накрест безухие иголки. <...>

Усадивши всех поезжан, дружка возвращается в избу невесты и уже без особых церемоний берет ее за руку и потихоньку ведет из избы. Невеста, прощаясь с родным домом, воет:

¹ Приводится незначительный вариант сравнительно с обращением к отцу, но иногда оно повторяется с буквальной точностью.

Ты прости-ко, мой нов высок терем,
Ты прости, моя нова светлица!
Уж мне боле здись не прохаживати,
Нов сафьян башмак не истаптивати,
Нов шелков чулок не изнашивати!

Подойдя к двери, дружка трижды читает Иисову молитву. Два раза он не получает никакого ответа, поэтому перед прочтением молитвы в третий раз он говорит:

Без Иисовой молитвы дверь не запирается,
Без аминя дверь не отворяется!

Тогда присутствующие отвечают ему хором: «Аминь!»

После того как зааминили, сват растворяет дверь и ведет невесту дальше. На мосту невеста продолжает выть:

Подымитесь, буйны вихори,
Со полудня, со полуночи,
Со восхода и со заката,
Разнесите нов калинов мост,
Разразите моих погубителей!

Фрагменты подзора.
XIX в. Русский Север.

Сходя с лестницы, невеста воет:

Я на первую ступень ступила:
Потеряла я потерюшку,
Невеликую и немалую —
Из косы-то ленту алую!
На другую я ступень ступила —
Отошла вся воля батюшкина,
Воля батюшкина, негa матушкина!

Здесь я считаю долгом отметить целый ряд показаний, утверждающих, что еще в недавнем прошлом, а на севере уезда и в настоящее время, свадебный поезд отправлялся от ворот скотного двора (задней избы), а невесту проводили через скотный двор, закутанную, закрытую с головы до ног.

Невесту подводят к саням, но ее место в санях занято подругой, требующей выкуп. Жених дает обыкновенно серебряную монету, а дружка горсть мелких пряников или орехов, и место освобождается. Тут усаживается коренная сваха женихова. Жених схватывает невесту и валит ее в сани на колени свахе. Сваха ее наглухо накидывает штучным одеялом. Дружка усаживает жениха.

ДОРОГА ДО ЦЕРКВИ

Теперь все уселись, поезд установлен по порядку и готов к отъезду. Дружка берет икону в одну руку, плеть в другую и трижды, по солнцу, обходит кругом поезд с молитвою и наговором. Четыре раза «прити¹ каждой стороны света белого» останавливается он и, творя Иисусову молитву, крестообразно хлещет по снегу плетью и крестообразно же осеняет каждую сторону иконой.

Когда обход кончится, поезд наконец отправляется в путь.

Поезжане при этом наблюдают, какая в этот день стоит погода, и сообразно с этим высказывают свои соображения о предстоящей совместной жизни будущих супругов.

По дороге в церковь в зависимости от расстояния поезд несколько раз останавливается. Любители выпить, уже несколько «зарядившиеся», вдруг задерживают лошадь и кричат: «Сумётно! Всю дорогу перемело — никак не проедешь!» Или же заявляют: «Завертка лопнула, вожжа развожжалась!», «Супонь развязался!» — и т. п. Это значит: нужно поднести. Полудружье с бочонком водки обходит весь поезд и подносит каждому желающему по стакану водки. Тогда едут дальше — до новой остановки и выпивки.

«Дотоль, — рассказывал мне один из моих осведомителей — Г. С. Чистяков, — народ попроще был, невесту везли сзади поезда либо в середине, сколько хотели, столько и останавливали. А теперь невесту возят впереди. Раза два поднесут, а там — не прогневайся. Стой сколько хошь — жених с невестой и одни уедут».

В деревнях, через которые лежит путь свадебного поезда, народ выходит на улицу и перед самым проездом перегораживает дорогу. Это называется «перенимать свадьбу». Богатых перенимают протянутым через улицу холстом или новиной, а бедных — просто «ужищем» (веревкой).

За «переем» дают обыкновенно на четверть водки, которая немедленно и распивается.

Ребятишки бегут за поездом и кричат что есть мочи: «Дружка, дружка, пряничков! Свахонька — орешков!»

Им бросают прямо в снег куски мелко изрезанных специально на свадьбу покупаемых так называемых «свадебных пряников» или же орехов.

Ребятишки роются в снегу, отыскивают и вырывают друг у друга полуразмокшие кусочки. Обыкновенно начинается драка, но ненадолго, так как надо бежать к венчанью (если церковь недалеко от деревни).

¹ То есть: против, напротив (Ю. К.).

ВЕНЧАНЬЕ

Если свадьба богатая, то священник, в епитрахили и с крестом в руках, выходит встречать жениха и невесту к церковным дверям. Освещение в церкви зажигается по предварительному уговору с церковным старостой. На особенно богатых свадьбах бывает полное освещение, и свадьбу поет хор доморощенных певчих (по местному выражению — «певчая»).

Невесту и жениха ставят посреди церкви, перед аналоем. Вокруг располагается весь поезд. Церковь еще до приезда свадьбы наполняется народом, который ведет себя довольно бесцеремонно. Относительно жениха и невесты суждения высказываются громко и без стеснения, равно как и о всех поезжанах. Парни и девицы затевают возню, слышны визги. Ребятишки шныряют по всей церкви и шалят или же стараются протискаться вперед, поближе к аналою. Священнику приходится обыкновенно много раз унимать глядельщиков.

Если почему-либо свадьбу венчают без большой огласки — «не на знати», — то, видя мало собравшегося народу, кто-нибудь из глядельщиков ударяет несколько раз в «караульное колоколо», и все знают, что обозначает такой звон, и церковь быстро наполняется.

Венчанье обыкновенно бывает между 6 и 9 часами вечера. Стараются как-нибудь «провести», протянуть время, оттянуть свадьбу «напоздно», чтобы поменьше водки выпили.

Дружки (женихов и невестин) проходят вперед и ставят привезенные с собою образа, которыми родители благословляли жениха и невесту, на подсвечники перед местными образами: женихов — направо, а невестин — налево. Затем невестин дружка отдает в алтарь священнику обручальные кольца, а женихов дружка отправляется на клирос, где и кладет «под Апостол» привезенные с собой горбушки хлеба.

Во время совершения церковного таинства брака необходимо отметить несколько моментов, соединенных с народными верованиями, суевериями, поверьями и проч.

Все участники свадьбы, равно как и все окружающие, наблюдают за каждым случайным обстоятельством, за каждым движением жениха и невесты, чтобы вывести отсюда своеобразные заключения об их будущей жизни.

Кто первый переступит порог церковный, тот до свадьбы честнее жил (то есть лучше было поведение).

Кто первый остановится перед аналоем, тот скорей установится (то есть ровней и серьезней будет поведение после свадьбы).

Кто в церкви оглядывается — «вертится», тот в жизни вертеть будет (то есть неоснователен).

Кто первый вступит на подножник, тот будет в семье «большничать» (то есть будет действительным главой семьи).

У кого венец на голове непрямо надет, тот будет в своей жизни против другого кривить (то есть изменять).

Если теплоту¹ пьют большими глотками — пьяница будет.

У кого свеча больше сгорит, тот скорей помрет.

У кого свеча «оплывает», тот будет часто болеть.

Принимаются и некоторые меры предосторожности для предотвращения грядущих неприятностей.

Если жених или невеста больны, то во время венчанья нужно ударить в большой колокол, чтобы не «завенчать» и болезнь.

Чтобы свекор и свекровь не были сердиты, невесте надо во время трехкратного обведения вокруг аналоя трижды прошептать: «Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его».

Чтобы жить мирно, не ругаться, надо во время венчанья незаметно придерживать друг друга за край одежды.

Чтобы жена боялась мужа, просят читающего во время венчанья Апостол как можно громче выкрикивать последние слова: «...А жена да убоится своего мужа!» За это часто предлагается даже особая плата.

Если свадьба богатая или почетная, то после венчанья, когда молодые прикладываются ко кресту, священник им говорит особое поучение о будущей совместной жизни.

Сейчас же после венчанья совершается особый обряд: молодую «крутят». Свахи уводят ее в притвор или сторожку, быстро расплетают одну, девичью, косу на две и надевают заранее сшитую бабью кичку. Это обозначает, что невеста уже принаплежит к числу женщин: «Коли бабий шлык — так тому и быть».

Священник получает при этом особый круглый «крутильный» пирог с мясной начинкой и большой свадебный пряник. Сам он при этом обряде не присутствует. Мужчины также совершенно не допускаются.

Пока ездят за невестой и идет венчанье, в избе жениха идут деятельные приготовления к принятию молодых и поезжан. «Идет стряпня рукава стряхня». Принаряжаются, прихорашиваются, причищаются, прибираются.

В это же время родители жениха принимают привезенное от невесты приданое.

Вместе со всем поездом жениховым отправляется в дом невесты и один из близких родственников жениха, участвовавших в сватовстве, для того чтобы принять приданое. Вместе со всеми он «сидит столы», а затем, когда невесту везут в церковь, приступает к выполнению данного ему поручения. Тут дело ведется возможно скорее, так как нужно торопиться, чтобы не опоздать к свадебному столу.

Свата, без дальних разговоров, прямо ведут в холодную избу,

¹ Красное церковное вино, смешанное с водою.

или в «сильник», где стоит «коробка»¹ с приданым. На ней сидят девицы, подруги невесты, и требуют выкуп. После недолгих переговоров сват кладет постепенно на каждый угол коробки по «серебряшке» (коп. по 10—15—20), а затем и посередине, после чего девицы забирают деньги и уступают ему коробку.

Сват проверяет приданое, запирает коробку на ключ, ставит ее в сани и что есть духу мчится в дом жениха, где происходит новая проверка приданого. После проверки коробку относят в то помещение, где будут ночевать молодые.

В приготовлениях к приему новобрачных принимают участие и маленькие ребяташки. Они натаскивают на пол соломы, чтобы молодые жили богато. За это их кормят лапшой и кашей. Потом ребяташки собирают кучу старых лаптей, берут по охапке соломы и отправляются встречать молодых. Когда молодые подъезжают, ребяташки надевают лапти на палки, набивают соломы и зажигают. При свете этих доморощенных факелов поезд подъезжает к дому.

Еще дорогой молодые съедают две горбушки, которые дружка брал с собой в церковь.

Свекор и свекровь выходят встречать молодых в вывороченных тулупах или в долгих белых рубахах, чтоб невестка боялась.

Иногда, если молодые едут домой не в венцах и без священника, молодые женщины затягивают во время встречи старинную песню:

Уж как отдали младу на чужую сторону!

Ох-тих-тих-ти!

Эх-тих-тих-ти!²

Ее в избу-то ведут, приговаривают;

Уж как свекор говорит: «Нам медведицу ведут!»

Уж свекровь-то говорит: «Медоедицу ведут!»

А деверья говорят: «Нам непряху³ ведут!»

А золовки говорят: «Нам неряху⁴ ведут!»

А две тетушки, две голубушки,

Они у печки сидят, все про то же говорят:

«Дайте ночку ночевать — поосмелиться,

Дайте по полу пройти — слово вымолвить:

«Уж ты, свекор, на полатах — что собака на канате!

Ты, свекровушка, на печи — ровно пес на цепи!

Вы, деверья-соколы, — у вас жены таковы!

Вы, золовки-колотовки,

¹ Коробка — это согнутый из цельного луба сундук с крышкой, иногда раскрашенный, сшит «вицей» или ремнем.

² Припев после каждой строки.

³ Непрялю.

⁴ Небралью.

Сами в люди пойдете — таковы же будете!
 А вы, две тетушки, две голубушки,
 Вас поставлю на порог — да по шее до ворот!
 А кто сватался, тот бы спрятался,
 А кто сватать-то ходил, тот бы в омут угодил!
 А кто и свадьбу-то венчал,
 На коле бы тот торчал!»

Но, повторяю, эту песню нынче можно слышать на свадьбе очень редко. Разве там, где свекор и свекровь люди старинные.

Все поезжане раздеваются в сельнике, где им и подносят по два стакана водки, без всякой закуски, чтобы «сразу очекурели». Только та свадьба и считается хорошей, где гостей во все время держат в полусознательном состоянии. «Что, сват, хорошо ли на сварьбе гулял?» — спросит один крестьянин другого. «И не говори, сват, как хорошо! Примини — ночь темная — ничего не помню, как приехали, хватили по два семикопешных да еще по два — сразу очекурел. Ни сидел, ни лежал — не помню!» — «Неча баять, сварьба — справная!»

Когда все усядутся за стол, дружка говорит:

Поварея, повареюшка,
 Золотые твои рученьки,
 От печки кирпичные,
 От столбика горемышного
 Выйди-повыйди, повыступи!

Стряпуха, которая приготавливала угощение на свадьбу, выходит. Дружка спрашивает:

Старая старушка,
 Повареюшка-стряпушка,
 Повареюшка наша,
 Варена ли каша?
 Что есть в печи,
 Все на стол мечи!

Отвечает стряпуха:

Друженька молодой
 С гладкой головой,
 С широкой бородой,
 Разговор твой дорогой!
 Кашка-то сварена,
 Да заслоночка калена!
 У нашего сватушка
 Есть в печи-то кирпичи,
 Да очень горячи!

Заслоночка жжется,
В руки не дается,
Очень поджигается,
Полотенца дожидается!

Стряпухе дарят полотенце, и она выносит горшок каши и пирог, приговаривая:

Видно, молодая-то княжна
Не по лесу гуляла,
Не гусей пасла,
Не космам трясла,
А тонко пряла,
Да звонко ткала,
Да в коробочку убирала,
В подарочки припасала!

Горшок каши и пирог ставят на стол. Свекровь закрывает молодую платком; дружка зажигает пучок лучины; свекор берет пирог, кладет на него деньги, тот поднимает платок, тычет в невесту пирогом и спрашивает глядельщиков: «Хороша ли?» Ребятишки кричат: «Хороша!» Эту церемонию проделывает всякий, кто хочет подарить невесту. Дарят и деньгами, и ситцем, и платками. Последний раз ребята кричат:

Хороша, хороша!
Бочку пива,
Штоф вина,
На закуску пирога,
Так и будет хороша!

Поезжане все пробуют каши. Дружка надламывает пирог пополам, все выщипывают из середины по кусочку. Затем горшок с кашей и пирог схватывают ребятишки. Начинается драка и вырыванье друг у друга. Вместо каши в руках остаются одни черепки. Особенным молодечеством считается, если кому-нибудь удастся стащить горшок целым.

Затем дружка уводит молодых в куть и угощается с ними. А все остальные поезжане располагаются в избе. Начинается ужин. За ужином подаются: пироги, лапша, похлебка, жареная соленая говядина (свежей говядины не бывает), студень, заливное. Пива и водки — в изобилии.

Молодые сидят недолго. Тотчас после ужина дружка укладывает молодых спать в другой избе¹. Ребятишки, как только молодых

¹ Если свадьба бывает летом, то ведут спать в сарай, причем для прохода молодых разбирают целый тын или огород.

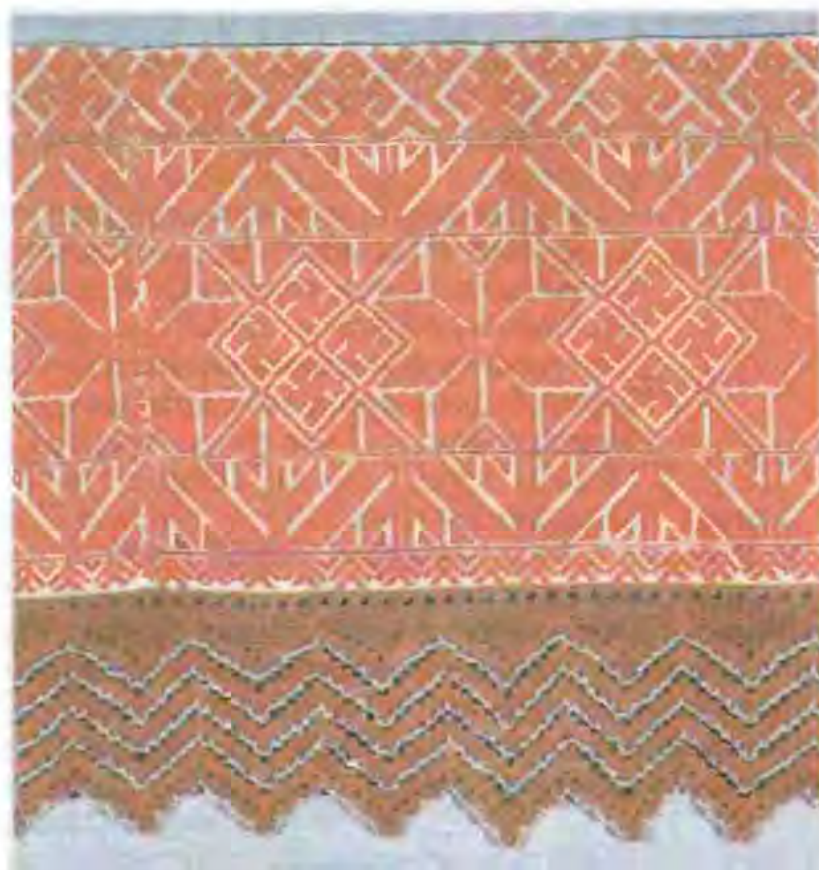
Образец набойки.
XVII в.

уложат спать, набирают поленьев, чурбаньев и кидают в стены той избы, где уложены молодые. Это называется «отшибать сердце».

Сговорки, а еще более свадьба — вместе праздник и для всей деревни. Мужики, бабы и ребятишки толпятся в избе и в сенях во все время стола. Им дают на водку, подносят пива. Когда поезжане понапьются, их начинают качать сначала мужики, потом бабы. Свата или сваху сажают на табуретку и высоко подкидывают под звуки веселой песенки:

Ах, что и нет нигде такого богача
Окромя Митрия Ивановича!
Он со тысячи на тысячу ступал,
Из кармана миллион вынимал,
А бумажки все новенькие,
Двадцатипятирублевенькие!
«Уж вы, Сашки, Наташки мои,
Получайте-ка бумажки с меня!»
Ура! Ура! Ура!

За качанье дают денег; качальщики посылают снова за водкой и снова пьют. Потом складываются и снова посылают за водкой. Так почти до рассвета веселится вся деревня.

Свадебный подзор.
XIX в. Архангельская
область

Наутро опохмелка. Всем гостям подносят по стакану водки. Потом дружка и свахи берут горшков и идут будить молодых. Горшки бьют об двери той избы, где спят молодые. Умываться молодым подает дружка грязную воду в разбитой кринке, утираться — грязную тряпку, причесаться — ряд зубов из бороны или выломанный гребень, поглядеться — осколок зеркала. Это для того, говорят, чтобы молодые привыкали ко всякой жизни.

Когда молодые встанут, все садятся завтракать. После завтрака — чай. Немного спустя — завтрак от невесты, во время которого за столом сидит только женихова родня, а невестина угощает. Почти тотчас за невестиним завтраком обед, а после него «складчина»: все гости складываются по 15—20—25 коп. и посылают за вином. Подвыпивши, запрягают лошадей, переряживаются, ставят в санях мачту, украшенную красными лентами (знак невинности невесты), и с песнями разъезжают по деревне.

В тот же день бывают «чернушки», «умывашки» и «утирашки». Полупьяные гости чернят друг друга сажис. Жених берет бутылку водки и рюмку, а молодая стоит с водой, мылом и полотенцем. Черный гость отмывается и утирается, дает молодой денег, а молодой подносит ему вина. Тогда же молодая дрова рубит и метет пол, чтобы показать свое уменье, а гости бросают деньги.

Часов в 7—8 вечера начинается «красный стол». Гости пьют и едят, кричат «горько!». Молодые «сладят» — целуются. Под конец стола подают почки. На каждого свата и сваху подают стакан вина — «чарочку на парочку», а на закуску кусок почки. Все поют:

Чарочка моя, на золоте блюде поставленная!
 Кому чару пить, кому здраву быть?
 Пить чару, выпивать чару Зиновею Васильевичу
 Со Авдотьей Дмитриевной!
 Что не лист и трава расстиляется —
 Наши буйные головки поклоняются!
 Многая лета!
 Многая лета!
 Многая лета!

Муж, держа в руках стакан водки, встает на лавку, а жена ложится перед ним на пол. Муж наговаривает что-нибудь. По большей части все наговоры не отличаются особым смыслом, потому что пьяные мелют что им в голову взбредет. Почему-то во всех наговорах этого рода упоминается о пьяницах, рае или аде. Вот образчик наговора на почки:

Пей винцо умненько,
 Так и завтра дадут маленько:
 Пить — пей,
 А сие питье под ноги не лей;
 Сам про то рассуди:
 Как сие питье поднять с земли!
 Пишет адская газета,
 Какова будет пьяницам награда на том свете:
 У сатаны был любезнейший внук,
 Тот наделал во аде всяких разных мук;
 Для больших таких дней
 Он развел много всяких разных огней!
 Приказал ему сатана размерять адскую глубину,
 Чтобы было где грешников сажать за вину!
 Является пьяница на тот свет,
 Бес приказал пьяницу спросить,
 Кто его пьянством искусил;
 Пьяница говорит: «Искусил меня нечистый дух».
 А нечистый дух выскочил из-за сторонки
 И кричит: «Врешь ты, мой милый друг,
 Вы сами гуляли, дружки,
 И сами собой праздничек нашли!»
 Сатана велел пьяницу в геенну отвести
 И из башки его все похмелье растрясти

И приказал его повалить, подлягу,
 И вытрясти из него всю блудную влагу!
 Являются на тот свет попы,
 А бес кричит: «Зачем вы идете сюды?
 Ведь вы, отцы, жизнь свою продолжали в монастырях,
 Принадлежать бы вам и жить в райских краях!
 А-а! Дружки, должно быть, вы невоздержно жили,
 Когда моей области честь заслужили!»
 Являются на тот свет и господа,
 А бес из ада кричит: «Пожалуйте сюда,
 Я буду для вас чаек согревать;
 Для роскошных ваших тел
 Есть у меня большой котел:
 В кипячей воде промочите вы свои скаредные души —
 Вместо пуншу!»

Когда кончится наговор, сват и сваха выпивают стакан пополам, закусывают одним куском и целуются, держа друг друга за уши.

На другой день опохмелка, чай, обед, и свадьба кончена, все гости разъезжаются. Молодые едут к теще и там ночуют.

На другой день ворочаются домой.

На масленице молодые ездят гулять на торги: в понедельник в Судиславль, во вторник в Колшево (торговое село Кинешемского уезда), в среду в Кострому. На торгах покупают орехов и пряников. Орехи кидают по дороге встречным ребятишкам. На этих же торгах молодая начинает знакомиться с терниями супружеской жизни. Молодой считает своим долгом напиться и «малость поучить» жену кулаками или тем, что заставляет ее бежать рядом с санями верст пять.

На масленице молодые ездят по жениной родне и дарят пряники, а их отдаривают полотенцами. Когда молодые проезжают через деревни, ребятишки останавливают лошадь и начинают кричать: «Молодой-то глухой, слепой, немой, безносый» — и т. п. Молодая должна встать и целовать все те места, которые называют ребятишки.

Н. Н. Виноградов

НАРОДНАЯ СВАДЬБА В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ

ПРОПИВАНЬЕ

РЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА НАЧИ-нается у нас, как и везде, сватовством. Когда дело слаживается, сватающие договариваются о выводе с жениха, о приданом невесты, дают друг другу руки и молятся Богу. При этом иногда бывают, кроме свата или сватьи, отец жениха и мать, даже и сам жених. Когда помолятся, народу — соседей и соседок — находит полная изба, а к невесте собираются подруги. Договорившиеся сватовья садятся за стол, распивают вино и чай. Невеста в это время где-нибудь лежит и плачет, стонет и причитает. Такое начало свадьбы называется очень разнообразно: в одном месте Пошехонского уезда это — *пропиванье*, в другом: *слово дали*, *сговорки*, *просватанье* и проч.

Вот какие причеты выводит невеста:

Не давай, кормилец-батюшко,
 Ты свой-то руки правыя
 Моему-то злому ворогу —
 Свату, к тебе засланному!
 Не зажигай-ко, родимая матушка,
 Свечи воска ярого,
 Не молитесь вы Богу-Господу,
 Не сгубляйте красу девичью!
 Мало-то я у вас, желанные,
 Пожила, покрасовалася,
 Со подружкам поводилася;
 Мало я у вас нагулялася
 По темным лесам дремучиим,
 По полям-лугам зеленыим;
 Мало-то я у вас порядилася
 В дорогие платья цветные!

Когда сватовья садятся за стол и начинают *пропивать*, т. е. пить вино, целоваться и поздравлять друг друга, невеста причитает:

Не пропивай, кормилец-батюшко,
 За стаканом зелена вина
 Ты мою да красу девичью!
 То вино-то из слез сделано
 Да на слезы сватом куплено!
 Уж как мне-то, красной девице,
 Знать, досыта будет плакаться,
 А слезами умываться?

Пропиванье бывает очень недолго: разопьют четвертную или полведра, возьмут у невесты для жениха платок или кольцо и затем сватовья уходят. Народ и подружки невесты остаются. Невесту сводят с печи или с полатей, сажают за стол, где она должна плакать и причитать; причем накрывают ее большим платком, чтобы не видно было лица. За столом невеста опять начинает причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
 Пресвятая Мать Богородица!
 Благослови, кормилец-батюшко
 И родимая моя матушка,
 Мне садиться-то, красной девице,
 Мне во место-то во печальное,
 Во печальное да в горе горькое!
 Вы, соколики братцы милые
 И голубушки-невестушки,
 Осердились да распрогневались

На меня, на красну девицу:
Вы пропили меня, желанные,
За стакан за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для вас скорая,
Обносила вас, желанные,
Обносила платьем цветным,
Вас объела кусом сахарным!

Потом невеста обращает свои причитанья к стоящим и сидящим рядом с нею подругам:

Вы, голубушки-подруженьки,
Вы, лебедушки да белые,
Вы, соседушки болезные,
Что вы долго снаряжались?
Иль посылу дожидались?
Мне послать-то было некого,
Мне самой-то идти не время:
Мне подрезали скоры ноженьки!
Не пришли, знать, вы за спесию
Да за гордостью великою!
Я сама-то знаю-ведаю:
Не за спесью, не за гордостью,
А за делом за домовым!
Не прогневайтесь, подруженьки
И соседушки болезные,
Что не вышла, вас не встретила
Середь улицы широкия,
Середь мостику калинова,
Середь лесенки брусовыя!
Не становилась я, красна девица,
Супротив креста поклонного,
Что поклонного да богомольного!
Не смогу встать-приподняться
Я от лавочки-то от дубовыя,
От опушечки-то от кленовыя:
Испугал меня кормилец-батюшко
И родимая-то моя матушка
Что до самого до ретива сердца!
Скоры ноженьки-то подломилися,
Руки белые-то опустилися,
Голова как с плеч свалилася!
Испугали меня, девицу,
Что чужой злодейкой стóроной,
Что злодейкой незнакомою,

И злодеями — злым чужим людям,
И дородным добрым молодцем!

После причитанья подруги и соседи унимают невесту: «Полно, голубушка, перестань, не надрывайся, еще наплачешься!» Прощаются и расходятся. Невеста опять идет на печь или на полати, и с этого времени она оставляет все дело: никто из домашних не принуждает *сговорёнку* к работе. После пропиванья невеста каждый день плачет, сидя за столом, обращаясь то к отцу, то к матери с причитаньями, почти такими же, какие приведены выше. Подруги ее постоянно навещают. При входе их невеста причитает: «Что долго замешкались, мои подруженьки?» Они шьют приданое, разное белье и сарафаны.

РУКОБИТЬЕ

В назначенное время, дни за три, за четыре до свадьбы, бывает рукобитье. Сват с отцом и матерью жениха в сопровождении родственников едет к отцу невесты для пиროванья на рукобитье. Входят в дом, молятся Богу, здороваются с хозяевами и, по приглашению их, садятся за покрытый скатертью стол. На нем стоят на тарелке пирог-сгибень и соль. Отец (иногда мать) невесты зажигает перед образом свечу, и все встают, а двери запирают на крючок: примета народная, чтобы во время богомольства никто посторонний не пришел. Молятся. Потом сват складывает руку отца жениха с рукою отца невесты и, взяв со стола пирог, обводит им вокруг руки сватовой три раза; затем, переломив, делит пополам. Этот переломленный пирог хранится до дня свадьбы; после венчанья новобрачные должны съесть его прежде всего. Потом сватовья садятся за столы, и начинается обед, угощенье допьяна. В это время невеста сидит под полатами в заднем углу, покрытая платком; вокруг ее подруги, а впереди смотрят соседи. Если невеста сама не очень горазда на причитанья, в таком случае зовут *выльницу*, которая и помогает ей выть — причитать. Вот какие преимущественно бывают причитанья в день рукобитья:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Мать Богородица,
Повыть-то мне, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слез горючих повыронить,
Лицо белое повымочить,
Платье цветное повырудать!
Голоса-то у меня, молодой-младехоньки,
Голоса-то заунывные
И причеты всё нескладные!

Прялка. Начало XX в. Архангельская область

Невеста обращается к отцу, матери, братьям и невесткам:

Ты послушай-ко, кормилец-батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки-невестушки,
Я о чем вам говорить буду,
Говорить буду, наказывать,
Понизехоньку вам буду кланяться,
Горючим слезам заливатися!

Невесту подводят к отцу, матери и к родным; она им кланяется в ноги. Все плачут навзрыд. Потом невесту опять отводят в угол под полати, и она причитает:

Ну, Господь же с тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики братцы желанные,
И голубушки-невестушки!
Не послушались вы наказу крепкого,
Запоручили вы красну девицу
За поруки-то за крепкие,
За письма-то вековечные!
Вы на что же так рассердились,
Рассердились, распрогневались?
Запрошу я, красна девица,
У тебя, родимый батюшко,
Я себе беру приданое:
Города все с пригородками,
Все леса с полями чистыми!
Ты подумал бы, кормилец-батюшко,
Я слуга тебе была и работница,
Я в семье была покорная,
Имя честное не бесславила;
А ты не дал мне, кормилец-батюшко,
С умом-разумом собратися,
Со подружками сверстатися!
Я в чужих людях, младехонька,
От работушки замаюся;
За столбом я потихоньку
От чужих людей наплачуся!
Уж как этим ли чужим людям
Мои слезы сладки кажутся,
Мое горе им — весельицо,
Мне кручина, а им радости!

Лопасть прялки. Начало XX в. Архангельская область

Невеста с причетами обращается к своим подругам:

Вы, подруженьки, вы, голубушки,
 Задушевные вы сударушки,
 Как пойдете вы на гуляньицо,
 На гулянье на веселое,
 Во леса-то вы во темные,
 Во поля-то вы во чистые
 Собирать грибки да ягодки,
 Работать работу страдную,
 Выводить хороводы веселые:
 Не забудьте меня, милые,
 На чужой дальней сторонуще,
 Вспомните от раденьица,
 Как живу я у чужих людей!
 Мое сердце растоскуется,
 Я приду к вам, вас споведаю,
 Про свою вам жизнь поведаю!

В некоторых местах Пошехонского уезда рукобитье бывает у жениха; тогда отец его угощает родителя невесты, но порядок соблюдается тот же: пирог ломается и Богу молятся одинаковым образом. Жених угощает вином и пивом гостей. Когда собираются на рукобитье отец, мать и другие родственники невесты, она прощается с ними, причитая:

Вы поедете, мои родимые,
 На злодейку чужу сторону,
 На злодейку незнакомую,
 Не садитесь, мои желанные,
 За столы-то за дубовые
 И за скатерти-то самобраные,
 Не сдавайтесь на слова сладкие,
 На поклоны их на низкие:
 Их поклоны-то покуплённые,
 А слова-то все заучённые,
 Питья, яства в долг понабраны,
 Платья цветны в прокат заняты!
 Не давайте, кормилец-батюшко
 И родимая моя матушка,
 Не давайте руки правыя
 Через столы вы через дубовые,
 Через скатерти через браные;
 Не запоручайте меня, девицу,
 За поруки вы за крепкие,
 Что за крепкие, вековечные,

Чтобы мне, молодой, не плакаться,
С вам, желанным, не расстатися!

Потом она обращается к невестке:

Ты послушай-ко, моя невестушка,
Разлюбезная голубушка,
О чем я тебя просить буду!
Поприметь, моя сударушка,
Ты злодейку чужу сторону,
И злодеев всех чужих людей,
И дородна добра молодца:
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?

Когда родные возвращаются с рукобитья, невеста опять встречает их причитаньями:

Не послушались, мои желанные,
Моего наказу крепкого,
И не сжалились на мои слезы,
Вы на слезы мои горькие!
Запоручили вы девью красу
За поруки-то за крепкие
И за письма вековечные!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я бесчестила?

Обращается к невестке и причитает:

Ты, голубушка-невестушка,
Что приметила, моя голубушка,
На чужой-то на сторонушке,
На злодейке, незнакомой мне?
Каковы там чужи люди
И дородный добрый молодец?
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?

Невестка садится рядом с ней и в свою очередь начинает отвечать причитаньями:

Поприметила, моя голубушка,
Разлюбезная золовушка,
Я приметила чужих людей

И дородна добра молодца:
Люди добрые, смиренные,
Роду честного, богатые;
А дородный добрый молодец
Будто яхонтец катается,
Ходит полем — улыбается;
Будто лебедь — лицо белое,
Очи ясны — как у сокола;
Шлет к тебе свои подарочки:
Перстенок с руки золоченый,
Шелковой платок со цветикам!
Пива пьяного и в рот не взял,
В руки белы зелена вина!

Приехавшие с рукобитья родные, все, разумеется, сильно пьяные, досыта плачут с невестой. Но вот наступает и девичник.

ДЕВИЧНИК

Он бывает в последний вечер перед браком. К невесте сходятся подруги, и приезжает от жениха сваха с пряниками и пирогами, которыми она оделяет собравшихся девушек и смотрящий народ, преимущественно маленьких ребят. Девушки поют песни, а невеста плачет с причитаньями. Вот они. Прежде всего невеста обращается к подругам:

Не в саду я загулялася,
Не на вишни засмотрелася:
Засмотрелася я, девица,
Загляделася я, красная,
Что на вас, мои подруженьки,
Что на вас, мои голубушки!
Вы сидите все веселые
На своих местах на радостных;
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цветно на вас новое
И головушки причесаны,
В косах ленточки плетеные!
А вот я-то, красна девица,
Я сижу в месте печальном:
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана,
В косу лента не вплетенная
С красотой на стол положена!

Потом плачущая невеста обращается с причитаньями к *красоте*, которая положена перед ней на столе. Красотою называется повязка из парчи с лентами; эту повязку носят девушки в праздничное время на гуляньях и в хороводах:

Ты прости-ко, краса девичья!
 Я навек с тобой расстануся,
 Молодохонька, наплачуся!
 Опущу я тебя, красота,
 Опущу тебя со ленточкам
 Во поля, в луга широкие,
 Во леса, в боры дремучие,
 На быстры реки текучие!
 Погляжу я, красна девица,
 Погляжу на свою красоту,
 Вкруг чего она обвилася:
 Вкруг осинушки ли горькия,
 Вкруг березоньки ли белыя
 Аль вкруг яблоньки кудрявья?
 Если ты обвилась, красота,
 Вкруг осинушки вкруг горькия —
 Мне житье-то будет горькое,
 Мне замужье, красной девице,
 Нехорошее, печальное!
 Если ты обвилась, красота,
 Вкруг березоньки вкруг белыя —
 Мне житье-то будет ровное,
 Житье будет долговечное!
 Если ты обвилась, красота,
 Вокруг яблоньки кудрявья —
 Мне житье будет хорошее,
 Развеселое, богатое!
 Я возьму тебя ли, красота,
 На свои руки на белые,
 Отнесу я тебя, красота,
 Во луга наши зеленые,
 Положу тебя на травушку,
 На высокую, шелковую!
 Как придет-то лето теплое,
 Что придут-то люди добрые
 Во луга с косами острыми,
 Что найдут тебя, красота,
 И возьмут на руки белые,
 Вот как скажут: «Чья-то красота
 Не на местечко положена,
 Хоть и бережно поношена?»

Тут не место тебе, красота,
 Тут не место красоватися!
 Я отдам тебя, красота,
 Что голубушке милой сестре,
 Поклонюся ей низехонько:
 Ты возьми, возьми, мила сестра,
 Покрасуйся в моей красоте!
 Ты прости-ко, моя красота,
 Я в тебе покрасовалася,
 Берегла тебя, лелеяла
 И от солнышка от красного,
 И от ветру-вихря буйного,
 И от дождичка от частого;
 Ты дороже мне казалася
 Золотой казны рассыпчатой,
 Светлей ясного ты месяца,
 Ярче солнышка ты красного!

Сестра или одна из подруг невесты берет со стола красоту и уносит. Девушки поют следующие песни:

1

При вечере, вечере,
 При последнем было вечере¹,
 У Авдотьи на девичнике
 Чечевичку девки варили,
 На окошко студить ставили!
 Прилетал тут млад ясён сокол;
 Он садился на окошечко,
 На узорчату подзоринку;
 Что никто-то ясна сокола
 На окошке не усматривал;
 Увидала ясна сокола
 Авдотьиная матушка:
 «Дорогое мое дитяtko
 Ты Авдотьюшка Васильевна,
 Приласкай-ко ясна сокола!»
 «Ты, родимая моя матушка,
 Я бы рада приголубила:
 Он разлука мне великая,
 Разлучает с тобой, матушка,
 Разлучает с родом-племенем
 И с голубками-подружками!»

¹ Каждый стих повторяется дважды.

2

Цветы мои, цветики,
Голубые, васильковые,
Я не много вас посеяла —
Очень много уродилось!
Много было подруг-девушек,
Да одна у нас изменщица —
Авдотья-лицемерщица!
Говорила, что замуж не пойду,
Нейду, нейду, не подумаю!
В монастырь пойду, в монашины,
Вас, подруженьки, с собой возьму,
А сама буду игуменьей!

3

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу:
«Ты, сокол мой братец миленькой,
Ты запри крепче вороточки
Тремя замками немецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику,
Ивану Ивановичу,
Чтоб за мной сюда не въехати,
На широкий двор на батюшкин!»
Как возговорит Иван-то молодец,
Как возговорит Иванович:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Не плачь, душа Васильевна!
Приведу я с собой слесаря,
Из немецкой земли мастера:
Отопрет замки немецкие,
Все запоры ваши крепкие!»

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила речь милой сестре:
«Ты, голубушка мила сестра,

Заплети мне русу косыньку
И увей мне крепче золотом,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы!»
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Приведу с собой я свахоньку —
Расплетет твою русу косу,
Разовьет все с косы золотого!»

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Подружкам-голубушкам:
«Вы, голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтоб нельзя было разлучнику
За мной въехать на круту гору!»
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней под горой,
А пешком взойду в круту гору
Со друзьями со товарищами
И возьму за руки белые,
Поведу тебя под злат венец!»

4

Возле реченьки на берегу
Тут стояла нова светлица,
А во этой новой светлице
Сидит девица закрытая,
Печальная, сговорённая!
Собирались к ней подруженьки
На девичник на девический:
«Ты, подруженька-голубушка
Свет Васильевна Авдотьюшка,
Нам с тобой больше не гуливать,
Хороводов не вываживать,
Речей тайных не говаривать!
Во леса пойдем во темные
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянем тебя, голубушку!»

В это время приезжает ко двору сваха с гостинцами и входит в избу с сундуком, в котором наложены пряники, пироги и разные подарки невесте. Девушки запевают, обращаясь к свахе, песню:

Вечером поздним-позднехонько
 К Авдотьину отцу, к матери
 Приходила сваха-сводница,
 Постучалась под окошечком,
 Выкликала мать Авдотьину,
 Ей хвалила чужу сторону:
 «На чужой дальней сторонешке
 Поля сахаром засеяны,
 Виноградом огорожены,
 Медом-сытою поливаны;
 Среди поля стоит горница —
 Ровно светлая-то светлица,
 Три окошечка косящаты
 И карнизки узорчаты».
 Соврала ты, сваха-сводница!
 На чужой дальней сторонешке
 Кто живал, так все изведывал:
 Там поля горем засеяны
 Да кручиной огорожены,
 Горючим слезам поливаны!
 Среди поля стоит келейка,
 Как конурка развалилася;
 В ней одно окно — разбитое!
 Околеть бы тебе, свяхонька,
 Без родной семьи, без сродников,
 На тот свет идти без савана
 И без гроба бы валяться!
 Повезли бы сваху-сводницу
 Во леса-то во дремучие
 Да во грязи во топучие,
 Посвалили б сваху-сводницу
 Не в могилу — поверх матушки
 Сырой земли валяться!

В это время сваха делит гостинцы и потом уходит; иная говорит: «Ну, за эту песенку не стоило бы вам, девоньки, и гостинцев давать!» По окончании девичника народ уходит, а невеста собирается идти прощаться со сродниками; окруженная подругами, она идет по селению, ревет *толстым голосом* и, остановясь под окошком дома, где живут ее родные, причитает:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокие?
Как живет в них
Родной дядюшка
Со болезною со тетушкой!
Вы простите молодехоньку,
В чем сгубила, вас прогневала!

Из дому выходят дядя и тетка, режут, обхватив невесту, и дают ей денег кто сколько может: гривенник, пятак, гривну, даже и одну копейку. И таким образом она обходит всех родственников, повторяя тот же причет, затем возвращается домой с подругами; иногда она отправляется и на кладбище прощаться с умершими родственниками. Вечером невеста непременно парится в бане, а за неимением ее и в печи. И тем оканчивается девичник.

ДЕНЬ БРАКА

Утром рано к невесте опять приходят подруги, девицы; они собирают ее к венцу; в доме тоже готовят к пируванью, потому что от венца новобрачные приезжают с новой родней к невестину отцу и пируют. Собравши невесту, усаживают ее, покрытую платком, за стол, где поставлены пироги. Вокруг невесты, которая плачет, сидят девушки, а любопытные соседи смотрят и дожидаются приезда дружки со свахой; в некоторых же селениях за невестой приезжает и жених. Причитанья бывают следующие:

Ветры буйные, разбушуйтесь,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехати
Что за мной, молодой,
Злым чужим людям!
Затворитесь, воротечка,
Вы, широки, крепко-накрепко!
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Напустися ночью темною!
Рассыпайся, крупный дождичок,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехати
Ко мне злым чужим людям!

Женский праздничный костюм. XIX в. Пензенская область

Женский праздничный костюм. Вид сзади. XIX в. Пензенская область

Ты послушай, сокол милый брат,
 Я об чем тебя просить буду:
 Ты сходи-ко, сокол милый брат,
 Во поля, в луга во чистые,
 Во леса-то во дремучие,
 Во дубравушки зеленые,
 Где сырой бор с ветром спорится,
 Там все звери люты водятся!
 Ты поймай-ко зверя лютого,
 Зверя лютого, едучего:
 Из рта его — огонь пламенем,
 Из ушей его дым столбом валит,
 Из очей его искры сыплются!
 Привези ты мне зверя лютого,
 Привяжи его к двору батюшки:
 Как подъедут-то злы чужи люди
 Ко широкому двору ко красному,
 Они зверя-то испугаются,
 От меня, молодой, прочь отступятся!
 Я еще б покрасовалася
 У кормильца моего батюшки,
 У родимыя у матушки,
 У соколиков братцев милых,
 У голубушек-невестушек!

Мне прошедшу темну ноченьку
 Не спалось, красной девице,
 Во просонках много виделось:
 Будто я-то, красна девица,
 Выходила рано в улицу,
 Где заря-то занимается,
 Красно солнце где красуется:
 Там узнала вас, подруженьки!
 Мне навстречу — злы чужи люди,
 Подзывали, силой забрали,
 Увезли в леса во темные;
 Там мне страшно показалось,
 И я с плачем просыпалася!
 А другое мне привиделось:
 У моего кормильца-батюшки
 Развалилася хоромина,
 Середь улицы рассыпалась,
 Бревна врозь все раскатились,
 Углы прочь поотвалилися!
 На трубе сидит да гаркает

Фрагмент женского
праздничного
костюма. XIX в.
Пензенская область

Черный ворон громким голосом;
А на ясно красно солнышко
Тучи темные надвинулись,
Грянул гром, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалась!

В это время начинается между народом говор: «Дружка подъехал ко двору!» Невестин отец должен выйти на улицу, встретить дружку с поездом, приехавшим за его дочерью, и пригласить в дом; при этом иногда бывает и жених. Если он берет невесту в другую деревню, в таком случае соседи загораживают дорогу, и дружка обязан дать им вина и пива, просить уступить путь-дорогу нареченному князю. У дома ворота или калитку также затворяют, и дружка стучит, говоря:

Господи Иусе Христе! (Трижды.)
Есть ли у этих дверей придверник,
У ворот приворотник,
Кто бы нам эти ворота отворил
И двери на́ пяты постановил,
А нас, добрых молодцев, до хозяина допустил?

Фрагмент женского
праздничного
костюма. XIX в.
Пензенская область

Хозяин (отец невесты) выходит, растворяя двери, кланяется и пропускает в избу гостей. Дружка топают, и начинается следующий разговор:

«Въехал я, сватушко,
К тебе на широкий двор,
Поставил я добрых коней
Среди широка двора,
Приказывать я об них —
Никому не приказывал,
Привязывать я — не привязывал!
Нельзя ли к моим коням
Сторожа приставить,
Чтоб спросить было с кого?»
«Будьте, друженька, покойны:
Останетесь нами довольны,
А добры кони будут сохранны!»

Дружка приговаривает:

Пришел дружка — легкая ножка
 В теплую хату к любезному свату,
 Ножку поставил за порог,
 Другую чуть переволок,
 Ножкой топнул,
 Дверью хлопнул —
 Половнички гнутся,
 Хозяева к печке жмутся!
 Взошел дружка, помолился,
 Добрым людям поклонился!
 Здравствуйте, добрые люди
 И все, что есть в избе!
 Сватушко и сватьюшка,
 Всё ли вы здоровы?
 Наши сват и сватьюшка
 Остались здоровы,
 Приказали нам поклониться вам!
 Я вам, дружка, кланяюсь!

Отправивши поклон, т. е. *челобитье*, свату со сватьей, дружка обращается к народу, стоящему в избе, и говорит:

Здравствуйте, добрые молодцы —
 Удалые головы, широкие бороды!
 Все ли вы здоровы?
 Наши молодцы остались здоровы,
 Приказали нам поклониться вам!
 Я вам, дружка, кланяюсь!
 Есть у меня наговорец про вас,
 Да не смею рассказать при вас;
 Если лъзя да можно,
 Оставлю свои зароки,
 Расскажу ваши пороки.
 На вас кафтаны очень изорваны,
 Четыре полы, бока голы!
 Здравствуйте, молодые молодухи —
 Покрытые головушки!
 Все ли вы здоровы?
 Наши молодцы все здоровы,
 Приказали нам поклониться вам!
 Я вам, дружка, кланяюсь!
 Есть у меня наговорец про вас,
 Да не смею рассказать при вас;
 Если лъзя да можно,
 Оставлю свои зароки,

Расскажу ваши пороки:
 Полно вам с мужьями шутить
 Да их в обман вводить!
 Здравствуйте, красные девицы —
 Пирожные мастерицы,
 Горшечные пагубницы!
 Все ли вы здоровы?
 Наши девицы все здоровы,
 Приказали нам поклониться вам!
 Я вам, дружка, кланяюсь!
 Есть у меня наговорец про вас,
 Да не смею рассказать при вас;
 Если лъзя да можно,
 Оставлю свои зароки,
 Расскажу про ваши пороки:
 Полно вам по криночкам ходить,
 Сметанку снимать,
 Колобки месить,
 Молодцев кормить!
 Здравствуйте, малые ребята —
 Голые пузята!
 Все ли вы здоровы?
 Наши ребята все здоровы,
 Приказали нам поклониться вам!
 Я вам, дружка, кланяюсь!
 Есть у меня наговорец про вас,
 Да не смею рассказать при вас;
 Если лъзя да можно,
 Оставлю свои зароки,
 Расскажу ваши пороки:
 Вы на полатях-то лежите,
 Да нам в чашки соплей не напустите:
 Нам, гостям, морготно покажется!

После этих шуток дружка обращается к свахе или к стоящему народу и спрашивает: «Где бы мне своих гостей с нареченным князем усадить за столы дубовые?» — «Места все заняты; попотчуй нас, друженька!»

Эх, вы, добрые молодцы —
 Умные головушки,
 Широкие бородушки!
 О чем надобно говорите,
 Себя, меня и моих поезжан
 Попусту не томите!
 Я, дружка, — не Роман,
 Не сделаю обман!

«Мы тебя, друженька, хотим с дружным чином поздравить!»

Извольте, добрые люди,
Пить-есть, кушать,
Нас, добрых молодцев, слушать!

Дружка спрашивает у свахи, иногда и у хозяина: как бы на места садиться? Ему говорят, указывая на сидящего рядом с невестой *продавца* (брата ее), что он этим делом распоряжается. Дружка обращается к продавцу:

«Нельзя ли нам, добрый молодец,
Свое местечко уступить
И нас, добрых молодчиков,
За столы дубовые посадить?»
«Я своего места даром не уступаю,
Продавать — продаю!»
«Чем же ты, добрый молодец, торгуешь:
Лисицами или куницами?
Или место княженецкое продаешь?»
«Я торгую всем:
Лисицами, куницами
И местом княженецким!»
«Сколько же тебе надобно
И чем берешь:
Золотой казной или чем иным?
У нашего нареченного князя
Всего достаточно!»
«Когда так,
Что я буду спрашивать —
Подавай мне и отвечай!»
«Изволь, молодец!»
«Дай мне на почине рубликов семь,
Чтобы любо было всем!»
«Изволь, обирай!»

Дружка высыпает на блюдо несколько медных денег.

«Давай мне, друженька,
Что светлее солнца,
Краше неба звездного!»
«Изволь принимать!»

Дружка вынимает из-за пазухи образ и подает. Продавец крестится и ставит образ на полку. Надо заметить, что дружка входит в дом с образом.

«Давай мне, друженька:
Сам наг,
А рубашка в пазухе!»
«Изволь принимать!»

Дружка подает восковую свечу.

«Дай мне, друженька:
Поле яровое,
Другое ржаное,
Третье паренину!»
«Изволь принимать!»

Дружка подает хлеб, пирог и пряженцы.

«Дай мне:
Море на пяти столбах
В дремучих краях!»
«Изволь принимать!»

Дружка подает пиво в жбане или в ендове. После этого пойдут опять загадки; продавец спрашивает дружку, а жених со своей родней все еще продолжает стоять; народ шумит в избе, говорит, смеется; невеста плачет и причитает. Вот некоторые из загадок: «Чем ты, друженька, вперед шел?» — «Мыслями с молитвой!» — «Что такое, друженька: великое поле ирланское, много скота астраханского, а один пастырь, две агницы?» — «Поле великое — небо ясное; скот — звезды; пастырь — месяц; две агницы — утренняя и вечерняя зори!» — «Стоит дуб, в дубу тина, в тине сосна, наверху лен?» — «Дуб — квашня; тина — тесто; сосна — мутовка; лен — покрывало». — «Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как Илья; посажен в огонь, как Кирик; вышел из огня, как Иосиф; кто увидит, всяк к себе в дом берет?» — «Горшок». — «Дóма-то тят-тят, в лесу-то ляп-ляп, около — тпрруценки, а в середине — тпрру!..» — «Сито». — «Летит птица орел, несет во рту огонь, а на конце хвоста смерть?» — «Ружье». — «Два кума Абакума, две кумы Овдотьи, пять Фалалеев, десять Андреев?» — «Дровни». — «Раскину я шашки, ввалю толстяка?» — «Лошадь в оглобли вводится». — «Есть штука, собственная, своя; люди корыстуются, да не я». — «Собственное имя». — «На плешь капнул, о плешь хлопнул, с плеси долой?» — «Блин». — «Ползунчики ползут, бегунчики бегут, рогунчика везут, толстяка колоть хотят?» — «Ползунчики — два полоза у дровней; бегунчик — лошадь; рогунчик — вилы; толстяк — стог сена». — «Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит?» — «Дверь». — «Поймаю гуся, пушу его в воду, буду им водить, он будет говорить». — «Гусь —

перо; вода — чернила; водить — писать; говорить — читать». — «Шел я мимо дома поповского, видел диво таковское: брюхо-то режут, тело в ад валят, душу-то в рай тащат». — «Молотьба».

В народе начинается говор: «Дока на доку нашел! Ну, полно тебе торговать, морить нареченную-то родню! Все ли у тебя приговорки?» — «У меня, сударики мои, есть их целое лукошко бездонное, давеча нарочно с собой захватил угостить дорогих гостей». — «Ну, ин спрошу друженьку в останний раз: дай мне, друженька, чего у нашего хозяина в доме нет!»

Дружка берет за руку жениха, подводит к продавцу; продавец берет жениха за руку и сажает с невестой. Прочие поезжане выкупают себе места за деньги у девушек, сидящих за столом, и усаживаются.

В некоторых селениях стол начинается у невестина отца до венчанья, а в других после. Если до венчанья столуют, тогда невеста в продолжение всего столованья сидит с женихом покрытая и продолжает причитать. Если столованье идет после венчанья, то, когда прибывшие усядутся, выпьют по рюмке вина, по стакану пива, закусят пирогом и поедут к венцу. За стол усаживаются следующим порядком: близкая женихова родня по старшинству занимает место за столом; *тысяцкий* садится на самый угол под образа. Тысяцким бывает крестный отец или родной дядя жениха. *Большой барин* садится рядом по другую руку тысяцкого от угла; это — или дядя жениха, или второй брат его; от тысяцкого садится *второй барин* — брат жениха или младший дядя. Рядом с женихом садится брат жениха, родной или двоюродный; он называется *братнее место*; напротив стола садится дружка с полудружеством и прочие поезжане, свахи и сватья — по вторую сторону к куте от невесты. Когда дружка входит в избу и ведет разговор с продавцом, невеста причитает:

Что это, родимый батюшко,
 Что у тя за пир собирается,
 Что за гости к нам съезжаются?
 Собираются на пир пировать
 Злые вороги, чужи люди,
 То мои с тобой разлучники!
 Говорила я родимому
 И в упрос просила-плакала:
 Не пускай к себе разлучников!
 Не послушался, не сжалился,
 На меня, младу, прогневался!
 Знать, не долго мне осталось
 Посидеть-то здесь, поплакати:
 У родимья у матушки,
 У кормильца родна батюшка,
 У соколов братцев милых!

Когда жених садится с невестой, она причитает к нему:

Ты садись-ко, добрый молодец,
 Поплотнее со мной, рядышком,
 И садись не с спесью-гордостью,
 А садись с Господней милостью,
 Чтобы жить-то нам — не маяться,
 А проживши — не спокаяться!

После этого причитанья невеста обращается к каждому поезжанину, когда пьют вино и пиво, и каждый из них должен положить невесте на блюдо или в стакан денег. Эти причитанья следующие:

Ты изволь-ко, сударь тысяцкий,
 Изволь выкушать зелена вина!
 Зелено вино у батюшки у кормильца
 Для вас куплено,
 А моим слезам разбавлено!

Таким порядком к каждому поезжанину невеста причитает до окончания стола. Стол оканчивается. Дружка встает и говорит следующий приговор:

Встану я, добрый молодец,
 Со лавочки со дубовыя,
 От прибоинки от кленовыя,
 Из-за столика крашеного,
 Из-за скатерти самобраныя,
 Из-за яства сахарного,
 Из-за питья медвяного,
 Из-за сгибня сдоблённого —
 Новонареченного князя
 И молодую княгиню
 Из-за стола выводить,
 Под злат венец благословить!

За дружкой поднимаются все и благодарят хозяев за хлеб-соль и угощение. Дружка, выведя жениха и невесту из-за стола, говорит: «Есть ли у наших новонареченных молодых князя и княгини батюшко и матушка? Извольте выходить и свое чадо милое благословить!»

Отец и мать благословляют жениха и невесту, которые кланяются им в ноги. Выходя из-за стола, невеста причитает. Сколько тут бывает слез! Тяжело народ расстается с милыми сердцу:

Уж как, знать-то, красной девице,
 Мне сидеть — не отсидетися,
 Горючим слезам не отплакаться,
 Мне вставать на резвы ноженьки,
 Выходить из-за стола дубового,
 Из-за питья-яства батюшки,
 Из-за снадобья-то матушки!
 Раздвигайтесь, столы дубовые,
 Собирайтесь, скатерти самобраные,
 Благослови-ко меня, кормилец-батюшко
 И родимая моя матушка,
 От раденья ретивá сердцá,
 Чтобы жить-то мне — не маяться,
 На меня бы вам не плакаться!
 Ваше-то благословленьицо
 Мне дороже злата-серебра,
 Краше солнышка мне красного:
 Я ведь с ним-то, красна девица,
 Буду жить до гробовой доски!
 Вы прощайте, мои милые,
 Не забудьте меня, бедную,
 На чужой дальней сторонушке,
 В чем сгрубила — не прогневайтесь:
 Я была глупа, не ведала,
 Что придется с вам расстаться!

Потом дружка, после благословения родителей, говорит: «Есть ли у нашей нареченной княгини крестный батюшко и крестная матушка? Подходите и благословите чадо крестное!»

Вызываемые подходят, благословляют и прощаются с невестой; начинается прощание родных; невеста опять ревет толстым голосом. Дружка идет приговаривая:

Пошел дружка —
 Веселая ножка
 Из дому угощен
 И хозяином улещен!
 Накупил дружка
 И куниц, и лисиц,
 И красных девиц;
 На коня садится —
 Конь веселится,
 К церкви катит —
 Земля дрожит!
 Шапки долой —
 Едет князь молодой!

Дружка садится в сани и едет к церкви; рядом с ним наперед сидит полудружье; за дружкой едет жених с братним местом, потом родные жениха по старшинству и, наконец, невеста — на паре, провожаемая девицами от своего дома за овины родной деревни. Невеста причитает:

Вы простите-ко, подруженьки,
 Мои милые голубушки,
 В чем сгрубилa, — не прогневайтесь!
 Вы пойдете, мои милые,
 На работушку на летнюю,
 На гулянья на веселые,
 На беседушку на зимнюю;
 Вспомяните меня, милые,
 Вы весной в лугах зеленых,
 Когда будете плести венки!
 Для меня, для красной девицы,
 Голубой веночек ненадобен:
 Я плела его в последний раз
 И бросала в речку быструю;
 Унесло веночек в чужую сторону —
 Ко синю морю Хвалынскому!

Девушки, сидя у невесты на санях, поют следующую песню:

Отлетала лебедь белая
 Что от стада лебединого,
 Приставала лебедь белая
 Что ко стаду гусей серых!
 Гуси стали лебедь щипати,
 Лебедь начала кричати им:
 «Не щиплите, гуси серые,
 Не сама я к вам, лебедушка,
 Залетела — не охотою:
 Занесло меня погодою,
 Что погодушкой ненастною!»
 Отъезжала красна девица,
 От своих подруг Авдотьюшка
 В чужедальную сторонушку
 Не своей она охотою:
 Повезли ее добры кони,
 Что добры кони стоялые
 Удалого добра молодца!

Кончив эту песню, девушки прощаются с невестой, плачут и долго-долго стоят на дороге, следя за уезжающим поездом. В продолжение всего своего просватанья невеста сидит за столом закры-

тая и лица своего не показывает; в церковь она едет тоже закрытая, и только тогда открывают ей лицо, когда наденут венцы и обводят вокруг [а]налоя. После венчания все слезы и причитания кончаются. Новобрачных везут в дом жениха; отец и мать последнего встречают их с хлебом-солью и с образами, благословляя на дворе: отец одной иконой, а мать хлебом-солью и вместе с тем иконой. Потом вводят в особую горницу или чулан, где их наскоро кормят. Между тем поезжане усаживаются за столы, молодых также усаживают, и начинается столованье: пьют, едят, что называется, до увалу; одни новобрачные ничего не едят. По окончании стола их отводят в особую избу или горницу спать.

Рубель. XIX в.
Поволжье

КНЯЖИЙ СТОЛ

Княжий стол готовится у новобрачного на второй день после свадьбы. Утром подгулявшие еще с вечера поезжане идут поднимать молодых, но в спальню входит одна сваха, будит новобрачных (что и называется *поднимать*); прочие же стоят на повети или в сенях и при выходе молодых громко их поздравляют, бьют горшки, кринки и проч. Молодые садятся за стол, поезжане тоже, и начинается завтрак, опохмеливанье.

По окончании завтрака новобрачных сряжают к тестю, теще и прочим родным новобрачной звать на *княжий стол*; у тестя угощают их чаем и закуской. Вскоре новобрачные возвращаются домой; вслед за ними приезжает и новая родня, т. е. отец, мать и другие родственники жены; их усаживают по местам, и начинается княжий стол. Новобрачные садятся на лавке посредине стола; новая родня занимает первенство, т. е. усаживается от переднего угла к новобрачным; отец и мать *молодой княгини* — на самом углу под образами, если нет в числе гостей священника, иначе он занимает это место; далее к кути от новобрачных — родные *князя*. Отец и мать его за столом не сидят, а только угощают вином и пивом и подают кушанья. За княжьим столом новобрачные тоже ничего не едят и не пьют.

Подгулявшие поезжане, обращаясь с недопитым стаканом к новобрачному, беспрестанно говорят: «Горько очень, Иван Иванович!» Новобрачный должен встать и поцеловать жену, благодаря гостей поклоном; гость допивает свой стакан и, заметив, что «вот теперь очень сладко стало», сам целует новобрачных. Таким порядком идет целованье за княжим столом. Я полагаю, что молодым придется поцеловаться, вследствие просьб подгулявших гостей, не одну сотню раз. Еще целуются за *почкой*, когда подают жаркое: дружка разрезывает почку на мелкие куски (к обязанности его относится солить и резать кушанье), надевает их на вилку и подает новобрачному, который подает своей жене и целуется с ней, потом с дружкой. Таким образом, каждый поезжанин подходит с почкой к

Солоница. Конец XIX в.
Архангельская область

новобрачным и целуется; затем хмельные мужички лезут целоваться к своим и чужим бабам.

Княжий стол идет по крайней мере пять-шесть часов. Постороннего народу бывает множество: сходится смотреть вся деревня. Целованье бывает тоже и за первым столом; но этот стол продолжается значительно короче княжего. Поезжане встают, благодарят хозяев; некоторые уезжают, а другие, еще хватив зелена вина, запевают песни и начинают плясать. Так идет время почти до полуночи.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Из поезжан, а также из новой родни на третий день никого не остается. Утром молодую заставляют кое-какое дело поделать около печки и смотрят: умеет ли молодая приниматься за стряпню, но преимущественно заставляют стряпать блины. После обеда на третий день к новобрачным собираются посидеть девицы, молодые женщины и парни. Молодые люди поют песни и заводят разные игры; при этом новобрачная угощает посетителей блинами, пряниками и орехами.

ОТВОДИНЫ

Так называемые *отводины* бывают через неделю или дня через четыре после свадьбы. Отводины делает отец молодухи и все прочие ее родные, бывшие на свадебном пиру. Тесть едет звать к себе в гости зятя и дочь, а также и всех родных зятя. Когда приедут молодые к отцу и отпируют сват у свата, а зять у тестя, тогда приглашают к себе по старшинству родные молодой. И таким порядком все ходят из дома в дом, пьют и едят. С окончанием отводин свадьбу считают конченной.

Почему дано название *отводины*, сколько я ни старался узнать, не узнал.

СВАДЕБНЫЕ СУЕВЕРИЯ

Когда сватунья пришла сватать невесту, во все время разговора с родными ее сватунья не должна садиться; хвалить жениха и договариваться обо всем она должна стоя на ногах. Если сватунья сядет — не будет пути! Сколько ни заставляют ее садиться, она отнекивается; в случае крайности, если ноги устанут, на колени встанет.

Сговоренную невесту закрывают платком, и она не показывает лица, чтобы не сглазили: ведь народу ходит много, у иного, дескать, дурной глаз!

Когда невесту собирают к венцу, то в сарафан, рубашку, подол и ворот втыкают безухие иглы и булавки, на тело повязывают обрывки мережки; все это делается для того, чтобы невесту и молодую во время свадьбы не испортили.

Новобрачных за столом после венца и княжеским столом сажают непременно на шубу, вывороченную вверх шерстью, чтобы их не испортили и чтобы жили они богато да водился бы у них скот.

Во время столованья за княжеским столом и первым столом новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога на ногу, чтобы не пробежала между ног черная кошка. Если такой грех случится, молодые будут жить худо, как кошка с собакой.

Когда жениха и невесту приведут в церковную паперть, они должны взяться за скобу у двери и сказать: «Пусть все наши скорби и болезни не пойдут с нами под венец, а остаются на тебе, на железной скобе!» Есть между народом суеверие, что железо принимает от человека всякую болезнь, а в особенности железо ржавое, которое многие крестьяне носят во время повальных болезней на кресте.

Когда на брачующихся надевают венцы и священник говорит: «Венчается раб Божий такой-то», то последний крестится и говорит

тихонько: «Я, раб Божий, венчаюсь, а мои болезни не венчаются». По понятию народа, если у брачующихся есть какие-либо болезни да с ними венчают, тогда их никогда не вылечишь.

Во время венчания у которого из брачующихся свеча сгорит больше или погаснет, тому прежде умереть.

Молодую вводят в дом к свекру от венца; тогда свекровь, у ворот, сует новобрачной под пазуху пирог, который новобрачные и должны съесть в тот же самый день пополам. Это делается для того, чтобы они жили сыто, в любви, в согласии.

Тот платок, под которым новобрачная, будучи еще сговоренкою, плакала, оставляется навсегда в доме родителей; его не берут для того, чтобы жить замужем — не плакать.

С. Я. Дерунов

ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ В СЕНГИЛЕЕВСКОМ УЕЗДЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ПРИШЛА ПОРА ЖЕНИТЬСЯ ДОБРОМУ молодцу. Отец и мать его давно уже толкуют между собою, где бы добыть ясному соколу белую лебедушку. Они поспрашивают сына, какая ему нравится молодка: в своем ли селении или где-либо на стороне. Нередко родители подсмеиваются над своим детищем, предлагая ему, якобы серьезно, взять в замужество девицу, не пользующуюся доброю репутациею. После долгих рассуждений и поисков — иногда мнимых, так как родителям жениха неизвестны бывают его симпатии к какой-либо девушке, — родители его посылают к отцу и матери девицы, на которой остановилось их и их сына внимание, сваху, обыкновенно близкую родственницу, женщину ловкую, балясницу (т. е. умеющую хорошо и складно говорить без умолку), чтобы могла расхвалить жениха.

Помолившись в доме жениха, сваха отправляется в дом невесты. Входя в последний, она шагает через порог непременно прежде

правою ногою; а войдя в дом и истово помолившись, она отвешивает поклон родителям невесты и самой невесте, если та случится дома. Затем сваха садится на лавку под матицей (бревно, поддерживающее потолок) и самым этим дает уже понять, зачем она пришла. Усевшись, нежданная, а иногда и давно желанная, сваха начинает разговор. Некоторые свахи прямо приступают к цели своего путешествия, а более ловкая и искусная сваха заводит какой-нибудь незначащий разговор, а потом уже умеючи обращает его к цели своего посещения. Вот пример такого разговора. «Здорóво живете, добрые люди», — приветствует сваха хозяев дома. «Добро пожаловать, милости просим; проходи-ка да садись», — отвечают ей. Усевшись на лавке под матицей, сваха начинает: «Вот, родимые, у нас пропала овечка. Нет ли у вас какой присталой? Покажите, пожалуйста, своих овечек».

Родители невесты, будто не понимая этой аллегорической речи, говорят, что овечки у них загнаны на карду (отгороженное во дворе или за двором для скота место), и притом только свои. Разговор завязывается; дальше — больше, и сваха наконец, уловив момент, подводит разговор к цели своего посещения дома невестиных родителей. Последние прямо говорят, что «нонешний год» у них «отдашной девки» нет. Так отказывают действительно не намеревающиеся в этот год отдавать свою дочь замуж. Если же родители невесты намерены освободиться от лишнего рта, то, поблагодарив за честь, начинают расспрашивать сваху, кто жених, живы ли у него родители, чем занимаются и пр., — словом, расспрашивают про все женихово *заведение*, т. е. состояние. Конечно, с первого раза родители невесты не дают положительного ответа, а особенно если невеста не из одного прихода с женихом. Кроме того, отец и мать невесты всегда найдут какую-нибудь причину, чтобы уклониться от прямого ответа: то невесте года не вышли, то к свадьбе не готовились, следовательно — надлежащего для этого материала не припасено. Само собою разумеется, что сваха очень хорошо понимает эти фиктивные причины, имеющие целью, как говорится, поводить сваху за нос и показать ей, что известная девушка — не очень простая и какая-нибудь, что родители ее не намерены отдать свою дочь за первого присватавшегося жениха, что, благодаря ее красоте и другим достоинствам, у ней постоянно будет много женихов... Нечего уже и говорить, что положительного ответа нельзя ожидать, когда жених и невеста принадлежат к разным приходам. В этом случае уклончивый ответ делается и для того, чтобы как-нибудь стороною разузнать о состоянии жениха или, лучше, о состоянии его родителей. Наконец, после многих побывок у невесты, сваха получает от родителей ее согласие и приглашение — привести жениха в их дом, чтобы он посмотрел на невесту, а последняя на жениха. В один из ближайших после этого дней жених, нарядившись в лучшую одежду, отправляется с родителями своими и другими родственниками в дом невесты на так называемые *смотрины*, или просто *смотрины*.

Жених садится за стол на почетное место, под иконы. С правой его стороны садятся отец крестный, отец родной и прочие родственники мужского пола, по старшинству, а по левую — мать крестная, мать родная и другие родственницы в таком же точно порядке. На смотринах нет ничего особенного. Невеста сидит в чулане со своими подругами. Через несколько времени после того, как все усядутся, ее выводят из чулана на показ жениху. На смотринах же родители жениха и невесты договариваются об условиях, на которых должна быть сыграна свадьба. Родители невесты выговаривают ей вина (от 1/2 до 3 ведер), шубу, обувь, харчу (говядины), пива (от 5 до 25 ведер); тут же условливаются относительно *кладки* (вино, выкуп), которую должен заплатить жених невесте¹, — о том, с дарами ли будет свадьба или без даров. Если с дарами, то сколько человек дарит и т. п. Дары покупаются невестою на кладку, которая простирается от 10 до 50, а иногда и до 80 рублей. Конечно, чем больше кладка, тем большее число людей должна одарить невеста и тем богаче дары. На смотринах же условливаются о дне *рукобитья*, или *запоя*, и *свадьбы*.

На запой, бывающий постоянно в доме родителей невесты, приходят с женихом большею частью мужчины: женщин бывает здесь не более одной трети всех пришедших. Каждая из женщин со стороны жениха приносит невесте какой-либо гостинец: орехов, жомков (дешевых пряников), лепешек домашнего приготовления и т. п.

Когда все усядутся за столом вышеуказанным образом, то ударяют по рукам, отчего этот свадебный момент и называется *рукобитьем*. Это происходит так. Шафер со стороны жениха, обыкновенно называемый *дружкой*, встает и приглашает отца крестного, отца родного, мать крестную и мать родную и других невестиных родственников ударить по рукам. Родной отец невесты подходит к столу и кладет на него свою правую руку ладонью вверх, на нее ему кладет дружка приготовленный ему чистый платок, а на платок кладет ладонью вниз свою руку родной отец жениха, так что ладони обоих отцов разделяются платком. Затем на руку женихова отца кладет руку ладонью вверх отец крестный невесты, а на его руку — отец крестный жениха ладонью вниз, но без всякой перекладки. В таком же точно порядке кладут свои руки матери жениха и невесты — родные и крестные, а затем и все остальные родственники той и другой стороны до тех пор, пока нельзя будет составлять пар. Таким образом, составляется целый столб ручных кистей, положенных одна на другой. Когда образование этого столба кончится, дружка вызывает кого-либо из посторонних и просит его разложить эту кучу рук. Призванный приходит к столу и, начиная с верхней руки,

¹ У крестьян не невеста приносит денежное приданое жениху, а этот последний дает его ей.

не торопясь берет одну руку за другой и отпускает их владельцев на свое место. После этого женихова родня целуется с невестиной родней. Поздоровавшись, все садятся по своим местам.

Когда все усядутся, женщины с жениховой стороны идут со своими подарками в чулан к сидящей там невесте, здороваются с нею и ее подругами и отдают ей принесенные с собою гостинцы, после чего чинно садятся за стол. Дружка начинает обносить принесенным с собою пивом невестиных сродников. В это время невеста выходит с подругами из чулана и кланяется жениху. Им обоим дружка подносит по стакану пива, они трижды обмениваются ими, пьют и целуются. Затем сестра невесты или какая-либо другая родственница подходит к ней с подносом, на котором лежат или шерстяные перчатки, или шарф, или еще что-нибудь, и подает ей; та берет и подносит жениху в дар. После этого невеста уходит в чулан, а девушки — ее подруги — начинают петь величания жениху и невесте (больше никому не поют на запое).

Жениху:

«Раскудрявчик-кудрявчик ты мой,
Кудреватая головушка твоя,
Свет Иван Матвеевич,
Кто тебя спородил, молодца?»
«Спородила меня матушка,
Вспоил, вскормил батюшка,
Возлелеяла чужая сторона,
Завивала кудри родимая сестра
Свет Лександра Матвеевна!
Завивая, приговаривала:
«Когда речушки разобьются,
В те поры кудри разобьются
По едину русу волосу
По черняному кафтанчику!»

Или:

У дородна добра молодца
Свет Михаила Василича
В три ряда кудри завиваются,
А в четвертый ряд
По плечам лежат-расстилаются,
По черным бровям рассыпаются!
Не сами кудри завивались:
Завивала кудри красна девица-душа
Свет Графена-то Васильевна
На серебряну булавочку
По едину русу волосу!

По окончании песни девушки обыкновенно приговаривают:

Слышишь ли, Михайла Василич?
Тебе песенку поем,
Тебе честь воздаем!

После первой песни жених должен дать девушкам какую-нибудь монету, а после других песен можно ограничиться одною словесною благодарностию.

Невесте:

Вечор-то мы, красные девушки,
Во пиру были, во беседушке
У любезной подруженьки
Катерины Ивановны!
Уж мы пили ее, пропили
Не за сто рублей, не за тысячу —
За едину винну чарочку;
Не за князя, не за барина —
За дородна добра молодца
Свет Никифора Петровича!

Или:

Не пташечки слетались —
Красны девушки сходилися
Ко любезной своей подруженьке
Свет Татьяне Петровне!
Они думали за единое (*вместе*),
Они пили, ее пропили — и пр.

Или же поют общую песню жениху и невесте:

Как по саду было, садику,
По зелено виноградничку —
Ходил-гулял молодец,
Добрый молодец — отцовский сын
Алексей-ят свет Степанович!
Ходил он ко кусту розову,
Срывал он розовый цветок,
На цветочек-от любится,
Красотой своей дивуется:
«Был я в городе в Казани, в Москве,
Не нашел невесты по себе;
Лучше в городе Симбирске я женюсь,
Возьму девицу-красавицу
Свет Авдотью Николаевну!»

Или:

Черная ягода смородина
 Зеленехонька заломана,
 Во пучки перевязана,
 На дороженьку разбросана...
 Молода душа засватана,
 Молодая запоручена
 Свет Наталья Алексеевна!
 Что засватала ее свяхонька
 Татьяна Федоровна
 Почасту в гости ходючи,
 Понизехоньку кланяючись,
 Умные речи говариваючи:
 «Вы отдайте свою умную дочь,
 Свою умну дочь, разумную,
 За удала добра молодца
 За Ивана свет Андреича!
 У нас молодец умнехонек,
 Разудаленький смирнехонек:
 Он не пьет пива пьяного,
 Не курит зелена вина
 Опричь меда сладкого,
 Опричь кушанья сахарного!»

По уходе гостей невеста считает своею непременною обязанностью проплакать заунывно следующее:

Сидела-то я, горькая,
 У родимого батюшки
 В новой горенке;
 Все-то я думушки
 Передумала,
 Одна-то мне думушка
 С ума нейдет:
 Как-то мне, горькой,
 В чужих людях жить!

На следующий после рукобитья день жених отправляется в сопровождении 2—3 своих товарищей к невесте «мерить шубу». Он снимает с невесты мерку, по которой обязан сшить своей суженой ко дню свадьбы выговоренную на смотрах ее родителями шубу. Их угощают. А на другой день к жениху приходят подруги невесты (без нее) «мерить рубашку» с жениха. Их также угощают. Затем им

дают рубашку жениха, по которой невеста должна ко дню свадьбы сшить своему нареченному новую — подвенечную. В момент передачи рубашки девушкам последние поют:

На Иване рубашечка,
На Петровиче рубашечка
Она тонка, полотняная!
Кто эту рубашечку
Шил-вышивал?
Вышивала эту рубашечку
Родимая сёстрица;

Фрагмент свадебного полотенца. А. Ф. Мильченкова. 1894 г. Тверская область

Она шила, приговаривала:
«Долго ль тебе, братец,
Эту рубашечку носить
Холостому-неженатому?
Возьмем мы за тебя
Душу красну девицу
Свет Марину Ивановну!»

После угощения жених должен потешить девушек: прокатить их на лошадях несколько раз по селению, и непременно с колокольчиком.

Не особенно давно в описываемой местности стали употребляться так называемые *вечерки* (вечеринки), занесенные из чужих краев. Крестьяне данной местности — по преимуществу шведы крестьянской одежды, валяльщики теплой обуви и шерстобиты. Уходя на заработки очень далеко, верст за 300—400, в Вятскую, Уфимскую, Самарскую губернии, они по возвращении оттуда вносят в обычную жизнь своих односельчан чуждые обычаи. Сюда относятся и вечерки. Откуда, собственно, они занесены, где их родина, — на этот вопрос мы получили ответ: «Из-за Волги». Вы-

Набивная доска.
XIX в.

ражение «за Волгой» в данной местности присвоается исключительно Самарской губернии, а потому, вероятно, здесь и должно искать родину вечерок. Нужным, однако, считаем оговориться, что это — личное наше предположение, которое не выдаем за несомненное.

Вечерки обыкновенно бывают в том случае, когда между днем рукобитья и днем свадьбы промежуток времени довольно порядочный, не менее 3—4 недель. Они состоят в следующем. Жених в сопровождении товарищей (человек 5—6) по вечерам ходит к невесте, разумеется не ежедневно. Все парни (так у крестьян называют молодых неженатых кавалеров, так и мы будем называть их) садятся за стол, на который ставится какое-либо угощение, например: дешевые пряники, семена подсолнуха и т. п. Жених с невестой садятся в передний угол. Когда приготовленные припасы немного поистощатся, когда парням поднесут по 2—3 добрых стакана водки, то последние, поблагодарив за угощение, начинают собственно вечерку.

Девушки садятся на лавке подряд, и против них на скамье садятся парни. Жених, взяв невесту за правую руку, ходит с нею по избе взад и вперед, а сидящие поют им следующую песню:

Как за нашим за двором,
 За зеленым садом
 Растет трава-мурава,
 Муравая, шелкова!
 По травинке пава шла,
 За павой павлин идет:
 «Скажи, пава, где была?
 Чего, пава, видела?»
 «Я видела молодца —
 Павла свет Никитича!»

«Поздравляем вас, Павел Никитич, с песенкой», — говорят девушки, обращаясь к жениху. «Благодарю», — отвечает тот. «Чем благодарить, лучше подарить», — замечают ему на это девушки. И жених должен дать певичам какую-либо монету. Подаривши девушек, он садится с невестою на лавку, а девушки посылают ходить по избе какого-нибудь парня и поют ему:

Не дивуйтесь, люди добрые,
 Я жениться хочу:
 Я сейчас судьбу найду,
 Я за рученьку возьму,
 Вдоль горенки проведу,
 Поцелую да пойду!

В то время как поются последние четыре стиха, парень, ходящий по избе, берет за руку какую-либо девушку, ведет ее с собою, целуется с нею, садится на свое место, а оставленная им девушка должна ходить по избе. Ей поют:

Не дивуйтесь, люди добрые,
 Я весной замуж пойду:
 Я сейчас судьбу найду —

и т. д.

Повторяется только что описанное.

Бывает и иначе. Оставленная парнем девушка, ходя по избе, сама поет:

Вольная пташечка канареечка
 Стосковалася, сгоревалася,
 Давно с миленьким
 Не видалася!
 Кто меня любит,
 Тот ко мне подойдет!

Или:

Горенка, горенка новенькая,
 В горенке печки муравленные,
 Печки-печурочки серебряные!
 Долго ль, долго ль
 Мне по горенке ходить?
 Долго ль, долго ль
 Мне по миленьком тужить?
 Миленький соскучится —
 Сам подойдет,
 За рученьку он возьмет,
 Вдоль горенки проведет,
 Поцелует да уйдет!

К девушке подходит парень, берет ее за руку, идет по избе, целует и отводит на место, сам заменив ее собою. Это продолжается до тех пор, пока перечередуются все парни и девицы.

В другой раз парни затевают игру в *старосты*. Она состоит в следующем. Из своей среды парни выбирают одного более или менее расторопного в старосты, который и ставит всех девушек в ряд, а против них — своих товарищей тоже в ряд так, чтобы против каждого парня стояла девушка. Затем он берет полотенце, свертывает его жгутом и выходит из избы в сени. Пробыв там несколько минут, он возвращается и говорит: «Был я, братцы, во всех городах. Пришел из города указ — девкам пред парнями на коленках стоять».

Все девицы немедленно становятся на колени. Староста снова выходит из избы, а девицы между тем должны стоять все это время на коленях и не говорить ни слова — ни друг с другом, ни с кем-либо из кавалеров. Наконец староста приходит и говорит: «И не стыдно девушкам стоять пред парнями на коленях?» Сказав это, он ударяет каждую слегка жгутом, а те все стоят на коленях. Затем староста подходит к крайнему парню и спрашивает его: «Что это у те (т. е. у тебя) девка-то на коленях стоит?» — «Помилуйте, ваше степенство, — отвечает тот, — она у меня провинилась». — «В чем провинилась?» — «Щей не сварила».

Староста подходит к следующим парням, предлагает им те же вопросы и получает в ответ, что девка за то стоит на коленях, что или хлеба не испекла, или ухват сломала, или постель не приготовила и т. п. Выспросив, таким образом, у каждого парня, в чем виновата стоящая пред ним на коленях девушка, староста говорит: «Ну что, братцы, простите вы их или нет?» — «Нет», — отвечают парни.

Староста уходит в сени, а девицы все стоят на коленях. Через несколько времени он возвращается и снова спрашивает: «Ну что? Простите девок-то али нет?»

Если ответ последует отрицательный, то староста снова выходит из избы и, возвратившись, снова предлагает тот же вопрос. Это продолжается до тех пор, пока парни простят мнимо провинившихся девиц. «Ну, теперь поцелуйтесь!» — командует староста.

Девушки поднимаются, целуются с кавалерами и садятся на лавке, а староста снова удаляется из избы и, возвратившись, говорит: «Ну, братцы, был я во всех городах; пришел из города указ — парням перед девками на коленях стоять!»

Парни, как прежде девушки, становятся пред последними на колени, и происходит то же, что описано выше — при стоянии девушек на коленях: уход старосты из избы в сени, пристыживание парней в стоянии на коленях пред девушками, удары жгутом по спине и спрашивание, за какую провинность парни преклонили свои колени пред прекрасными девицами. Одна из них говорит, что парень дров не купил, а потому печь топить нечем; другая — парень муки не заготовил, хлебы не из чего приготовить; третья — парень сильно пьет; четвертая — кочергу не снес в кузницу для починки и т. п. Затем повторяются вопросы о том, простят ли девицы парней или нет; словом, повторяется описанное. По прощении обе стороны целуются, садятся по своим местам и начинают петь песни. Жених и невеста не принимают участия в этой игре.

Ягодка с вишенкой
 С поля на поле шли,
 Навстречу встречались,
 Ягодка вишенку
 Стала спрашивать:
 «Вишенка Назар (*жених*)
 Сударь Михайлович,
 Где ты был-пребывал?»
 «Ягодка Оксинья (*невеста*)
 Душа Федоровна,
 Во твоём саду!»
 «Что делал ты там?»
 «Я малинку брал».
 «Ты во что её клал?»
 «В твой платочек завязал».
 «Ты куда её дел?»
 «Твоей мамыньке отнес!»

Эта песня относится к жениху. Затем девушки повторяют ту же песню, только спрашивает уже не *ягодка вишенку*, а наоборот: вместо *платочка* поется *шляпа*, вместо *мамыньке* — *батюшке*. Затем следует поздравление жениха и невесты с песенкой без требования подарить. Наконец, каждому кавалеру поется величание:

Кто у нас холост?
 Кто у нас не женат?
 А Иван-ат холостой,
 Василич-ат не женат!
 Время ведь тебе жениться,
 На добра коня садиться,
 Время тебе ехати
 Ко тестеву ко двору,
 Ко тещиному крыльцу,
 К невестину терему!
 На широкий двор въезжал,
 Громким голосом кричал:
 «Ты, девица, выдь сюда!»
 «Я бы рада к тебе вышла —
 Больно ветер сильно бьет,
 Головушку, светы, рвет!»

Затем поздравляют с песенкой.

Накануне свадьбы поутру девушки *водят невесту в баню*, где раздевают ее, моют и парят веничком, а невеста нет-нет да и поплачет. Подруги невесты не выпустят ее из бани до тех пор, пока она <не> назовет по имени и отчеству своего жениха. Если невеста сразу назовет своего нареченного, то впоследствии над нею будут смеяться: вот-де такая-то очень рада была, что выходила замуж, и пр. Во избежание такого нареkania невеста обыкновенно уклоняется по возможности долго от ответа.

Перед выходом из бани девушки поют:

Как на море сера уточка купалася,
 На синем полоскалася;
 Полоскавшись, сера уточка встрепенулася,
 Встрепенувшись, сера уточка возгаркнула:
 «Как мне, серой уточке, подняться?
 Со крутыми бережками расстатися?
 Придет зима — зима студеная,
 Придут морозы — морозы крещенские,
 Закует ли мать Волгу-реченьку тонким льдом,
 Занесет круты бережки молодым снежком...»
 В тереме свет Татьяна-душа умывалася,
 Белилами свет Петровна набелилася,
 Румянами красна девица нарумянилася,
 Во цветно платье наряжалася,
 Под златы венцы собиралася.

На пути из бани к дому невеста начинает *вопить*; подруги уговаривают ее, а она не унимается:

Не сине моречко всколыхнулося,
 Не сера уточка с моря поднималася —
 Поднималась-то я, горькая,
 Из новой горенки — из банюшки
 Со красными девушками,
 Со любезными подружками!
 Свети, месяц, свети, звезды,
 Просвети пути-дороженьки
 Вплоть до батюшкиного двора!

Возвратившись из бани домой, невеста приговаривает: «Спасибо вам, братцы, на дубовых дровцах; спасибо тебе, любезная невестушка Марина Ивановна, на шелковом венчике, а вам, красные девушки, на парú — на баньке!»

Накануне же свадьбы всегда бывает *девичник*, *зватые* и *дары*.

Название девичника произошло оттого, что в этот раз девушки проводят с невестою-девицею последний вечер.

Около обеденного времени этого дня жених и невеста посылают — первый мужчину, а последняя девушек-подруг — звать каждый своих родных и знакомых на девичник. Послы, придя к кому-либо и помолившись Богу, обыкновенно так приглашают, например, приходского священника, к которому обязательно заходят за благословением: «Батюшка и матушка! Петр Василич и Пелагея Спиридоновна (родители жениха) вам кланяются и просят на вечеринку посидеть, пивца испить, песенок послушать, пожалуйста, не оставьте!»

Посланные от невесты просят от имени ее родителей. Когда посланники невесты обойдут всех ее сродников и знакомых, которых заранее решено было пригласить на девичник, то отправляются к жениху, просят его побывать на вечеринке и затем у него остаются. Жених к этому времени заранее наряжается в рубашку, которую ему сшила невеста к венцу. Обыкновенно невеста отсылает ее своему нареченному утром в этот день. Посланца угощают пивом или сыченым квасом (настой на меду) и, прокатив несколько раз по селению, ссаживают у дома невесты.

Жених в сопровождении своих родителей, отца крестного и матери крестной, братьев с их женами (если, разумеется, они жены) и с прочими родственниками, с дружкою и поддрузьем (помощник дружки), или — по выражению крестьян — «полдрузьем», отправляются к невесте вечером, «при огнях», т. е. когда стемнеет и в избах зажгут огни. Лишь только жених ступит за порог дома невесты, девушки запоют:

Сокол летит,
 Сокол летит,
 Колокол звонит!
 А ты, ласкова тещенька,
 Не всполахивайся!
 Я к тебе, я к тебе
 С небольшими гостями —
 Только со мной три тысячи:
 Первая-то тысяча —
 Собираательная;
 Вторая-то тысяча —
 Соряжательная,
 А третья-то тысяча —
 Я сам с гостями!

Пока девушки поют эту песню, дружка, идущий впереди всех, жених и пришедшие с ним родственники молятся Богу и затем рассаживаются. Жених садится за стол на почетное место — под иконы; по правую его сторону садятся сродники мужеского пола, по левую — женского, по степеням родства и старшинства, описанным выше порядком. Рассаживанием занимается дружка, говоря: «Василий Петрович (жених), изволь-ка садиться, проходи вперед! Отец крестный, мать крестная, проходите: ты (отец крестный) вот сюда (указывает место рядом с женихом на правой стороне), а ты (мать крестная) вот сюда (указывает место рядом с женихом на левой стороне)» — и т. д.

Когда все усядутся, дружка обращается к поддружьё: «Эй ты, полдружьё! Давай-ка штоф вина да жбан пива!» — «Петр Иваныч, — обращается дружка к родному отцу жениха, — выняй-ка каравай хлеба да подавай сюда!» Все эти припасы жениховы сродники приносят с собою. «А ты, сватушка, — обращается дружка к отцу невесты, — дай-ка мне *аршинчик* (небольшой стакан), ни мал и ни велик!» — «Экаси какеи сватья-то добреющи, — замечает кто-нибудь из невестиной родни, — чего только они не принесли!.. Как есть всего!..» — «Давайте-ка еще пустое ведерко, — продолжает дружка, — а ты, полдружьё, вылей туда пиво из лагуна-то (жбана)!»

Когда подадут *аршинчик*, ведро, когда перельют последнее из жбана пиво и когда все смолкнет или, точнее говоря, немного поугомонится, дружка наливает из принесенного женихом штофа водки стаканчик, а поддружьё в другой стаканчик наливает жениховского пива. Затем дружка кричит: «Иван Иваныч (отец невесты), иди-ка поздоровайся (с отцом жениха)!»

Женихов отец берет у дружки стакан с вином, а невестин — стакан пива у поддружьё; затем передают стаканы друг другу трижды, крестясь по три раза, выпивают и целуются также трижды. После

этого вызываются родные матери жениха и невесты, отец крестный, мать крестная и другие сродники невесты по степени родства и старшинства для здорования с соответствующими жениховыми родственниками, и повторяется то же самое. Когда, таким образом, все невестины родственники перездороваются с жениховой роднею, а вино еще осталось недопитым, то дружка, налив стакан вином, подает его невестиному, говоря: «Как хошь, сватушка, а мы вино затем принесли, чтобы пить. Подноси кому хошь!»

Тут отец невесты обносит вином своих соседей и кого попало, пока оно все истощится. Когда вино выйдет все, дружка, опрокинув штоф набок, а аршинчик вверх дном, говорит: «Не обессудьте, сватушка и свахонька, на винце». И затем присовокупляет: «А ну-ка, сватушка и свахонька, выведите нам невесту с даром жениху!»

Во время здорованья своих родственников с жениховыми невеста сидит обыкновенно под покрывалом на *конике* (так называется близ входной двери лавка, от которой идут вплоть до полу дощатые загородки; таким образом, коник представляет собой крытый четырехугольник; верхняя его доска поднимается). Тотчас после вызова со стороны дружки к невесте подходят близкие родственницы, снимают покрывало с головы, кладут его ей на плечо и выводят к столу, за которым восседает жених со своею роднею. Во время этого выхода девушки поют:

Не вылетай, сера уточка, из-за острова:
Увидит тебя млад сизый орел —
Ощиплет тебе сизы перушки!

Подошедши к столу и помолившись Богу, невеста кланяется в пояс жениху, на правую и левую стороны, затем выпрямляется и опускает глаза вниз. С правой ее стороны становится поддружье с ведром пива и ведром сыченого кваса, а с левой — дружка, позади ее близкая родственница, держащая поднос с дарами. Последние состоят из рукоделий невесты, а большею частью из материй, купленных на взятую с жениха *кладку*. Поддружье наливает стакан пивом или сыченым квасом, смотря по тому, кто что употребляет, и передает невесте. Та берет и передает прежде всего жениху, низко кланяясь. Жених встает с своего места, берет из рук невесты стакан пива также с поклоном, затем кланяется всем сидящим за столом, выпивает и пустой стакан возвращает невесте. Она принимает его, отдает поддружью и, взяв от стоящей позади ее родственницы поднос с даром, подает его с поклоном жениху. Дружка в это время причитает:

Хвалится наша невеста
Своими шитыми дарами,
Своим чистым рукодельем;

Дарок-от примите,
 Рыльце утрите,
 Невесту поцелуйте,
 За дарок заплатите!

Жених берет дар, утирает им свой рот, трижды целуется с невестой, кладет на поднос сколько-нибудь денег, кланяется ей и садится на свое место. Затем дружка вызывает родителей жениха, его отца крестного, мать крестную и прочих родственников, которые выходят из-за стола к невесте, принимают от нее стакан с напитком и получают что-либо в дар. Все совершается точно так же, как и при даре жениха. Каждый получивший дар должен отплатить. Когда женихова родня будет одарена вся, дружка выкрикивает: «А не будет ли подарочка дружке?» И он получает дар, а потом вопрошает: «Ну что? Всех ли одарили?» — «Нет, — отвечают ему, — невеста будет дарить свою родню». — «Ну, это ваше дело, — говорит дружка, — свое дело я справил, больше с меня ничего не требуется, а вы — как хотите. А ты, невеста, обращай к своим и выдаривай!»

Невеста оборачивается задом к сидящим за столом гостям и начинает так же, как и прежде, выдаривать своих братьев, сестер и других родственников, кроме снох (если, разумеется, они есть), которых никогда при этом случае не дарят.

В это время, как невеста подносит по стакану пива или сычного кваса и выдаривает, девушки поют:

Жениху:

Вы, цветы ли мои, цветики,
 Вы, цветы мои лазоревы,
 Вас немножечко посеяно,
 Очень много уродилося:
 Вас три поля, вас три чистых!
 Перво поле — до батюшки,
 Второ поле — до матушки,
 Третье поле — до суженой,
 Что до суженой, до ряженой,
 До дородна добра молодца
 До Григория Иваныча!
 В него девица влюбилася,
 В красавца волестилася¹,
 Во его ли щечки алые,
 Во его ли брови черные,
 Во его ли кудри русые,
 Во его ль часту походочку!

¹ В высшей степени влюбилась.

Или:

Не шелкова ниточка
 К стенке льнет —
 Иван (*жених*) Варварушку (*невеста*)
 К сердцу жмет:
 «Скажи-ка, Варварушка,
 Скажи-ка, Ефимовна,
 Кто тебе мил,
 Кто по душе?»
 «Мил-то мне милехонек
 Батюшка родной!»
 «Не правда, Варварушка,
 Не истинная!»

Затем девушки поют эту песню снова, и на вопрос: «Кто мил, кто по душе?» — в песне поется:

«Мил-то мне милехонек
 Иван-сударь свет Матвеевич!»
 «Правда, Варварушка,
 Правда истинная!»

Отцу жениха:

По городу по новому звоны пошли,
 По терему по высокому дары понесли:
 «Прими мой дар, свекор-батюшка,
 Прими мой дар, не прогневайся!
 Мои дары неспасенные,
 Моя свадьба незнамая¹».

Или:

У Миколы у Святителя
 Трижды в колокол ударили,
 У Прохора Иваныча
 Трижды сердце возрадовалось:
 Впервой возрадовалось —
 Сынок родился;
 В другой возрадовалось —
 Сынок на возрасте;
 В третий возрадовалось —
 Женьть собрались;
 Еще сердце возрадовалось —
 Невестушку взяли!

¹ Не особенно ценные подарки и не особенно известная свадьба.

Матери жениха поют те же самые величания, только с переменной имен.

Женатому гостю или замужней женщине поют:

Как у нашего голубя
 Золотая голова,
 У голубки —
 Алой лентой увита!
 У Ивана-то хорошая жена;
 Пришел деверь,
 Позавидовал снохе:
 «Кабы это да моя жена была,
 Мог бы чем
 Утешить-воскрасить (*нарядить*):
 Весной бы я —
 Воскрашенной косой,
 По осени бы я —
 В коляске золотой,
 А зимой-то я —
 В новых лаковых санях!»

Или:

В огороде трава
 Зеленым-зелена;
 У Степана-то жена
 Молодым-молода,
 Молодехонька,
 Точно беленький груздочек —
 Белянущка:
 «Душа-женушка Марьюшка,
 Спороди-ка ты мне сына
 Как ясного сокола,
 Каков я у тебя!
 Отдадим мы его
 В Москву грамоте учить,
 Мы не ради учбы (*ученья*) —
 Ради чести-хвалы!»

Или:

Как у рюмочки у серебряной
 Золотой веноч,
 У Ефима-то Дементьича
 Дорогой разум-обычай:
 Где ни ходит, ни гуляет,
 Ночевать домой приходит,

Женский свадебный костюм. XIX в. Вологодская область

Воротечки отворяет,
 Жену вызывает:
 «Ты встречай меня, хозяйка,
 Встречай, молодая!»
 «Мне и некогда встречать:
 Сына милого качаю,
 Сына милого качаю —
 Перемены чаю;
 Я такую перемену —
 Сноху молодую,
 Я сноху ли молодую,
 Как дочку родную!»

Или:

Во шандальчиках свечки
 Ясно горят,
 Ярого воска отаивают!
 Ольга Захарьевна
 По сенечкам похаживает,
 Нянюшек, мамушек укладывает:
 «Нянюшки, мамушки,
 Ложитесь спать,
 Вам некого ждать;
 А мне, молоденьке,
 Всю ночь не засыпать:
 Кровать убирать,
 Убравши кроватушку,
 Постелюшку стлатъ,
 Постеля постелюшку,
 Изголовьице класть,
 Положивши изголовье,
 Мил дружка ждать!»
 Погодя маленько
 Сокол из-за гор, из-за гор,
 Ясен из-за дол, из-за дол,
 Василий-ат на двор,
 Спиридонович на двор;
 Он на двор-то едет —
 Двор-ат веселится,
 На крылечко входит —
 Оно жиблется (*трясется*),
 В сенечки входит —
 Сапожки скрипят,
 Сапожки скрипят —
 Двери не стоят,
 Речь говорят:

Женский свадебный костюм. Вид сзади. XIX в. Вологодская область

«Где ты был, сокол,
 Где был-пребывал?
 Где был, ясный,
 Где был-пребывал?»
 «Был-то я, сокол,
 У тестя в гостях,
 Был-то я, ясный,
 У ласкового!»
 «Чем тебя тестюшка
 Дарил-жаловал?»
 «Дарил меня тестюшка
 Вороным конем,
 Дарила меня тещенька
 Стольным городом,
 Большой шури́н —
 Черкасским седлом,
 Большая своячена —
 Шитым ковром!»

Или:

Как по сеням было, сенечкам,
 По новым сеням решетчитаем:
 Ходила-погуливала
 Молода больша барыня
 Огафья Васильевна;
 Будила-побуживала
 Молодого свово барина
 Петра-то Василича:
 «Встань-ка, проснись, барин мой,
 Пробудись, душа-надёженька!
 Случилось у нас несчастье:
 Разыгрался у нас добрый конь,
 Поломал сады зеленые,
 Изломал цветы лазоревые!»
 «Не тужи, душа Огафьюшка,
 Не тужи, душа Васильевна!
 Нас Господь-то Бог помилует,
 Господин-ат царь пожалует:
 Наделит он нас тремя городами:
 Первый-то город — Казань-городок,
 Другой город — Москва-городок,
 Третий город — Симбирск-городок!
 В Казани-то будем сына женить,
 В Москве-то будем дочь отдавать,
 В Симбирске-то будем сами поживать!»

Фрагмент женского свадебного костюма. XIX в. Вологодская область

Или:

В горенке во новой, во новой
Стоял столик кедровый, кедровый,
Серебряный с бахромой (2)¹,
Накрыт доской золотой (2);
Алексей-ят господин (2),
Семеньч-ат господин (2),
Он по горенке ходил (2),
Ко столику подходил (2),
Вина в рюмки наливал (2),
Татьянушке (*жене*) подносил (2),
Федоровне подносил (2):
«Татьянушка ты моя (2),
Федоровна ты моя (2),
Кушай рюмку у меня (2);

¹ Цифра 2 означает здесь повторение последних слов в стихе, тогда как в других случаях мы обозначаем ею повторение всего стиха.

Роди сына-сокола (2),
 Белым лицом во тебя (2),
 Разумом во меня (2)!
 Отдадим мы сынка (2)
 Грамоте мы учить (2),
 По-немецки, по-французски говорить (2)».

Или:

Летели две птички,
 С собой невелички;
 Где они летели,
 Тут люди глядели;
 Где они садились,
 Тут люди дивились:
 Сели на калинку —
 На самую вершинку!
 Стали они пети,
 Пети-распевати
 И нас уважати!
 Иван-ат Сергеич
 По горнице ходит,
 Федосью Петровну (*жену*)
 За рученьку водит,
 Ручку пожимает,
 Душой называет:
 «Душка-женушка
 Федосья Петровна!
 Спороди-ка ты мне сына
 Как белого сыра;
 Отдадим мы сына
 Грамоте учиться,
 «Верую» читати
 И пером писати!»

Холостым:

У сахарной яблонки
 Отросли ветки до сырой земли;
 У прекрасного молодца
 У Ивана свет Иваныча
 Прилегли кудри ко белóму лицу,
 Ко белому, ко румяному!
 Его личико —
 Точно беленький снежок,
 Щечки алы —

В саду розовый цветок,
 Брови — черны,
 Взгляд — веселые глаза,
 На головушке —
 Кудрявы волоса!
 Кто тебя спородил, молодца?

Или:

Нам сказали, что Никифор-ат богат,
 Алексеич-ат богат:
 Он и сотенку на сотенку считает,
 Миллионами по городу ссыпает¹,
 От и тыщами в окошечко бросает,
 Из неволи сирот выпускает:
 Из неволи — невольников,
 Из острогу — острожников!
 За него ли Богу молятся,
 За удала добра молодца
 За Никифора Алексеича!

Или:

Андрея-то матушка,
 Митрича сударыня
 В воскресенье спородила,
 В воскресенье, во заутреню;
 Пеленала лентой алою,
 Первивала, приговаривала:
 «Ты, дитяtko Андрей-сударь
 Что и милый Митриевич!
 Ты когда будешь на возрасте,
 Ты задумаешь жениться,
 На добра коня садиться,
 Ты подъедешь ко двору тестеву,
 Ко тестеву — ко невестину,
 Ты въедешь на широкий двор —
 Не пускай коня по двору:
 Привяжи коня ко столбу,
 Ко тому столбу точеному,
 Ко крылечку позлащенному,
 Ты взойдешь на красен крылец —
 Не клади плохо плеточку:
 Повесь плеточку на скобочку!
 Ты взойдешь во новы сени —

¹ Делает миллионные обороты.

Не клади плохо шапочку:
 Отдай шапочку бабушке!
 Ты взойдешь в высок терем —
 Ты не много Богу молился (*молись*),
 Ты пониже тестю кланяйся,
 Еще ниже — своей тещеньке,
 В особливицу — своячине!
 Выбирай свою сужену,
 Выбирай свою ряжену!
 Твоя сужена наряжена,
 Впереди за стол посажена,
 От девушек отменилася (*отличается*),
 Ее личко переменялося,
 Резвы ноги подкосилися,
 Белы руки опустилися,
 С плеч головушка скатилася,
 Из глаз слезы покатилися!»

Или:

Кто у нас умен,
 Кто у нас разумен?
 Свет Лексей-ат умен,
 Лексеич разумен!
 По горнице ходит,
 В зеркало глядится,
 Сам себе дивится:
 «Какой я хороший,
 Какой я пригожий!
 Хорош уродился,
 Пригож нарядился!»
 По горнице ходит,
 Сапог надевает,
 Чулок не мараает;
 На коня садится —
 Конь-то веселится;
 Он плеточкой машет,
 Под ним конь-ат пляшет;
 Со двора съезжает,
 Луга объезжает —
 Луга зеленые,
 Травы шелковые!
 К саду подъезжает —
 Пташки распевают,
 Девушки гуляют,
 Ворота отворяют,
 Лексея встречают,

За руку примают:
 «Поезжай, наш хороший!..»
 Поезжай, наш пригожий!..»
 За руки примают,
 За столы сажают,
 За столы дубовы,
 За скатерти браны,
 За яства сахарны,
 За пойла медвяны!
 Стакан водки наливают,
 На подносичке подносят,
 Его милость просят:
 «Ты, Лексей-сударь, выпей,
 Лексеич, воскушай!»
 «Я не пью хмельного
 Вина зеленого,
 Выпью ль я, не выпью
 Стакан водки сладкой:
 С водки не спьянишься —
 Лучше взвеселишься!..»

Или:

Долина, долинушка,
 Раздолье широкое!
 По этой долинушке
 Гуляет детинушка —
 Иван-сиротинушка!
 Повесил головушку
 На праву сторонушку,
 Опустил он очи ясны
 В мать сыру землю;
 Увидала его матушка
 С высокого терема,
 Из красна окошечка:
 «Что ты, мое дитяtko,
 Что ты, мое милое,
 Не весело ходишь?
 Не смело ступаешь?»
 «Родимая матушка,
 К чему веселитися:
 Все люди женилися,
 А я у вас, матушка,
 Хожу холост-неженат!»
 «Женись, женись, дитяtko,
 Женись, мое милое!
 Возьми, возьми, дитяtko,

У купчика дочку:
Ты ее богатую,
Еще тороватую,
В деле расторопную,
В речах разговорчиву!»

Свахе:

Ходила свахонька по двору,
На ней лисья шубонька до полу,
Правая полынька — в тыщу рублей,
Левая полынька — во сто рублей!
А, свахонька, догадайся,
За злат кошель принимайся;
В кошельке казна золотая,
От той казны хоть гривнёшку,
От гривнёшки хоть грошишка;
Тот грошишка ребром становится,
В стопочку норовится¹,
Нам, девушкам, пригодится!

Дружке:

Как у дружечки борода!
За то его цари любят,
Господа-то почитают,
На большо место сажают!
Слышишь ли, дружка,
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Воеводой называем:
Воевода ты наш, воевода,
Крепок ты наш содержатель!..

По окончании песни девушки обыкновенно поздравляют с песенкой того, кому пропето величание. На «благодарю» они отвечают:

Чем благодарить,
Лучше подарить!

¹ Намеревается попасть в чашку.

Если и после этого не воспоследует вещественной благодарности, то они поют следующую ироническую песенку:

Поехал Ларивон-сударь воевати
На добром коне — на корове,
Со вострой саблей — со лучиной,
По диким степям — по подлавкам,
За такими за зверями — за мышами!

Когда невеста выдарит всех жениховых и своих родственников и, поклонившись сидящим за столом гостям, уйдет в чулан, то ее родители угощают пришедших на дары ужином. Дружка и теперь командует. Он приговаривает:

Гости званы,
Гости браны (*избранные*),
Гости возлюбленны!
Полюбите у нашего сватушки и свахоньки
Хлеба и соли!
В кут по лавочке,
От кута по скамеечке;
Не всякого на имя¹,
А все зараз,
Не всякому челом и низкой поклон...
Прошу покорно, покушайте!

На дарах же за ужином дружка приглашает в поезд, кого следует, например женихова крестного отца, так:

Иван Иваныч!
Прошу покорно
Послужить князю нареченному —
С добрым конем и седлом
И со всею сбруей ратной
Во храбрый поезд пожаловать!

Точно так же он приглашает и прочих поезжан. Тут же он просит кого-нибудь быть разносчиком пива, кого — стоять у ворот и охранять их и пр., словом, он назначает в это время разного рода чиновников для дня свадьбы в очень большом количестве и всякому найдет дело.

¹ Т. е. не каждого приглашать по имени.

За ужином в этот свадебный момент подают только три кушанья: холодное, горячее и курник (круглый пирог с курицею). Первые два кушанья уничтожаются; но лишь только подадут курник, гости тотчас же поворачивают вилки с ножами и ложки черенками к курнику и, не прикасаясь к нему, выходят из-за стола. Гостей потчуют преимущественно вином: чуть ли не после каждой ложки радушные хозяева подносят по аршинчику водки. Надобно заметить, что вино — самая необходимая принадлежность свадьбы: оно фигурирует на самом первом плане и без него свадьба — не свадьба. Будь на свадьбе одно вино и закуска простой черный хлеб с капустой или солеными огурцами — и довольно. После будут говорить: «У такого-то так была свадьба!.. Вином хоть обливайся... И накатились же все тогда!..» Словом, об этой свадьбе будут ходить только самые лестные отзывы. Но окажись на свадьбе хотя бы только небольшой недостаток в вине, а разного рода кушанья вдоволь, в народе заговорят: «Ну что за свадьба была у такого-то! И вина-то не было: всего по 2—3 стаканчика поднесли; а что толку в кушаньях-то!.. Известное дело, было бы вино...» — и пр.

Лишь только начнут ужинать, девушки запоют величания:

Жениху с невестой:

Во горнице гусли лежали;
 Во новые, во звончатые
 Никто не взыграет,
 Варварушку (*невеста*) не утешает!
 Ивана-то (*жених*) дома нет,
 Сударика не случилось:
 Он у тещюшки пирует,
 У тещеньки зять столует;
 Теща зятя угощала,
 Вина рюмку наливала,
 На подносе подносила,
 Ему говорила:
 «Уж ты пей, зятек,
 Пьяный не напейся,
 Над Варварушкой не взломайся,
 Над Ефимовной не взвеличайся,
 Не заставь ее тебя разувати:
 У тебя, зятюшка, ноги грязны —
 У Варварушки руки белые,
 На руках-то перстни золотые,
 Во перстнях камни дорогие!
 Белы рученьки замарает,
 Золоты перстни поломает,
 Дороги камни растеряет!»

Или:

Убита дороженька бархатом,
 Убита широкая алым!
 Кто эту дороженьку
 Торил-убивал?
 Убивал дороженьку
 Федор-сударь
 Свет Степанович
 Он ко тестюшке
 В гости ходючи,
 Дороги гостинцы носючи:
 Первой-то гостинец — чернослив,
 Другой-то гостинец — виноград,
 А третий гостинец — сам на двор,
 Чтобы его тестюшка встречал,
 На широкий двор впускал!
 Ласкова тещенька
 За белы руки примала,
 За дубовый стол сажала —
 Что это за скатерти,
 Что это за браные?
 Что это за яства за сахарные,
 Что это за пойла за медвяные?
 Вы, сборы, сборы Авдотьи Ивановны!
 Собирала, девушек, она нас на пир,
 Сажала подруженек высоко-высоко,
 Сама-то садилась выше всех,
 Клонила головушку ниже всех,
 Думала думушку крепче всех,
 Подумавши думушку, слово молвила:
 «Вы, подружки мои, вы, голубушки!
 Вы придумайте моей больной головушке,
 Как-то мне во чужих людях жить?
 Чужого отца назвать батюшкой,
 Чужую-то мать матушкой?»

Прочим гостям повторяются прежние песни.

Поужинав и нагрузившись вином, гости поднимаются с своих мест и прощаются со сватьями. Как только жених перешагнет за порог, девушки запоют ему:

Лексей-сударь, воротися,
 Степанович, воротися:
 Позабыл ты рукавички
 На поличке!

Считается признаком худого тона, если жених возвратится; девушки осмеют его.

Когда дорогие гости выйдут со двора, невеста, молчавшая весь вечер, начинает жалобно причитать нараспев:

Сударь ты мой, батюшка
 Ефим Федорович!
 Лебедушка белая,
 Родимая матушка
 Настасья Петровна!
 Что это у вас, батюшка,
 Были за люди за торговые?
 Что за пиры, за беседы?
 Чего они, батюшка,
 Чего торговали?
 Чего они у вас, матушка,
 Чего закупали?
 Не мою ли косыньку
 Они торговали?
 Не мою ли русу
 Они закупали?
 Свет-то моя буйная головушка
 Не дочесана;
 Свет-то моя руса косынька
 Не доплетена;
 Шелковая ала ленточка
 Не доношена!
 Не дал ты мне, батюшка,
 Дочесать буйну головушку;
 Не дала ты мне, матушка,
 Доплести русу косыньку;
 Не дала ты мне, любезная сестрица
 Александра Ефимовна,
 Доносить шелковую алу ленточку!

Обращаясь после этого исключительно к сестре, она продолжает:

Лебедушка белая,
 Любезная сестрица
 Александра Ефимовна!
 Покрасуйся, голубушка,
 Пока у родимого батюшки
 У Ефима Федорыча,
 А еще-то, голубушка,
 У родимой матушки

Настасьи Петровны!
А я-то, горькая, открасовалася,
А я-то, несчастная, отнежилась!

Невестины подруги станут уговаривать ее и просить, чтобы она не роняла напрасно слез и слов. А та продолжает:

Лебедушки белые,
Любезны подруженьки!
Не унимайте, голубушки,
Меня, горькую,
Меня, несчастную!

Как мне, горькой,
Как мне не плакати,
Как мне не тужити?
Все мое сердушко переныло,
Все ретивое переболело
На вас смотрючи!
Придет ко мне, горькой,
Большой праздничек,
Выйду я, горькая,
Из ворот на улицу;
Погляжу я, несчастная,
На красных девушек,
На своих любезных подружек:
Мои-то подружки —
Точно мак цветут,
А я-то, горькая,
А я-то, несчастная, —
Как во поле былинушка,
Горькая травынька,
Польнушка подкошенная,
В рядах подсушенная!

Обращаясь затем снова к родителям, она причитает:

Сударь ты мой батюшка,
Сударь родимый
Ефим Федорыч!
Лебедушка белая,
Родимая матушка
Настасья Петровна!
Что это вы, голубчики,
На меня больно осердился,
На что глядя прогневались?

Ковш выносной.
Первая половина XIX в.
Архангельская область

Отдасте во чужи люди,
Во чужи люди, в незнамые,
В незнамые — незнакомые!¹
Во чужих-то людях
Жить надо умеючи,
Про все разумеючи!
Али я вам, батюшка,
Была не работница?
Али я вам, матушка,
Была не скорый посол,
Не слуга верная?
Запоручили вы мне, батюшка,
Мою буйную головушку
Великой кручиной;
Сплели вы мне, матушка,

¹ Если девушка выходит замуж в другое селение, то прибавляет:

А еще больше —
На чужую сторону.

Мои белы рученьки
 Травою великой (*повиликой?*),
 Подкосили вы мне, батюшка,
 Мои резвы ноженьки
 Травою осокой!
 Во чужих-то людях
 Я не смею избою пройти,
 Избою пройти — слово молвити,
 Я не смею назвать
 Свекора батюшкой,
 А свекровушку — матушкой,
 А чужое-то чадо —
 Имям (*именем*)-отчеством
 Иваном Матвеичем!

Девушки остаются ночевать у невесты и уже не покидают ее до тех пор, пока отвезут в церковь — на бракосочетание.

На следующий день, в день свадьбы, невеста встает раньше всех и, умывшись и помолившись Богу, садится на лавку и снова принимается выть:

Вставайте-ка, родимый батюшка
 И родимая матушка!
 Сударь ты мой батюшка
 Ефим Федорович,
 Лебедушка белая,
 Родимая матушка
 Настасья Петровна!
 Спалась ли вам
 Темная ноченька?
 А мне-то, горькой,
 Мало спалось —
 Много виделось!
 Приснился мне, горькой,
 Сон не радошен,
 Сон — крутая гора,
 Крутая гора, быстра река,
 Быстра река — не забывчива!
 Ходила я, горькая,
 По крутой горе,
 По крутой горе,
 По быстрой реке,
 Потеряла я, горькая,
 Трое золотых ключиков:
 Первы-то ключики —
 От волюшки батюшкиной,

Други-то ключики —
 От неги матушкиной,
 Третьи-то ключики —
 От девичьей красоты!
 Свет-то моя честь-хвала,
 Девичья красота —
 Русая косынька —
 У родимой матушки
 Настасьи Петровны;
 Свет-то моя волюшка —
 У родимого батюшки
 Ефима Федорыча;
 Свет-то мое сиденье —
 У родимого братца
 У Кирилла Ефимыча,
 В углу под окошечком
 Со красными девушками!

Домашние невесты и ее подруги, беспокоимые ее причитаниями, встают. По требованию подруг невеста снова умывается.

Соседи и прочие поселяне, зная, что в данный день имеет совершиться бракосочетание такой-то девицы с таким-то, спозаранку приходят послушать, умеет ли невеста искусно причитать. Увидя кого-нибудь входящего, например соседку, невеста причитает:

Поди-ко, лебедушка,
 Поди-ко, белая,
 К нам, горьким,
 К нам, несчастным,
 На мою свадьбу красную!
 Не прогневайся, голубушка,
 Что я тебя не встретила
 Среди пути-дороженьки,
 Среди двора широкого,
 Среди крыльца высокого,
 Среди новой горницы!

Если у невесты нет кого-либо из родителей, например матери, то она, вставши раньше всех, будит своих подруг и просит их *сходить с нею на кладбище*, или, как говорят крестьяне, на *мазарки*, — попросить у умершей матери благословения на брак. Она причитает:

Вставайте-ка, лебедушки,
 Любезны подруженьки!
 Сослужите службу верную,

Службу верную — последнюю:
Пойдемте-ка, лебедушки,
Любезные подруженьки,
Со мною во чистое поле
Будить родимую матушку
Графену Петровну!

Собравшись, все они молча идут на кладбище. Пришедши к могиле матери, невеста вопит:

Поднимитесь, ветры-сиверки,
Со крутых гор, со высокиих,
Раздуйте-ка матушку сыру землю
По чистому по полю!
Раскройся, матушка
Грובהа доска,
Размахни-ка, матушка,
Свои белы рученьки,
Распахни полотно тонкое,
Раскрой свои очи ясные,
Разожми уста сахарные!
Ты промолви-ка, матушка,
Ласково словечушко,
Утешь мое сердечушко:
Собрать-срядить меня есть кому,
А благословить меня некому!

Так же точно причитает невеста, если у нее нет в живых отца, только переменяя *матушка* на *батюшка*.

Когда, при возвращении с кладбища, станут подходить к дому, то девушки запоют:

Ты, река ли моя, реченька,
Ты, река ли моя быстрая!
Течет речка — не колы́хнется,
Бежит речка — не уплэснется!
Вы, крутые бережки,
Стойте, не осыпайтесь!
А ты, красна девица
Мария Ивановна,
Стоишь — не улы́бнешься,
Говоришь речь — не усмэхнешься!

Невеста отвечает на это:

Уж вы, люди добрые,
 Подружки любезные,
 Мне чему ли радоваться,
 На что глядя веселиться?
 Полна гостей горница,
 Полна светлая светлица;
 Только нет гостьюшки любимой —
 Матушки родимой
 Татьяны Ивановны!
 Собрать-срядить меня есть кому,
 А благословить меня некому!

Входя в избу и встретив, например, брата, она обращается к нему:

Уж ты, братец,
 Братец родимый
 Михайла Петрович!
 Сослужи-ка мне службу верную,
 Службу верную — последнюю:
 Ты сходи-ка на конюшен двор,
 Сними с крюку тесьмяну узду,
 Обротай коня ворона!
 Ты поезжай ко Божьей церкви,
 Ударь трижды в колокол,
 Разбуди родиму матушку!

Обращаясь затем к какой-либо родственнице, например тетке, невеста причитает:

Лебедушка белая,
 Любезная тетушка
 Улита Спиридоновна!
 Встречай-ка, голубушка,
 Меня, горькую,
 Меня, несчастную;
 Встречай меня
 Из чиста полечка
 Со красными девушками,
 Со любезными подружками!
 Ходила я, горькая, во чистое поле
 Будить родимую матушку!
 Будила я, горькая,
 Будила, несчастная,

Своим громким голосом,
 Горючьми слезми,
 Горючьми слезми — горячими;
 Не могла я, горькая,
 Не могла, несчастная,
 Разбудить свою родимую матушку
 Анисью Егорьевну!
 Скрепила она
 Свое ретиво сердечушко
 Крепче камешка горючего,
 Не могла она мне
 Словечко промолвити!

После этого невеста обращается к ней же или еще к какой-либо другой родственнице с просьбою простить ее за грубости, приветить добрым словечком, а если это — мать, то и благословить ее; если же другая родственница, то благословить ее вместо матери:

Лебедушка белая,
 Любезная тетушка
 Акулина Степановна!
 Не стой-ка, голубушка,
 Позади людей добрых;
 Не попомни, тетушка,
 Моих досад горьких!
 Не я тебе досаждала,
 Не я тебе согрубляла:
 Досаждал-то тебе, тетушка,
 Мой глупый разум,
 Глупый, неразумный!
 Вступи-ка, тетушка,
 Вместо родимой матушки
 Авдотьи Семеновны!
 Пойди-ка ко мне, горькой,
 Пойди-ка ко мне, несчастной!
 При эдаком горьком времячке
 Не покинь меня, горькую,
 Не покинь меня, несчастную,
 Ни судушкой, ни сподобушкой (*советом*)!
 Приветь ты меня, тетушка,
 Ласковым словечушком
 Вместо родимой матушки
 Авдотьи Семеновны!
 А еще-то, горьку,
 Облагослови меня
 Во чужи люди — в незнакомые!

Придумай ты, тетушка,
 Моей буйной головушке:
 Как-то мне, горькой,
 В чужих людях жить?
 Чужие-то люди
 Без ветра, без вихрю сушат,
 Без красного солнышка
 Глаза выпекут!

Если у невесты родная мать еще жива, то в приведенном причитании *тетушка* изменяется на *матушка*.

Подругам невеста причитает:

Любезны мои подруженьки,
 Красны девушки!
 Покрасуйтесь вы
 У родимого батюшки
 И у родимой матушки!
 А я-то, горькая, открасовалася:
 Отплела-то я свою мелку косыньку,
 Износила я свой шелков косник!

Пред венцом обыкновенно сестра или какая-либо другая родственница заплетает невесте косу. При этом невеста причитает:

Лебедушка белая,
 Любезная сестрица
 Катерина Васильевна!
 Не расплетай, голубушка,
 Мою русу косыньку,
 Не раскладывай на две стороны,
 Не дели на три прядочки¹.

Заплетанье девичьей косы в последний раз происходит в чулане. Выходя оттуда, невеста обращается к пришедшим зрителям со следующими словами:

Посторонитесь, добры люди,
 На все четыре стороны,
 Пропустите меня, горькую,
 Пропустите меня, несчастную,

¹ До замужества девушки заплетают свои волосы в одну косу, а по выходе замуж — в две косы, разбивая каждую на три части (пряди).

Ко столу ко дубовому,
Ко скатерти браной;
А еще-то, горькую,
Ко батюшкиным ногам
И еще ко матушкиным
Ко белым рукам!

Отец ее подходит к ней и приглашает сесть за стол на приготовленный заранее войлок, а она причитает:

Сударь ты мой батюшка,
Сударь родимый
Леонтий Никитич!
Не сажай, родимый,
Меня, горькую,
Меня, несчастную,
Вперед под окошечко
За столы дубовые,
За скатерти браные!
Не мое тут, батюшка, сиденье:
Мне-то сиденье
В углу под окошечком
Со красными девушками,
Со любезными подружками!

Обращаясь наконец к отцу и матери вместе, она просит их благословить ее:

Стою-то я, горькая,
На половых досках
Пред родимым батюшкой
И родимой матушкой!
Не белая березынька
К земле клонится —
Клонюсь-то я, горькая,
Клонюсь я, несчастная,
Родимому батюшке
И родимой матушке
Во резвы ноги!¹
Прошу-то я, горькая,
Прошу-то я, несчастная,
У родимого батюшки
И у родимой матушки
Великого благословеньца!

¹ Кланяется в ноги отцу и матери.

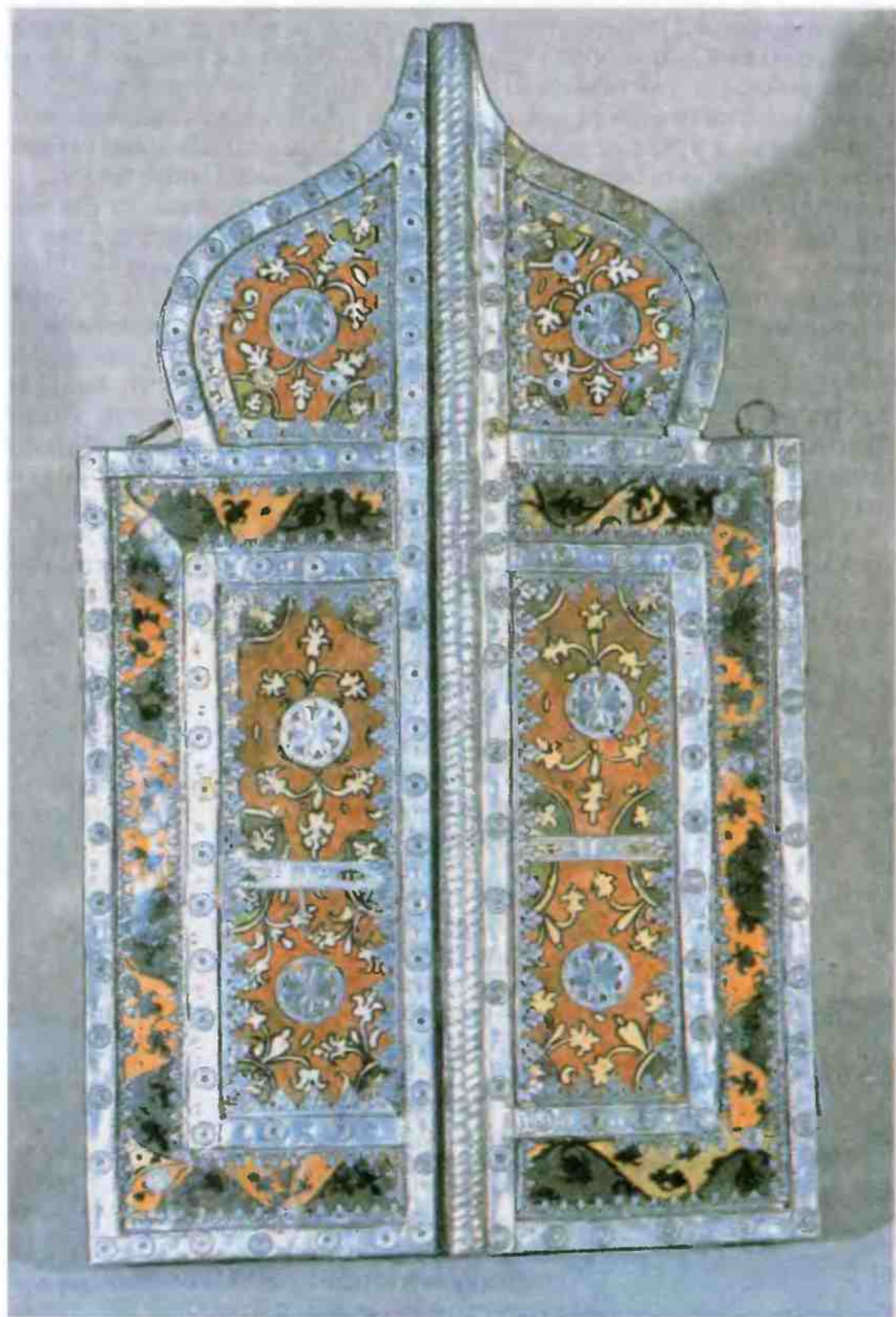
После этого родители невесты *благословляют* ее иконой и хлебом с солью. Самый обряд благословения совершается так: с лавки берут войлок и расстилают его на полу в переднем углу близ стола; на войлок становятся родители невесты, обратившись задом к иконам и держа в руках — отец икону, а мать хлеб с солью. Отец становится на правой стороне, а мать на левой. Невеста, обратившись к ним лицом, делает пред иконою три земных поклона. Когда она встанет, то отец делает трижды иконою крестное знамение над ее головою, после чего она целует у отца — икону, у матери — хлеб с солью, а потом целуется трижды с отцом. Затем родители ее меняются предметами: отец берет у матери хлеб с солью, передавая ей икону. Невеста снова кланяется в землю пред иконою трижды и получает благословение от матери. Порядок остается тот же. Так же точно благословляют невесту и духовные ее родители. После благословения икону берет кто-нибудь из родственников, обыкновенно отец крестный, завязывает ее в чистую скатерть и в поезде отвозит в церковь на время бракосочетания.

Невеста еще раз целуется со всею своею роднею, после чего, в ожидании женихова поезда, все садятся где кому придется; сама же невеста снова принимается за причеты. Обращаясь к брату или кому-либо из родственников, она плачет:

Родимый мой братец
Гаврила Лександрыч!
Сослужи мне службу верную,
Службу верную — последнюю:
Сходи на конюшен двор,
Сними с крюку тесьмяну узду,
Обротаи коня ворона,
Поезжай во темны леса,
Сруби белую березыньку,
Загороди-ка, братец,
Все пути-дороженьки,
Чтобы нельзя было
Ни пройти, ни проехати
Грубияну — моему недругу
Андрею Иванычу!

Приглашая мать посидеть с собою, она причитает:

Не кукуй, кукушечка,
Позады леса темного,
Позады саду зеленого!
Не стой-ка, лебедушка,
Не стой-ка, белая,
Родимая матушка

Зеркало. XVII в. Московская область

Глафира Ивановна,
 Позади людей добрых!
 Подойди, голубушка,
 Ко мне, горькой,
 Ко мне, несчастной!
 Раскрой, лебедушка,
 Шелкову фату,
 Погляди, лебедушка,
 На мою красоту —
 Русу косыньку
 В первые и в остаточки!

Или:

Лебедушка белая,
 Родимая матушка
 Дарья Михайловна!
 Взвейся ты, голубушка,
 Горькою кукушечкой,
 Прилети-ка, матушка,
 Вольной пташечкой

Ко мне, горькой,
 Ко мне, несчастной,
 Впереди под окошечко,
 Послушай моих
 Песен горьких!
 Сядь-ка ты, матушка,
 Ко мне под правое крылышко,
 Подумай-ка, лебедушка,
 Со мной думу крепкую!

Мать, обнявши свою дочь, также начинает причитать:

Дитяtko ты мое,
 Дитяtko милое,
 Дочка Аннушка!
 Слуга моя верная,
 Мой скорбй посол!
 Не воркуй-ка, дитяtko,
 Не кукуй, мое милое,
 Впереди под окошечком —
 За столом за дубовым,
 За скатертью браной
 У родимого батюшки
 И меня — родимой матушки!
 Накукуешься, дитяtko,
 Во чужих людях,
 Во чужих людях —
 Во незнамых:
 У чужого батюшки
 И чужой матушки!

Теперь посмотрим, что делается в день свадьбы в доме жениха.

К назначенному времени в дом жениха собираются все его родственники, которые должны ехать в свадебном поезде, как-то: отец крестный (называемый *тысяцким*), мать крестная, дядья с женами, тетки с мужьями, дружка (который может быть и не родственник, а лишь бы только был расторопным человеком и умел бы причитать где что следует), поддрузье, свахи с мужьями и пр. Когда все поезжане соберутся, их угощают завтраком и подносят по доброму стакану водки. Жених в это время ничего не ест. После завтрака все расходятся по разным углам, а жених один садится за стол на заранее посланный войлок на лавке. Родители его также становятся среди зрителей, наполняющих обыкновенно собою весь дом и располагающихся где только возможно. А дружка с поддрузьем берет после завтрака каравай хлеба и жбан пива и отправляется с ним к приходскому священнику, прося принять эти дары и возвещая этим

самым, что все уже готово к поезду. Дары эти отвозятся в указанное время в том лишь случае, если жених и невеста живут в одном селе; в противном случае их привозят одновременно со свадебным поездом.

Возвратившись от священника, дружка повелевает жениху встать с своего места, отодвигает стол, снимает с лавки войлок, расстилает его у ног жениха и, выпрямившись, выкрикивает:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
 Помилуй нас!
 Есть ли у ворот притворнички,
 У дверей — придвернички?
 Дверь притворьте,
 Печь прислоньте!..

Сказав это, дружка садится на заранее приготовленную скамейку и, перекрестившись трижды, снова встает, говоря: «Нет ли старухи на печном столбе? Ну-ка я с нею переведаюсь!..»¹ При этом он сильно ударяет по столу ременной плеткою. Затем продолжает:

Нет ли у нашего князя нареченного
 Родимого батюшки и родимой матушки?
 Облагословите свое чадо милое!

Родители жениха являются и благословляют его точно так же, как благословляют невесту. После благословения все садятся. Спустя несколько мгновений дружка поднимается и просит у родителей жениха благословения двинуться поезду в путь-дороженьку:

Есть ли у нашего князя молодого
 Батюшка и матушка?
 Облагословите свое чадо милое
 Встать из-за столов дубовых,
 Из-за скатертей шитых-бранных,
 Из-за кушаньев сахарных,
 Из-за питья медвяного,

¹ Крестьяне до сих пор твердо уверены, что злые люди во время свадьбы портят *молодуху* чрез посредство какой-нибудь колдуньи или ведьмы. Последняя, например, может в ореховый свищ пустить с известным наговором пару блох и положить в *пятку воротнюю* пред отправлением поезда и этим попортить молодых; или, например, та же колдунья может пустить к ногам молодых *наговоренного поросенка*, когда они пойдут куда-либо вечером во время медового месяца. Вот дружка и хочет своим громким голосом и действием устранить эти неприятности.

Из-за блюдечков тарельчатых,
 Из-за ложечек точеных,
 До добра коня ступить (*дойти*),
 Стать во стремя булатное,
 В седельце черкасское,
 Взять в леву руку тесьмян повод,
 Во праву — шелкову плеть,
 По коню ударить,
 По пути к Божьей церкви подъехать,
 На белым подножье постоять,
 Золотыми перстнями обменяться,
 Под злат венец стать,
 Закон Божий принять!

«Бог благословит», — отвечают родители жениха.

Получив благословение отправляться в путь-дороженьку, дружка тотчас же берет икону, которою благословляли жениха, выходит с поддрузьем из избы раньше всех и встает впереди всего поезда. Когда поезжане усядутся, он обходит весь поезд трижды и, снова ставши впереди первой пары лошадей (обыкновенно каждая телега в свадебном поезде запрягается парой, и притом непременно с колокольчиком), громогласно взывает:

Все ли поезжане сели по своим местам,
 Как ясны соколы по гнездам?
 И кто с нами — садись в сани;
 Кто не с нами — долой, прочь!..

После этого дружка отдает икону отцу крестному жениха и сам садится в свою повозку. Поезд трогается с места и направляется к деревне, в которой живет невеста. Особым шиком считается *свадьба с казаками*, т. е. верховыми провожатыми, не менее двух. Их обязанность состоит в том, чтобы во время шествия поезда селением к церкви и обратно выстрелить в воздух по несколько раз из пистолетов. Доехав до деревни, поезд останавливается в поле — около самых изб, у околицы, а в деревню въезжает только дружка с поддрузьем, чтобы возвестить невесте о прибытии поезда и отвезти нареченной молодой княгине платье (подвенечный сарафан, если жених состоятелен) и шубу, выговоренную родителями невесты на смотре нах. Если же невеста выходит замуж в том же селении, в котором и сама живет, то дружка с поддрузьем отвозят ей указанные вещи незадолго перед отправлением поезда в путь.

Подъехав к невестину дому, дружка один входит в избу, оставив поддрузье в повозке. Помолившись Богу и поклонившись присутствующим, он говорит: «Здорово живете!» — «Кто ты? Отколь?» — огорошивают его невестины сродники.

Плохой дружка, нехожалый, как говорят, конфузится и не находится, что отвечать на этот вопрос. Тогда его, по выражению крестьян, «поднимают на смех». А ловкий дружка отвечает:

Сватушка и свахонька!
 Не прогневайтесь на нас,
 Что мы побеспокоили вас!
 Занесла нас неволя —
 Божье определенье,
 Царское дозволенье,
 Человеческое прошенье!
 Ехали мы из-за гор вавилонских,
 Из-за черных морей астраханских,
 Из-за лесов муромских!
 Ехали мы путем-дорогою,
 Горами, долами,
 Лугами, полями,
 Темными лесами;
 Стал наш тысяцкий прозябать,
 Меня, дружку, вперед засылать;
 А дружка скоро поехал, засвистал,
 Своего сватушку отыскал,
 Без допросу воротечки отворял,
 Тесовую подворотню на двор бросал,
 Без доклада на широкий двор въезжал,
 Средь широка двора становился,
 На красен крылец взмостился,
 Трожды перекрестился (*трижды перекрестился*),
 В новы сени восходил,
 Трожды молитву сотворил,
 В высок терем восходил,
 Средь мраморного пола становился,
 Лику Божьему молился,
 Всем людям добрым поклонился,
 Сватушке и свахоньке — челом,
 Нареченной княгине — низкий поклон!
 Сватушка и свахонька!
 Дружку встретьте,
 Цветно платьице примите,
 Дружку посадите,
 А нареченную княгиню нарядите,
 Чтобы нареченная княгиня была преображена¹,
 На княжое место посажена;

¹ Наряжена, чисто одета.

А наш князь стоит во чистом поле
 Под большим шатром,
 Забавляется ясным соколом;
 Меня, дружку, посылал с отвесьем (*поклоном*)!

После этого монолога дружка отдает девушкам шубу и подвенечное платье для невесты. Ему подносят стакан вина, выпив которое он прощается, уходит к поддружью и с ним отправляется к жениху, возвещая, что у невесты все готово.

Лишь только дружка удалится из избы, невеста завоет:

Что это были за купцы за торговли,
 Чего они привозили,
 Чего они подарили?
 Не мне ли, батюшка,
 Цветно платьице
 Они изготовили?

Когда после этого станут надевать на нее привезенное дружкой подвенечное платье, она причитает:

Лебедушка белая,
 Крестная матушка
 Анна Павловна!
 Не в цветно платьице
 Меня наряжаете —
 Наряжаете меня, горькую,
 Наряжаете меня, несчастную,
 В великую кручинушку,
 В большую обидушку!

Между тем поезд уже во главе с дружкой двигается вперед — к невестиному дому с криком и гамом. Но ворота уже оказываются закрытыми: их запирают тотчас же по отъезде дружки к поезду. Около ворот обыкновенно становятся мужчины. Лишь поезд приблизится к воротам, дружка, едущий в первой повозке, выходит оттуда и, обращаясь к стоящим, говорит: «Вы что тут стоите? Чего вам надо?» — «А ты что приехал?» — отвечают ему. «За суженой!» — «Ишь какой ловкий! Давай-ка на штоф; не то поворотишь оглобли-то назад...» — «Полно вам обижать старика-то», — сострит какой-нибудь из зрителей, а потом, обращаясь к дружке, говорит: «А ты, дядя, раскошеливайся! А вы, олухи, чего смотрите? — обращается тот же голос к стражам ворот. — Есть чего штоф!.. Четверть — не меньше!» — «Смилосердитесь, — говорит дружка, — вот вам на полштофчик». — «Лучше и не бай, не пустим; меньше штофа не возьмем!»

Начинаются торги. Обыкновенно остаются довольны тем, что дает дружка. Но если жених очень состоятелен, то стражники требовательнее, настойчивее и не так стоворчивы, так что дружка вынужден бывает уступить им.

Иногда ворота стерегут не мужчины, а девушки, окружающие невесту в последние дни ее пребывания в родительском доме. В таком случае девушки стоят за воротами во дворе. Дружка подходит к воротам и говорит молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Ему не отвечают. Он говорит молитву во второй раз — ответ тот же. Он в третий раз — и в ответ получает «аминь». После этого дружка говорит: «Сватушка и свахонька! Встретьте гостей!» — «Сперва выкупите ворота», — отвечают ему девушки.

Делать нечего, дружка должен дать девушкам несколько копеек, например 15—20. После этого поезд торжественно въезжает на двор. Жених, окруженный с левой стороны свахами — *коренной* (старшей годами) и *пристяжной* (младшей годами), а с другой — дружкой, поддрузьем и отцом крестным, идет к крыльцу, которое всегда к этому времени бывает битком набито зрителями. Дружка оставляет жениха у крыльца, а сам отправляется в избу *выкупать невестину косу*. Помолившись на иконы и отвесив поклоны кому следует, он осведомляется о здоровье невесты; потом подходит к столу, за которым сидит невеста. С ее правой стороны сидит мать, а с левой обыкновенно сажают маленьких братьев или племянников (лет 8—10). Подойдя к столу, дружка сильно ударяет по нем заранее припасенною плетью и, обращаясь к малышам, говорит: «Вон из-за стола! Не то я вас вот чем...» (разумеется — угощу, т. е. плетью). Но ребята, наученные заранее, не сдаются сразу. Они отвечают: «Не больно боимся: у самих не хуже твоей, — и при этом они вытаскивают из-под стола заранее припасенную мутовку. — Сперва косу выкупи!» — «Делать неча, — говорит дружка, видя, что малые не обробели от его напускной суровости, — видно, ребятишкам надо дать на калачишко», — прибавляет он и оделяет сидящих за столом ребят монетами мелкого достоинства, а те, получив выкуп за косу, уходят с своих мест и оставляют невесту с одною матерью. Дружка, положив плеть на место, где сидели ребята, возвращается к жениху.

В отсутствие дружки коренная сваха, перекинув вокруг шеи, через оба плеча, чистое полотенце, идет к той телеге, в которой находится жбан с пивом; наливает пива в стакан, предварительно положив в него какую-либо монету, и отправляется на свое место, держа стакан в руке. Когда дружка возвратится после выкупа невестинной косы, коренная сваха идет со стаканом пива в избу угощать соответствующую невестину сваху. При проходе через крыльцо и сени ее берут зрители за уши, но слегка, стараясь, чтобы не пролилось несомое ею пиво. Наконец она входит в избу, подходит к невесте

Нагрудное украшение «ошейник». Конец XIX в. Калужская область

стиной свахе и просит последнюю откушать пивца. Та пьет, а монету отдает девушкам, которые или хвалят сваху, или порицают, смотря по достоинству монеты. Вот одобрение свахе:

Сказали нам про свахоньку,
Что блага (*дурна*) она благохонька,
У ней личико чернехонько;
А наша-то свахонька
Хорошим-хорошохонька,
У ней личико белехонько!

Порицание состоит из тех же стихов, только в обратном порядке:

Сказали нам про свахоньку,
Что хороша она хорошохонька,
У ней личико белехонько;
А наша-то свахонька
Благим-благохонька,
У ней личико чернехонько!

Угостив невестину сваху, женихова коренная возвращается назад к жениху, до которого, однако, добирается нескоро: на крыльце ей снова приходится платиться своими ушами, теперь ей задают настоящую дерку за уши. Это продолжается до тех пор, пока она сойдет с крыльца, а с крыльца ее нарочито не пускают с тем, чтобы подрать подолее за уши. Наконец сваха кое-как спрыгивает с крыльца и тем прекращает терзание своих ушей.

По окончании этой предварительной церемонии угощения дружка берет жениха за руку и идет с ним и прочими своими гостями в дом; но пред дверью останавливается и творит ту же молитву и столько же раз, как и пред выкупом ворот. После третьего раза получается ответное «аминь», что служит знаком того, что он теперь может войти в избу с женихом. Выкупа за дверь не полагается. Лишь только жених ступит за порог, девушки запоют:

Не было ветру — да навейнуло,
 Не было гостей — да наехало!
 Полон двор вороных коней,
 Полон сарай золотых карет,
 Полны сени всё князей да бояр,
 Полон терем княженецких жен,
 Полон стол дорогих гостей,
 Полон чулан красных девушек!
 Подломили сени новы,
 Разломали золотую чару,
 Выпугнули соловья из саду!
 Расплакалась Лизавета-душа,
 Растужилась свет Петровна:
 «Свет-то мои сени новеньки,
 Свет-то моя золотая чарочка,
 Свет-то мой соловей в саду!..
 Кто меня поутру разбудит?»
 Подал голос свет Егор-сударь
 Свет Захарьевич:
 «Не плачь, не тужи, Лизавета-душа
 Свет Петровнушка!
 Сени новые поставить я велю,
 Золотую чару перелить прикажу,
 Вместо соловья сам разбужу!»

Между тем жених, вошедши в дом и помолившись на св. иконы, садится по правую сторону невесты вместо ее матери, которая удаляется. Девушки поют:

Не сокол залетает —
 Свет Андрей заезжает
 Свет Иванович!
 Он рукой-то обнимает
 Татьяну Петровну,
 Обнимая, приговаривает:
 «Ты не плачь, не плачь,
 Татьяна-душа,
 Не тужи, Петровнушка!
 Уж я дам тебе волю
 Пуще батюшки родного,
 Уж я дам тебе негу
 Пуще матушки родимой:
 Ты куда пойдешь — спросись,
 Отколь придешь — доложи!»
 «Что это за воля?
 Что это за нега?
 Я у батюшки жила —
 Без спросу гуляла,
 Я у матушки живала —
 Без доклада приходила!»

Здесь должно заметить, что если невеста выходит замуж из своего селения в другое, то поезжан угощают завтраком; если же жених и невеста проживают в одном селении, то закуски не полагается. Во всяком случае, жених и невеста ничего не едят.

Обращаясь к невестиным родителям, дружка говорит, что пора ехать ко Божьей церкви. Жениха и невесту родители последней благословляют указанным выше образом.

В то время как происходит описанное, одна часть *выкупает невестину коробью с постелью*. Несколько девушек внутри, например в конюшне или в хлеве, стерегут коробью невесты с ее приданным и постель. Лишь поезд въедет на двор, означенная часть поезда направляется туда, где спрятались девушки, и начинает стучать в дверь, а девушки поют:

У нас на столе не кнут ли?
 У нас поезд-от не плут ли?
 У нас на столе не лук ли?
 У нас поезд-от не глух ли?
 У нас на столе не скляницы ли?
 У нас поезд-от не пьяницы ли?
 У нас на столе не мосол ли?
 У нас поезд-от не косой ли?
 У нас на столе не квашеник ли?
 У нас поезд-от не мошенник ли?

Поезжане напирают на дверь до тех пор, пока изломится запор: в противном случае им не отдадут скоро коробью с постелью. Прежде чем отдать невестино приданое, девушки требуют с поезжан выкуп — копеек 15—20. Получив коробью с постелью, поиграв с девушками и расцеловав их, поезжане спешат *отнести на руках* это в дом жениха и распить там с полуштофчик водки до приезда новобрачных. Если они не успеют этого сделать, если дружка застанет их за водкой, то вкладывает каждому плетью удар в спину: вот почему девушки и стараются насколько возможно долее задержать тех поезжан, которые должны получить невестины коробью и постель. Само собою разумеется, что это имеет место только в том случае, когда жених и невеста живут в одном селении; а если невеста выходит в другое селение, то девушки сравнительно смирнехонько поспешают получить выкуп и отдают без особенного промедления приданое невесты.

Но обратимся к поезду. После благословения жениха и невесты последнюю выводят девушки на двор, подводят к повозке жениховых свах, и брат или кто-нибудь из родственников (мужчин), но ни в каком случае не жених, сажает ее в повозку. Когда поезд тронется совсем, девушки грустным напевом произносят двестишие:

Приезжали не лапотники,
Увезли нашу башмачницу!

Уезжают. Отъехав недалеко от дома невестиных родителей, дружка возвращается к ним с подружьем — звать в гости на *горной стол*, устраиваемый обыкновенно в доме жениха вечером того дня, когда бывает бракосочетание. Входит в избу, молится Богу, кланяется и возглашает:

Сватушка и свахонька!
Князь со княгиней приказали вас
В гости звать,
Поклон отдать,
Челобитье справить!
А наш князь нареченный
Стоит средь лугов неженецких¹,
Стреляет гусей-лебедей про вас,
Гостей званых, возлюбленных!
Пожалуйста, не оставьте!
Затем прощайте!

¹ Указание, что бракосочетания еще не было.

Подъехали к церкви. Жених подходит к невесте и просит ее пожаловать в храм. А дружка подходит к повозке, на которой привезен жбан пива, наливает последнего в стакан и подносит каждому, кто бы ни подошел, до тех пор, пока не истощится все пиво.

Пред обручением с невесты снимают фату, а после обручения жениху и невесте подстилают подножье — обрывок холста, аршина в полтора, а невеста, кроме того, дает священнику под крест и Евангелие полотенце своей работы. Подножье идет в пользу псаломщика.

При самом окончании бракосочетания причетник подзывает к себе сваху, которая обыкновенно стоит позади невесты и держит при себе глубокое блюдо, наполненное орехами, испеченными из сдобного теста на сковороде; орехи покрываются сдобною же лепешкою. Эту лепешку причетник берет себе, а орехи расхватываются у свахи чуть ли не в драку тут же в церкви парнями; некоторые из них специально приходят за тем, чтобы полакомиться сдобными орехами, за которыми ходил не один раз и автор настоящего описания¹.

После венчания молодую сажают в церкви же у западных дверей на табурет и заплетают ей волосы на две косы, как обыкновенно носят их замужние женщины, и, закрыв фатою, выводят из церкви. Свахи иногда немилосердно дерут волосы у молодухи, особенно если она угодила против чьего-либо желания за своего суженого.

Жених подводит только что полученную молодую жену к повозке и сам сажает ее туда. Поезд направляется к дому жениха. Здесь молодых встречают родители последнего с иконой, хлебом и солью в руках. Лишь поезд въедет на двор, дружка закричит, обращаясь к родителям жениха: «Поликарп Андреич и Татьяна Степановна! Посмотрите своих детей: тех ли привез?» С невесты снимают покрывало, когда она войдет на крыльцо, и отвечают: «Тех».

В некоторых окрестных селениях привился занесенный с чужой стороны обычай: родители жениха одеваются в вывороченные наизнанку овчинные шубы и держат один — метлу, а другая — ухват; как только молодая ступит на крыльцо, дружка говорит ей: «Бойся, молодуха, нового батюшки и новой матушки, как боишься вот этого», — указывает на метлу с ухватом.

Затем начинается благословение молодой четы. Обыкновенно заранее на крыльце расстилается войлок; молодые трижды крестятся, трижды кланяются в землю, трижды целуют икону, хлеб, соль и родителей жениха. Их вводят в дом и сажают за стол — в передний угол и подносят по стакану вина и сыченого квасу. Изредка соблюдается обычай в это время *давать молодым в руки младенца* на несколько минут, с одной стороны, чтобы узнать, умеет ли молодая

¹ Очерк свадьбы с натуры взят осенью 1879 года; быть может, теперь этого нет; автор очерка с того времени не жил и не живет в селе Зеленец.

нянчить малюток, с другой — пожелать этим, чтобы у них у самих были дети. Если нет ребенка у кого-либо из родственников, то берут займы у знакомых. Каждый из молодых должен дать что-либо ребенку, например крестик, поясок и т. п.

Через несколько времени дружка встает и просит у родителей жениха отвести молодых в подклеть — в постель. Благословение родительское получается, и дружка отводит молодых куда следует, т. е. туда, где им приготовлено брачное ложе. Здесь свахи раздевают сперва молодого, потом молодую, укладывают их обоих на постель, желают им доброго здоровья и оставляют вдвоем. По уходе молодых в подклеть в доме начинается, как говорится, пир горой и песни во всю ивановскую, кто во что горазд; особенно отличаются теперь удалью свахи и дружка.

Перед наступлением сумерок дружка идет в подклеть и осведомляется о здоровье молодых. Когда он по возвращении объявит, что *дети здоровы*, то свахи тотчас же отправляются в подклеть с водой — *обмывать новобрачных*; вслед за свахами идет дружка и торжественно ведет молодых в избу¹.

Около этого времени к жениху приходят невестины сродники на так называемый *горной*, или *княжбй, стол*. Здесь сажают за стол всех, даже и посторонних лиц, если только окажется место, и угощают ужином. Дружка и теперь не прекращает своей деятельности, а под сильным влиянием Бахуса кричит во все горло:

Есть ли у нашего князя молодого и княгини молодой
Гвоздари и поддатчики (*виночерпши*)?
Давайте нам пива двоёного или троёного;
Нет троёного — давайте простого,
Только без простою²,
Где хошь бери, а на стол давай,
А нет пивца — столкну с крыльца!..

¹ Дружка и здесь не обходится без присловья, и здесь он складно приговаривает. Так, прося у родителей жениха благословения отвести молодых в подклеть, он говорит: «Сватушка и свахонька! Облагословите детей во чисто поле ехать, черну пашенку вспахать, уставить сошку, поднять заложку». «Залогом», «залежью» называется ни разу не возделанная земля, девственная почва, выражаясь фигурально. Поэтому последние слова причета дружки содержат в себе указание на чистоту, непорочность, целомудренность невесты. О здоровье молодых вечером он возвещает так: «Дети здоровы, дело исправилось; дружка идет, весточку несет: поросеночек два яичка снес, курочка с обновочкой пришла. Добрый молодец залог поднимал, коня вопотил, в том желобочке напоил».

² Не скисшегося, не безвкусного.

По этому требованию дружки на столе являются разные «кушанья сахарные и пойла медвяные». Дружка угощает присутствующих точно так же, как и на дарах, переменяя только названия *сва-тушки* и *свахоньки* на *князя молодого*, *княгиню молодую* и *княжего отца и матери*.

Гости званы,
Гости браны,
Гости возлюбленны!
Полюбите хлеба и соли
У нашего князя молодого и княгини молодой,
У княжего отца и матери!
В кут по лавочке,
Из кута по скамеечке,
Не всякого на́ имя, а всех зараз,
Не всякому челом и низкóй поклон!
Прошу покорно, покушайте!

В этот вечер молодые должны угостить каждого гостя стаканом пива или вина. Дружка наливает стакан тем или другим напитком и, подавая гостю, говорит:

Кланяется князь молодой
Со княгиней молодой
Ковшом с медком
Низким поклоном¹,
А я, дружка, своей буйной головой:
Не о рубле, не о полтине,
А о золотой гривне,
А от золотой гривны —
Чем Бог послал!
Нам денежки надобны:
Молодой на шильце, на мыльце, на зеркальце,
На банное построение,
На голики, на веники, на окатнички!²
Стопочку примите,
Пивца (винца, медку) воскушайте,
Донышко посеребрите,
Молодых наделите!

Во время этого причитания молодые лежат ниц перед угощаемым гостем и не встают до тех пор, пока он опорожнит стакан; а гость должен посеребрить донышко стакана какою-либо монетою.

¹ Или: «Ковшом с пивцом», «Головой с челобитьем».

² «На заячью лапку, на девичью ранку».

Некоторые из шутников, взяв от дружки стакан и немного отпив, говорят: «А пивцо-то что-то горьковато. Нельзя ли тово... подсластить». Молодые должны встать и подсластить горькое пиво, т. е. поцеловаться, после чего снова падают ниц перед гостем. А этот шутник между тем чванится и нарочно медлит выпивкой, заставляя молодых подслащивать один и тот же стакан раза три-четыре. Все бы это ничего, только досадно бывает, когда шутник платится скупо: отвесит копеечку или пятак на ассигнацию (полторы коп.), вот тут с ним что хочешь, то и делай... А вперед узнать нельзя!..

На другой день молодые с родственниками отправляются к родителям новобрачной, обыкновенно утром, — на блины. Невестина мать печет блины, готовит яичницу и угощает на славу своего молодого зятюшку, чтобы он всегда был благосклонен к ее дочери.

После этого свадебное гульбище продолжается дня два или три, а затем все входит в свою колею и совершает свой путь обычным порядком коловращения.

Так совершается свадьба у более или менее зажиточных крестьян. В случаях нужды все обряды сокращаются. Особенно это надобно сказать о так называемых *самокрутках*. Этим именем называются те свадьбы, которые совершаются как бы негласно, без посторонней публики, при одних только свидетелях — поручителях. Нельзя сказать, чтобы это происходило оттого, что жених берет за себя девку против воли своих родителей или последняя уходит тайно от своих за любимого парня. Нет, это почти всегда делается с ведома и согласия родителей обеих сторон; а делается это во избежание предсвадебных расходов с целью справить только вторую половину брачного торжества. Для отвода же глаз, как говорят, и для успокоения совести делается примирение между двумя якобы враждующими сторонами. В последнее время самокрутки исчезают совершенно.

В своем описании сельской свадьбы мы привели далеко не все песни: их так много, что из них можно бы составить порядочный сборник; мы ограничились приведением только немногих песен, обратив главным образом внимание на причитания невесты и причеты дружки.

Пр. В. Е-ий

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

ПОДИТЕЛИ, ЗАДУМАВШИЕ ЖЕНИТЬ сына, приискав невесту, возлагают сватовство большею частию на женщину, известную своими успехами и опытностью в делах подобного рода. Сваха, разумеющая вполне ремесло свое, строго наблюдает все необходимые для успеха в таком случае условия. Входя на крыльцо дома невесты, она ступает на первую ступень правою ногою, говоря: «Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово мое будет твердо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы (сосновой); острее булатного ножа; что задумаю — да исполнится». Следуя далее, она шагает через порог непременно прежде правою ногою, а войдя в комнату и помолясь Богу, садится только под матицей и на ту лавку, которая идет по длине пола. Усевшись, нежданная, а иногда и желанная гостья завязывает с хозяевами какой-нибудь незначащий разговор, стараясь потом ловко обратить его к прямой цели своего посещения, а хозя-

ева, угадывая это намерение, всячески уклоняются от объяснения, как бы в доказательство, что о замужестве дочери и не думают.

Наступательные действия с одной и оборонительные с другой стороны длятся иногда значительное время. Наконец сваха, улучив удобную минуту, встает и, обращаясь к отцу и матери невесты с низкими поклонами, ведет такую речь:

Я пришла к вам не пиры пировать,
 Не столы столовать,
 А пришла я с добрым делом — со сватаньем:
 У вас есть дорогой товар,
 А у меня знатный купец!

Тут объявляет она имя жениха, и если услышит какие-нибудь отговорки, например, что невеста молода еще, что ей надо покопиться ума-разума, — то обращает их в шутку, возражая:

То ведь не беда,
 Что невеста молода;
 С добрым молодцом
 Возмужает под венцом!

И тому подобное.

Нерешительность родителей невесты или несогласие последней заставляют иногда сваху посетить их неоднократно без всякого успеха, несмотря на все употребляемые ею способы и таинственные предосторожности, порою заклинания и наговоры. Впрочем, медленность в согласии родителей и невесты происходит нередко с тем намерением, чтобы выиграть время, необходимое для разведывания о качествах жениха, его состоянии и прочего. Но если предполагаемый союз находят выгодным или когда жених полюбитя дочери, то, перестав противиться и как бы предоставляя девушке полную свободу выбора, обыкновенно говорят в таком случае:

Ну, ин с Богом!
 Выбрала молодца,
 Так уж после не пеняй на отца!

Затем дело и пойдет своим порядком.

Назначается день *рукобитья* (сговора), на которое приглашаются в дом невесты только ближайшие с обеих сторон родственники. Когда соберутся все, то зажигают свечи пред образами, потом, помедлив немного, все присутствующие встают и безмолвно молятся Богу. После этого религиозного обряда сваха или кто-нибудь из старших родственников жениха берет за руку отца не-

Платье уральской казачки. Конец XIX в.

сты, а один из почтенных гостей подходит к ним и, разнимая их руки, говорит: «Благослови, Господи! В добрый час!» Все в голос повторяют: «В добрый час!» Затем снова молятся Богу, поздравляют друг друга с начатым делом и садятся по местам. В это время входит невеста в сопровождении матери, которая, подводя ее к жениху, говорит: «Вот тебе суженая-ряженая; прошу любить да жаловать!» Жених кланяется, берет невесту за руку, целует и сажает возле себя. После того начинаются угощение и приличные песни.

1. На выбор невестою жениха

Как у Аннушки матушка
 Не добра была, не ласкова,
 У Андреевны родная
 Не ласкова, не приветлива!
 Посылала ее матушка
 Что во сырой бор по ягодки:
 «Выбирай-ко себе, дитятко,
 Что из ягодок ты ягодку:
 Из калины — калинушку,
 Из малины — малинушку,
 Из смородины — смородинку!»

Как у Аннушки матушка
 И добра была, и ласкова,
 У Андреевны родимая
 И ласкова, и приветлива:
 Посылала ее матушка
 Во высок терем бояр смотреть:
 «Выбирай-ко себе, дитятко,
 Из князей ты себе княжича,
 Из бояр себе боярина;
 Выбирай сужено, ряжено,
 Удалова добра молодца!»

Красна девица назад идет:
 Под ней ноги подгибаются,
 Белы руки опускаются,
 Очи ясны закрываются,
 Горьки слезы проливаются:
 «Уж я выбрала-то, матушка,
 Себе суженое, ряженое —
 Удалова добра молодца
 Свет Ивана-то Никитича!»

2. Невесте

Перекатное красно солнышко,
Ты звезда ли перекатная!
Закатилась ты за облаки
Прочь от светлого ясна месяца!
Перешла наша девица
Что из горницы в горницу,
Из хорошей-то во светлую;
Перешла и задумалась,
Как задумавшись, заплакала,
Во слезах-то слово молвила:
«Государь ты мой родной батюшка!
Невозможно ли того сделатьи,
Что замуж меня не выдати?»

3. Невестину отцу

«Не лежи ты, бобер, у крутых берегов,
Черная куна, возле быстрой реки;
Не сиди, Андреян, во чужом во пиру,
Андреян-господин свет Михайлович,
Снаряжай ты свадьбу Дунюшкину,
Свет Авдотьи Андреяновны!»
«У меня свадьба снаряженная:
Девять печей хлеба спечено,
Десятая печь больших калачей,
Девять четвертей вина насижено;
Все приданое приготовлено:
Десять городов с пригородками,
Десять теремов с притеремками!»

4. Ему же и матери

Ты, всхоже ли красно солнышко
Государь мой родной батюшка!
Ты, заря моя подвосточная
Государыня родна матушка!
Не вставай-ко, родна матушка,
На резвые свои ноженьки,
Не вздувай-ко ты, родимая,
Из углей огня ясного;
Не затапливай, родна матушка,
Ты свечи-то воску ярого
Перед образами чудными!
Не запоручивай буйну голову,

Буйну голову, девью красоту!
 Уж гораздо я вам наскучила,
 Уж гораздо напрокучила:
 Много хлеба, соли скушала,
 Много квасу, пива выпила,
 Износила платья цветного,
 Истоптала много чеботов?
 Богоданный сударь-батюшка!
 Ты моги-ко встать-подняться
 На резвые свои ноженьки,
 Ты моги-ко дойти-доступить
 До берчатой до занавесы,
 До кручинной красной девицы!

5. Им же

Кругом солнце обошло,
 Рядом бояре ехали —
 Вершину у рябинушки сломили,
 Коням под ноги бросили:
 «Топчите, кони, вершинушку,
 Стой, рябина, без верху,
 Живи, батюшка, без дочери,
 Без любимыя Аннушки!»
 Кругом солнышко обошло,
 Рядом бояре ехали —
 У рябины вершинушку сломили,
 Коням под ноги бросили:
 «Топчите, кони, вершинушку,
 Стой, рябинушка, без верху,
 Живи, матушка, без дочери,
 Без любимыя дочери Аннушки!»

6. Невеста подружкам

Вы, голубушки мои сизые,
 Приближенные соседочки!
 Любезные мои подруженьки!
 Что пройдет-то зима студеная,
 Что пройдет-то весна красная,
 Сокаются с гор белы снеги,
 Нарастет-то трава-мурава,
 Расцветут цветы лазоревы,
 На кусте созреет ягодка,
 Черна ягодка смородинка!
 Как пойдете вы в чисто поле

Что по ягоду смородину,
 Принесите-ко, голубушки,
 Что мою ль то девью красоту;
 Как моя-то девья красота
 Что на кустике на ракиговом,
 Привилась-то девья красота
 Ко кусточку алой ленточкой!
 Вы снимите девью красоту
 Со ракитова со кустика,
 Положите во коробочку,
 Принесите к родну батюшке
 И к родимой моей матушке
 Что во светлую во свѣтлицу,
 Во свѣтлицу — в нову горницу,
 Что поставьте вы коробочку
 Во свѣтлице на дубовый стол!

7. Невесте

Как на улице, улице,
 На широкой на площади
 Тут играли-поигрывали
 Что милы дружки Дуняшеньки!
 Они мало выигрывали,
 Они много проигрывали:
 Проигрывали свою сестру —
 Что Авдотью Ивановну!
 На лугу, лугу зѣленом,
 На ковре, ковре шелковом,
 На кругу, кругу зѳлотом
 Тут играли-поигрывали
 Что милы братцы Фокины!
 Они мало проигрывали,
 Они много выигрывали:
 Выиграли милу сноху
 Что Авдотью Ивановну,
 Родну батюшке — невестушку,
 Родной матушке — заменушку,
 Как милу дружку обручницу —
 Обручницу, подвенечницу,
 Подвенечницу, вековечницу!

После *рукобитья* назначаются *смотренье* и *девичник*. Первое — торжественное обоюдное представление жениха и невесты будущим родственникам и знакомым. Девичник — последний вечер перед свадьбой. Иногда то и другое бывает в один день. Как на девичник, так и на смотренье собираются, кроме родственников, не только лица приглашенные, которые должны участвовать в свадебном пиршестве, но приходят и незваные, особенно если знают, что в заключение вечера будет пляска. Между тем жених во все время от *рукобитья* до свадьбы ходит или должен ходить к невесте каждый день; но у поселян это не всегда наблюдается. Он приносит с собой разные, по своему достатку, гостинцы — пряники, орехи и тому подобное, — угощая невесту и подруг ее, которые шьют приданое под напев приличных случаю песен. Иногда, вечером, приходят товарищи жениха и затевают какие-нибудь игры.

На *смотренье*, *девичник* и свадьбу приглашаются у поселян и мастеровых *дружка*, у других сословий *шафер*. *Дружка* должен быть *знахарем*, чтобы кто-нибудь не похлостил (не испортил) жениха, невесту или их родственников и поезжан; должен знать порядок, что и за чем следует; уметь вовремя сделать что нужно. Он самое необходимое лицо, без совета которого ничего не предпринимается, и потому *дружка* распоряжается всем как совершенный хозяин: назначает, когда подавать закуски или кушанье на стол; угощает отца и мать невесты, жениха, его родню и всех родственников и знакомых. В это время на кушаке у него с левой стороны висит нож для разрезывания кушанья, напереди берчатое полотенце и пистолет, на правой стороне заткнута плеть или бич. Во время угощения или когда гости заняты песнями, *дружка* неожиданно стреляет из пистолета в матицу, в угол или стену и каждое действие свое сопровождает различными присказками и поговорками, иногда полными неподдельного остроумия и простудушной иронии, заставляющей тех, к которым относится меткое слово *дружки*, невольно закусывать губу, а других смеяться до слез. Впрочем, на *смотреньи* иногда *дружки* и не бывает.

В назначенный для *смотренья* день, вечером или вскоре после обеда, приезжает жених с отцом и матерью, родственниками и товарищами к невесте, и, помолясь Богу, все садятся чинно по местам. В это время вводят невесту из другой комнаты, или из кути, отделяемой от прочего пространства избы дощатою перегородкою или занавескою. Жених и все присутствующие, встав, единогласно приветствуют невесту, а потом жених берет ее за руку и, поцеловав, сажает возле себя. В продолжение всего вечера она, по обычаю, сидит склоня голову и почти вовсе не разговаривает с женихом, даже не глядит на него, исключая тех минут, когда подают угощение. После этой церемонии начинают песни:

Тебе Бог судья, родный батюшка!
 Тебе Бог судья, родна матушка!
 Поневолили меня замуж иди
 За удалого добра молодца!
 Разве много я хлеба скушала,
 Износила платья цветного?
 Мне не год годовать у вас,
 Не зиму зимовать у вас,
 Не весну весновать у вас —
 Одну ноченьку ночевати!
 Не знать — ноченьку пролежати,
 Не знать — ноченьку просидети,
 Не знать — ноченьку проходить,
 Не знать — ноченьку простояти,
 Не знать — с батюшкой думу думать,
 Не знать — с матушкой мысли смыслить,
 Не знать — с братцами мне гуляти?

На горе-то на высокой
 Как у церкви у соборной
 Высоко поднят колокол,
 Далеко звон слышали!
 Слышно с городу на город,
 Слышно с терема на терем!
 В терему красна девица
 Свет Авдотья Ивановна:
 Запоручена, запросватана
 За удалова добра молодца —
 За Григорья Николаича!
 «Вы, голубушки мои сизые,
 Вы, любезные вы подруженьки!
 Потрудитесь-ко, голубушки,
 В девьей красоте во последние:
 Уж мне с вами-то, подруженьки,
 Во зеленом саду не гуливать,
 Алы ягодки не щипывать!
 Со восточной со сторонушки
 Потянули ветры буйные,
 Накатились тучи грозные,
 Налетели черны вороны!»

Во поле лебедушка кикала,
 В тереме Устиньюшка плакала:
 «Тебе Бог судья, родный батюшка,
 Отдаешь молоду во чужи люди!
 Остается от меня зелен сад,
 Завянут цветики лазоревы!
 Накажу я родну батюшке:
 «Уж вставай-ко ты ранешенько,
 Поливай цветы частешенько
 При вечерней заре, утренней
 И своею горячей слезой!»

Сободем Наташенька леса прошла, леса прошла,
 Крыла леса алым бархатом, алым бархатом,
 По пути катила крупным жемчугом, крупным жемчугом,
 Прикатила на крутой бережок, на крутой бережок,
 Стала на бел-горюч камешок, на бел-горюч камешок;
 Вскрикнула она зычным голосом, зычным голосом:
 «Кто бы меня за реку перевез, за реку перевез?
 Много бы дала тому золота, тому золота,
 Больше бы того скатна жемчугу, скатна жемчугу!»
 Неоткуль взялся Агафон-господин, Агафон-господин,
 Агафон-господин свет Иванович, свет Иванович;
 Он лодочку спускает во быстру реку, во быстру реку,
 Он скоро поспешает ко Наташеньке, ко Наташеньке,
 Ко Наташеньке свет к Федотовне, свет к Федотовне!
 «Уж чем тебя дарить, добрый молодец, добрый молодец?
 Есть у меня золота казна, золота казна,
 Жемчуг дорогой, платье цветное, платье цветное!»
 «Мне не надо твоя золота казна, золота казна,
 Жемчуг дорогой, платье цветное, платье цветное:
 Подари собой, мое сужено, мое сужено,
 Мое сужено, мое ряжено, мое ряжено!»

Агафон-господин ходит по двору,
 Свет Козьмич гуляет по широкому,
 Кунья шуба на нем дó полу,
 Соболина шапка доверху,
 Божья милость на нем дó неба,
 Как богатство, счастье довеку!
 Сужено смотрит из полога,
 А бояре смотрят из города,
 А боярыни из терема!
 Бояре молвят: «Чей господин?»
 А сужено молвит: «Мой дорогой!»

Ты, река ли моя, реченька,
 Ты, река ли моя быстрая!
 Ты, река, по лугам течешь,
 По раздольям разливаешься,
 У тебя ль, у быстрой реченьки,
 Берега были хрустальные,
 А пески на них жемчужные!
 Тут стоял тонкий бел шатер;
 Уж как девица из терема
 Приходила ко белу шатру,
 Разбужала добра молодца:
 «Пробудись, удалой молодец,
 Пробудись, мое сужено,
 Пробудись, мое ряжено!
 Что пришла к тебе девица,
 Что пришла я позабавиться,
 Поиграть в гусли звончатые!»
 Проиграла красна девица
 Золотой перстень с правой руки.
 «Не в досаду ль тебе, девица?»
 «Не в досаду, добрый молодец!»
 Проиграл ей добрый молодец
 Свои гусельцы звончатые.
 «Не в досаду ль тебе, молодец?»
 «Не в досаду, красна девица!»
 Проиграла красна девица
 Что свою-то трубчату косу.
 «Не в досаду ль, красна девица?»
 «Не в досаду, добрый молодец!»

Женский головной убор. XIX в. Архангельская область

Как сидела я во тереме,
 Я низала ли жемчужинки
 Что на длинную ниточку;
 Неотколь взялся ясен сокол,
 Он взмахнул правым крылышком,
 Он задел им за тарелочку,
 За тарелочку серебряну:
 Он просыпал все жемчужинки —
 До единого до зернышка!
 Как расплакалася девица
 Стоючи перед батюшкой.
 «Ты не плачь-ко, мое дитяtko,
 Созову я князей, бояр:
 Подберут твои жемчужинки
 До единого до зернышка!»

В это время угощают гостей питьями. Гости, отведав вина или наливки, просят подсластить их, что значит поцеловать жениху невесту. Выпив рюмку, дарят невесту кто чем может.

Фрагмент женского головного убора. XIX в. Архангельская область

Песня на подарки

По городу, по городу звоны пошли,
 По терему, по терему дары понесли,
 Дарили дары, дарили дары душе-девице:
 «Прими дары, прими дары, душа-девица,
 На наши дары, на наши дары не прогневайся:
 Наши дары, наши дары непасеные —
 Свадебка-то, свадебка-то неожиданна!»

Затем поются песни тысяцкому (начальнику поезда, воеводе), свахам и всем вообще присутствующим, каждому особо. По окончании песни одна из девушек подносит рюмку вина или наливки тому, для которого поется песня. Угощаемый, выпив рюмку, кладет на поднос деньги, которые делятся потом между певицами. Если подарком останутся довольны, то *величают* (благодарят), в противном случае платят насмешкою.

Песня тысяцкому

Ах ты, тысяцкий воевода!
 Ты поехал, сударь, воевати —
 Не неверную силу побеждати,
 Не в чужу дальну землю,
 Но с пушным, сударь, со товаром,
 Что со черными, сударь, соболями!
 Ты за то, сударь, брал головами
 Что с девьими красотами,
 Что со русыми со косами!
 А ты слышишь ли, слышишь ли,
 Сударь тысяцкий воевода:
 Тебе песню поем, тебе честь воздаем!
 Что по имени тебя называем,
 По изотчеству¹ величаем!

¹ Имя отца, придаваемое к собственному; называть по изотчеству — величать.

Жениховой свахе

Что княжая-то наша свашенька богата
Как по имени Ирина Ермолавна!
Она с гривенки на гривенку ступает,
Что рублем она ворота отворяет,
А полутормя широки запирает,
По полтине во все стороны бросает,
Из тюрем она тюремных выкупала,
Из неволи-то невольных выручала;
Сиротам, вдовам казны много давала,
За нее-то сироты, вдовы Бога молят!

Ах ты, слышишь ли, княжая свашенька
Свет Ирина душа Ермолаевна?
Про тебя девицы песню пели,
Что по имени тебя называли,
По изотчеству тебя величали!
Ты дари-ко девиц, не скупися
Не рублем их, не полтиной — златой гривной!

Свахе невестиной

Что княжина-то свашенька беляна
Как по имени-то Анна Евстигневна!
Что по три годы полотно белила,
Что на синем море их полоскала,
Что на камешке на сером колотила,
Что к Авдотье-то на свадьбу поспешала,
Что к Денисьевне на чéстну торопилась!

Ах ты, слышишь ли, княжина свашенька?
Мы те песню поем, тебе честь воздаем:
Будто сыр молодой на блюде,
Как скатен-то жемчуг в ожерелье!
Ты дари-ко девиц, не скупися
Не рублем, не полтиной — золотой гривной!

Женатым

На луге, луге
Стояли три роты,
Три роты военны!
Посередь роты ходит
Господин наш полковник
Свет Андрей Николаич!
На нем шуба соболья,
Она крыта парчою,

Что парчою голубою;
 Как бояре-то спросят:
 «Господин наш полковник,
 Тебя кто шубой дарил —
 Али тесть, али теща?»
 Отвечает им полковник:
 «Не тесть дарил, не теща,
 Что дарил государь-царь
 За мою службу верну,
 За мою неизменну!»

После каждого стиха этой песни припевают: «Уряди, дид ладо, уряди!»

Холостым

Во поле деревце,
 Во чистом кипарис-древо!
 На том на деревце
 Вырастали две веточки;
 На тех на веточках
 Вырастали две ягодки:
 Первая-то ягодка —
 Как Иван-то Андреевич;
 Вторая-то ягодка —
 Катерина Ивановна!

Исполать тебе, удал молодец
 Как Иван-сударь Николаевич!
 Ты умел хорош родиться,
 Хорошо снарядиться:
 Со тонкá высокошенек,
 Со белá кудреватенек!
 Что пора тебе спожениться:
 Как невеста твоя выросла,
 Дороги дары повышила!
 Ах, ты слышишь ли?
 Мы те песню поем,
 Тебе честь воздаем,
 По имени называем,
 По изотчеству величаем!
 Будто сыр молодой на блюде,
 Как скатен-то жемчуг в ожерелье!
 Ты дари-ко девиц, не скупися

Не рублем, не полтиной — златой гривной!
А ты станешь дарить —
Мы те станем хвалить;
Ты не станешь дарить —
Мы те станем корить!
Ах, ты сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами;
У те шея бела —
Будто в петле была;
У те рожа пестра —
Лихорадка трясла!

Вообще мужчинам

То Михайле песенка,
То ясному соколу
Со белой лебедушкой
Свет с Анной Григорьевной!
Слышишь ли, Михайло-господин,
Слышишь ли, Федотыч-господин?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем;
Мы тебя величаем
И по имени называем!
Как бы белый сыр на блюде,
Как бы сладкий мед в сосуде!
В саду вишенье садовое,
Сладко яблочко наливное!
Мы просим тебя — не скупися,
С золотой гривной расступися!

Чтоб побудить к щедрости, поют еще следующие *припевки*:

Тысяцкому

Ты, удалый добрый молодец
Свет Андрей-сударь Иванович!
Ты охоч был по пирам ходить,
По сговорам, по девичникам,
По девичьим вечериночкам,
Ты охоч был песни слушати
И охоч ты был девиц дарить
Не рублями, не полтинами —
Золотыми все бы гривнами!

Другим мужчинам

Агафон-господин, не скупися —
 С золотой гривной расступися!
 Тебе тем казны не скопити,
 Башмаков невесте не купиши!
 К обедне пойде — замарае,
 От обедни пойде — потеряе!

Или:

Ах, мы песенки перепели,
 У нас горлышки пересохла!
 От Варлама даров не видали,
 От Андреича не примали!
 Хоть девицам бы водицы,
 А послаще водицы — сытицы!

Если подарком довольны, то поют:

Бьем челом, поклоняемся
 На больших дарах на Варламовых!
 Дай те Бог, подаруй Христос
 Двор те скота да анбар живота,
 Сына сокола, дочь боярыню!

Или:

Спасибо, Варлам-господин,
 Спасибо, Федотьевич!
 Твоего меду мы выпили
 И челом тебе ударили
 Со поклоном, словом ласковым!

В противном же случае:

У Варлама в гостях не бывали, не бывали,
 Его меду мы не пивали, не пивали!
 Уж как мед-то его что водица, что водица,
 А дары-то его что тряпица, что тряпица!

Кроме приведенных выше песен, поют холостым еще следующую:

У ворот вились вереюшки,
 У широких завивались!
 Как не сами они вилися —
 Завивали их плотнички
 Топорами-то булатными!
 Уж как у света Николеньки
 Не сами-то кудри вилися,
 Не сами-то завивались —
 Завивала их мила сестра
 Свет Авдотья-то Григорьевна!
 Что на всякую кудриночку
 По бурмицкой по жемчужинке,
 Самоцветному по камешку!

Все эти песни свахам и гостям, называемые вообще припевками, поются и на девичнике.

Когда все таким образом будут обойдены, начинается следующая песня:

Ах ты, воля, ты воля батюшкина,
 Ах ты, нега, ты нега матушкина!
 Я у батюшки жила — красовалася,
 Я у матушки жила во своей воле!
 Поутру раным-раненько не вставывала
 И я ранних петухов, млада, не слушивала,
 А, умыв руки, садилась за дубовый стол
 Со батюшкой, со матушкой хлеб-соль кушати,
 Со подруженьками думу думати!
 Вы, любезные подруженьки-голубушки,
 Научите вы, подруженьки, уму-разуму:
 Оставлять ли мне свой родимый кров,
 Отказаться ли мне от родителей,
 Называться ль мне по чужой семье?
 Вы не знаете моей горести:
 Уж как я, млада, запросватана
 За незнамого добра молодца!

Этою последнею песнею оканчивается церемония смотрения; после чего жених, пригласив отца и мать невесты и других гостей к себе и угостив вечерним столом, приезжает обратно к невесте, где оставшиеся подруги ее веселятся всю ночь. Как в этот вечер, так и во все другие дни с рукобитья до самой свадьбы собирающиеся к невесте подружки поют песни, в которых выражается сожаление

Дуга. XIX в.
Московская
область

девушки об оставляемых отце и матери, девичьей воле, беззаботной жизни и прочем. Из песен главнейшие и общеупотребительные:

1

«Как ночесь-то мне, матушка,
Мне малым-мало спалось,
Малым спалось — много виделось:
Что привиделся чудный сон!
Как построена горенка,
Что во горенке кроватушка,
На кровати черный соболь,
По полу сера уточка,
По полочкам голуби,
По лавочкам ласточки,
На окошке ясен сокол!»
«Ты, дитя ль мое, дитятко,
Ты, дитя, чадо милое,
Я тебе этот сон рассужу!
Как построена горенка —
То чужа тебе сторонущка;

Фрагмент дуги. XIX в. Москов-
ская область

На кровати черный соболь —
 Это твой свекор-батюшка;
 На полу сера уточка —
 То свекровушка-матушка;
 А на полочках голуби —
 Это братья-деверья твои;
 А на лавочках ласточки —
 То сестрицы-золовушки;
 На окошке ясен сокол —
 То твое, дитя, суженое,
 Твое сужено, ряженое!»

2

По горам я ходила,
 Польшень-траву сеяла,
 Василечки садила;
 Неотколь взялся молодец
 На своем на добром коне!
 Он польшень-траву вытоптал,
 Василечки все выщипал
 И меня, младу, высмотрел!
 Сестра брату жаловалась:
 «Ах ты, брат, ты мой милый брат,
 Я по горам ходила,
 По высоким гуляла,
 Польшень-траву сеяла,
 Василечки садила!
 Неотколь взялся молодец
 На своем на добром коне;
 Он польшень-траву вытоптал,
 Василечки повыщипал
 И меня, младу, высмотрел!»
 «Ты, сестра моя милая,
 Сестра, сиза голубушка
 Свет Маланья Григорьевна!
 Я и сам-то холост хожу,
 Я чужих сам сестер смотрю!»

3

Под горой, горой высокою
 Что кипит колодезь с красным золотом,
 Красны девицы расчерпывают
 Коя чарой, коя ковшичком,
 Одна Машенька целым кубцом.

«Кому кубец отдать с красным золотом?
Отдать батюшке — назад не взять,
Отдать матушке — ничего не видать;
Как отдам кубец Ксенофонтушке,
Ксенофону да Кириловичу:
Тем кубцом мы село заведем!»

4

Полелей, полелей, мати Волга-река,
Полелей ты круты берега!
Что не долго лелеяти —
Со весны да до осени,
До студеного замороза!
Полелей, отец, дочь свою:
Что не долго лелеяти:
С четверга да до пятницы,
А в субботу девич вечер,
В воскресенье разлучный день:
Разлучат пташку с гнездышком,
Маргаритушку с батюшком,
Елисеевну-свет с родным!

5

Не бушуйте, буйны ветры,
Не раскачивайте звонки колоколы,
Не будите красну девицу
Парасковью Максимовну:
Как вечер-то она долго не спала —
Ширинку шила красным золотом,
Подарить свекра-батюшка!

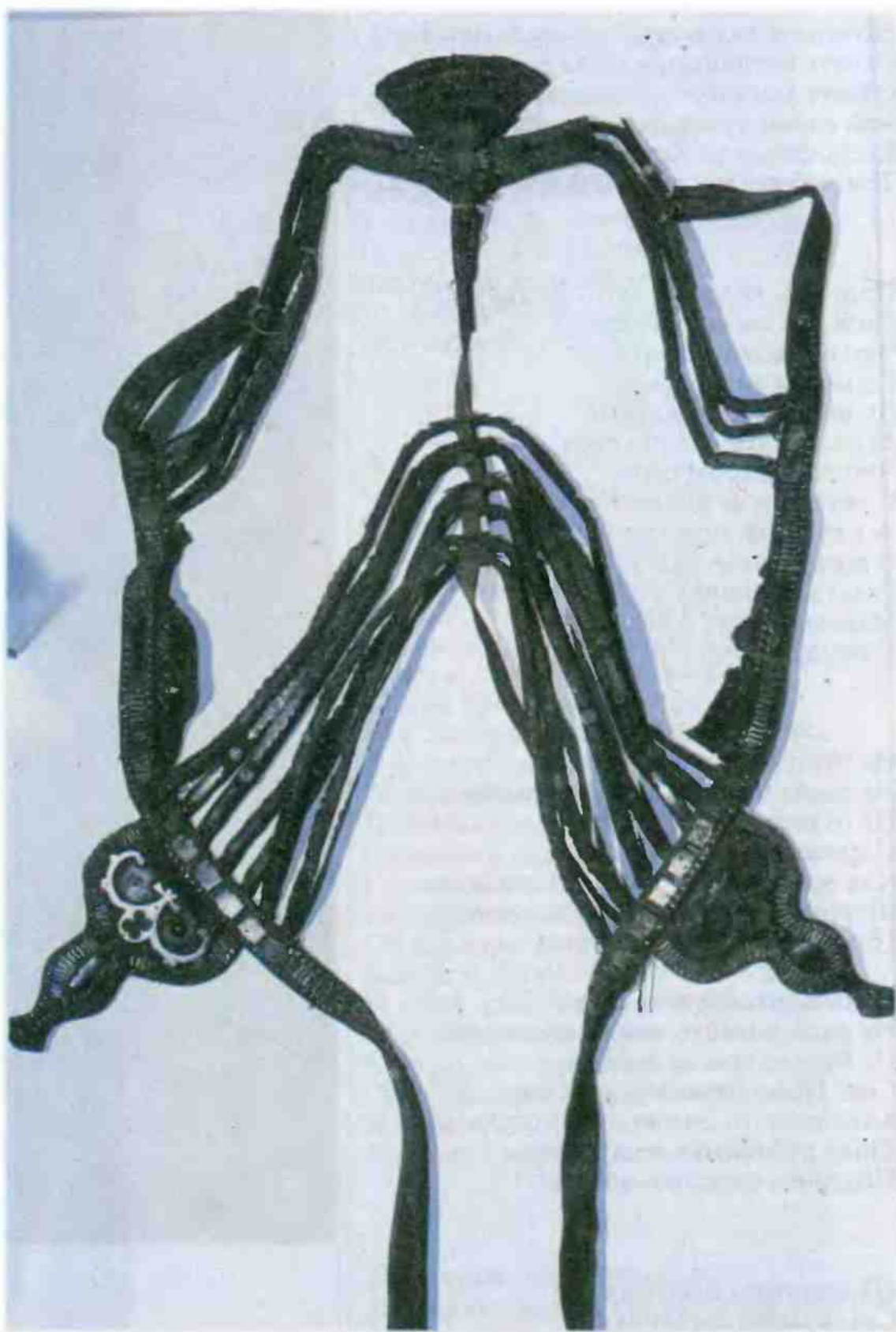
Не бушуйте, буйны ветры,
Не раскачивайте звонки колоколы,
Не будите красну девицу
Свет Прасковью Максимовну:
Как вечер-то она долго не спала —
Шила рубашечку полотняну,
Подарить свекровь-матушку!

6

«Перелетная ласточка,
Сизокрылая касаточка!
Ты к чему рано вылетывала
Из своего тепла гнездышка,

Фрагмент дуги. XIX в. Москов-
ская область

Шля. Начало XX в. Калининская область

От своих малых детушек?»
 «Ах вы, ласточки-касаточки!
 Не своей волей-охотою:
 С восточной со сторонушки
 Потянули ветры буйные,
 Всколебалось море синее,
 Поглошило малых детушек!»

«Ты, душа ли красна девица
 Свет Авдотья Николаевна,
 Ты к чему рано замуж пошла?»
 «Вы, голубушки-подруженьки!
 Не своей волей-охотою:
 Отдает меня сударь-батюшка,
 Запоручила родна матушка!»

7. Сироте-невесте

«Ты, река ли моя, реченька,
 Ты, река ли моя быстрая!
 Ты течешь — не колыхнешься,
 Со песками ты не взмутишься!»
 «Ты, душа ли красна девица,
 Ах, ты что сидишь, задумалась;
 Для чего тебе печалиться?
 У вас горница полна гостей!»
 «Вы, голубушки-подруженьки!
 Еще как-то мне не думати,
 Еще как-то не печалиться?
 Хотя горница полна гостей,
 Уж как все-то гости есть как есть,
 Одного-то гостя нет как нет,
 Нету гостенька любимого —
 Моего отца родимого!
 Мне теперь бы его надобно...
 Государь ты родный брателко,
 Ты подойди-ко к Божьей церкви,
 Ты взойди-ко на колоколенку,
 Ты ударь-ко в большой колокол,
 Разбуди моего батюшку;
 Мне теперь его-то надобно
 Что ко часу ко последнему,
 К благословенью великому!
 Благословить меня некому:
 Благословляет меня брателко
 Со родимой моей матушкой!»

Взвевяли ветры по полю,
Грянули веслы по морю!
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать с родным батюшкой —
Та мне дума не крепка, не верна,
Те словеса не понравились!

Взвевяли ветры по полю,
Грянули веслы по морю!
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать с родной матушкой —
Та мне дума не крепка, не верна,
Те словеса не понравились!

Взвевяли ветры по полю,
Грянули веслы по морю!
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать мне с Федором —
Та мне дума и крепка и верна,
Те словеса мне понравились!

Заключительною же песней смотренья бывает следующая. Когда невеста, проводив жениха, остается с родителями своими и подругами, то становится перед отцом на колени, а девушки начинают петь или, вернее, *выть* (причитать):

На заре-то, заре утренней,
На восходе солнца красного
Петухи поют ранни утренни,
Разбуждают они родна батюшка!
Уж ты встань, родимый батюшка,
И умойся ключевой водой,
Ключевой водой, студеною!
Ты утрись, родимый батюшка,
Тонким белым полотеничком!
Помолись, родимый батюшка,
Ты Царю Богу Спасителю!
Ты пойдь, родимый батюшка,
К моему другу милому,
Ты узнай, родимый батюшка,
Ты про все его житье-бытье:
Он не пьет ли зелена вина,
Не играют ли в кости, карточки,
Не проигрывают ли платья цветного
И мою-то девью красоту?

Фрагмент шлеи.
Начало XX в. Твер-
ская область

А потом, родимый батюшка,
Ты зайди-ко в Божью церковь;
Ты узнай, родимый батюшка,
Мне каким венцом венчатися
И каким кольцом обручатися?

В рукобитье, смотренье и девичник, а также и в другие вечера между ними жениха провожают домой следующей песней:

В горнице гусли лежали,
А некому в гусли играти!
Как Андрея дома не лучилось,
Свет Петровича дома не лучилось!
У ласкова тестя пирует,
У ласковой тещи он столует!
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
«Пей, мой зять, не упивайся,
Придешь домой — не ломайся,
Ведь мое-то дитя молодос,
Твоего обычая не знает,
Твоего норову не ведает!»

Последнее слово повторяется три раза.

Севастьян-господин, воротися¹,
Свет Григорьевич, воротися!
Что Маланья твоя стосковалась,
Из окна она в окошко бросалась,
Все стеколышки приломала!

Жених, вышедший из двери, ворочается по окончании песни и, поцеловав невесту, выходит; но, вызванный снова, возвращается, что повторяется до трех раз.

Девичник бывает обыкновенно накануне свадьбы. Сирота-невеста поутру едет на могилы отца или матери и плачет там с *причитанием*, жалея, что они не могут благословить ее. По возвращении оттуда садится за стол. Для угощения подруг невесты жених, смотря по состоянию, присылает штоф или четверть ведра наливки, вина простого или виноградного и вместе с тем коробочку, заключающую в себе мыло, гребень, румяны, белилы, башмаки, перчатки, булавки и прочее, также некоторые подарки для девушек. Между тем приданое, первая принадлежность которого состоит из перины с подушками, одеяла, *полога*, отправляют к жениху с *постельницей*, провожая ее следующей песней:

Разливалась вода вешняя
На луга на зеленые;
У Федота Дементьича
Воротá отворилися
Что без ветру, без вихоря!
Три кораблика уплыли:
Первый корабль с красным золотом,
Второй корабль с чистым серебром,
А третий корабль с красной девицей!
«Как не жаль мне золотой казны,
Мне не жаль чиста серебра,
Только жаль мне красной девицы —
Жаль моей милой дочери
Парасковьи Федотовны!»
А у Якова Савельича
Что без ветра, без вихоря
Ворота растворилися,
Три кораблика приплыли:
Уж как первый — с красным золотом,
А второй — с чистым серебром,
Что третий корабль — с красной девицей!

¹ Последнее слово повторяется дважды в каждом стихе. (Ю. К.)

«Мне не дорого красно золото,
 Мне не дорого чисто серебро —
 Дорога красна девица
 Свет Прасковья Федотовна,
 Мое сужено, ряженое!»

Родители жениха, встретив постельницу и приняв приданое, угощают ее и дарят по возможности. Когда постельница уберет постель в назначенной для того комнате, тогда приезжает тысяцкий, запирает комнату на замок, а ключ берет с собою. Вообще брачное ложе называется *подклетом*. Но возвратимся к невесте. Когда девушки приглашены уже сесть за стол, тогда поют следующую песню:

Сборы вы, сборы Прасковьины,
 Великие сборы Федотовны!
 Собирала она подружек за дубовый стол,
 Садил подружек вокруг стола,
 А сама садилась выше всех,
 Голову клонила ниже всех,
 Думушку думала крепче всех:
 «Вы, голубушки мои, подруженьки!
 Придумайте вы, присоветуйте,
 Как жить-то мне в чужих людях?
 Как мне звать свекра с свекровью?
 Назвать свекром — он рассердится,
 Назвать батюшкой — мне не хочется;
 Назвать свекровью — рассердится,
 Назвать матушкой — не хочется;
 Я невольно должна покориться!
 Назову я свекра батюшкой,
 Назову я свекровь матушкой!»

По окончании обеда готовят невесту идти в баню и, чтобы расплести косу, поют следующую песню:

Ты, коса ли моя, косанька,
 Ты, коса ли моя русая!
 Тебя чесывала матушка,
 Заплетала рódна сéстрица!
 Уж как мне ли тебя, косанька,
 Знать-то, боле не плетать будет,
 Алой ленточки не нашивать!
 Расстаюсь с тобою, косанька,
 Расстаюсь с девьей красотой!
 Расплетут тебя, косанька,

Как на мелкие на прядочки,
Поведут меня, девицу,
В нову баню мытисся,
Там я смою девью красоту
Ключевой водой студеною!

Когда невеста готова, просят отца, мать, братьев и сестер расплести косу; причем, обращаясь к отцу, поют с *причитаньем*:

Приступи, родимый батюшка,
Ко моей-то ли девьей красоте;
Расплети, родимый батюшка,
Что мою-то трубчатую косу!
Видно, я у вас отнежилась,
Видно, я открасовалася!
Видно, я уж вам наскучила,
Видно, я вам напрокучила!
Награди, родимый батюшка,
Ты меня благословеньцом!

В это время отец, подойдя к дочери, расплетает немного косы; потом, причитая то же самое, обращаются к матери, братьям и сестрам. Каждый, подобно отцу, подошед к невесте, делает то же; остальную часть косы расплетают девушки, припевая между тем:

Приступите-ка, подруженьки,
Что ко девьей красоте моей;
Расплетите-ка, голубушки,
Что мою ли трубчатую косу!
Расчешите-ка, подруженьки,
Что мои-то русы волосы!
Поведите-ка, голубушки,
Вы меня со светлу парушу!
Вы там смойте-ка, подруженьки,
Что мою ли девью красоту!

По окончании этого берут невесту под руки, накрывают платком и отправляют в баню; вперед и обратно едут с песнями и причитаниями. В бане поют:

Потрудитесь-ко, подруженьки,
На роду-то ли не впервые,
А в девьей красоте впоследние!
Уж вы смойте-ка, подруженьки,
Что мою ли девью красоту
С моего тела белого!
Как моя-то девья красота —

Улетит она в чисто поле,
 Что привьется девья красота
 Что на кустичек малиновый;
 Вы пойдите в чисто поле,
 Принесите мою красоту
 Ко родимому ко батюшке!

Возвратясь из бани, готовят невесту к принятию жениха, который вечером должен быть на девичнике со всеми родными и приглашенными со стороны его знакомыми, дружкой, тысяцким и поезжанами. Когда жених приедет со всем поездом, то его встречают отец и мать невесты со своими гостями, а девушки в это время поют:

У ворот было, у воротечек,
 У ворот было у стекольчатых,
 У вита кольца серебряна:
 Тут стучит-брячит Агафон-сударь,
 Что стучит-брячит-то Иванович;
 Он стучит-брячит со боярами,
 Со боярами со княжими-то:
 «Отпирай-ко ты, тесть, воротечки,
 Ты встречай-ко, теща, ласково,
 Ты, своячина, встречай приветливо!»
 По двору идет — поклоняется,
 На крыльцо идет — усмехается,
 В терем идет — похваляется:
 «Я приехал к вам не молебны петь,
 Я пришел-то к вам не воды святить!
 Я приехал к вам по сужено,
 Я пришел-то к вам по ряжено:
 По душу ль по красну девицу,
 По Авдотью-то Николаевну!»

Войдя в комнату, молятся Богу и садятся по местам; жених — в передний угол, под божницею, за убранный стол с хлебом и солью и закусками. Невеста в это время находится в другой комнате или в кути. Девушки поют:

«Не стой, рябина, по край берегу,
 Не мочи ветви во быстрú реку;
 Не летай, соловей, один в саду!»
 «Много со мною гусей-лебедей,
 Больше того серых уток,
 Нет лишь со мной перепелки одной!»

«Не сиди, Андреян, один за столом,
Не сиди один за белодубовым!»
«Много со мною князей и бояр,
Больше того княженецких детей;
Нету со мной Катерины одной,
Нету со мной Севастьяновны!»

В эту минуту вводят невесту; жених берет ее за руку и, поцеловав, сажает подле себя. Девушки поют:

«Ах ты, реченька,
Ах ты быстрая!
Ах, почто же ты, реченька,
Ах, почто не быстрó бежишь,
Никуда не колыхнешься —
Ни к которому бережку,
Ни к которой сторонущке?»
«Ах ты, девица, девица!
Ах ты, девица красная!
Ах, почто же ты, девица,
Ах, почто же ты тихо сидишь,
Не промолвишь словечушка
Ни с отцом ты, ни с матерью,
Ни с сестрами, ни с братьями,
Ни с своим милым суженым,
Ни с своим другом ряженым?
Разве все напрокучили,
Разве все опротивели?»

Невеста, вызванная на ответ, стыдливо взглядывает на жениха и в доказательство, что не все опротивели, целует его, а девушки начинают петь:

Как во каменной во палате
На тесовой да на кровати
Что не голубь со голубушкой воркует —
Андреян тут Катеринушку целует,
Как Васильевич свет Ивановну милует:
«Принеси-ка, Катеринушка, мне сына,
Что при младости на потеху,
А при старости на замену;
Чтоб царю он был слуга верный,
А князьям-боярам думой крепкой!»

Затем поются песни невесте, жениху, обоим вместе, тысяцкому, свахам, поезжанам и всем присутствующим гостям.

Невесте

«Ах ты, злая наша изменница,
Зла изменница красна девица!
Ты сказала нам, что замуж нейдешь —
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя, купца торгового!
А теперь-то, наша подруженька,
Ты пошла замуж, задумала
За удалова добра молодца —
За Михайла свет Васильевича!»
«Не сама собой я замуж пошла —
Отдает меня сударь-батюшка,
Приневоливает родна матушка,
Потакают люди добрые!
Вы красуйтесь, красны девицы,
Во своей-то девьей красоте;
Уж как я открасовалася,
Не плести уж мне русой косы,
Не носить мне алой ленточки!»

Жениху

Ах ты, царь ли наш, царевич,
Ты король наш, королевич,
Разудалый добрый молодец
Андреян-сударь Васильевич!
Ты умел хорош родиться
И богато снарядиться!
Поносила тебя матушка
Во утробе девять месяцев
Тяжелым-тяжелешенько;
Во десятый-то породила
Во христовскую заутреню,
Как во первой большой благовест!
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною;
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны,
Во свивальнички шелковые!
Сберегала тебя матушка
И от ветра, и от вихоря,
И от Божьей тебя милости;
Не могла она сберечь тебя
Лишь от ясных от девичьих глаз!

Цепочка и крест. XIX в.
Архангельская область

Жениху и невесте

Во саду было, во садичке,
Во зеленом виноградничке —
Тут ходил-гулял молодец
Андреян-сударь Васильевич!
Он чесал ли буйну голову,
Чесал кудри, приговаривал:
«Ах вы, кудри мои, кудерцы,
Ах вы, кудри мои черные,
Прилегайте к могучим плечам,
Ко моему лицу белому,
Ко моему ко румяному!
Привыкай-ка, красна девица
Катерина Севастьяновна,
Ко моему уму-разуму,
Ко обычью молодецкому
И ко нраву княженецкому!»
«Уж как мне-то, красной девице,
За досаду показалось,
Привыкать мне не хотелось!

А уж, знать-то, привыкать будет:
 Спеси-гордости убавити,
 Ума-разума прибавити!
 Голову держать поклонную,
 Ретиво сердце покорное!»

Ах ты, Дымка, Дымка-река!
 Промежду Дымка гор протекла,
 Через Дымку, быструю реку,
 Мощены мосты калиновые,
 Перекладинки-то валежные!
 Что никто по мостам нейдет,
 По калиновым не перейдет,
 Как Иван по мосткам пройдет,
 Как Михайлович-то перейдет,
 За собою он Аксиною ведет,
 Николаевну переведет!
 Сам он девушке наказывает:
 «Ты, Аксиноюшка, не упади,
 Николаевна, не утони!»
 «Я хоша, сударь, упаду,
 Хоша упаду, не утону:
 Не схватаюсь я за батюшка,
 За родиму свою матушку —
 За тебя, сударь, схватаюся,
 За твои-то руки белые,
 За твои перстни злаченные!»

После этого одна из девушек, налив рюмку вина, подносит жениху; другие поют:

Удивися ты, Дементий, удивися,
 Удивися ты, Васильич, удивися:
 Под тобою все ларцы кованые, кованые,
 На ларцах ковры шелковые, шелковые,
 Во ларцах казна золотая, золотая:
 Золотая казна тебе на свадьбу, на свадьбу,
 А серебряна ведь девицам, ведь девицам,
 А копеечки-то в богадельну, в богадельну!

Жених, выпив рюмку, кладет на поднос деньги. Затем припевают песни свахам, тысяцкому, дружке, поезжанам и гостям, как на смотреньи и те же самые, и, поднося вино, получают подарки. По

окончании вечера жених отправляется домой с тою же, как и на смотрины, церемонией, то есть трижды прощается с невестою.

В день свадьбы, одевая невесту к венцу, поют:

Что не вьюн на воде увивается —
Как жених у ворот убивается:
«Ах ты, батюшка, тесть мой ласковый,
Ты отдай мое суженое!»
Высылают ему копье:
«Не мое это суженое,
Не мое это ряженое!»

Что не вьюн на воде увивается —
Как жених у ворот убивается:
«Ах ты, матушка, теща ласкова,
Теща ласкова, приветливая,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое!»
Высылают ему ларец:
«Не мое это суженое,
Не мое это ряженое!»

Что не вьюн на воде увивается —
Как жених у ворот убивается:
«Ах ты, шурин мой,
Шурин мой ласковый,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое!»
Высылают ему девицу
Что Ульяну Сергеевну:
«Вот мое это суженое,
Мое суженое, ряженое!»

Когда невеста оденется к венцу, собираются в комнату родители, братья, сестры и приглашенные на свадьбу родственники и знакомые. Она падает в ноги отцу и матери, испрашивая благословенья их, потом прощается со всеми. В это время плачут навзрыд, а между тем припевают:

Благослови-ко, родимый батюшка!
Награди меня благословеньицем
От желанного сердечушка
Во Божью церковь под злат венец!
Видно, я у вас открасовалася!
Распрощаюсь я с девьей красотой
И с любезными подружками!
Научи-ко, родной батюшка,
Как-то жить мне во чужих людях?

Колокольчики. XIX в.
Новгородская область

Называть ли мне свекра батюшкой,
Почитать ли свекровь матушкой,
Называть деверьев братьями,
Почитать золовок сестрами?

Отец, оградив дочь знамением креста, целует ее; потом обращаются к матери, братьям и сестрам с тою же песнею. Когда же станет прощаться с девицами, то поет:

Вы простите меня, мои подруженьки,
Вы простите меня, мои голубушки!
Видно, с вами я открасовалася!
Поручаю вам девью красоту:
Принуждают меня с ней расстаться,
Заставляют меня отказаться!
Уж мне чем платить, голубушки,
За труды ваши, за усердие?
Не в моей воле золота казна,
Не в моей воле дороги дары!

По окончании этого обряда невесту сажают за стол, а подле нее мальчика из братьев или родственников, который продает косу. Он

держит в руках под столом плеть; у поселян сажают взрослого. Продающий косу называется *косником*.

В доме жениха происходит между тем следующее.
Когда все усядутся по местам, дружка говорит:

Батюшка родимый,
Матушка родима!
Умели вы своего чада мила
Хороша спородить,
Вздумали поженить —
Благословляйте буйну голову чесать,
Черны кудри завивать,
Цветно платье надевать;
Станем к нему
Княженецкий полк подбирать:
Кому быть тысяцким,
Баринном большим,
Средним и меньшим,
Вежливым человеком,
Дружке с полудружьем,
Княжой свашеньке?

— Бог благословит, — отвечают отец и мать.

После этого жениха выводят из-за стола, и он начинает потчевать вином; дружка наговаривает:

Бьет челом наш князь молодой
С княжова стола княжим медом!
Тысяцкие надвещают,
Больши бояре на ногах стоят,
А мы, резвы дружки,
По светлой светлице похаживаем:
Ножки с подходом,
Ручки с подносом,
Язык с приговором,
Сердце покорно,
А голова поклонна!
Извольте горнц принять,
Из горнца мед выкушать;
Пить до дна,
А молить добра;
Буйну голову взвеселите,
Ретиво сердце обкатите,
Не будьте кручинны,
А будьте радошны,
От нашего князя молодого
Ласковым словом потешны!

Дружка приговаривает это до тех пор, пока жених не употчевает вином всех; после того требует себе приглашенного заранее на этот случай полудружья, говоря:

Батюшка родимый!
 Матушка родима!
 Все у нашего князя молодого
 Князя, бояре веселы и радостны по местам сидят;
 Только не весел, не радостен храбрый друженька:
 Нет у него полудружья!
 Дайте ж мне из лучших лучшего
 Из всего княженецкого храброго полку и поезду полудружья!

Назовет его и *взвеличает*.

После этого дружка с полудружеством отправляются верхом на лошадях *попроведать* невесту. Подъехав к избе, дружка стучит в красное окно плетью, творя громко молитву:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
 Помилуй нас!

Ему *отдают* из избы *аминь*. Дружка говорит:

Спасибо на аминь;
 Аминь нас спасет,
 Аминь помилует!
 Мы ездим не оханщичи,
 Не обманщичи,
 Не московски рассказчичи,
 Не морски рыболовщичи,
 Не грозны гонцы,
 А ездим скоры послы
 От нашего князя молодого
 С добрыми вестями,
 С хорошими речьми!
 Наш князь молодой
 Стоит на пути на дороге,
 На доброй квартире:
 С места не шевелится!

Отъезжают от окна, сходят с лошадей и, привязав поводья к кольцам, всегда вколачиваемым на верях ворот, идут в сени. У дверей избы дружка говорит:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
 Помилуй нас!

Ему отдают аминь. Дружка отвечает:

Спасибо на амине:
Аминь нас спасет,
Аминь помилует!
Есть ли у вашего здоровья
У дверей придверники,
Чашники, ложки,
Блюдники, рядники,
Скоры поспешники?
Если нету у вашего здоровья
У дверей придверников,
Чашников, ложников,
Блюдников, рядников,
Скорых поспешников,
Благословляйте нас,
Переезжих храбрых дружек¹,
За реберчату скобу взять,
Двери на пяту отворити,
Первый жар пропустити!

Дружка с полудружьем перекрестясь входят в избу, ступая через порог правою ногою и говоря:

Скок через порог —
Едва ноги переволок
Дружка с полудружьем!
Чирок да луток, мохнатый зверь
На богатый двор!

Помолясь Богу, дружка, обратившись к отцу и матери невесты, говорит:

Богоданный батюшка!
Богоданная матушка!
Благословляйте нас,
Переезжих храбрых друженек,
За белодубову скáмью переступити,
Стакан меду налити,
По светлой гридне походити² —
В куть за занавесу

¹ «Господь благословит», — отвечают из избы.

² Наливает стакан пива и, опрокинув на ладонь вверх дном, подносит невесте.

До кручинной красной девицы сходити!
 Вот сказали, что наша невеста
 И крива и слепа!
 А хорошо видит,
 Далеко смотрит!

Невеста, оборачивая руку дружки, берет стакан и, выпив, отдает обратно; дружка, принимая, говорит:

Вашим добром
 Да вам же и челом!
 Жив и здоров наш князь молодой;
 Велел вашему здоровью челом ударить
 И челобитье справить!

Потом отправляются к жениху, где дружка, входя с молитвою, говорит:

Наша княгиня молодая жива и здорова;
 Велела вашему здоровью челом ударить,
 Челобитье справить!

Садятся за стол и по лавкам; немного погода встают и молятся Богу, дружка говорит:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
 Помилуй нас!
 Батюшка родимый!
 Матушка родима!
 Благословляйте нашего князя молодого
 По сужено ехать,
 Сужено понять,
 Под злат венец стать,
 Закон Божий принять,
 Златым перстнем поменяться
 И во уста сахарные поцеловаться!
 Братья, сестры,
 Дядья, тетки,
 Кум, кума,
 Весь род-племя,
 Гости званы и незваны,
 Почтенны и Богом сполубовны!
 Во всю светлую светлицу,
 Светлую гридню —
 Благословляйте нашего князя молодого
 По сужено ехать,

Праздничные женские сапоги. Начало XX в.
Калужская область

Сужено понять,
Под злат венец стать,
Закон Божий принять,
Златым перстнем поменяться,
В уста сахарные поцеловаться!
В куть по лавице,
Вперед по скамеице
За берчатой занавесью сидят:
Певцы, певицы,
Молодые молодницы,
Красные девицы,
Пирожные мастерицы,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Лебеди белы,
Малины зрелы,
Изюминные ягодки,
Наливные яблочки!
В кути на полатях сидят стары:
Старики сопаты, горбаты,
Косые заплаты,

Праздничные женские сапоги. 1889 г.
Рязанская область

Старые старухи киловаты;
 Маленьки ребята —
 Пирожные осадчики,
 Материны опачки,
 Урви-ковригу!
 Сами здогадайтесь!

Родители благословляют жениха ехать за невестой.

Между тем сваха женихова отправляется прежде к невесте с тысяцким, но большею частью вместе со всем поездом. Когда сваха войдет в избу, девушки поют:

Я не знала, не ведала,
 Ко мне сваха приехала:
 Молода и ломливая,
 И горда и спесивая!
 Не ступя она ступила,
 Не молвя слово молвила!
 А хоша она ступила —
 По атласу, по бархату,
 А хоша она молвила —

Все с князьями, с боярами
Да со мной, с красной девицей:
«Снаряжайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница!»
«Мне куда снаряжатися,
Мне куда собиратися —
От родного батюшки,
От родимыя матушки,
От родных братцов, сестриц,
От всего роду-племени?»
«Ко чужому отцу, матери,
Ко чужим братцам, сестрицам,
Ко чужому роду-племени!»

Когда поезд приедет к дому невесты, дружка у красного окна стучит плетью, говоря:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй нас!

Из избы отдают аминь. Дружка продолжает:

Спасибо на аминь:
Аминь нас спасет,
Аминь помилует!
Мы ездим не оханщики,
Не обманщики,
Не московски рассказчики,
Не морски рыболовщики,
Не грозны гонцы,
А ездим скоры послы
С добрыми вестьми,
С хорошими речьми
От нашего князя молодого!
Дайте нашему князю молодому
Двор широкий на приезд,
Новы сени на приход!
Прибыл наш князь молодой
К вам на широкий двор!

Заезжают во двор и выходят из экипажей, а дружка снова подъезжает к окну, требуя караульного следующим образом:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй нас!
Просим нашего повозничка сменить,
А своего посадить!

После этого, привязав к кольцу лошадь, идет впереди всех в сени и, остановясь у дверей комнаты, стучит в них плетью, творя ту же, как и прежде, молитву. Когда отдадут аминь, дружка говорит:

Спасибо на аминь:
 Аминь нас спасет,
 Нас помилует!
 Есть ли у вашего здоровья
 У дверей придверники,
 Блюдники, рядники,
 Скоры поспешники?
 Если нет у вашего здоровья
 У дверей придверников,
 Чашников, ложников,
 Блюдников, рядников,
 Скорых поспешников,
 Благословляйте¹
 За реберчату скобу взяти,
 Двери на пяту отворити,
 Первый жар пропустити!

Отворяя дверь, говорит:

Скок через порог —
 Едва ноги переволок!
 Дружка, полудружье,
 Чирок да луток,
 Мохнатый зверь —
 На богатый двор!
 Прибежал соболь к кунице,
 А приехал удалой молодец
 К красной девице!

Потом молятся Богу. Между тем как дружка приедет с поездом на двор и выполняет описываемый обряд, девушки поют следующие песни.

Дружке

Воротечки скрип-скрип —
 Мороз на дворе:
 Ай! Друженька скачет
 Без коня!

¹ «Господь благословит», — отвечают из избы.

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Конь вороной!

Вороточки скрип-скрип —
Мороз на дворе:
Ай! Друженька скачет
Без седла!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Черкасско седло!

Вороточки скрип-скрип —
Мороз на дворе:
Ай! Друженька скачет
Без узды!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Тесьмяна узда!

Вороточки скрип-скрип —
Мороз на дворе:
Ай! Друженька скачет
Без плети!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Шелковая плеть!

Всему поезду.

Ах вы, все ли бояре,
Ах вы, все ли княжие!
Вы садитесь, бояре, по местам:
Как большой-то боярин повыше,
Чем меньшей-то боярин пониже,
Княжа свашенька в свое место,
Большой друженька на ногах стой,
Что полудружье — помогати!

Когда дружка с поездом войдет в комнату, тогда, сотворив молитву, обращается к отцу и матери невесты, говоря:

Богоданный батюшка!
 Богоданная матушка!
 Дали вы нашему князю молодому
 Двор широкий на приезд,
 Новы сени на приход,
 Светлу гридню на обогрев —
 Дайте же нашему князю молодому
 И княжое место.
 Где княжо место ведется —
 В переднем углу,
 Под святыми иконами!
 Да нет ли в княжом месте помещников?

«Есть, видно», — отвечает шутливо отец невесты. Дружка, налив стакан или рюмку вина, сыплет, бренча, на поднос деньги и, подавая коснику, просит выпить. Косник, не отвечая ничего, грозит плетью, и дружка снова сыплет деньги, что повторяется несколько раз или до тех пор, пока не будет положено достаточно. Косник, принимая поднос, прежде всего должен ссыпать с него деньги, а потом выпить вино, в противном случае он лишается и денег, и места; конечно, первого никогда не бывает. Когда коса у невесты таким образом будет куплена и косник выйдет из-за стола вместе с девушками, подругами невесты, которым так же, как и коснику, дружка подносит вино или наливку, положив на поднос мыло, калачи, деньги и какие-либо по состоянию жениха подарки, тогда сваха, расплетя косу, садится с женихом подле невесты. В это время поют:

Ты, коса ли моя, косанька!
 Ты, коса ли моя русая!
 Что чесала тебя родна матушка,
 Что плетала тебя родна сестрица,
 Уж как ныне тебя, косанька,
 Знать-то, больше не плетать будет,
 Алой ленточки не нашивать!
 Расстаюсь с тобою, косанька,
 И со девьей красотой своей:
 Расплетут тебя, руса коса,
 Что на мелкие на прядочки!

Дружка, усадив весь поезд, говорит:

Батюшка родимой!
Матушка родима!
Чьи дары передом пойдут —
Ваши али наши?

Затем, налив женихово вино в рюмки и положив подарки на поднос, подает сначала отцу невесты, а потом матери. Обращаясь к ним, дружка спрашивает их:

Богоданные батюшка и матушка,
Кто у вас по роду ближе?

Вместо ответа отец и мать невесты подводят ближних родственников, которые бы могли пользоваться подарками. После даров потчуют вином. В это время весь поезд стоит на ногах; по угощению же дружка повелевает ему словом: «Садитесь!»

Когда сядут по местам, дружка говорит:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй нас!
Богоданные батюшка и матушка,
Благословляйте скатерти раскинуть,
Ложки прираскласть
Перед князя и княгиню молодых,
Перед тысяцкого,
Боярина большого,
Среднего и меньшого,
Перед дружку с полудружьем,
Перед княжюю и княгинину свашенек!

Потом, приступая к поставленному на стол пирогу или калачу, дружка продолжает:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй нас!
Богоданные батюшка и матушка!
Благословляйте бел-крупитчатый калач рúшать,
Укрошá да кушать!

В это время отец и мать невесты подносят поезжанам вино, а дружка говорит:

Благословляйте рушану да кушану хлеб-соль
Со стола унести,
А не рушану, не кушану
На стол принести!

По окончании закуски невесту выводят из-за стола, а дружка, творя молитву, обращается к отцу и матери невесты:

Батюшка и матушка!
 Благословляйте нашего князя
 И с княгиней молодой,
 Со всем дорогим честным полком и поездом
 Из-за дубова стола переступить,
 На кирпиччат пол стати,
 К образам лицом поворотиться,
 Господу Богу
 И святым угодникам помолиться,
 А за хлеб, за соль челом ударить!

Делают три поклона. После чего девушки поют:

Шла наша Устинья из-за дубова стола,
 Бросила ключи на дубовый стол:
 «Я тебе, батюшка, не ключница,
 Я тебе, матушка, не ларечница:
 Ключница я чужу батюшке,
 Ларечница я чужой матушке!»

Отец и мать благословляют жениха и дочь образом, хлебом и солью, а дружка приговаривает почти то же самое, что и при отпращивании жениха к невесте. Между тем девушки поют:

Что не стук-то стучит во тереме,
 Что не гром-то гремит во высоком —
 Молится Богу красна девица,
 Благословляет ее сударь-батюшка
 Во Божью церковь под злат венец,
 Благословляет и наказывает:
 «Ты живи-ко, мое дитяtko,
 Во чужих людях смирнешенько,
 Голову держи поклонную,
 Ретиво сердце покорное,
 Повинуйся свекру-батюшке,
 Почитай ты свекровь-матушку!»

Мужская свадебная рубашка и пояс. XIX в. Воронежская область

Ах вы, комони, комони,
Комони, кони добрые!
Знать, слышали комони
Что невзгуду великую:
Из Дуная воды не пили,
Из тихого не кушали!
По Дунаю насад плывет,
По тихому ветляньский;
Подле берег кольмагу несет,
Подле крутой багрецовую;
Во насаде Андрей сидит,
Что Андрей свет Николаевич;
В кольмаге красна девица
Что Надежда Терентьевна;
Как Андрей-то Богу молится,
Николаевич поклоняется:
«Как создай, Боже-Господи,
Со небес тучу грозную
Со громами со страшными,
С молоньями со яркими!
Снеси, Боже-Господи,

Фрагмент муж-
ской свадебной
рубахи. XIX в.
Воронежская
область

Что насад с колымагою!
Сочетай, Боже-Господи,
Что Андрея-то с Надеждою,
Николаевича с Терентьевной!»

•

Отставала лебедь белая
Что от стада лебединова,
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко серых гусей;
Уж как стали гуси серые
Что лебедушку щипати,
А лебедушка кикати:
«Ах вы, гуси, гуси серые!
Не щиплите мои перышки!
Не сама я к вам залётела,
Не своей волей-охотою:
Занесли-то ветры буйные,
Забросили вихри бурные!»

Отставала красна девица
 Прочь от батюшки, от матушки,
 От своих братцов, сестриц;
 Приставала красна девица
 Катерина свет Михайловна,
 Приставала ко чужой семье,
 Ко чужой семье, неизвестной;
 Ее стали там журить, бранить,
 Ее стали там уму учить:
 «Не журите меня, девицу,
 Не браните меня, красную:
 Не сама собой я к вам зашла,
 Не своей волей-охотою:
 Занесли меня добры кони,
 Что добры кони Терентьевы!»

С этой песней провожают невесту до повозок. Она, покрытая фатою или платком, садится со свахою, тысяцкий с одним из поезжан, имея в руках образ. Между тем дружка, отвечающий за благополучное окончание свадьбы, ограждает поезд от колдунов, недобрых знахарей и волхитов, для чего он берет восковую свечу, обходит кругом около всего поезда, похлопывая бичом и наговаривая про себя:

Встану я, раб Божий (*имя*), благословясь,
 Пойду перекрестясь,
 Умоюсь студеной ключевой водою,
 Утрусь тонким полотенцем,
 Облокусь я оболочками,
 Подпояшусь красною зарею,
 Огорожусь светлым месяцем,
 Обтычусь частыми звездами
 И освечусь я красным солнышком!
 Огражду вокруг меня (*имя*)
 И дружины моей с орлятами
 Тын железный,
 Почву укладну,
 Небо булатно,
 Чтоб никто не мог прострелить его
 От востока до запада,
 От севера на лето (*юг*):
 Ни еретик, ни еретица,
 Ни колдун, ни колдуница,
 Годный и негодный,
 Кто на белом свете хлеб ест!
 Голова моя — коробей,
 Язык мой — замок!

Потом молитву: «Да воскреснет Бог» и некоторые другие, что продолжает до трех раз; от свечи же, отделив небольшие кусочки воску, налепляет поезжанам на кресты, а лошадям в гривы.

В то же время девушки поют:

Ты постой, постой, добрый конь,
 Ты у батюшкина широка двора,
 Ты у матушкина высока терема,
 У братцова у красна крыльца,
 У сестрицына у кутна́ окна!
 Ах, ты дай-ко мне нагледетися —
 Мне на батюшкин на широкий двор,
 Мне на матушкин на высок терём,
 Мне на братцово на красно крыльцо,
 На сестрицыно на кутно окно!
 Увезут меня, горьку, бедную,
 Далеким-то далекошенько,
 На чужую дальну сторонушку!
 Ах ты, красное мое солнышко,
 Ты, родимый мой сударь-батюшко!
 Незакатная, непомерклая,
 Ах ты, светлая моя звездочка,
 Ты, родимая моя матушка!
 Как знялись твои ручки белые
 Расплести мою трубчату косу,
 Потерять мою алу ленточку!

Потом:

Рядом, рядом б́ояре ехали,
 У рябины веточку сломили,
 Коню под копыты бросили:
 «Топчи, топчи, добрый конь, веточку,
 Стой ты, рябинушка, без верху!
 Живи, живи, батюшка, без дочери,
 Без любимыя дочери Аннушки!»

Дружка, усадив всех и установя порядок поезда, садится на лошадь и приказывает отправляться. Впереди всех едет тысяцкий с образом, потом жених и невеста с своими свахами, за ними родственники с обеих сторон; в заключение — поезжане верхами. Когда поезд тронется с места, девушки, провожая невесту, поют:

Становитесь, городы,
 Города с пригородками,
 Терема с притеремками!

Вы несите, кони добрые,
Красну девицу в Божью церковь,
Во Божью церковь под злат венец!

Все едут с открытыми головами, если церковь близко; в противном случае, выехав за селение, закрывают образ и надевают шапки, не переставая петь приличные случаю песни. Между тем дружка увивается около поезда, скачет взад и вперед, стреляя из пистолета, иногда из ружья; то же делают и некоторые поезжане. Как свадьбы большею частью бывают осенью, перед Филипповым постом, или зимою, после Рождества, когда крестьяне имеют более свободного времени, и как сибирские крестьяне, особенно в Томской губернии, считают у себя лошадей десятками, а иные и целыми табунами, то свадебный поезд богатого крестьянина бывает многочислен; тем более что в нем участвуют не только приглашенные, но и все, у кого есть досужное время и хорошая лошадь, кто хочет и людей посмотреть, и себя показать. Такой поезд в ясный зимний вечер вызывает все народонаселение на улицу, где проезжает свадьба. Долго прислушиваются к смешанному гулу песен, стрельбы, колокольчиков, брякунцов и ширкунчиков, украшающих сбрую лошадей. Поезжане, проводив свадьбу до расстаней, возвращаются домой, если церковь находится не близко. Кстати заметим здесь, что в Южной Сибири есть такие приходы, поперечник пространства которых занимает иногда до ста пятидесяти верст. По совершении бракосочетания жених и невеста кланяются три раза в землю и, поцеловав друг друга, отправляются домой, называясь с этого времени *новобрачными*. За воротами встречают их песней:

«Ах вы, соколы, соколы,
Соколы перелетные!
Вы куда, соколы, лётали,
Вы чего, соколы, видели?»
«Уж лётали, соколы,
Как со моря-то на море,
Уж мы видели, соколы,
Что белú лебедь на заводе!»
«Вы к чему ее не поймали?»
«Мы хоша ее не поймали —
Сизы перышки повыщипали!»

«Ах вы, бояре, бояре,
Вы, бояре переезжие,
Вы куда, бояре, ездили,
Вы чего, бояре, видели?»
«Ах, мы видели, бояре,
Красну девицу в высоком терему!»

«Вы к чему ее не привезли?»
 «Мы хотя ее не привезли,
 Мы русую косу расплели,
 Горючие слезы пролили!»

Дружка, прискакав прежде новобрачных, подъезжает к окну и, стуча плетью, говорит:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
 Помилуй нас!
 Батюшка родимый!
 Матушка родима!
 Прибыл наш новобрачный князь
 С княгиней молодой
 И со всем дорогим честным полком-поездом
 К вам на широкий двор!

Потом, сойдя с лошади, высаживает молодых из экипажа и ведет к крыльцу, на которое выходят отец и мать с образом, хлебом и солью, где и благословляют, угощая свах и всех гостей вином; целуют новобрачных. В это время женихова и невестина свахи, стоя друг против друга с рюмками в руках, заводят какой-нибудь шуточный разговор, во время которого стараются обратить внимание друг друга на что-нибудь; например, одна, сказав: «Гляди-ко ты, лихотка, что с тысяцким-то деется!» — отливает из своей рюмки другой вино, когда та заглядится в сторону; но дружка восстанавливает между ними порядок, измерив между свахами расстояние рукояткою плети. Когда они выпьют вино, то целуются. Затем, по угощении всего поезда, входят в комнату и, помолившись Богу, садятся за стол. Свахи, закрыв невесту со всех сторон платками или чем-нибудь, начинают *окручать* ее, то есть плетут две косы, и, окрутив вокруг головы, надевают шамшуру (кокошник) и повязывают платком. В это время поют:

«Семена́ ли мѡи, се́мена,
 Семена мои сахарные!
 Вас немного было сеяно,
 Уж как много уродилось —
 Три раздолья, три широкие!»
 «Ты, коса ли моя, косанька!
 Как доселева-то косаньку
 Заплетала родна матушка
 Что мелким она мелкошенько,
 А теперь мою русу́ косу́
 Расплетают ее надвое,
 Обвивают вкруг буйно́й главы,

Надевают схиму черную!
 Мне не снять ее, не сбросити
 Что от младости до старости,
 До седого бела волоса!
 Как доселе схима черная
 По дворам она валялася,
 По подлавечью таскалася,
 А теперь-то схима черная
 Она мне-то пригодилася
 На мою буйну́ головушку!»

Также:

Ты, коса ли моя, косанька,
 Ты, коса ли, девья красота!
 Меня красила ты, косанька,
 В ясный день перед солнышком,
 Темной ночью перед месяцем,
 Ах, ты грела, девья красота,
 Среди зимы студеня
 Во морозы во крещенские!

Между тем дружка, сотворив молитву, говорит:

Батюшка родимый!
 Матушка родима!
 Благословляйте нашу княгиню молодую
 Снарядить-оболочи,
 Белу кики́болку наложить,
 В нову спальню спать положить!

Потом обращается с этими же словами ко всем присутствующим в комнате, подобно тому как и во время благословенья жениха родителями перед отъездом в церковь. После окручения обедают, а не приглашенные к тому гости и девушки, подруги невесты, идут домой.

После обеда тысяцкий отпирает комнату; новобрачных раздевают и ведут на *подклет*, поставя там вина и закуску. Потом, заперев на замок дверь, возвращаются продолжать пирушку. Через несколько часов, а иногда на другой день поутру, *подняв* молодых, выводят к гостям. Все поздравляют их, целуясь; пьют за здоровье их, поют, веселятся всю ночь, особенно если новобрачная окажется достойною такой радости. Молодая у крестьян выходит в одной рубашке и угощает гостей вином. Если молодых кладут на подклет на время, то свахи, после поднятия с подклета, сняв с молодой рубашку, привозят ее немедленно с тысяцким и некоторыми из

поезжан к отцу и матери, благодарят за воспитание дочери и просят к столу; в противном случае эта церемония делается поутру.

На другой день молодые посещают родственников и знакомых, после того отправляются к тестю на блины, то есть к столу, к которому приглашаются все родные и почетные лица из знакомых; потом поочередно *отводят вечерние столы*, если имеют возможность к тому. Тысяцкий и поезжане угощаются женихом после первого стола. В это время молодой дарит их чем можно. Иногда, при многочисленности родственников и поезжан, условливаются, чтобы не дарить с обеих сторон никого, кроме дружки, тысяцкого и свах.

Таким образом совершаются свадьбы у богатых и зажиточных крестьян в Южной Сибири. Описав вполне обряды при этом наблюдаемые, мы ограничились помещением только тех песен, которые везде считаются необходимыми и употребительными. Все вообще песни, исключая так называемых припевок, на смотреньи и девичнике имеют грустные, унылые мотивы, исполненные простоты и глубокого чувства. Поют их там превосходно. Некоторые из приведенных в нашей статье песен находятся также с небольшими переменами в «Песнях русского народа», изданных господином Сахаровым.

С. И. Гуляев

СВАДЬБА В СТАНИЦЕ ЛАДОЖСКОЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

САМОЕ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО браков в станице Ладожской приходится на осенние месяцы, в промежуток между Успенским и Филипповским постами. Парни намечают себе невест во время *улицы*. Улица состоит в том, что девушки и парни собираются в праздничные дни на площадь или поляну и там поют песни, лакомятся подсолнечными семечками и перебрасываются шутками. Парень, наметивший себе невесту, советуется со своими родителями, и если сделанный выбор одобряется, то родители отправляют в дом намеченной сыном невесты сватов.

СВАТАНИЕ

В сваты обыкновенно выбирают кого-либо из родственников, пожилых людей, но непременно таких, которые бы вполне подходили к той роли, для которой их выбирают, т. е. они должны быть вполне находчивы, расторопны, речисты, так как в деле сватовства удача подчас всецело зависит от сватов. Если таких родственников не находится, то родители жениха приглашают посторонних, уже известных своею ловкостью и расторопностью. Сватов бывает два, иногда три.

В назначенный день сваты, как только стемнеет, отправляются к дому невесты, стучат палкой в ставень и говорят: «Дозвольте проходим войти обогреться»¹. Родители невесты по этим словам узнают о приходе сватов и идут их встречать, невеста же немедленно прячется в другую горницу или в подклеть.

В первое свое посещение сваты приходят с пустыми руками; войдя в горницу, они молятся на образа и затем, приглашенные хозяевами, садятся на лавках и начинают разговор о совершенно посторонних предметах; сделавши, по их мнению, достаточное предисловие, сваты переходят к самому делу и обыкновенно начинают так: «У вас товар, а у нас купец...»

Как бы ни были польщены родители сватовством их дочери, они никогда не выразят своего удовольствия и не дают сразу своего согласия, а обыкновенно отвечают, что еще не думали о выдаче замуж своей дочери и что им надо хорошенько подумать, посоветоваться и переговорить с нею, и приглашают сватов прийти дня через два. Если же жених, сватавший их дочь, по их мнению, неподходящий, то отвечают, что их дочь еще молода и они не думают пока выдавать ее замуж, и тогда сватовство расстраивается. В этом случае сваты, уходя из дому, стараются потихоньку взять что-нибудь из горницы: или веник, или полотенце, и если им это удастся, то, по народному поверью, брак во что бы то ни стало должен состояться.

В первый же приход сватов, когда родители не отказывают, сваты, если только им невеста неизвестна, выражают желание видеть ее; родители вызывают дочь, сваты ее оглядывают и разговаривают с нею, чтобы убедиться, что у невесты нет никаких пороков. После осмотра сваты уходят и в назначенный день снова являются, как и в первое свое посещение, без всякого угощения, продолжают переговоры о сватовстве, и на этот раз родители невесты разрешают сватам в следующий приход привести жениха; другими словами, они выражают этим окончательное согласие выдать свою дочь замуж.

СВОД

Отец жениха, узнав о согласии, собирает свою близкую родню и в назначенное время вечером отправляется с роднею, женихом и сватами в дом невесты, захватив с собою четверть или полведра водки и хлеб, — на своде большого угощения не бывает (мать жениха во все время свадьбы не появляется в доме невесты). Ко времени их прихода у невесты собираются и ее близкие родственники. Собранные гости размещаются так: невестина родня занимает места на лавках, а женихова родня, из уважения к родителям невесты, остается на ногах у дверей весь вечер; этот порядок соблюдается и на всех следующих свадебных собраниях до венчания. Когда все соберутся, вызывают невесту и спрашивают сначала у жениха, согласен ли он жениться на выбранной девушке; жених отвечает: «Если бы не нравилась, не сватался бы». Невеста в это время плачет, хотя бы шла и по желанию; потом спрашивают согласия невесты; невеста отвечает своим родителям: «Из вашей воли не выхожу: как вы, так и я».

Получив согласие жениха и невесты, родители заставляют их поцеловаться — это и есть главный момент свода, и с этого времени они открыто признаются женихом и невестою.

После свода жених получает законное право все ночи до венчания проводить у невесты и спать с нею на одной кровати; в той же горнице ночуют две или три подруги невесты, чтобы оградить ее от дурных нареканий.

Невеста после свода гуляет по праздникам с подругами не иначе как в венке из цветов или в шелковом платке, по ее желанию. Цветы или платок должны быть непременно подарены женихом; подарок этот стоит два или три рубля. Тот же венок или платок, в котором невеста гуляет, украшает ей голову и в день венчания. Волосы у невесты после свода чешутся тоже особенным образом: на вид волосы кажутся совершенно распущенными, посредине же идет тоненькая коска, не толще бечевки; в эту коску вплетаются только концы волос, и такая прическа носит название *в расплет*. В конец косы вплетается много разноцветных длинных лент (тоже подарок жениха); концы лент украшают также и венок. Это убирание головы невесты совершает пред гуляньем какая-нибудь подруга; невеста всякий раз плачет, особенно если она сирота, и по окончании убора каждый раз кланяется в ноги убиравшей и приговаривает: «Спасибо тебе, подруженька, что заплела мне русу косыньку». (Редакция этой благодарности не меняется и в том случае, если коса не русая.)

Во время прогулок невесты девушки обыкновенно поют песни, невеста же после свода уже лишается права петь. Особых свадебных песен во время гулянья по станице не поют, поют, какая придет в голову, например:

Свадебная рубаха. XIX в. Архангельская область

1

По реченьке по Волженьке
 Рой плывет, рой плывет,
 Ой лёли о-ли, лёли, лёли,
 Лёли о-ли, ой лёли!
 Рой плывет, рой плывет;
 Шли девки-подруженьки
 Рой выймать, рой выймать,
 Ой лёли о-ли, ой лёли, лёли,
 Лёли о-ли, ой лёли!
 Рой выймать, рой выймать!

2

Во поле криниченька ладна,
 У казаченьки бабеночка гарна,
 Гарна, гарна да ще черноброва;
 Спородила мать на свете жити;
 Проводила жена мужа на Кавказ служитьи
 Дай сказала: «Не буду тужити».
 «Я не тужу, бабочка, не плачу,
 За слезами дорожки не бачу,
 За рыданьем слова не промолвлю».
 «Выйду, выйду на ново крылечко,
 Гляну, гляну, где солнышко всходит:
 Там мой милый по границе ходит,
 По границе ходит, полковничка просит:
 «Полковничек молодой,
 Пускай меня из полка домой!
 Есть у меня жена молодая,
 Спокинул я ее на парня удалого».

3

Сидела бы я, девушка,
 Ровно двадцать лет,
 Любила бы молодчика
 Семнадцати лет,
 Такого хорошего,
 Что и в свете нет!
 Пригож же мой милый друг,
 Хорош на совет!
 Как пришлось с миленьким
 Расставаньице —
 Немил мне и белый свет!

Фрагмент свадебной рубахи. XIX в.
Архангельская область

Замуж не пойду:
Сяду под окошечко
Под хрустальное —
Не идет ли миленький,
Не несет ли цвет?

4

Казак девке говорит:
«Чем тебя мне подарить?
Подарю я черевички,
Черевички невелички;
Еще девке подарю
На два платья миткалю».
«Миткаль — розовый цвет —
Мне не нравится надеть!
Как возьму дружка за ручку,
Все отрадой назову:
«Как пойдём мы, отрада,
На Ладóвски хутора —
Да там улица широка

И водою полита,
И водою полита,
Чеботами прибита!»

5

Последний час разлуки¹
С тобой, мой дорогой,
Не вижу кроме скуки
Утехи никакой!
Одно мне утешенье —
Мил плакать не велел!
Гуляла я в садочку,
Гуляла в зеленом,
Искала те следочки,
Где с милым шла вдвоем,
Садилась под кусточком,
На зеленой траве!
Сидели две голубки
На яблоне в саду;
Одна из них вспорхнула
На белу грудь мою,
А я, млада, вздохнула
По миленьком дружке:
А где ж моя отрада,
Сережа-пастушок,
Когда ходил от стада
Ко мне на бережок,
Садился со мной рядом,
Играл со мной в рожок,
И сладко целовался
Со мною мой дружок...
Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто нас не разлучит —
Ни солнце, ни луна!
На что нам разлучаться?
На что в разлуке жить?
Не лучше ль обвенчаться,
Любовью дорожить?..

¹ Очевидно, эта песня заносная.

ПРОПОЙКИ

Пропойки бывают вслед за сводом, иногда в тот же самый день. На пропойки приглашается вся родня жениха и невесты.

Как со стороны родителей жениха, так и со стороны родителей невесты к этому дню заготавливается много разнообразного кушанья, водка же всегда доставляется отцом жениха в количестве 2—3 ведер.

На пропойках в первый раз запевают замужние женщины, родственницы жениха. Пение это начинается при входе в дом невесты, и поется следующая песня, обращенная к родителям невесты:

Пойду я вдоль по улице
 Два двора да минуючи,
 А в третий послушаю,
 Что люди говóрят,
 Что люди говóрят —
 Моего батюшку брóнят:
 «Пьяница да пропойца —
 То Аннин батюшка!
 Пропил Аннушку¹
 За винную чару,
 За медовый стаканчик,
 За сахарный кусочек...»

На пропойках родители жениха и невесты и сваты решают, когда назначить день венчания, сколько отец жениха должен к венчанию и сговору поставить водки и сколько жених должен дать денег невесте на приданое; сумма эта неопределенна: она зависит от богатства жениха; дают 5, 10 рублей, дают и 25 рублей. Если венчание откладывается после пропоек на долгий срок, например на два или полтора месяца, то в этот промежуток иногда женихова родня является в гости к родителям невесты, но обыкновенно венчание назначается через две или полторы недели после пропоек, и гости до сговора не являются (сговор бывает накануне венчания).

На пропойках жених и невеста не сидят в общей горнице, а веселятся отдельно на другой половине; если же в доме не окажется отдельной горницы, то занимают на это время у ближайших соседей дом.

Жених обыкновенно является с лакомствами для невесты и водкою для девушек и парней; жениха сопровождают дружка (непременно женатый пожилой человек из невестиной родни) и парни, а невеста окружена подругами, из которых одна называется старшею дружкой, а другая — поддружкой. Обыкновенно роль старшей

¹ Имя невесты.

друзки исполняет незамужняя сестра жениха; если же таковой нет, то близкая подруга невесты, по выбору последней. На пропойках же выбираются сваха, подсвашка и дядька; сваху выбирают родители невесты из жениховой родни, а подсвашку из своей (если есть — сестру); обе выбранные должны быть пожилые замужние женщины; дядька выбирается из жениховой родни и должен быть тоже пожилой человек.

Время проходит у жениха и невесты в угощении лакомствами, в питье водки и играх в обществе дружек, дружка, девушек и парней. Наиболее употребительная игра «в короля». Игра эта состоит в следующем: какая-нибудь девушка или парень подходит к столу, кладет руку на стол вниз ладонью и говорит: «Давайте играть в короля!» Тогда подходят все парни и девушки и кладут по очереди правые руки одну на другую; после этого первый положивший свою руку на стол вынимает ее и кладет сверху, говоря: раз; за ним — следующий, говоря: два, и так далее до десяти; следующая за десятой кладется со словом *нижник*, затем — *вышник*, потом — *кряля* и, наконец, — *король*. Как скажут слово *король*, все садятся вокруг стола на лавках и начинают спрашивать по очереди у вышедшего королем: «Король, король, я тебе слуга!» — «Что ты мне за слуга?» — спрашивает король. «Что заставишь, то и буду делать». — «Поцелуй такого-то парня или такую-то девушку» — называет имя смотря по тому, кто спрашивает. Приказание короля исполняется беспрекословно, но при этом девушки и парни входят раньше в сделку с королем относительно назначения лица, которое желательно поцеловать.

На пропойках веселятся не в одном только доме невесты, а ходят пить водку и закусывать и в дом жениха, иногда даже до трех раз в продолжение ночи; это называется *смотреть стены*. Во время этих хождений всей родни жениха и невесты очень много пьют водки, жених же и невеста со своей компанией не участвуют в этих прогулках.

Пропойки тянутся иногда до самого утра, пока не будет выпита вся водка и поедена вся закуска, заготовленная родителями жениха и невесты. В промежуток между пропойками и сговором невеста усиленно шьет себе приданое в обществе подруг, а жених каждый вечер приходит навещать невесту в обществе парней и приносит всякий раз с собою лакомства для невесты: конфеты, пряники, орехи, а невеста, со своей стороны, оделяет его в изобилии подсолнечными семечками.

Время от пропоек до сговора самое тяжелое в материальном отношении для матери невесты: она каждый день должна заготавливать в огромном количестве кушанья для угощения всех пришедших.

СГОВОР

К сговору тоже оповещают всю родню: со стороны жениха приглашают дружку и дядьку, а со стороны невесты свашку и старшую дружку. В сумерки все являются в дом невесты и начинают пировать; в это время все девушки, подруги невесты, во главе со старшей дружкой и поддружкой, идут к жениху *вечерить* (ужинать); там их встречает жених, молодые парни и дружко. Идя в дом жениха, девушки поют следующую песню:

Я в высоком тереме сижу,
 Я далеко в путь зарею слышу,
 Ой лёли о-ли, ой лёли,
 Зарею слышу!
 Как Ванюша Анну кличет:
 «Пойдем, Аннушка, со мной,
 Ой лёли о-ли, ой лёли,
 Аннушка, со мной!
 А у меня подворье широкое,
 А у меня хоромы высокие,
 Ой лёли о-ли, ой лёли,
 Хоромы высокие!
 А у меня коровати широкие,
 Перины пуховые, одеяла шелковые!»

После ужина девушки возвращаются к невесте, которая их встречает следующей фразой: «Милые мои подруженьки, расскажите мне, хорошо ли вас там *привечали?*» Девушки хвалят оказанный им в доме жениха прием. Вскоре за ними приходит и жених со своими товарищами, приносят угощение, и начинается веселье у невесты: как и на пропойках, играют в короля и, кроме того, пляшут и *обыгрывают* всех присутствующих мужчин.

Обыгрывание состоит в том, что девушки поют кому-нибудь из присутствующих песню, за что тот должен им подарить денег (5 или 10 копеек). Когда кончится веселье, девушки делят между собою собранные от обыгрывания деньги, но делят не поровну: старшая дружка и поддружка получают больше. На обыгрывании поются следующие песни:

1

Как у нас было диво,
 Дивованьце большое,
 Ой лёли, ой лёли,
 Лёли, лёли да лёли!
 Середь лета, Петрова дня,
 Сине море замерзало,

Ой лёли, ой лёли, лёли...

Сине море замерзало,
 Снегами западало,
 Метелями заносило,
 Желтым песком заметало!
 Там Иванушка¹ гуляет,
 Белы снеги расчищает,
 Прорубочки прорубает,
 Шелков невод закидает,
 Хочет рыбку ловить
 И Аннушку² накормить!
 А Аннушка молодая
 По новым сеням гуляла,
 В руках пялечки носила
 Три узора вышивала,
 Три узора мудреные:
 Первый узор она шила —
 Ясно солнце со лучами,
 Второй узор она шила —
 Светел месяц со звездами,
 Третий узор она шила —
 Вечернюю зорю со росой!
 Ясно солнце со лучами —
 Иванушка с сыновьями;
 Светел месяц со звездами —
 То Аннушка с дочерями,
 А что светлый-то денечек —
 То Иванушкин сыночек,
 А что темная-то ночка —
 То Аннушкина дочка!

2

Сидят Петреюшка с Домнушкой —
 И целуются, и милуются,
 Ой лёли, ой лёли,
 Лёли, лёли да лёли!
 И по отчеству называются:
 «Ах ты, друг ты мой, ты, Петреюшка,
 Ой лёли, ой лёли,
 Лёли, лёли да лёли!
 Ох, надежа ты мой Васильевич!»

¹ Имя жениха.

² Имя невесты.

«Я хочу тебя, друг, да спокинути,
 Друг, спокинути, прочь отъехати
 Во иной город — воеводою быть!
 Ах, иди ж ты ко мне воеводшею,
 Будем суд судить все по правилам:
 Мы и с правого возьмем сто рублей,
 С виноватого возьмем тысячу!»

3

Как по погребу бочоночек катается,
 Васильюшка над женою величается,
 То-то лёли, то-то лёли,
 То-то лёлюшки мои!
 «Ох ты, женушка, ты сустрень меня!»
 «Я и рада б сустреть, да не знаю, кто зовет,
 То-то лёли, то-то лёли...
 Ах, и чтобы мне к суседям пойти,
 У суседей спросить, как тебя зовут;
 А суседи мне скажут, что Петровичем!
 А я ноженьку разую — Васильюшкой назову,
 А я другую-то разую — Петровичем назову!
 Ах, и бил он меня всего часочек,
 А проплакал увсею неделю;
 Он выплакал очи за четыре ночи —
 Показались ему ночи за четыре года!»

4

Стояла сосенушка
 На горе против солнышка,
 Ой лёли о-ли, ой лёли,
 Лёли, о-ли ой лёли!
 На горе против солнышка,
 На горе против ясного,
 Ой лёли о-ли, ой лёли,
 Лёли, о-ли ой лёли!
 Под тою сосенушкою
 Кровать тесовая;
 На той короватушке
 Перины пуховые,
 Перины пуховые,
 Одеяла шелковые;
 Под теми одеялами
 Лежит добрый молодец,
 Добрый молодец, отецкий сын

Сергеюшка-то Иванович;
Приходят ко Сергеюшке
К Ивановичу слуги верные,
Слуги верные да примерные,
Да две девушки красные:
«Вставай же ты, Сергеюшка,
Вставай же ты, Иванович!
Оглянь ты синё море,
Там кораблик плавает:
И с шелком, и с серебром!
А кораблик качается,
А Сергеюшка величается!»

5

Из-под камушка
Из-под белого
Спротекала вода,
Вода чистая,
То-то лёли, то-то лёли,
Лёли, лёлюшки мои!

Женский головной убор.
XIX в. Архангельская
область

Вода чистая
 И речистая,
 И холодная,
 И студеная,
 То-то лёли, то-то лёли...
 Там Филиппушка
 Коня поил,
 Там Григорьевич
 Коня вёрона!
 Ах, Лукерьюшка
 Там водицу брала,
 Ефимовна воду чистую,
 Воду чистую
 И речистую,
 И холодную,
 И студеную;
 И там они повидались,
 И ручками обымались,
 И устами целовались!
 Как увидела матушка
 Со высокого терема:

«Ты, дитя ж мое, дитяtko,
Чадо мое спороженное!
Где была ты, забиралася?
И с кем долго застоялася?»
«Не мутуй, моя матушка,
Не мутуй, моя милая!
Налетели гуси-лебеди,
Помутили воду чистую...»
«Не мутуй, мое дитяtko,
Не мутуй, чадо милое!
Покажи-ка руку правую,
Покажи-ка золот перстень;
Чей у тебя позолоченный?»
«Филиппушкин золот перстень,
Григорьевича позолоченный!»

6

По терему Марьюшка гуляла,
С кармана орешки щелкала,
Шелушечки в окошечко бросала,
В Алексеевы кудерцы попала;
Алеша-дружочек оглянулся,
Оглянулся дружочек, усмехнулся:
«Уж я тебе, Марьюшка, припомню!»
«Ой, Алешенька, не припомнишь,
Позабудешь сказать-рассказать!»
«Ой, припомню, Марьюшка, припомню
На своем широком подворью,
На своей тесовой коровати,
На своих пуховых перинах,
Под своим шелковым одеялом!»

7

Иванушка выезжал, выезжал,
Аннушку выкликал, выкликал:
«Аннушка, выйди к нам, выйди к нам!
Прохоровна, выйди к нам, выйди к нам!»
«Семь червонцев положи, положи!»
«А ты, Аннушка, отдари, отдари,
Шелков платок положи, положи!»

Как во нашем во садочке,
 Как во нашем во зеленом
 Пташечки поют;
 И родители здесь наши,
 И приятели здесь наши
 Водочку все пьют!
 Ах, Дарьюшка наливает,
 Васильевна наливает
 На здоровье, на здоровье,
 На здоровьице ему!

«Григорьюшка, отдари,
 Иванович, отдари,
 Семь червонцев положи!»

Из последних двух песен каждая служит как бы припевом к раньше пропетой песне. На сговорах, как и на пропойках, женихова родня водит в дом жениха всю родню невесты *смотреть стены*; ходят раза три и в последний раз там уже и остаются до утра. После того как все уходят в третий раз, невеста и жених со своей компанией переходят в ту горницу, где пировали ушедшие, там ужинают и остаются веселиться до утра, т. е. до возвращения отца и матери невесты из женихова дома; тогда все расходятся, кроме подруг невесты.

В день сговора бабы и девушки делают каравай, который готовится для угощения после венчания. Когда ставят опару на каравай, поют следующую песню:

Пшеничная опара
 На припечку стояла —
 Шептала-говорила,
 Что быть караваю!

А когда каравай месят, то поют следующие песни:

1

От недели до недели гóдина,
 Собиралась Аннушкина рóдина,
 Свозили по пуду муки на каравай,
 Слава Богу,
 Наш пшеничный каравай!
 От недели до недели година,
 Собиралась Аннушкина родина,
 Свозили по пуду соли на каравай,
 Слава Богу,
 Наш соленый каравай!

От недели до недели година,
 Собиралась Аннушкина родина,
 Свозили по пуду масла на каравай,
 Слава Богу,
 Наш скромный каравай!

2

Аннушкин батюшка
 По улицам ходит,
 В руках шапку носит,
 Суседушек просит:
 «Суседушки мои,
 Сходитесь ко мне,
 К моему дитятке,
 К моему родному
 Каравай валять,
 Сыром посыпать,
 Маслом поливать!»

Перед тем как каравай вдвигать в печь, сваха режет тоненькую восковую свечку на четыре равные части и втыкает их в середину караваля; затем эти свечечки зажигает; по одной свече угадывают продолжительность жизни жениха, по другой — невесты, по третьей — свахи, по четвертой — дружка: чья свеча потухнет раньше, тот раньше умрет; свечи помечают, чтобы не было потом спора между загадывающими. Вдвинув каравай в печь, сваха приговаривает:

Наш каравай да и в печку пошел,
 Наш яровой да себе место нашел,
 Место нашел, себе ножки пожег!..

Пекут обыкновенно два караваля: один большой для раздачи на другой день после венчания во время обмена дарами, а другой, поменьше, готовится исключительно для угощения подруг невесты, и его едят также на другой день после венчания, но вечером.

Каравай имеет форму круглую и весь изукрашен завитками из нарезанного теста. Испеченный каравай, тот, который предназначен для раздачи на дарах, кладут в широкую каменную миску, только что купленную, на дно миски сыплют хмель, кладут пару деревянных ложек, связанных вместе красной лентой, зеркальце и гребешок; затем миска с караваем увязывается в платок и ставится до венчания в святой угол.

Одновременно с тем, как у невесты готовят каравай, в доме жениха тоже делают тесто, из которого пекут калач. Калач плетут из четырех нарезанных полосок теста, в виде косы, а потом обводят еще вокруг двумя валиками из теста; длина калача должна быть такова, какова ширина стола. Выпеченный калач ставят на стол в день венчания и до возвращения молодых из церкви его не едят. Кроме калача, еще устраивают *гильце*. Делают его таким образом: берут небольшое деревцо, не выше $3/4$ аршина, но чтобы оно было ветвистое, и из теста, которое готовится для калача, режут тонко раскатанные узкие полоски, нарезанные с одной стороны в виде бахромы; этими полосками увивают все ветви деревца и его ствол, затем осторожно боком вдвигают в печь. Это гильце, когда оно уже готово, втыкают в середину калача и увешивают конфетами. Обычай устраивать гильце теперь уже почти вышел из употребления у казаков, и его замещает ветка самодельных бумажных цветов.

ВЕНЧАНИЕ

Утром в день венчания невеста выходит на крыльцо *голосить*, и чем громче невеста голосит и жалобнее причитает, тем она больше заслуживает похвал и уважения соседей. Когда она, по мнению подруг, достаточно наплачется, ее вводят в горницу и успокаивают, а невеста всех подруг по очереди обнимает и продолжает причитать, пока не обнимется с каждой, а девушки в это время ей поют песни, такие например:

1

Зиму и лето сосенушка зелена,
 Всю неделю Аннушка весела,
 Весела-веселехонька ходила,
 В субботу русу косу чесала,
 В воскресный день к венчанию шла, плакала:
 «Жаль мне тебя, родной батюшка,
 Жаль мне тебя — остаются у тебя
 Мои все цветики аленькие:
 Рута, мята, пахучие васильки!
 Уставай же ты, родной батенька, раненько,
 Поливай мои цветики частенько —
 Утреннею и вечернею зарею горячею слезою!»

2

У нас нынче рано
Сине море грало,
Девка потопала,
Ручки подавала;
А в руках ширинки
Не шиты, не мыты,
Не катаны, не латаны,
Суровы, не белены!
«А кто меня вынет
Из синего моря,
За того замуж пойду!»
Кидался, бросался
Старый, бородатый,
Он век неженатый.
«Ключом на дно пойду —
За старого замуж не пойду!»

У нас нынче рано
Сине море грало,
Девка потопала,
Ручки подавала;
А в руках ширинки
И шиты, и мыты,
И катаны, и латаны,
Не суровы, побелены!
«А кто меня вынет
Из синего моря,
За того замуж пойду!»
Кидался, бросался
Молодой Ивана,
Холост-неженатый.
«Пером наверх пойду —
За Ивана замуж выйду!»

3

Гáлушка по садику летала,
Она вишенья крылышком сбивала:
«Не жаль же мне вишенья во саду,
А жаль мне черного крылышка
Да того ли правíльного перышка!»
А и Аннушка по терему ходила,
Золотою цепочкою звонила,

Родимого батюшку будила:
 «Вставай же ты, батюшка родимый,
 Открой же ты окошечко, глянь на двор:
 У нас на дворе много князей и бояр!
 Глянь на двор: чи хорош, чи пригож
 Мой суженый средь них?»
 «Хорош, мое дитятко, лучше всех!»

Если невеста сирота, то она утром в день венчания идет с подружками на кладбище прощаться с умершими родителями; идут с водкой и хлебом; дорогою девушки поют песни, например такие:

1

Зеленая ты дубравушка!
 Чему у тебя сушья много,
 Зеленого да ни ёдного?
 Только один дуб зеленый,
 Да и тот без верхушки:
 Верхушку буря сломила,
 Буря сломила,
 Из коренья засушило!
 Ты, красная Аннушка!
 Чему у тебя роду много,
 А родного да ни ёдного?
 Только один родной батюшка,
 А матушка на том свете
 Стоит перед Господом,
 Навкрест ручки держит;
 Она Господа Бога просит:
 «Ой, Господи! Спусти Ты меня,
 Спусти меня с неба на землю!
 Хоть я на свою чаду погляжуся,
 Как моя чада снаряжена
 И на посад посажена!»

2

Вниз по Дунайку, по бережочку
 Там Аннушка чары мыла;
 Помывши чары, попускала;
 Попускавши, приговаривала:
 «Пльвите, чары, вслед за водою,
 А я за вами сама скоро буду
 К Божьему суду — к венчаньцу:
 Я буду венчаться и обручаться!

Придя на кладбище, невеста голосит на могиле с причитаниями; девушки тоже плачут, потом поливают водкою могилу и посыпают нарезанным хлебом. С кладбища также идут с пением, и поются те же песни. Придя домой, невеста готовится к приходу женихова дружка за дарами. Невеста обязана к венчанию подарить жениху все нижнее белье, сработанное ее руками; в свою очередь и жених присылает в день венчания через дружка свои подарки: материи на платье, платок, ботинки с калошами и мыло. После обмена подарками невесту начинают убирать к венцу; убирают ее мать, сестры, подруги, сваха и старшая дружка. На невесту надевают все новое, плетут ей косу и на голову надевают венок из цветов или шелковый платок. Когда невеста совсем убрана, ей набрасывают на шею *серпанок* (кисея в 3 аршина длины) и выводят ее в чистую горницу. Здесь, в ожидании выхода невесты, находятся родственники; сюда же приходят отец и мать невесты для благословения. Как только невеста входит в горницу, отец берет в руки икону, а мать хлеб-соль; невеста с плачем кланяется до трех раз в ноги отцу и говорит: «Простите, благословите идти в Божий путь!» Отец отвечает: «Бог простит и благословит». Невеста целует икону, потом с плачем обнимает отца и целует его. То же самое повторяется при благословении матери. После того, как благословят отец и мать, икона и хлеб-соль переходят по очереди ко всем родственникам, и невеста прощается со всеми так же, как и с родителями.

Во время благословения девушки сидят рядом на *посаде* (передний угол), и у них дружка покупает место для невесты. Когда дружка просит девушек уступить место, то они ему отвечают: «Купи, тогда пустим». — «А сколько вам дать?» — спрашивает дружка. «Сто рублей денег и ведро водки», — отвечают девушки. Тогда дружка дает несколько копеек и бутылку водки. После выкупа невесту усаживают на посаде, а девушки по очереди подходят к невесте и прощаются с нею; около невесты садится ее меньшей брат, а если нет брата, то племянник или какой-нибудь родственник-мальчик, и начинается выкуп косы: брат берет нож и водит тупой стороной ножа по косе, угрожая отрезать ее; дружка покупает невестину косу также за несколько копеек и бутылку водки. После выкупа косы все присутствующие садятся обедать, кроме невесты, которая должна этот день поститься. В то время как в доме невесты происходит церемония благословения и прощания, в доме жениха также все готовится к венчанию; жениха одевают дядька и товарищи; на женихе тоже все должно быть чистое, ни разу не надеванное. Когда жених оденется, его вводят в горницу, приготовленную для свадебного пира, и начинается благословение, которое происходит почти так же, как и у невесты, с той только разницей, что жених не плачет. После благословения и прощания жених с дядькой, товарищами и родственниками идет в дом невесты, а отец и мать жениха остаются дома. Дорогою бабы поют песни. Вот одна из них:

Платок. Начало XX в. Москва

А из поля, поля чистого,
 Со того двора со Иванова
 Выступало войско великое!
 Ко тому двору к Аннину,
 Ко высокому терему Прохоровны
 Приступало войско великое!
 Вышел-выходил ее батюшка,
 Великому войску отказывал:
 «Великое войско, отойди от двора!
 У меня девица не сготовлена:
 И не шито, и не мыто,
 И не катано, и не латано,
 И в сундук не сложено,
 И замком не замкнуто!»

Выступало войско великое
 Ко тому двору к Аннину;
 Вышел-выходил ее батюшка,
 Великому войску приказывал:
 «Великое войско, приступи ко двору!
 У моей девицы все сготовлено:
 И пошито, и помыто,
 И покатано, и полатано,
 И в сундук сложено,
 И замком замкнуто!»

Подойдя к дому невесты, гости начинают стучать в ворота (ворота к этому времени должны быть заперты) и кричат: «Пустите обогреться!» (обычный возглас пришедших). Их долго не пускают и просят выкупа; даются снова деньги и водка. Со двора жениха вводят в сени, которые предварительно тоже покупаются, и там жених остается, пока за ним не придет дружка; потом, введенный дружкой, жених останавливается у порога, а дружка спрашивает у присутствующих: «Дозволите жениха ввести в курень?» — т. е. на посад. «Бог благословит», — отвечают ему. «Бог благословит Божье творить», — говорит дружка и усаживает жениха на посадке рядом с невестою. Через несколько минут дружка встает и испрашивает благословения идти к венцу. Жених и невеста встают и кланяются во все стороны; потом сваха и дружка дают им платок; за один конец платка берется жених, а за другой невеста; впереди их идет подсвашка с караваем, рядом с невестою сваха, в руках которой должна быть та икона, которой благословлял отец невесту; около жениха идут дружка и дядька, а за ними родственники и девушки; последние провожают только до церкви. Дорогою все кланяются встречающимся на улице; при этом жених сам не снимает шапки, а за него всякий раз это делает дружка. Когда кланяются, то обязательно при этом крестятся. Всю дорогу до церкви бабы поют песни:

«Зеленая дубровушка,
 Чему ты рано зашумела?»
 «Не сама я зашумела —
 Шумнули мною буйные ветры,
 Буйные ветры, лютые морозы!»
 «А ты, молодая Аннушка,
 Чему, молода, замуж идешь?»
 «Не сама я замуж иду —
 Отдает меня родной батюшка,
 Отдает, заключает!»

Эту же песню поют и при возвращении молодых из церкви; поется эта песня жалобно и протяжно. Если жених или невеста порченые, т. е. страдают припадками, то родители просят церковного сторожа ударить в колокол по покойнике в то время, когда жениху и невесте наденут венцы; перезвон бывает только один; есть поверье, что это вылечивает болезни. После венчания люди богатые просят священника и весь причет за особую плату (5 рублей) проводить молодых в венцах домой и благословить; в таких случаях идут все из церкви уже без пения. Впереди идет священник с причетом, за ним молодые в венцах, окруженные роднею, и у всех зажженные свечи. После благословения священник уходит, и начинается веселье.

Когда молодые, по возвращении из церкви, входят в ворота, перед ними зажигают охапку соломы, через которую они должны перешагнуть; в это время бабы пляшут и поют:

Будь, невестка, богата,
 Будь, невестка, счастлива;
 Богата — как земля,
 Счастлива — как вода!

Или:

Ой, матушка-утка,
 Поворачивайся швудка!
 Сын-сокола едет,
 Соколушку везет,
 В поле работницу,
 В доме кукобницу!

Когда молодые вступают на порог дома, их осыпают из решета хмелем, деньгами, конфетами, а родственникам бросают *шишки* (особое печенье); потом молодых благословляют иконой и хлебом-солью, а затем сажают на посад; каравай и икону, принесенные из церкви свахою и подсвашкою, ставят в святой угол на особом столи-

Шкатулка. XIX в.
Русский СеверСундучок-теремок.
XVIII в. Русский
Север

ке. Молодой и дружка все время остаются в шапках вплоть до повивания молодой.

Когда все усядутся, начинают обносить водкою, и обносят до трех раз; после того как все выпьют по третьей рюмке, сваха встает и спрашивает благословения у дружка повить молодую; говорит сваха так: «Господин дружка, благословите молодую княгиню повить!» Дружка отвечает: «Бог благословит». После этого сваха снимает с молодого и дружка шапки, одну надевает на себя, а другую на подсвашку, потом снимает с шеи молодой серпанок, передает его дядьке и подсвашке, и те держат его за концы против молодой, чтобы закрыть ее во время церемонии повивания от взоров присутствующих. Сваха же, снявши серпанок, расплетает косу молодой и разделяет волосы на две равные пряди; из одной пряди косу плетет сама сваха, а из другой подсвашка; молодая в это время горько плачет. Когда косы заплетены, их укладывают на голове и надевают *шлычку* (бабья повязка); молодая до трех раз должна сбрасывать с себя шлычку; наконец, когда шлычка уже совсем надета, сваха покрывает голову молодой платком, затем берет серпанок и закрывает ей лицо; потом молодой подносят зеркало, предлагая полюбоваться; молодая с плачем отворачивается, сваха в это время поет:

Покрыванка плачет,
 Покрываться хочет,
 Не так покрываться,
 Как целоваться!

При последних словах свахи молодой целует молодую. Тут же поется и другая песня:

Коса моя, косушка,
 Коса русая!
 Вечор эту косушку
 Сестрица плела;
 Приехала свашенька
 С новá города,
 Почала эту косушку
 И рвать, и метать,
 Надвое заплетать!

После того как молодой повьют голову, дружка встает и говорит, обращаясь ко всем: «Благословите молодого князя и княгиню отвести на покой!» Ему отвечают: «Бог благословит». Молодые встают и в сопровождении свахи и дружка идут в особую горницу

или *пуньку* (теплый сарайчик); там дают молодым ужин, потом укладывают их спать и возвращаются к пирующим. Когда раздается выстрел из спальни молодых, сваха и дружка опять идут туда *поднимать* молодых; поднявши, снова возвращаются к гостям, на этот раз уже с песнею:

Темного лугу калина,
Доброго роду детина!
Хоть она по ночам и ходила,
При себе разум носила!

С этой песнею сваха подходит к калачу и начинает его украшать красными лентами, цветами и конфетами; помимо этого, все, что находится на столе: тарелки с кушаньями, бутылки водки, деревянные чашки, рюмки, — все это тоже убирается свахой и дружкой красными лентами и бумажными цветами. Затем сваха и дружка собирают всех гостей и идут в дом матери молодой поздравлять ее; по дороге поют все ту же песню. В доме родителей молодой все гости пляшут, поют и прыгают с лавок; их там угощают водкой; после этого все снова возвращаются в дом молодого ужинать. Перед ужином дружка режет калач, оделяет им всех гостей, и начинается общее веселье; веселье же это заключается главным образом в непомерном истреблении водки и в пении непристойных песен. Молодые здесь не присутствуют. И так продолжается до рассвета; потом все расходятся, чтобы на другой день снова идти к молодым на *дары*.

ДАРЫ

На дары опять собирают всю родню, как молодого, так и молодой, и идут все вместе звать родителей молодой, при этом поют следующие песни:

1

Буйны ветры уставали,
Воротицы отворяли!
Прохорушке¹ журьба, журьба,
Ивановичу великая:
Черная курва со двора сошла
И с шубками, и с юбками,
И с браными скатертями,
И с долгими рушниками,
И с шитыми ширинками!

¹ Имя отца молодой.

Буйны ветры уставали,
 Воротицы отворяли!
 Григорьюшке¹ радость, радость,
 Петровичу великая:
 Черная курва во двор взошла
 И с шубками, и с юбками,
 И с браными скатертями,
 И с долгими рушниками,
 И с шитыми ширинками!

2

Ой, добрая годинушка настала:
 Аннушка по батюшку послала,
 Григорьевна по матушку послала,
 Запрягали семеро коней, восьмой воз,
 Девятого повозничка, чтоб привез,
 Чтоб привез моего батюшку на славу,
 Чтоб привез мою матушку на утеху,
 На честную похвальную беседу,
 Да не так честно, как радостно слушать!

Когда приходят родители новобрачной, их встречает молодой, вводит в дом и там благодарит тещу и кланяется ей в ноги. Потом дружно режет каравай на мелкие кусочки, чтобы хватило для всех, а молодая берет поднос, ставит на него рюмку водки, кладет рядом подарок с кусочком каравая и с поклоном подносит прежде всего свекрови; свекровь пьет водку, берет подарок, а кусочек каравая крошит и этими крошками обносит всех гостей. После свекрови молодая подносит подарок свекру, а затем всей мужниной родне, пока не обнесет всех подарками; при этом все, получивши подарки, также делятся кусочком каравая, как это делала свекровь. Затем молодой обносит подарками женину родню, но каравай уже не раздается. Дарят все, что лишь только можно, начиная с рубашек, полотенец, скатертей до телят, жеребят, поросят, мешков проса, муки и т. п. На дарах тоже пьют много водки, но гости долго не остаются.

¹ Имя отца молодого.

КАРАВАЙ

Вечером того же дня молодые угощают у себя девушек караваем. К этому времени все старшие уходят из дома. К приходу девушек молодая накрывает стол, ставит угощение и режет каравай. Когда приходят девушки, их встречает у дверей молодой; с каждой вошедшей девушкой он *витается*¹ из полы в полу и целуется, потом молодой с девушками садится за стол, а молодая обносит их водкою, потом делится каравай, и здесь молодая в первый раз начинает петь песни с девушками. Эти песни уже не свадебного характера, а обыкновенные, которые поются и на гуляньях, такие, например, песни:

1

Выйду я на улицу,
 Выйду на широкую,
 Вдарю я в ладоши,
 Вдарю в звончатые;
 Звенят мои кольца,
 Звенят золотые;
 У ворот стоит свекор,
 У ворот стоит лютый:
 «Помалу, невестка,
 Помалу, молода!
 Не выбей, невестка,
 С сапожек подковы,
 С перстенька глазочка,
 С перстня золотого!»
 «Не ты ж мне купил,
 Не твой сын подарил,
 А купил мне батюшка,
 Подарила матушка,
 Людям на похвалу,
 А мне на покрáсу,
 Молодому человеку
 До самого веку!»

2

Из поля из чистого
 Ветер повеваает,
 Алешенька Михайлович
 Коника седлает;

¹ Здоровается, подавая руку. В данном случае он обертывает руку в полу верхней одежды; то же делают и девушки.

Марьюшка Ивановна
Вышла да пытается:
«Алешенька Михайлович,
Ты далече ль едешь?»
«Не далече, не далече —
В чужую сторонку,
В дальнюю дорожку!»
«Алешенька Михайлович,
Возьми меня с собою,
Назови женою,
Назови меня женою
Своей, не чужою!»
«Марьюшка Ивановна,
Коляски маленькие,
Что коляски-то маленькие,
Коники пужливы!»
«А я сяду во задочку,
С тобою в рядочку!»

3

За Кубанью огни горят,
А все темновые,
Во кузнице кузнечики,
А все молодые,
Хотят ковать,
Хотят ковать
Ивановых коней;
Ивановы кони
Не умеют ходить,
Свою буйную головушку
Не умеют носить:
Что ни стукнут,
Что ни брязнут,
Подковушки брязь, брязь —
Авдотьюшка Михайловна
В окошечко глядь, глядь:
«Чи не мой то Иванушка
По улице едет,
Чи не мой то Иванович
На вороном коне?
Под им коник,
Под им коник
Как пчелка летает;
Уж я его, уж я его
По платью вгадаю:

Фрагмент свадебного «посыльного» полотснца. Е. В. Стручкова. Тверская область

На ём платье,
 На ём платье
 Как солнце сияе,
 На ём шапка,
 На ём шапка
 Что мак расцветает!»

4

«Ах ты, Груня, ах ты, Груня,
 Груня — ягода моя,
 Веселая голова!
 Где гуляла, где была?»
 «Я не ела, не пила,
 Все веселая была:
 В полночь по воду ходила,
 Кувшином воду брала,
 Под забором воду лила,
 Все и с Ванею пила;
 Меня матушка бранила,
 Что Ванюшу полюбила
 И далече проводила —
 До зеленого лужка,
 До крутого бережка!
 Пойдем, Ваня, во садочек,
 Сорвем аленький цветочек
 Да завяжем у платочек!»
 Стал цветочек засыхать,
 Ваня Груню спокидать!
 «Распроклятая ты доля,
 Доля Грунюшкина,
 Воля матушкина!»

5

Ты, яблонка садовая,
 Кора золотая!
 Туда и шла Аннушка —
 Шкуру колупала;
 Оттуда шла Ивановна —
 Золото ломала;
 Там золотом,
 Там серебром
 Ковер вышивала;
 Как тем ковром,
 Как тем шитым

Все свекра дарила:
 «Ты, свекрушка, мой батюшка,
 Прими мои дары,
 Мои дары не большие —
 Ковры вышивные;
 А за этими коврами
 Сама скоро буду;
 У пятницу не поспею,
 В субботу не смею,
 В воскресный день,
 В воскресный день
 Ранешенько буду;
 Понравится ваша хлеб-соль —
 У вас заночую,
 Понравится Михайлушка —
 Я век навекую!»

На другой день после каравая снова собирается к молодым родня, но только самая близкая, с мелкими подарками для молодой (душистое мыло, разноцветные ленты, дешевые платочки и т. п.). Это посещение называется приходом *на шильце, на мыльце*. За принесенные подарки гости получают угощение, за которым долго не остаются, потому что им предстоит снова быть здесь вечером того же дня на последнем пире, устраиваемом молодыми.

Последнему пиру молодых предшествует (за несколько часов) хождение 5—6 ряженных по домам родственников новобрачных. Хождение ряженных совершается таким образом: собирается пять или шесть человек родственников, мужчин и женщин; мужчины переодеваются в женское платье, а женщины — в мужское или же наряжаются цыганами и в таком виде ходят по дворам родственников. В каждом дворе убивают или ловят курицу, потом заходят в горницу, пьют водку и идут дальше. Набравши достаточное количество кур, ряженные идут в дом молодых, отдают кур и помогают готовить ужин, на который тем временем собираются все остальные родственники и пируют до рассвета.

В следующие за тем дни устраивают у себя веселье для молодых дружок, сваха и родственники по очереди.

М. Василькова

ОБРЯДОВАЯ
ПОЭЗИЯ

*ЧУЖ-ЧУЖЕНИН,
А СТАЛ СЕМЬЯНИН*

ПРИЧИТАНИЯ
ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ
ПЕСНИ

Невеста:

ЛАГОСЛОВИ-ТКО, БОЖЕ-ГОСПОДИ,

Причитать меня, укладывать,
Погромчее выговаривать!
Ты бежи-тко, мой зычен голос,
Со устов да серым заюшком,
Со язычка горносталюшком
По пути да по дороженьке;
Ты не стой-ко, мой зычен голос,
Ты у рек за переходами,
У ручьев за перебрдами,
У полей за огородами,
А ты бежи-тко, мой зычен голос,
Во церковь во соборную;
Там ударь-ко в большой колокол,
Чтобы шел звон по Русиюшке,
Шла бы жалость по знакомым,
Чтобы знали люди, ведали,
Что я девушка просватанная,
Моя воля обневолена,
Нунь головка обзабочена!
Клали волюшку в неволюшку
Да сердечко в попеченьице!

«Посиделки». Фрагмент
прялки. Первая половина
XIX в. Архангельская
область

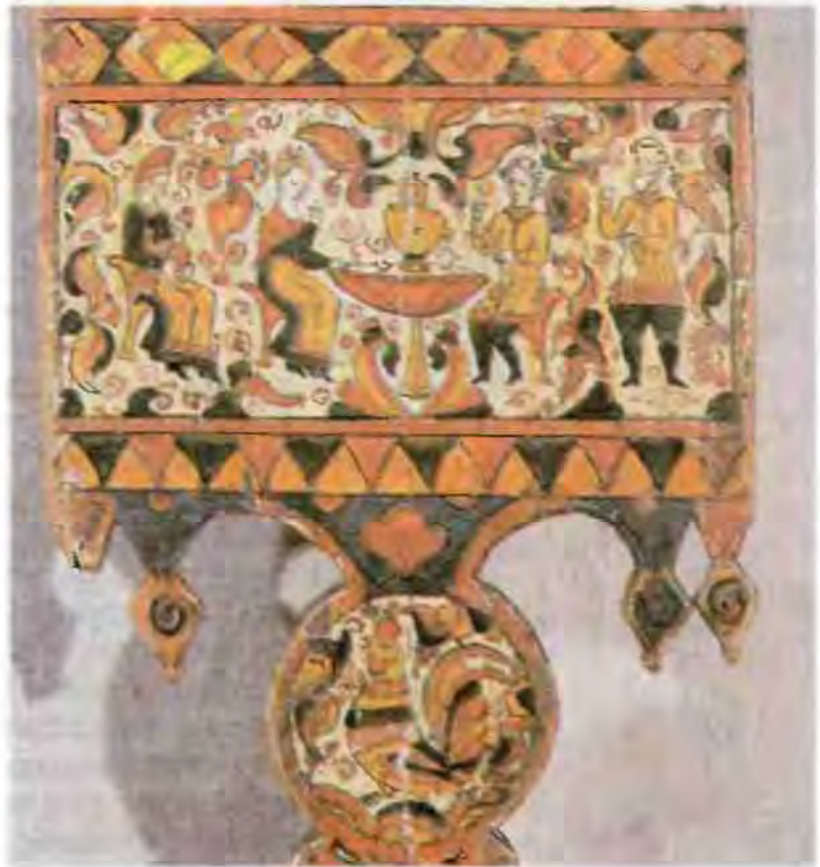
Прялка. Первая половина XIX в. Архангельская область

Отвернуться красной девушке
Во почетный во большой угол,
Там на стенку на лицевую,
На икону золоцовую!
Там светло светит топилище,
Там слезно Богу молилися!
Я глядела, красна девушка,
Я на стенку на лицевую,
Будто вороны слеталися,
А там два сватá съезжались
И там родной кормилец-батюшка
Пропивает мою волюшку!
Я спрошу, девка-невольница,
У кирпичной белой печеньки:
«Ты, кирпична печка белая,
Говори — не заговаривай,
Расскажи мне, не затаивай:
Среди да ночки темной
Кто огню был выдувателем,
Кто лучинки подавателем,
Кто светилу зажига́телем?»
Сама знаю, девка, ведаю,
У добротушки у матушки
Хорошо печка замазана,
Она крепко приказана:
Не расскажет мне-ка, девушке!
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться —
Выдувала огни тлящие
Доброта родитель-матушка,
Подавал-то лучинушку
Братец — красно мое солнышко!
Как у мила братца родимого
Была этая лучининка,
На болоте была ссечена,
За три года была смечена,
Помелку́ была расколота,
Почасту́ была расщипана,
На собаке домой вожена,
На трех грядочках дымленная,
Во трех печеньках сушенная,
К этой свадебке пасенная!
Зажигал да воскову свечу
Мой родной кормилец-батюшка!
Я пойду, да красна девушка,
На бросову белу лавочку,

«Катанье». Фрагмент
прялки. Первая поло-
вина XIX в. Архангель-
ская область

Под косивчато окошечко!
Как на брусовой белой лавочке
По сегодняшнему денечку
У сердечных родителей
Надо мной нунь что случилось,
В доме все переменялось!
По мне окошко запечалилось,
Все стеколка затуманились:
Не видать да свету белого
Под косивчатым окошечком!
Там была уличка плановая,
Там площадки сторублевые,
Там сады были зеленые,
Были яблони лазуревы,
Распевали птички-пташечки,
Там жупили соловеюшки:
У меня, у красной девушки,
Потешали мою волюшку!
А по сегодняшнему денечку
В саду яблони повянули,
В саду вишенки поблекнули,

«Застолье». Фрагмент
прялки. Первая поло-
вина XIX в. Архангель-
ская область

Захлебнулись птички-пташечки,
Задавились соловеюшки!
Охти, мнешенько тошнешенько!

Обращается к отцу:

Верно, мне, да красной девушке,
Мне одной думы не выдумать,
Вопотай речей не высказать!
Подо мной, под красной девушкой,
Нонько вдоль доска не ломится,
Поперек доска не колетя:
Надо выстать красной девушке,
Стать на резвые на ноженьки,
На сафьянные сапоженьки!

•

Где-то есть у меня, у девушки,
Где родной кормилец-батюшка?
В доме нет, так поищите-тко,
Во деревне поищите-тко,
Ко мне, к девушке, пошлите-тко!

Вы, родной кормилец-батюшка,
 Допустите красну девушку
 Не в первы́х меня, в последних
 Со бажоной вольной волюшкой!
 Не должна я на ногах стоять,
 Должна, девушка, в ногах лежать,
 Должна клубушком кататися,
 Должна червушком свиватися,
 До желанья добиватися!
 Ты, родной кормилец-батюшка,
 Пожалей-ка меня, девушку,
 Ты мою бажону волюшку!
 Я ведь дочь твоя бажоная,
 Твоя дочь была любимая!
 Ты, родной кормилец-батюшка,
 Я за ваше возвращеньице
 Отнесу благодареньице!
 Ты держал да меня, девушку,
 Во прекрасном во девочестве
 Будто крест да на бело́й груди,
 Будто перстень на право́й руки!
 У кормильца света батюшки
 Была словцем не огрублена,
 Я работкой не огружена,
 На гуляньи не задержана
 Что во праздничках годовых,
 Воскресеньицах Христовых!
 Были конюшки запряжены
 И извозчички налажены!
 Вот, родной кормилец-батюшка,
 Не прошу я, красна девушка,
 На судимую сторонушку,
 Я — ни на поле долиночки,
 Я — ни в доме половиночки,
 Только, родной кормилец-батюшка,
 Наделите меня, девушку,
 На судимую сторонушку
 Вы таланом меня, участью,
 Вы Господней Божьей милостью!
 Как родной кормилец-батюшка,
 Ты веди обидну свадебку
 Ты честно да свадьбу имянно!

Обращается к матери:

Где-то есть еще у девушки
 Где родитель моя матушка,

Тепла права моя пазушка?
 Где денна моя заступница,
 Где ночная богомольница?
 Она ночь Богу молилася,
 Днем от ветру становилася —
 Буйны ветрышки не веяли,
 Добры людюшки не баяли
 Про меня, про красну девушку!
 Охти, мнешенько тошнешенько,
 Мне-ка жаль воли тошнешенько,
 Жаль гораздо, обиднешенько!
 Ты, родитель моя матушка,
 Наклонись ко мне низешенько,
 Подойди ко мне близешенько,
 Обними меня крепешенько!
 Будет жаль тебе, тошнешенько:
 Я ведь дочь твоя родимая!
 Что родитель моя матушка,
 Ты, великое желаньице,
 Не сердитесь-ка, не гневайтесь
 На меня, на красну девушку,
 Не губите мою волюшку!
 Ножкой левой проступилася,
 Ручкой правой промахнулася,
 Девка Богу помолилася
 Во проклятое замужество:
 Я пошла, потом схватилася!
 Как родитель моя матушка,
 Во прекрасном девочестве
 Ты держала меня, девушку,
 Будто гостейку во горнице,
 Будто пташицу во клеточке!

Отцу:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Где-то есть мой жалостлив кормилец-батюшко
 И желаньице великое?
 Уж ты послушай, красно солнышко,
 Жалостлив кормилец-батюшко!
 Не ходи ты по новым сеням решетчатым,
 Уж не ступай, желанный батюшко,
 Ты во клеточку-перерубочек
 И в замчёну коробеечку!
 Уж не бери, желанный батюшко,
 Уж во леву руку свечку сальную,
 А во праву руку да воску ярого!

Уж ты не ставь, желанный батюшко,
Перед чудным да образом,
Да перед Мать да Богородицу!
Уж не давай правой ты рученьки
Злодею свату большему!
Да как тот сватушко злодеюшко
Он в терему да поклоняется,
А в сени выйдет — похваляется:
«Покорил отца я с матерью,
Поклонил я красну девушку!»
Уж ты скажи, кормилец-батюшко,
Уж я в чем да провинилась,
Уж я в чем да проступилась?
Уж я тебе была не трудница
Да тебе я не работница?
Уж я поючись и кормлючись,
Одеваючись и обуваючись
На вечерку отпускатися
И с вечерки запускатися,
Резвы ножки обуватися,
Белы плечики одеватися!
Или молодцы да принахвастали,
Красны девки-пустосмешницы
Надо мной да насмеялися?
Принаскучило тебе, кормилец-батюшко,
Про меня, про красну девушку?
Уж ты скажи, желанный батюшко,
Ты на что да принакинулся,
Ты на что да приобзарился?
Ты на доброе отечество,
На хорошо молодечество,
И на стоги перегодние,
Или на засеки окаченные,
Или на улётушек добрых коней,
Или на платьца на цветные,
Али на золоту казну учетную?
Уж у млада сына отецкого
Век отечества не видано
И молодечества не слыхано,
Нету стогов перегодниих
И засеков окаченных,
Нет улётушек добрых коней
И золотой казны учетныя!
Добры конюшки наемные,
Золота казна заемная,
Цветны платьца прошёные!

Уж поплати-тко ему, Господи,
 Злодею свату большему:
 Ступень ступить — нога сломить,
 На другу ступить — друга сломить,
 А в терему да пошатитися
 И головы с плеч отвалитися,
 Ему в кисель да задавитися,
 А в молоко да захлебнутися,
 Ему в дорожках заблудитися,
 А в тропинках замешатися,
 А хомутам да разорватися
 И саням да приломатися!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Ты, жалостлив кормилец-батюшко,
 У тя все ли были собраны
 На совет да думу крепкую?
 Ваша думушка часовая,
 А мне-ка жирушка вековая!
 Я сама да то я ведаю,
 Что не все да были собраны
 На совет да думу крепкую!
 У нас нету братилка родимого,
 Где же есть-то красно солнышко
 Да родимой-то мой братилко?
 Ты к самому царю да батюшку
 Ушел на службу на военную!
 Без тебя-то, мой ты братилко,
 Меня в неволюшку просватали!

Невеста:

Как у Николы у угодника
 Как не в колокол ударили,
 А у Покрова да Богородицы
 Не к обедне затрезвонили —
 Да мою волю подневолили
 И головушку да обзаботили!
 Да я сидела, красна девушка,
 На брусовой белой лавочке
 Под косивчатым окошечком,
 Охти мне, мне-ка тошнехонько!
 У моего кормильца-батюшка
 По сегодняшнему денечку
 Во честном да во большом углу
 Да за столами за дубовыми
 Сидят гости незнакомые —

Пряничная доска. XIX в. Московская область. Фрагмент

Всё купцы сидят торговые
Али скотины закупатели!
Уж я сама да знаю-ведаю —
Не гости-купцы торговые
И не скотины закупатели —
Моей воли загубители!
Уж я, душа да красна девушка,
Да что сидела, красна девушка,
Под косивчатым окошечком
Да я за пятами точёными,
Шила узорами мудренными:
Уж я шила волю золотом,
Расшивала волю серебром
И рассадила скатным жемчугом!
Прилетали ко мне, девушке,
Две птички, да две пташечки:
Орел-птичка ревучая,
Соловей-птичка свистучая;
Да орел-птичка накрикивал,
А соловей да выговаривал:
«Ты, душа да красна девушка,
Ты не шей-ко волю золотом,
Да не расшивай да волю серебром,
Да не сади-ко скатным жемчугом!»
Уж не посмела, красна девушка,
Поглядеть на свою волюшку:
Уж скоро волю подневолили
И мою головушку обзаботили,
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Я чего порой порассиделася,
Я на что поразгляделася —
На широкою на улицу,
Да на почтовую дороженьку,
Да на сады да на зеленые
И на яблочки медовые?
Да мне сидеть — не отсидетися,
Со стеной думы не выдумать,
Запотай да слов не выбаять
И за рукав да слез не выронить,
Да, видно быть, да пристыднитися
И принародно прослезитися!
Уж мне стенишка — не думщица
И коробейка — не советница,
А мне совет да дума крепкая
Да жалостлив кормилец-батюшко
Да доброта желанна матушка!

Невеста:

Уж вы отстаньте, светлы платьица,
 Да от брусовой белой лавочки,
 А шелковы косоплеточки
 От косивчата окошечка!
 Уж мне повыстать было, беднушке,
 Со брусовой белой лавочки
 Да на резвые на ноженьки
 И на сапоженьки козловые,
 На закаблучки да на строченые,
 На гвоздочки шоломчатые,
 На чулочки на бумажные!
 У меня, у красной девушки,
 От сапожков ножки ломаются,
 От гвоздочков ножки колются,
 А от чулочков ножки тонятся!
 Уж пойти-ка мне, невольнице,
 Из прилуба запирённого,
 Из чулана заключенного!
 Спасибо, малое безлюдьце
 И тихое уютоньце,
 Уж сберегало меня, девушку,
 От летнего прохожего
 И от зимнего проезжего!
 Мне пойти было, невольнице,
 Да во високу нову горенку,
 Да во палату сановитую!
 Призавернуть мне, красной девушке,
 Да к кирпичной белой печеньке
 И к муравчату жараточку!
 Да ты скажи-тко, печь кирпичная,
 Кто огню был выдувателем
 Да кто свечи был зажигателем?
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Мне не скажет печь кирпичная,
 Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем!
 У моей доброты-матушки
 Плотно печка призамазана
 И крепко печке приказано,
 Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем!
 Где-то есть у мя, у девушки,
 Старушки стародавние
 И большушки старопрежние!

Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем?
 Охти мне, мне-ка тошнешенько,
 Душе да красной девушке!
 У моей доброты-матушки
 Старушки стародавние
 И большушки старопрежние —
 Они кваском да призапоены
 И пирогами призакармлиены,
 Мне не скажут, красной девушке,
 Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем.
 Охти мне, мне-ка, победнушке!
 Где-то есть у меня, у девушки,
 Да души да красны девушки
 И подружки мои милые!
 Уж вы скажите, красны девушки,
 Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем?
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Мне не скажут красны девушки:
 Да у моей доброты-матушки
 Души да красны девушки
 Они чаем призапоены
 И кренделями призакармлиены!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Я сама да знаю, ведаю,
 Кто огню был выдувателем,
 А кто свечи был зажигателем!
 Подает сестра лучинушку,
 Подвела ко мне кручинушку:
 Выдувала огонь матушка,
 А зажигал да свечку братилко,
 А по рукам ударил батушко!
 И порастроньтесь, люди добрые,
 Пораздвиньтесь, православные:
 Женский пол да на праву руку,
 А мужской пол да на леву руку!
 А вы, старушки, во печной угол,
 А старички да во дверной угол,
 А красны девушки по лавочкам,
 А молодницы по скамеечкам,
 А плясать да на новы сени,
 А песни петь да на крылечушко,
 А мячевой игрой на улицу,
 А в картежну — ко соседушку!

Пропустите красну девушку
 Во честно место — большой угол!
 Во честном месте — большом углу
 За столами за дубовыми
 Уж не два ворона слетаются
 Да не два воина съезжаются:
 Уж тут два сватушка схожаются
 И родня у них заводится!

Невеста матери:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Уж где-то есть моя доброта желанна матушка?
 Подойди-ко, красно солнышко,
 Ты скажи, желанна матушка,
 Да все ли были собраны
 На совет да думу крепкую?
 Ваша думушка часовая,
 А мне-ка жирушка вековая!

Мать невесте:

Уж я не смею приосмелиться,
 Не смею принакинуться
 На твои плечи томливые!
 Что сегодняшнему дёнечку,
 Сегодняго Господнего
 Какое диво сдивовалось,
 Какое чудо сдивовалось:
 Сидят гости незнакомые
 Во честном да во большом углу!
 Они чего дожидаются —
 Да не тебя ли, красна девушка?
 Тебе чего да принаскучило
 У твоего кормильца-батюшка?
 Мы ходили красовались
 По трудным работушкам,
 По полям да по широкиим
 Да по лугам да по зеленыим —
 Все тобой да заменялася,
 Где трудней была работушка!

Невеста брату:

Уж ты, братилко, ты — солнышко!
 Я пошла, да красна девушка,
 Да во проклятое замужество
 Из-за твоей жены законная,
 Из-за моей сестры богоданная!

Я пошла, да красна девушка,
 Я во проклятое замужество:
 Я все ей да заменялася,
 Все ей да возвышалася!
 Тебе спасибо, мой ты братилко,
 Ты справил красну девушку
 Да в несчастное замужество!
 Я не работы побоялася
 Да не детей я испугалася,
 Я жила-красовалася
 У любимого у братилка:
 Я работой не загружена,
 Я за волюшку не ругана,
 И не боялася я, бедная,
 Я твоей жены законная,
 А моей сестрицы милья,
 Была первая заступница —
 Твоя жена законная!
 Ты скажи-тко, братец-солнышко,
 Про чужу дальню сторонушку:
 Я теперь-то спохватилася —
 Я чего поторопилася?

Невеста сестре:

Да ты скажи-тко, ты, сестриченька,
 Да все ли были собраны
 На совет да думу крепкую?
 Ваша думушка часовая,
 А мне-то жирушка вековая!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Да я сама да знаю-ведаю!
 Ты, родимая сестриченька,
 Уж ты где, подружка милая,
 Где ты ходишь и туляиси
 И на глаза мне не являиси?
 Уж мы жили-красовалися
 По беседушкам по ранним,
 И по вечерочкам по поздним,
 И по работушкам по трудным,
 По годовым да по праздничкам —
 Всё ходили красовалися
 Как с тобой, сестрица милая!
 Уж вспоминай-ка меня, беднушку,
 Да у тяжелой у работушки,
 У веселых гуляньицах!
 Вспоминай-ка меня, беднушку,

Подневольну красну девушку!
И не тебя я побоялася,
И не тебя я испугалася,
Да я пошла, да красна девушка,
Во проклятое замужество!
Я теперь да спохватилася —
Я чего поторопилася?

Невеста замужней сестре:

Уж скажи-тко мне, сестрица богоданная,
Да все ли были у вас собраны
Да на совет да думу крепкую?
Ваша думушка часовая,
А мне-ка жирушка вековая!
Да ты, сестрица богоданная,
Ты скажи-ка мне-ка, беднушке,
Про чужу дальню сторонушку,
Как ты жила-обживалася
У богоданных родителей
И круг кого да обвивалася?
Уж богоданная сестриченька,
Уж не тебя я побоялася
И не тебя я испугалася,
Да я пошла, да красна девушка,
Да во проклятое замужество!
Я теперь да спохватилася —
Я для чего поторопилася?

Замужняя сестра невесте:

Уж ты, подружка моя милая,
Да на чужой да на сторонушке
Надо силушка звериная,
Могота да лошадиная,
Поскок да сера заюшка,
Поворот да горностаюшка!
Да на чужой да на сторонушке
Весело жить — не смеяться,
Кручинно жить — да не плакати!
А ты по лавкам не посиживай,
И в окошко не поглядывай,
И подружкам своим милым
Про богоданных не рассказывай!
Тихо ходишь — да ленилася,
Круто ходишь — заспешилася!
А в чужой дальней сторонушке
Есть полочки высокие
И латочки глубокие!

Невеста родителям:

Чего век-то я не думала,
Отродесь своих не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадет невзгодушка!
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту!
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались!
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы
Я ни в летней-то работушке,
Я ни в зимнем обряжаньице!
Я слуга была всем верная,
Была верная я ключница!
Вот уже, мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь!
Пора-время приобойдется,
Народ-люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,
С терема гости разойдутся;
Как пройдет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки,
Все отхожие, тяжелые;
Как пойдут да люди добрые
На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
Со казакками, с казачихами,
С дочерями — белыми лебедями!
Уж как мой кормилец-батюшко
И кручинная моя матушка
Пойдут одни-то одинешеньки
На отхожую работушку!

Государыня моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко:
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки,
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего-то зычна голоса
Как по-старому, по-прежнему!
Ты вспомни да повспомняни
На чужой меня сторонушке —
Мне йкнется легошенько,
Мне вздохнется тяжелешенько!
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспоминает кручинна матушка
На родимой на сторонушке:
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки!
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего-то зычна голоса!
Как кручинная-то матушка
Обольется горючим слезам:
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушке!
Ты подумай, тепла пазушка:
А в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не выдаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители, —
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалося,
Как пчела в меду купалася!
Я не знала, красна девица,
Как ни раннего вставаньца,
Как ни позднего лежаньца,
Ни грубого побужденьца;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, полегосеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Все дела у нас не деланы,
Все работы не работаны!»
Уж я встану, молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокого зголовьца,

Девичий кокошник. XIX в. Нижегородская область

Погляжу я, красна девица:
 Все дела у ней приделаны,
 Все работы приработаны!
 Как подумаю, красна девица,
 Про чужую-то про сторонушку —
 Сердце кровью приобольется,
 Живот камнем перевернется!
 А просплю-то, красна девица,
 Со девичьей воли вольныя
 До зари-то, до белóго дня,
 До восхода красна солнышка!
 Как заходят злы чужи люди,
 Закричат-то по-звериному,
 Зашипят-то по-змеиному:
 «Ты вставай, вставай, сонливая,
 Пробуждайся-тко, дремливая!
 Все дела у нас приделаны,
 Все работы приработаны!»
 Как я встану, молодешенька,
 Я со мягкой со постелюшки,
 Со высокого зголовьица,

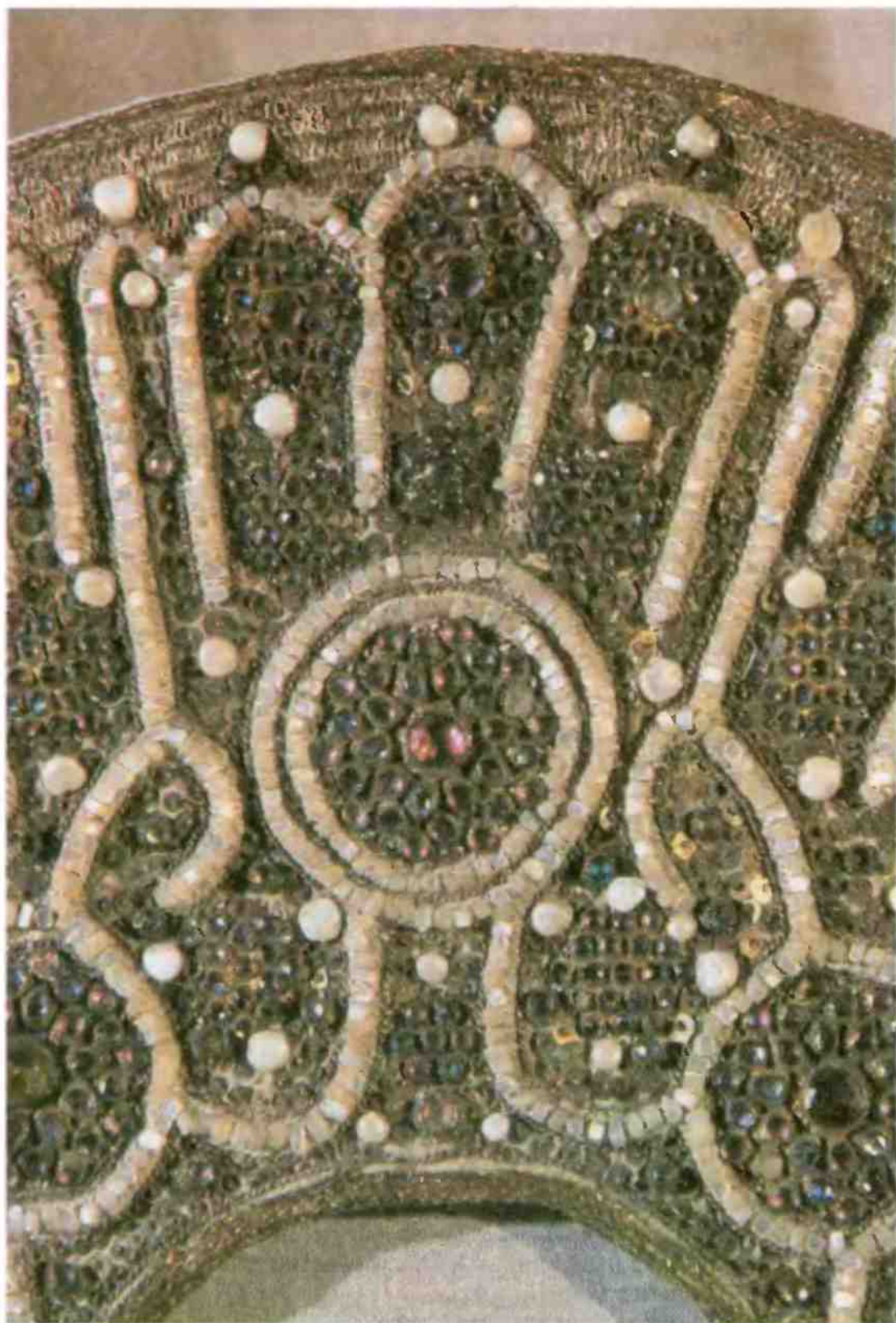
Приумою лицо белое
Не водой да не ключовою,
А своими-то да горючим слезам,
Я утру-то лицо белое,
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честном дому,
У кормильца-то у батюшки,
У родители у матушки:
Не волна ли то взволновалася —
Чужи люди взбунтовались!
Какой шумит сват злодей большой
Со кормильцем-то со батюшкой,
Со кручинною со матушкою:
У них сватовство заводилося,
Рукобитьице сочинялося!
Не спеши, кормилец-батюшко,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы-то за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные!
Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые,
Во батюшкову сторонушку:
Все-то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну красоту!
Мне дай, да красной девице,
Да повыйти да повиступить
На широкую на улицу,
Опустить да свой зычен голос
Что на все четыре стороны:
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьице!
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные!
Не могли, столы, отодвинуться,
Браны скатерти, завернутися!
Бог судья вам, хлебы ситные, —
Не могли вы откатитися!
Бог судья, свеча восковая, —
Не могла ты закратитися!

Невеста отцу, матери:

Кормилец ты мой батюшка,
 Родимая ты моя матушка,
 С кем вы такую думушку вздумали,
 С кем вы такую великую сгадали? Ох...
 Заключение мою головушку в чужие люди,
 Ох-хо-хо-хо-хо...
 К чужому отцу-матери, ох...
 Как я буду в чужих людях жити, о-о-ох...
 Как я буду чужим людям угождати, о-о-ох...
 Чужому отцу-матери услужати? О-о-ох...
 Угодушка моя будет не в угоду, о-о-ох...
 Услуга моя будет не в услугу, ох...
 Чужого отца-матери куда пойдешь — спросишься,
 Откуда придешь — объявишься! О-о-ох, хо-хо-хо...
 Матушка ты моя, нежна волька,
 Жизнь девичья, о-о-ох...
 Отнежилась ты теперь, отнежилась, о-о-ох...
 У своего кормильца-батюшки,
 У своей желанницы-матушки!
 О-ох, хо-хо-хо-хо...

Мать ей отвечает:

Дитяtko ты мое милое, о-о-ох...
 Дитяtko ты расхорошее, о-о-ох...
 Слуга ты была моя верная, о-о-ох...
 Слуга ты моя безответная, о-о-ох...
 Посол ты мой был безотказный, о-о-ох...
 А теперь ты, моя чада милая,
 Моя чада расхорошая, о-о-ох...
 Мы задумали тебя
 Заключение в чужие люди, о-о-ох...
 Дитяtko ты мое милое,
 Дитяtko мое расхорошее, ох...
 В чужих людях ты будешь жити,
 Чужому отцу-матери будешь угождати,
 О-ох, хо-хо-хо-хо...
 Угождать и услужати!
 Угодушка твоя будет не в угоду
 И услужишка не в услугу, ох...
 Куда пойдешь — спросишься,
 Откуда придешь — объяснишься, ох...
 Дитяtko ты мое милое,
 Дитяtko расхорошее,
 Отнежилась ты теперь, отнежилась!
 Ох, хо-хо-хо-хо...

Фрагмент девичьего кокошника. XIX в. Нижегородская область

Мать невесте:

Что у меня, беднушки,
 Да не встает да дочь любезная,
 Она спит да не по-старому,
 Да она спит да не по-прежнему!
 Ты ставай-ка, дочь любезная,
 Уж ты, подруженька моя милая,
 Уж ты повыстань-ко, голубушка!
 Душа да красна девушка,
 Полно спать да высыпаться,
 Пора время пробуждаться!
 По селам всё петухи поют,
 А по избушкам печки топятся,
 А по церквам да Богу молятся,
 А по часовенкам спасаются!

Невеста:

Будет спать мне высыпаться,
 Надо встать да пробуждаться!
 По сегодняшнему дёнечку
 Среди да ночки темной
 Подневольна красна девушка
 Мало спала — много видела!
 Мне ночесь во сне казалось,
 Будто я, да молодешенька,
 В темном лесе одишенька,
 В темном лесе я, во ельничке,
 Я со ельничка в березничек,
 Я с березничка в осинничек,
 Подневольна красна девушка!
 В этом горьком осинничку
 Стоит маленька избушечка,
 Небольшая фатерушечка:
 Долотом двери продолблены,
 Там сверлом окна просверлены,

Решетом свету наношено!
Я зашла тут, красна девушка,
В эту маленьку избушечку,
У порога там, на лавочке,
Там орел да со орлятами,
Во печном углу на лавочке
Там волчиха со волчатами,
Во почетном во большом углу!
Там зима стоит холодная
Со крещенским морозами,
Леса темны всё вилавые!
Застрашило красну девушку,
Я проснулася, невольница!
Да где-то есть у меня, у беднушки,
Братец — красно мое солнышко!
Ты возьми-ка, братец-солнышко,
Ворона коня неезжена,
Плетку нову неосвистанну,
Съездите, пожалуйста,
Вы за Осипом Прекрасным,
За сонным да рассудителем,
Добрим людям рассказителем!
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Вы, сердечные родители,
Вы, подруженьки мои милые,
Задушевные красны девушки,
Становитесь ко головушке
Вы кругом да меня около!
Я сама вам сон пороссужу,
В добры людишки поросскажу:
Эта маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка, —
Там судимая сторонушка,
Она темная, угрюмая!
У порога там, на лавочке,
Не орел там со орлятами,
А свекор со деверьями;
А во печном углу на лавочке
Не волчица со волчатами,
А там свекрова со золовками;
А во почетном во большом углу
Не зима стоит холодная,
А там млад отецкий сын!
Там не лесушки вилавые,
А живут людишки лукавые —
На судимой на сторонушке!

Невеста:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Меня, да красну девушку,
По сегодняшнему дёнечку
Задорочили и забаженили!
Уж нынь не будят красну девушку
Ни петушки дворовые,
Ни церковные служители,
Ни монастырские спасители
И ни желанные родители!
Уж пришла маменька, побудила:
Левой рученькой раскутала,
Правой рученькой закутала,
По головушке погладила,
Моей волюшке поладила,
Мне обидушки прибавила:
«Уж ты спи-тко, дочь любимая,
Высыпайся, одинокая!
Проспишь волюшку ты вольную,
Наспишь великое безвольице!»
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Да мне, душе да красной девушке,
Мне ночесь да мало спалось,
Да во снах много казалось!
Что скрозь мою кровать тесовую
Проросла трава шелковая,
А скрозь перинушку пуховую
Расцвели цветы лазоревы,
Уж супротив сердца ретивого
Уж зима стоит холодная,
А за моим крутым зголовьицем
Гора стоит высокая,
Да на горы да на высокия
Стоит да дуб крякновистый,
А на дубу да на крякновистом
Сидит да млад сизой орел!
Он в когтях держит лебедушку,
Ту лебедушку пощипывают,
Во сыру землю покидывают!
Уж где-то есть у мя, у беднушки,
Жалостлив кормилец-батюшко?
Уж ты дай-ко, красно солнышко,
Добра коня неезжена,
А новы саночки некатаны,
А вязову дугу невпряженну

И нову плеточку нехлыстану
 Да извозчичка молодого,
 Голубочка сизокрылого —
 Мне-ка братилка родимого!
 Пусть-ко съездит, голубчик-братилко,
 Да по Осипа Прекрасного,
 По Ивана Волосатого:
 Пусть-ка мой сон да порассудят
 И в добры людюшки порасскажут!
 Охти мне, мне-ка, победнушке
 Да подневольной красной девушке!

Шкатулка для швейных принадлежностей и фрагмент XIX в. Архангельская область

Я сама да сон порассужу
 И в добры людюшки порасскажу!
 Мимо мою кровать тесовую
 Не речка текла быстрая —
 Судимая сторонюшка,
 Мои да горючи слезы!
 Скрозь перинушку пуховую
 Не трава росла шелковая,
 Не цвели цветы лазоревы —
 Все деверья со золовками!
 За моим крутым зголовьицем
 Да не дуб стоит крякновистый,
 Тут сидит да не сизой орел,
 В когтях держит не лебедушку,
 А мою бажону волюшку!

Невеста подружкам:

Вы вставайте-тко, сонливые,
 И пробуждайтесь, дремливые.
 По дворам да пеуны поют,

По избам да печки топят,
 По горницам девки моются!
 Вы, мои миленькие подруженьки,
 Мне скажите, белы лебеди,
 Как ночесь да в темну ноченьку
 Вам спалось ли, дремалось
 И во снях ли что приснилось?
 Как мне, да красной девице,
 Мне ночесь да в темну ноченьку
 Мало спалось и дремалось,
 А во снях много приснилось!
 Мне приснилось, молодешеньке,
 Будто у окна поколотилось,
 У ворот да в кольцо брякнуло,
 У дверей да попросилось!
 Я ставала, молодешенька,
 Со кроваточки тесовья,
 Со перинушки пуховья
 И со кручинного изголовья;
 Я отворяла двери на́ пятау
 И дубовую доску на́ стену,

Я запускала волю вольную:
Она середь поля остановилася,
Господу Богу помолилася,
Пóнизку мне поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька,
Моя сестрица ты, голубушка!
Мне попеняли да посудачили:
Тебе Бог судья, мила подруженька,
Ты как поспешила-поторопилася,
Меня отказала, волю вольную,
От себя, да молодешеньки!»
Моя пошла да воля вольная
От меня, да молодешеньки, —
Она со мной да не простилася
И назад не воротилася!
Уж я вышла, красна девица,
На широкую-то улицу,
Я поглядела, красна девица,
Вслед за волюшкой-то вольною —
Куда пошла да воля вольная,
Моя девичья дрока прочная,
Во далечи во темны леса!
Моя села воля вольная
Она на елку на кужлявую!
Я подходила, молодешенька,
К своей волюшке-то вольною,
Хотела взять ее, волю вольную, —
Как нельзя, никак не можно:
Ведь зелёна елка подкарзяна!
Я пошла прочь, слезно заплакала!
Как и еще да сон привидела:
Я выходила, красна девица,
На круто красно крылечушко:
Из-под высока нова терема,
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроваточки тесовыя,
Из-под перинушки пуховыя,
Из-под кручинного изголовьица
Протекала ричка быстрая,
Что по этой быстрой риченьке,
По ней плывет да легка лодочка,
А во той ли легкой лодочке
Есть-сидит да красна девица,
В руках держит красну красоту!
Вы, народ да люди добрые,
Все суседи порядовные

И мои любимые подруженьки,
Вы разгадайте да раздумайте —
Этот сон к чему да сон привиделся?
Хоть вы молчите, мне не скажете,
А я сама да знаю-ведаю,
Что к чему да сон привиделся!
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кровати тесовыя
Из-под перинушки пуховыя
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячие!
А как плывет да легка лодочка —
Это гульба-игра веселая;
А как сидит да красна девица —
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту —
Мою просекную ленту шитую
Со жемчужной-то со поднизью!
Мне еще во снах приснилось,
Как ровно въяво показалось:
Я выходила, красна девица,
На широкую на улицу:
Будто у нас да во чистом поле
Есть крутая гора высокая;
Как на этой на крутой горе
Лежит зверь да со звериною,
А под крутой горой высокою
Лежат змеи со змеятами!
И посреди да поля чистого
Стоит столб да новоточенной —
Колется да расколяется,
Он горит да разгорается!
Мои любимые подруженьки,
Мне скажите, белы лебеди,
Этот к чему да сон привиделся?
Я сама да догадалася,
Девушка, я домекнулася,
Что к чему мне сон привиделся:
На крутой горе высоко лежит
Не зверь да со звериною,
А лихой свекор со свекровкою;
Под крутой горой высокою
Лежат не змеи со змеятами —
То деверья со золовками;
Во широком во чистом поле
Стоит не столб да новоточенной,

Не колетя, не расколется,
 Не с огня да разжигается, —
 Это чужой да добрый молодец,
 До поры он да до времячки
 Мной, девицей, похваляется!
 Во сегодняшний во белой день
 У моего кормильца-батюшка
 Быть двору да растворенному
 И тыну да раскаченному,
 Мне, девице, да увезенною!

Невеста матери:

Охти мне, мне-ка, победнушке,
 Подневольной красной девушке!
 Где доброта моя матушка,
 Где великое желаньице?
 Уж ты подай, желанна матушка,
 Медный таз да с ключевой водой
 Да бело мыло умывальное,
 Часторыбий белый гребешок,
 Тонко бело полотёншко
 Мне приумиться, приуладиться,
 Мне, душе да красной девушке,
 Смыть мне с личушка обидушку,
 А с ретива сердца кручинушку,
 А со ясных очей темной туман!

Невеста:

Уж помолиться красной девушке
 Да Пресвятой да Богородице!
 Я поклон кладу за батюшка,
 Я другой кладу за матушку,
 А я третий — за саму за красну девушку!

Невеста матери:

Уж где-то есть у мя, у беднушки,
 Подневольной красной девушки,
 Жалостлив кормилец-батюшко
 И доброта желанна матушка?
 Уж ты скажи, желанна матушка,
 Что у вас застряпница
 По сегодняшнему дёнечку?
 Уж ли дедушку поминочка

Или бабушки годиночка,
 Мне самой да именинный день?
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Тут не дедушку поминочка,
 Не бабушки годиночка —
 Мне самой да спроводиочка!

Невеста отцу:

Уж где-то есть у мя, у беднушки,
 Подневольной красной девушки,
 Жалостлив кормилец-батюшко?
 Уж ты дай, кормилец-батюшко,
 Добрых коней-улётушек,
 Новых саночек некатаных,
 Новой плеточки нехлыстаной
 И извозчичка молодого,
 Голубочка сизокрылого —
 Мне-ка братилка родимого,
 Мне-ка съездить, красной девушке,
 Не в первые, а в последние,
 Мне, душой да красной девушкой,
 По родне да по породушке!

Невеста:

Ты вздымись, моя права рука,
Повыше ясных очей,
Опустишь, моя права рука,
Супротив сердца ретивого
И со права плеча на левое!
Уж я челом да поклоняюсь
Большакам в доме, начальникам,
И большушкам тем, начальницам,
И на четыре на сторонушки,
И всем гостям да приходящим!

Замужняя сестра невесте:

Уж я ждала-дождалася
Любимую сестриченьку,
Уж тебя, подружка милая!
Я сидела на брусовой белой лавочке
Под косивчатым окошечком,
Все сидела-дождалася
Тебя, да красной девушки,
На любимое гостёбище!
Ты собой не возвышалася,
А мной да не гнушалася —
Пришла ко мне, приехала!
У меня, подружка милая,
Во высокой новой горенке
Да стоят столы дубовые,
Скатерёточки шелковые,
Пицца-ежа вся медовая
Да для тебя, моя голубушка!

Невеста замужней сестре:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 У меня-то, красной девушки,
 Есть подружка моя милая,
 Ты, сестриченька родимая!
 Уж ты скажи-ко мне, голубушка,
 Про чужу дальню сторонушку,
 Про млада сына отецкого
 И про богоданных-то родителей!
 Уж как ты жила-обживаласи,
 Круг кого ты обыскаласи,
 Уж ты шелками пришиваласи
 Или золотами обвиваласи?

Замужняя сестра невесте:

Уж ты не спрашивай, голубушка,
 Уж у меня, у молодой жены,
 Про чужу дальню сторонушку
 И про млада сына отецкого!
 Мы пойдем в покои с тобой отхожие,
 А в чуланы сопотайные,
 И расскажу я, молода жена,
 Про чужу дальню сторонушку
 И про млада сына отецкого!
 Уж ты жила, моя голубушка,
 Уж ты жила, да красна девушка,
 Со своей добротой-матушкой:
 Уж как по летушку по красному
 Уж твоя доброта-матушка
 Во тереме похаживает
 И из окна в окно поглядывает,
 Уж на крылечушко выскакивает:
 «Уж моя да дочь любимая
 Идет с трудной-то работушки,
 Идет дочка, утомилася,
 Резвы ножки подломилася
 И белы ручки намахалися!»
 А на судимой-то сторонушке
 Да богоданная-то матушка —
 Она во тереме похаживает,
 Из окна в окно поглядывает
 И на крылечушко выскакивает:
 «Со работы идет шлящая,
 По деревёнке шатающа

И голова да неуборная,
И сердечко непокорное!»
Уж я еще скажу, голубушка,
Тебе, да молода жена:
Уж я хожу да все по терему,
А все строеньице потеряно,
По подворьям я скитаюся;
А только тем, моя голубушка,
Уж ты выбрала, голубушка,
Ты судимую сторонушку
На хорошую угодушку:
Уж как первая угодушка —
Подугольня ближняя водушка,
А другая-то угодушка —
Почтовая дороженька,
А третья-то угодушка —
Подоконье сторублевое!

Невеста зятю:

Ты гости-тко, красно солнышко
Да жалостлив кормилец-братилко,
На слезливую на свадебку,
Ко разлуке дорогой воли,
Ко расплету ко русой косы!

Невеста тете и дяде:

Спаси Бог, да благодарствуем
На чаю да вам, на сахаре,
На хорошем угощеньице!
И слава да слава, Господи,
Я напилася, наелася,
Во честном месте насиделася
И красной ложкой нахлебалася!
С пирожка я съела корочку
Да с калиточки поливочку,
С наливочки начиночку,
А колоба да и не зачала
И со сковороды не покушала!
Уж где-то есть у мня, невольницы,
Где-то тетенька-голубушка
И родимый милый дяденька?
Вы гостите, красны солнышки,
Уж вслед за мной, да проводителем,
И на слезливую на свадебку,

Швейка. XIX в. Поволжье

И ко разлуке дорогой воле,
Ко венцам да ко злаченыим,
А ко перстням да обрученным!
На судимой на сторонушке
Вам там честь да место большее,
Вам чара зелена вина,
А другая пива пьяного!

Невеста при возвращении от родственников:

У моего кормильца-батюшка
Новы сенечки подвышены,
Три ступенечки прибавлено!
Да не несут и ножки резвые
Да во высокоу нову горенку!
Тебе спасибо, моя матушка,
За родство да племя большее,
Поколеньице широкое!
Была гостьей я повстречена,
Была гостьей я проважена,
Я находилась, нагулялася
Я душой да красной девушкой!

Подруги невесте:

Отворяйся, дверь дубовая,
 По петелькам шелковым,
 По железу вытегорскому,
 А по кузлу да каргопольскому!
 Не убойтесь-ко, родители,
 Не указ идет из Питера —
 Идут баянны истопщицы,
 Ключевой воды изнозчицы!
 Мы топили парну баенку
 Не дровцами жаровыми,
 Растопляли парну баенку
 Не лучиною сосновою —
 Растопляли парну баенку
 Ковыль-травонькой шелковою,
 Растопляли парну баенку
 Мы цветочками иваньскими!
 Мы носили ключеву воду
 Со двенадцати колодечков:
 Мы со первого колодечка
 От Ивана Волосатого —
 Тут ехал чуж отецкий сын,
 Пронес ископоть кониную
 И проклял следы он лошадиные —
 И мы той воды не черпали!
 Уж мы со другого колодечка,
 Мы со матушки с Угрюм-реки,
 Уж мы той воды не черпали,
 А ключевой да не отведали!
 Богоданные угрюмые,
 Мила-лада несговорная,
 Мы со третьего колодечка,
 Мы с матушки Весел-реки,
 Уж мы той воды начерпали!
 Уж ты пожалуй-ко, голубушка,
 Во теплу да парну баенку,
 Во белу да умываленку!

Подруги невесты отцу:

Уж где-то есть у красной девушки
Жалостлив кормилец-батюшко?
Уж ты дай-ко красной девушке,
Впереди дайте вожатого,
А позади да бережатого
Мне во теплу да парну баенку!

Невеста подруге:

Уж ты, подружка моя милая,
Ты, душа да красна девушка,
Ты проси-тко у добротушки у матушки
Брус мыла да недержана,
Да гребеночки-учесочки,
Да зеркальца хрустального,
В косу шелковую ленточку,
Тонку белую рубашечку,
Кашемировую юбочку!

Невеста крестной матери:

Где-то есть у меня, у девушки,
Где крестна моя матушка,
Восприемная божатушка?
Уж ты дай-ко красной девушке
Тонку белую сорочечку,
Уж которая сорочечка
По три ноченьки вышивана
И по три ступички выступана:
По перву ночь Иваньскую,
По вторую ночь Петровскую,
А по третью ночь Ильинскую!
По рукавам-то ведь повышиты
Часто мелкие-то звездочки;
А назади-то повышитой
Млад светёл месяц;
А наперед-то тут повышито
Тепло красное-то солнышко!
Уж я буду, красна девушка,
На чужой дальней сторонущке,
Уж я пойду за ключевой водой:
Уж позабудут меня, девушку,
На крутом на мелком бережке!
Уж пораскину, красна девушка,
Тонку белую сорочечку —
Уж засветит да млад светел месяц
И запечет да красно солнышко,
Уж обогреет меня, девушку!

Конц полотенца. XIX в.
Тверская область

Мать невесте:

Уж ты, подружка моя милая,
Уж парна баенка не топлена,
Ключева вода не ношена:
Обманули тебя, беднушку!

Подруга невесте:

Уж ты послушай-ко, голубушка:
По сегодняшнему денечку
Не ходи во парну баенку!
Уж я стояла, красна девушка,
У этой парной баенки —
Тут ведь ехал чуж отецкий сын,
Своей шляпонькой помахивал
И тобой, девушкой, похвастьывал:
«У этой парной баенки
Будет волюшка продажная,
А красна девушка навязная!»
Я говорила, красна девушка:
Да у нас да во роду-племени
Нету волюшки продажня,
Нету девушки навязня!

Невеста:

Как во этой парной баенке
Есть три грядочки точеные,
И три стопочки точеные,
И три брусковых белых лавочки,
И три косивчатых окошечка!
Я на перву кладу грядочку,
Скину шубу соболиную;
А на другую-то на грядочку
Тонку белую сорочечку!
А на первую-то стопочку
Тонко бело полотёнышко;
А на вторую-то на стопочку
Да свою да дорогу волю!
А на первое окошечко
Кладу мыло умывальное,
И часторыбий белый гребёшок,
И белила со румянами!
На перву кладу я лавочку
Медный таз да с ключевой водой,
А на другую сяду лавочку
Я сама, да красна девушка!

Невеста, выйдя из бани:

Рассыпайся, парна баенка,
После моего бываньица,
После моего хожденьица!
Охти мне, мне-ка тошнешенько
После моего бываньица!

Невеста, подходя после бани к крыльцу:

У родимого у батюшка
Новы сенечки подрублены,
Перено крыльцо подвышено,
Три ступенечки подбавлено!
Уж не несут да ножки резвые
На высокоу нову горенку!

Невеста матери:

Уж где-то есть у мя, у беднушки,
Да доброта желанна матушка,
Великое желаньице?
Уж по сегодняшнему дёнечку
Были глупые истопщицы,
Неразумные водоносники,
Была баенка не топлена:
Я не умылась, не упарилась,
Только с волюшкой рассталась!

Невеста:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садичку зеленого
Выкаталась туча темная,
Туча темная, громовая!
По лесам туча катилася —
Лесы с кореня валялися;
По горам туча катилася —
Горы надвое двоилися; [...]
По воде туча катилася —
Вода с песком мутилася!
Накатилась туча темная
На батюшков высок терём,
На матушкину горенку,
На братцев на кольчужный двор,
А на мой да на зеленый сад!
Я в садочке погодилася:
Резвы ножки подломилися,
Белы ручки опустилися,
Передрогнуло ретиво сердце
И помутились очи ясные!
Уж где-то есть у меня, у беднушки,
Где подружки мои милые,
Уж души да красны девушки,
Мои кумушки крестовые?
Вы послушайте, голубушки:
Я накину на вас службу не великую
И работу не тяжелую:
Вы повышайте, голубушки,
Тонку белу занавесочку;
Вы на первом углу вышайте
Москву да со боярами,
А на другом углу повышайте
Литву да со поляками,
Вы на третьем углу вышайте
Петербург да со бурлаками,
На четвертом углу вышайте

Новгород да со солдатами,
А на середочке повышейте
Голубка да со голубушкой
И селезня да с серой утушкой!
Вы повесьте эту занавесь
Край пути большой дороженьки
На грядочке-сосеночке,
На колечке золоченом!
Тут поедет чуж отецкий сын,
В чужих людях небывальщина
И городов он невидальщина,
И разглядится да засмотрится
Он на тонку белу занавесочку!
Млад да чуж отецкий сын
Со мной на речи не ставится
И на разговоры не сдавается,
Уж он смело идет, нахальничат:
Он торгует мою волюшку
У кормильца света батюшка,
Он дават за дорогу волю
Много злата, много сѣребра!
Я стояла — не боялася,
Говорила — не стыдилася:
«Моя воля — не продажная
И дорогая — не променная
На твое злато, на сѣребро!»
Он того да не пытается,
Он с дорожки не съезжает,
И с пути не ворочается,
И со мной на речи не ставится,
На разговоры не пускается!
Он торгует мою волюшку
У доброты моей матушки;
Он дават за дорогу волю
Кунью шубу — соболиную
И поволоку — кармазинную!
Я стояла — не боялася
И говорила — не стыдилася:
«Моя воля — не продажная,
Дорогая — не променная!»
Он того да не пытается,
Он с дорожки не съезжает,
И с пути не ворочается,
И со мной на речи не ставится,
На разговоры не пускается!
Он торгует мою волюшку

У сестриц да у голубушек;
 Он дават за дорогу волю
 Голомѣдных сладких пряников!
 Я стояла — не боялася
 И говорила — не стыдилася:
 «Моя воля — не продажная,
 Дорогая — не променная
 На твои на сладки пряники!»
 Он того да не пытается,
 Он с дорожки не съезжает,
 И с пути не ворочается,
 И со мной на речи не ставится,
 На разговоры не пускается!
 Он торгует мою волюшку
 У родимых у братицев,
 У желанных у дядицев —
 Он дават за дорогу волю
 Сорок ведер зелена вина,
 Пятьдесят да пива пьяного,
 А шестьдесят да меду сладкого!
 Уж я стояла — не боялася,
 Говорила — не стыдилася:
 «Ты послушай, чуж отецкий сын,
 Да моя воля — не продажная,
 Дорогая — не променная
 Уж на твое на зелено вино!
 Уж у меня, у красной девушки,
 У меня и во моем роду
 Сорок братицев-горланьицев
 И тридцать дядицев-арлапаньицев!
 Они напьются зелена вина,
 Они побьют да ваши головы
 И растреплют ваши бороды!»

Невеста свадебному поезду:

Наставала тучка темная,
 Туча темна, страховитая,
 Со громом-то, частой молнией,
 Со великой Божьей милостью!
 По морям тучка катилася —
 Там вода с песком смутилася,
 Рыба кó дну обрядилася;
 По лесам туча катилася —
 Леса с корнюшка ломилися!
 Раскатилась туча темная

На две, на три половиночки,
 На четыре на градиночки:
 Первая пала градиночка
 Что ль на батюшков высок терем,
 Что другая градиночка
 На матушкину горницу,
 Третья градиночка
 На братьёв колёсит сарай,
 А четвертая градиночка
 На меня, на красну девушку,
 На мою буйну головушку,
 На мою бажону волюшку!
 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Вы, злодеи сваты большие,
 Вы послушайте, пожалуйста:
 Ведь у меня, у красной девушки,
 У сердечных родителей,
 У милых братьёв родимых
 Была уличка плановая,
 Там дороженька почтовая,
 У нас площадка сторублевая,
 Там сады были зеленые;
 Уж вы, чуж да млад отецкий сын,
 Прогонили вы, проехали
 Со хоромным своим поездом,
 Со молодыма со вершникам,
 Вы побили путь-дороженьку,
 Вы посмяли шелкову траву,
 Доломали в саду яблони,
 Пощипали в саду яблоки!
 Дак вы, злодеи сваты большие,
 Вы за девушку имаетесь,
 Да, знать, с кошельком спознаетесь,
 С золотой казной считаетесь!

Жених подносит деньги.

Чуж да млад отецкий сын,
 Я ведь девушка не бедная —
 Не беру я денег медных!
 Я ведь девушка середняя —
 Мне наб денежек серебряных!
 Я девушка разважная —
 Надо денежки бумажные!
 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Не ходи-тко, не нахалуйся

Серьги. XIX в. Архангельская область

Ты во батюшков высок терем!
 Ты деньгами не откупишься,
 Ты словами не откажешься!
 Ведь у меня, у красной девушки,
 У кормильца света батюшки
 Много злата, много сѣребра —
 Богачища непомерные!
 На родимой на сторонушке
 Мне-ка с меди не мосты мостить,
 С сѣребра мне не плоты плотить,
 Мне бумажками не кровли крыть!
 У кормильца света батюшка,
 У нас медь роют лопатами,
 Сѣребро роют малѣнками,
 Кровли кутают бумажками!

Жених заходит в коридор.

Подождите, не нахалуйте
 Вы, злодеи сваты большие,
 Чуж да млад отецкий сын,

Без доклада в новы́ сени́,
 Без допросу в нашу горницу!
 У мя у батюшка не спрошено,
 У мя матушке не сказано
 Запустить гостей любимых
 Во любимое гостебище!

Гости и жених сидят за столом. Невеста подходит к жениху и причитывает:

Порастроньтесь, люди добрые,
 Порастроньтесь, православные,
 Дайте местечка немножечко,
 На одну дайте мостиненку,
 На едину перекладинку!
 Мне пройти бы, всей невольнице,
 Ко столу да ко дубовому,
 Ко князю́ да ко молодому!
 Бью челом да низко кланяюсь
 Всему кругу молодецкому,
 Поезду да княженецкому,
 Младому сыну отецкому,
 Я первой брюзге в особину!
 Ты, брюзга да княженецкая,
 Брюзга навлась накупалася,
 Брюзга Богом увещалася,
 Брюзга врать не собиралася!
 Ах ты, брюзга да княженецкая,
 Протопопша ты вытегорская,
 Ты, купчиха новгородская,
 Госпожа брюзга-боярыня,
 Настояща брюзга-барыня!
 Ах ты, брюзга да княженецкая,
 У вас буду я выпрашивать,
 Вы должны мне всё рассказывать
 Про млада сына отецкого!
 Говори — не заговаривай,
 Расскажи все, не затаивай:
 Он охоч ли ходить-ухаживать,
 Ночки темные проваживать?
 Надо держать да будет девушке
 Ножки резвы на дороженьке,
 Ручки белы на заложечке,
 Свое личко во окошечке,
 Дождать да мужа пьяного?

Обращается к жениху:

Я клоню буйну головушку
 Младому сыну отецкому!
 Становитесь-ка, пожалуйста,
 Стань на резвые на ноженьки,
 На козловы стань сапоженьки!
 Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
 Ты сидишь — да как свеча горишь,
 Говоришь — да как рублем даришь!
 У тебя, да млад отецкий сын,
 Белота взята с белá снежку,
 Красота взята от солнышка!
 У вас брови черна соболя,
 У вас очи ясна сокола!
 Говори-тко, млад отецкий сын:
 Ты где меня повысмотрел,
 Уж ты где меня повыглядел?
 Ты во праздничке гуляючи,
 Аль на горушке катаючи,
 Аль на работке работáючи?
 Погоди-тко, млад отецкий сын,
 Тебе женитьба неудачлива:
 Молода жена невзрачлива,
 Белоручка и не коровница,
 Тонконожка, не работница!
 Отъезжайте-тко, пожалуйста,
 От стола да от дубового,
 Со хоромного строеньица!
 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Я на горочке каталася,
 Мое личко принавевяло,
 В ту пор я была хорошая,
 А на трудной на работушке
 Пред тобой я выславлялася,
 На часу сила сдержалася,
 На другом краска стерялася!

Отворачивается от стола. Начинается передача «воли».

Ну вот сяду, красна девушка,
 Я на лавочку брусовую!
 Подходите-тко, пожалуйста,
 Вы кругом да меня около,
 Все родные сродцы-сроднички,
 Все милы братья родимые,

Все мои сестрицы милые,
 Задушевные красны девушки
 Да восприемна крестна матушка!
 Поспевала, крестна матушка,
 Ко купели, ко святой воды,
 Так успевай-ка, крестна матушка,
 Ко разлуке дорогой волі!
 Вы, родитель моя матушка,
 Ты, великое желаньице,
 Принеси, родитель-матушка,
 Мне трубу да стоаршинную,
 Мне другу да миткалиную,
 А вы, мои подружки милые,
 Задушевные красны девушки,
 Слушайте, голубушки:
 Вы на ту нашейте завесу
 На двенадцати на трёсточках —
 На одной нашейте трёсточке
 Вы царя да благоверного,
 На второй, моей головушке,
 Вы царицу милосердную,

На третьей шейте трёсточке
 Вы царевых малых детушек!
 Как еще шейте, голубушки,
 Шейте полк да со солдатами,
 Петроград да со бурлаками,
 Вы Москву да со боярами;
 Как еще, мои голубушки,
 Вы себя, подружки милые,
 Вы меня, да красну девушку,
 Вы мою бажону волюшку!
 И вот поставьте-тко, голубушки,

Солоница. Конец XIX в. Архангельская
 область

Короб. XIX в. Архангельская область

Ко столу да ко дубовому,
 Ко князю да ко молодому:
 Тут бурлакушки распляшутся,
 Тут солдаты расстреляются,
 Утка сера разгогочется!
 В ты пор царь да смилосердится,
 Царица сожалётся,
 Малы детушки расплачутся,
 А вы, мои подружки милые,
 Вы запойте жалки песенки!
 Может, чуж да млад отецкий сын
 Оглядится, остолопится,
 От стола да поворотится —
 Я во девушках остануся,
 Я во красных призадляюся!
 Где-ко ест у мя, у девушки,
 Братец — красно мое солнышко,
 Братец — тоненька тониночка,
 Золота братец вербиночка,
 Братец — сердца половиночка!
 Так сохраните у мя, девушки,

Вы мою бажону волюшку!
Охти, мнешенько тошнешенько!
Назади все приосталось,
Прошло воли волеваньице,
Красной девушке гуляньице!
Не отдам бажоной волюшки!
Тут моя бажона волюшка
Крылья-перышка расправила,
Во головушку ударила,
Улетела во чисто поле,
Села на горькую осиненку,

Ковши. XIX в. Среднее Поволжье

Ковш для пива. XVIII в. Среднее Поволжье

На несчастну деревиненку,
Проклинат да меня, девушку:
«Будя проклят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не сумела волю выпустить,
Ты умела красоватися —
Не сумеешь расставатися!»

Подходит к столу:

Порастроньтесь, люди добрые,
Порастроньтесь, православные,
Пропустите красну девушку
Со бажоной дорогой волей
Ко столу да ко дубовому!
Я не знаю, красна девушка,
Куда класть бажону волюшку?
Я кладу, девка-невольница,
Да на местну Богородицу,
Котора Богородица
Сохраняла меня, девушку,

В летню пору от прохожего,
 В зимню пору от проезжего!
 Так сохрани-тко, Богородица,
 По сегодняшнему дёнечку
 Ты мою бажону волюшку
 От млада сына отецкого!
 Я кладу бажону волюшку
 На косивчато окошечко —
 Пусть-ка воля наволюется,
 Дорогая накрусуется!
 В уголок кладу перчаточкой,
 В стену я кладу булабочкой!
 Так ты, родитель моя матушка,
 Станешь мьть — так не смахните-тко,
 Вы с водой не сполощите-тко,
 Вы во грязь да не свалите-тко
 Вы бажону мою волюшку!
 Я неладно, девка, вздумала,
 Я не место воле прибрала!
 Ведь пройди зимушка холодная —
 Будет вёснушка разливная,

Тут полéтят гуси-лебеди —
Да улётит моя волюшка
На круглистое озерушко,
На тихое на затишье,
На зелено слетит захрестье!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Он начнет ходить-похаживать,
Серых утушек поимывать,
Поимат да утку серую —
А тут моя бажона волюшка!
Я кладу бажону волюшку

Солоница. Конец XIX в.
Архангельская область

Осередь стола дубового
Я на скатерти шелковые,
Я на едушки сахарные,
Я на вина кладу пьяные!
Наедайся, воля, досыта,
Напивайся, воля, допьяна,
Покуль свой дом, так своя воля,
У своих пока родителей!

Жених берет «волю».

Отвернуться красной девушке
От стола да от дубового,
От князя да от молодого!
Подойдите-тко, пожалуйста,
Все сердечные родители,
Вы, милы братья родимые,
Еще крестна моя матушка!
Это что в доме завéдено,
Это что у вас запущено?
Во почетном во большом углу

Это чистые разбойнички,
Настоящи поддорожнички.
Грабежом девку ограбили,
Как силом да волю отняли!

Обращается к жениху:

Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажону волюшку!
Ты за волю поймаешься —
Никогда не рассчитаешься!

Солоница. Конец XIX в.
Архангельская область

Ты, родной кормилец-батюшка,
Ты охоч ходить-разъезживать,
В торги-ярманки поезживать,
Так принеси, кормилец-батюшка,
Тут веревочек недержанных!
За мою бажону волюшку
Завяжите-тко, пожалуйста,
Младого сына́ отецкого,
Поезжанов княженецких!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Дай мою бажону волюшку!
Закажу я, красна девушка,
Я во по́греба глубокие,
Во подпольица во темные,
Во подвалы во холодные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажону волюшку!
Буде будет Богом сужены
И попом будем овенчаны,
Божьей церковью обзаконены,
Взвеличать да стану, девушка,

Твоего кормильца-батюшка,
Почитать я буду, девушка,
Я твою родитель-матушку
И всех твоих сестриц-голубушек!
Ведь сама знаю, сама ведаю,
Что замужество не шуточка,
Не ребячья поигрушечка, —
Ты отдай бажону волюшку!
В ту пор буду, красна девушка,
Я головушкой поклонная,
Я сердечушком покорная,
Как тебя, да млад отецкий сын,
Буду звать тебя по имечки,
Взвеличать да по изотченки!

Невеста называет жениха по имени, жених отдает «волю», она идет от стола и причитывает:

Ты лукав, а я лукавее!
Обманула, облукавила!
Боле век вам в доме не бывать,
Вас меня вам глазом не видать,
Я не стану звать по имечки,
Взвеличать да по изотченки,
Не пойду да не подумаю
Во проклятое замужество!

Невеста:

Уж полети-тко, моя волюшка,
Полети-тко, бажоная,
На круглистое озерышко
Водоплавной серой утушкой!
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Уж я неладно, бедна, вздумала,
Не у места волю оставила,
Уж ты сядь-ко, моя волюшка,
Ты на буйную головушку!

Одевает «волю» на голову:

Уж поглядите, люди добрые,
Уж на меня, на красну девушку,
И на мою бажону волюшку!
Уж у меня, у красной девушки,
Волос к волосу не гладится,
А мне волюшка не ладится!

Снимает с головы «волю», держит в руках и все время на улице около дому плачет. Девушки поют дальше:

Уж мне воля не по-старому,
Дорогая не по-прежнему!
Уж полети-тко, моя волюшка,
Во темны леса лисицею,
А во чисто полё куницею,
А по заполькам серым заюшком,
А по задворкам горносталюшком!
Уж я неладно, бедна, сделала,
Нехорошо-то я уладила,
Не у места волю оставила!
Уж млад да чуж отецкий сын
Он идет да за охотою,
Он убьет да мою волюшку,
Он застрелит мою бажону!

Опять одевает на голову «волю» и входит в избу. Девушки поют дальше. Невеста плачет так же громко.

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Уж поглядите, люди добрые,
Уж на меня, на красну девушку,
И на мою бажону волюшку!
Уж воля с поля воротилася,
Под окошком колотилася
И ночевать воля просилася!
Уж отвечал кормилец-батюшко:
«Ты уйди прочь, дорога воля,
От косивчата окошечка».
Пошла волюшка, взвивается,
Мой невольный проклиняется:
«Уж буди проклят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не умела волю выпустить,
Уж ты умела волеваться,
А не умела расставаться!»

Подходят к столу и поют дальше к брюзге. Невеста плачет.

Уж ты сметлива, брюзга, догадлива,
Отвори, брюзга, окошечко,
Ты отодвинь-ко, брюзга, столичка
И заверни-тко скатереточку,
Уж запусти-тко мою волюшку!
Уж моя бажона волюшка
Ходит не дверями, не воротами,
Ходит косивчатым окошечком!

Снимает с головы:

Уж ты клади-тко мою волюшку,
Положи мою бажоную
На стенушку лицёвую,
На стопочку тоцёную!
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Я неладно, бедна, вздумала,
Я нехорошо уладила,
Не у местечка оставила!

Одевает «волю» на голову и подходит к отцу. Когда идут, то поют дальше, а «воля» на голове. А когда подошли к отцу, то снимает с головы и отдает в руки отцу, а сама падает на плечо к нему и громко плачет; плачет и отец. Поют дальше:

Уж ты сядь-ко, моя волюшка,
На буйную головушку!
Уж поглядите, люди добрые,
Уж на меня, на красну девушку,
И на мою бажону волюшку!
Уж голова моя не гладится,
Мне-ка волюшка не ладится!

Снимает с головы, отдает отцу:

Полети-тко, моя волюшка,
К кормильцу моему батюшку,
Сядь на буйную головушку!
Уж я неладно, бедна, сделала,
Нехорошо уладила:
Не у местечка оставила!
Уж мой кормилец-батюшко
Он напьется зелена вина —
Потерят да мою волюшку,
Потерят мою бажоную!

Берет от отца «волю», одевает на голову, и расходятся. Поют дальше:

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Голова моя не гладится,
Мне-ка волюшка не ладится!
Уж поглядите, люди добрые,
Уж на меня, на красну девушку,
На мою бажону волюшку!

Подходит к брату, снимает с головы «волю», отдает в руки брату, падает на плечо, громко плачет; плачет и брат. Поют дальше:

Полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя бажоная,
К соколу братцу родимому,
Сядь на буйную головушку!
Уж ты, родимый милый братилко,
Братец — тоненька тониночка,

Золота братец щетиночка,
 Братец — луна да поднебесная,
 А звезда да подвосточная,
 Третинка светла мисяца,
 Четвертинка красна солнышка!
 Уж я неладно, бедна, сделала,
 Нехорошо-то я уладила,
 Не у местечка оставила!
 Уж мой родимый братилко
 Он напьется зелена вина —
 Потеряет мою волюшку,
 Потеряет мою бажоную!

Расходятся с братом; берет «волю», одевает на голову, идет к сестре. Поют:

Уж накладу я свою волюшку
 На буйную головушку!
 Посмотрите, люди добрые,
 На меня, на красну девушку,
 На мою бажону волюшку!
 Уж голова моя не гладится,
 Мне-ка волюшка не ладится!
 Уж полети-тко, моя волюшка,
 Полети, моя бажоная!

Подходит к сестре, отдает в руки ей «волю», падает на плечо. Обе плачут. Поют дальше:

Уж ты сядь-ко, моя волюшка,
 К сестрице ты голубушке
 На буйную головушку!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Я неладно, бедна, вздумала,
 Нехорошо уладила,
 Не у местечка оставила!
 Уж сестрица молодешенька,
 Умом-разумом глупешенька,
 Пойдет [по] ранним беседушкам,
 По поздним вечериночкам —
 Уж потеряет мою волюшку,
 Потеряет мою бажоную!

Расходятся с сестрой; берет у ней «волю», одевает на голову. Поют дальше:

Уж положу я свою волюшку
 На буйную головушку!
 Уж поглядите, люди добрые,
 На мою буйну головушку,
 На мою бажону волюшку!
 Голова моя не гладится,
 Мне-ка волюшка не ладится!

Подходит к божатке-крестной, снимает «волю» с головы, отдает крестной в руки, падает на плечо; обе плачут. Поют дальше:

Уж полети-тко, моя волюшка,
 К крестной моей матушке,
 Сядь на буйную головушку!
 Уж ты возьми-тко, крестна матушка,
 Мою волюшку бажоную,
 Береги-тко мою волюшку,
 Ты храни мою бажоную!

Уж ты попевала, крестна матушка,
Ты к купели, ко святой воде,
Как поспела, крестна матушка,
Ко разлуке дорогой воле,
Уж ко венцам да ко злаченным
Да перстням да обрученным,
Ко тошному расставаньицу,
Ко косному расплетаньицу!
Уж я неладно, бедна, сделала,
Нехорошо уладила,
Не у местечка оставила!

Расходятся с крестной; одевает «волю» на голову, идет к подругам, плачет. Поют дальше:

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Посмотрите, люди добрые,
На мою буйну головушку,
На бажоную на волюшку!
Уж голова моя не гладится,
Мне-ка волюшка не ладится!

Снимает с головы, отдает подругам и плачет. Поют дальше так:

Уж где-то есть у мня, у девушки,
Где подружки мои милые,
Души да красны девушки?
Вы возьмите мою волюшку,
Вы возьмите-тко бажоную,
Уж не носите мою волюшку
По ранним беседушкам,
По поздним вечериночкам!
Вы, души да красны девушки,
Вы по летушку по красному
Пойдите, мои голубушки,
По иваньские-то венички,
По петровские-то ягодки
И по ильинские по рыжички;
Вы оставьте-тко, голубушки,
Березки веничков нерезаных,
Кусточек ягодок небраных,
А чашу рыжичков неломаных!
Уж у меня, у красной девушки,
Уж на судимой на сторонушке,

Образец набойки. XIX в. Архангельская область

У богоданных родителей
Пройдет день — слова пытаючись,
А другой — да дожидаячись,
А на третий — снаряжаячись,
И в том пройдет у меня, у девушки,
Семидённая неделюшка!
Березки веничков закулиют,
Птички ягодки повыклюют,
А черви рыжички повыточат!
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Уж я неладно, бедна, сделала,
Нехорошо уладила,
Не у местечка оставила!

Отходит от подруг, одевает «волю» на голову, плачет. Поют дальше:

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Посмотрите, люди добрые,
На мою буйну головушку,
На бажоную на волюшку!
Уж голова моя не гладится,
Мне-ка волюшка не ладится!

Снимает с головы, идет к снохе, отдает в руки «волю» снохе, падает на плечо. Плачут обе. Поют дальше:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя бажоная,
К моей сестрице богоданныя!
Уж ты возьми-тко мою волюшку,
Да возьми-тко ты бажоную,
По полу да не попинывай,
А по лавкам не пошибывай,
А по окошкам не покидывай!
Уж я неладно, бедна, сделала,
Нехорошо уладила,
Не у местечка оставила!

Расходятся со снохой; одевает «волю» на голову. Поют дальше:

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Посмотрите, люди добрые,

На мою буйну головушку,
 На бажоную на волюшку!
 Уж голова моя не гладится,
 Мне-ка волюшка не ладится!

Снимает с головы, подходит к матери, отдает «волю» в руки и падает на плечо; обе плачут громко, громко. Поют дальше:

Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Полети-тко, моя волюшка,
 Полети, моя бажоная,
 Ко моей доброте-матушке!
 Ты возьми, желанна матушка,
 Мою да дорогу волю,
 Клади бажону волюшку
 За теплу белу пазушку,
 Ты под правое под крылышко,
 К ретивому сердечушку!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Я неладно, бедна, вздумала,
 Нехорошо наладила,
 Не у местечка оставила!
 Моя матушка старешенька,
 По избе ходит тихошенько
 И поясок держит слабешенько —
 Уж потеряет мою волюшку,
 Потеряет мою бажоную!
 Уж ты возьми, желанна матушка,
 Да мою-то дорогу волю,
 Снеси в клеточку дворовую
 И в коробеечку замчёную!
 Уж ты гляди-тко дорогу волю
 По три разика на суточки,
 По четыре на неделюшке!
 Не бусиет моя волюшка
 Во замчёной коробеюшке —
 Хорошая мне жирушка
 На судимой на сторонушке;
 Уж как почернела моя волюшка
 Во замчёной коробеюшке —
 То худая моя жирушка
 На судимой на сторонушке!
 Охти мне, мне-ка тошнешенько!
 Я неладно, бедна, вздумала,
 Нехорошо уладила,
 Не у местечка оставила!

Расстается с матерью, одевает на голову последний раз «волю», идет на улицу, плачет громко. Поют дальше:

Уж накладу я свою волюшку
На буйную головушку!
Уж поглядите, люди добрые,
Последний разочек на девушку
И на мою бажону волюшку!
Уж голова моя не гладится,
Мне-ка волюшка не ладится!

Снимает с головы «волю». Поют дальше:

Полети-тко, моя волюшка,
По ветрушку по буйному
Да в города да во низовые,
Во деревни незнакомые!
Уж я кину свою волюшку
Во матушку сыру землю,
Затопчу я свою волюшку
Уж я своим да черным чеботом!

Невеста:

Меня, Господи, благослови!
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Кабы на белую лебедушку
Не зима была холодная —
Не летела бы лебедушка
За синее бы морюшко,
А на меня, на красну девушку,
Не желанные родители —
Не пошла бы, красна девушка,
Во честно место — большой угол!
Пораздвиньтесь, люди добрые,
Пораздвиньтесь, люди православные,
Дайте местечка немножечко,
Со едину половиченьку!
Мне не в саночках катится,
Не с дровнями воротится —
Мне сам-друг да с дорогой волей,
Сам-третьей да с подголосницей!
Я ступень ступлю — во сто рублей,
На другой ступлю — во тысячу,
А [по] третьему цены нету!
Я челом да поклоняюся
Я столу да княженецкому
Да младу сыну отецкому!
За столами за дубовыми
Сидят гости незнакомые:
Все купцы, гости торговые,
Сидят шуньские приказчики
Со шелками и с бумагами
И заморскими товарами!
Где-то есть у меня, у девушки,
Жалостлив кормилец-батюшко?
Уж ты купи, желанный батюшко,
Уж штофу мне на штофницу,
Парчу да на парчовничек,
А атласу на атласничек!

Женский свадебный костюм. XIX в. Воронежская область

Заработала я, девушка,
 Десять лет я за маленствие,
 А другие десять за девичество,
 А третьи десять за обновочки!
 Уж охти мне, мне-ка тошнешенько!
 За столами за дубовыми
 Не купцы-гости торговые
 И не шуньские приказчики,
 Тут сидит да чуж отецкий сын
 Он со храбрым своим поездом,
 Он со дружкой, со тысяцким
 И со брюзгой да княженецкою!

Невеста жениху:

Уж ты скажи-тко, чуж отецкий сын,
 Уж ты где меня повыглядел,
 Уж ты где меня повысмотрел —
 Ты у раннего вставаньица,
 Или печного затопленьица,
 Или у блинного печеньица?
 У меня у раннего вставаньица
 Есть доброта моя матушка,
 У коровьего корму даваньица
 Есть витлявая невестушка,
 А у блинного печеньица
 Мне-ка некем заменитья!
 Я пекла блины, стыдилася,
 В личке кровь да расходилася —
 Верно, тут я прилюбилася!
 У избного помещеньица
 Есть сестрица да голубушка:
 Я на горочке каталася,
 От ветров личко навеялось —
 Верно, тут баска казалася;
 Я колубенем колубалася и махалася,
 В личке кровь да разыгралася —
 Верно, тут баска казалася;
 Во Божьей церкви стоячись,
 Я от желаньица молилася,
 В личке кровь да расходилася —
 Верно, тут я прилюбилася!

Невеста жениху:

Ты послушай, чуж отецкий сын,
Я сама себя похваляю:
Я девчонка не хорошая,
Я девчонка не корыстная,
Я на походочку не стопочка,
Я на поклончики не плеточка!
Я не стану покоряться
И не буду поклоняться
Твоему да роду-племени
И богоданным родителям —
Уж я свекра-то звать батюшкой,
А свекровушку-ту матушкой,
А тебя-то звать по имени,
А величать да по отчеству!
Ты отъезжай-ко, чуж отецкий сын,
Отъезжай, да добрый молодец,
Во Москву да ко боярину!
Во Москве да у боярина

Нагрудное украшение. XIX в. Воронежская область

Женский свадебный костюм. Вид сбоку. XIX в. Воронежская область

Есть три дочери хорошие:
 Перва дочь живет девицею,
 А друга живет вдовицею,
 А третья дочь да на выданье!
 Буде те да не полюбятся,
 Буде те да не приглянутся,
 Отъезжай-ко, чуж отецкий сын,
 Во Литву да ко татарину!
 Во Литве да у татарина
 По три девушки на денежку,
 По четыре на копеечку!
 У них рубашки-то сборинками,
 У них штофинки с волтинками!
 Они набелены, намазаны,
 Край дороженьки поставлены,
 Про тебя да все налажены!
 Да уж в Синоде было писано,
 А сюда да было прислано!
 У нас записи не кладены
 И контракты не назначены!

Фрагмент женского свадебного костюма. XIX в.
Воронежская область

Уж от стола люди расходятся
И от венца да разъезжаются!
Ты прощай-ко, чуж отецкий сын,
Нам с тобой да не видатися!
Охти мне, мне-ка тошнешенько!
Видно, быть да покоритися
Да, видно, быть да поклонитися!
Видно, я да проступилася
И на словах проговорилася!
Уж я буду, красна девушка,
У тебя да на твоём дому,
Уж я стану покорятися,
Я и стану поклонятися
Твоему да роду-племени
Да твоим цветам-родителям —
Уж я свекра звать-то батюшком,
А свекрову звать я матушкой,
А тебя да звать по имени,
А величать да по отчеству!

Фрагмент женского свадебного костюма. XIX в.
Воронежская область

Невеста сестре жениха:

Уж я увидела, увозрела
 Да сквозь туман да горючи слезы,
 Сквозь великую обидушку
 Честну гостью, небывалую,
 Небывалу — приезжалую!
 Ты откуль, гостья, приехала
 Да ты куда, гостья, поехала:
 Ты к Макарью на желты пески
 По заветам Богу молишься?
 Уж не могу признать, невольница,
 Ни по голосу, ни по волосу,
 Ни по платьицу ни по цветному
 И по личушку по белому!
 Уж признаваю, дочь невольная,
 По младу сыну отецкому:
 Брюзга да княженецкая,
 А мне сестрица богоданная!

Она сидит-то — будто барыня,
 А говорит — как государыня,
 Будто шуньская приказчица,
 А петербургская разрядчица,
 Будто пудожска исправница,
 А из Москвы да капитанщица!
 Она поповна новгородская
 Али попадья петрозаводская!
 У ней походочка павиная,
 А поговорка лебединая,
 У ней пером лицо написано,
 Колесом брови наведены,
 У ней очи ясна сокола,
 У ней брови черна соболя!
 Уж ты скажи-тко мне, невольнице,
 Брюзга да княженецкая,
 Сестрица богоданная,
 Про млада сына отецкого:
 Он не пьет ли зелена вина,
 Не играет ли костью-картою?
 Уж не стоять ли мне-ка, беднушке,
 Да на новых сенях решетчатых,
 Не держать ли буде, девушке,
 Резвы ножки на походочке,
 А белы ручки на заложечке?

Невеста жениху:

Уж млад да чуж отецкий сын:
 Да он понизил буйну голову,
 Потупил да очи ясные
 Да во матушку сыру землю,
 Уж взглянул да по-звериному,
 А вздохнул да по-змеиному!
 Уж от его вздоху змеиного,
 От его взгляду звериного
 Приудробло ретиво сердце,
 Подломились ножки резвые,
 Уж тонко цветное платёньшко
 Все по швам да расшивалося,
 Тонко бельная сорочечка
 По утбчкам растыкалася,
 А золотая перевязочка
 По шелтинкам развивалася,
 А по золотинкам рассыкалася!
 Уж млад да чуж отецкий сын

Он сидит да думу думает:
 «Уж по вечеру по позднему
 Холостьба моя минуется,
 Молода жена прибудется!
 Уж как я жену повыучу,
 Как молодую я повышколю,
 Уж я так жену повыучу,
 Так молодую повышколю:
 Не спущу я молодой жены
 Я пять лет на свою сторону,
 Десять лет да я ни разичку!»

Невеста матери:

Уж на страху я настоялася,
 Страху Божья нагляделася!
 Уж где-то есть у меня, у девушки,
 Доброта желанна матушка?
 Уж доброта моя матушка,
 Уж мне сказал да чуж отецкий сын,
 Да мне сказал да добрый молодец:
 «Уж не спущу я молодой жены
 Пять лет на свою сторону,
 А в десять лет да я ни разичку!»
 Уж мы где с тобой увидимся
 Да мы с тобой да переглянемся?
 Мы через полюшко увидимся,
 А через реченьку набаимся!
 Уж по бережку находися,
 И по колен в воде набродися,
 И сера камешка наищися,
 И к сердечку наприжимаися,
 Меня в гости надождаися!

Невеста отцу жениха:

Я увидела, увозрела
Сквозь туман да горячи слезы,
Сквозь великую обидушку
Я дородна добра молодца
Да Ивана я Васильевича!
Он стоит — будто свеча горит,
А говорит — будто рублем дарит!
Голова твоя во сто рублей,
Могучи плечи во тысячу,
А самому тебе цены нету!
На твоей буйной головушке
Трое, двое есть кудёрышки:
Первы кудри — самородные,
Други кудри завивалися,
Жемчугом да обсыпалися!
Не тряхни буйной головушкой,
Не рассыпь да скатна жемчуга!
Оберут да твой скатен жемчуг
Красным девушкам на ленточки,
А молодцам да на фуражечки,
А молодежи на кокошнички!
Ты дари меня, обдаривай
Или прочь меня отказывай,
Мне дано времечка немножечко
Походить покрасоватися!

Невеста отцу жениха:

Спаси Бог, да благодарствуем
На честном твоём дареньце —
На гривны твоей золотой
И на полтины на серебряной!
Тебе честь да место большее
У моих цветов-родителей,
Тебе чара зелена вина,
Другая — пива пьяного!

Невеста подруге:

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две ли да было буйных головы,
Одно только ретиво сердце!
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры,
Непроносны да словеса:
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Всё ходили да мы гуляли,
Вместях двое да с тобой надвое,
Друг без дружки да никуда
По играм мы да по веселым,
По беседушкам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам!
Нонь пришла ли да пора-времячко
Расставаться да расступаться!
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки, расставаться?
Расставаньице тяжело,
Нам в разлукушке нелегко,
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу нелегко,
Все останется от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселеньице,
Тайны-тайности, непроносны словеса!
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не известно,
Только знали бы, только ведали
Только мы ли, две красны девушки!
С этой тайностью мы помрем,
В мать-землю да так пойдём!
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты, подружечка задушевная:

Надойдет ли пора-времячко,
Накатится да весна тепла,
Протекут ли да ручьи с гор-земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,
Как прокатится ли мать-Печорушка
Вниз по быстери да до синя моря;
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да всё во лодочках
На гуляньице да на весельице
Как по вешним да тихим заводям
Всё со песнями да всё со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря
Как на промыслы да на богаты
Как во тех ли во лодочках
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными, —
Помяни-косо, да где мы были,
Где мы были да где мы рóбили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорíлися:
Мы по ловлям да рыболовным,
По водám ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным!
Тяжело нам да доставалося,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали,
Руки-ноги да промерзали,
Зубы ó зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захлывала!
Только было нам согревы,
Только было нам пригревы:
Ключевой воды принагрем,
Изопьем водú — сердце обогрем!
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы со промыслу
Домой придем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке —

Мы ко тем ли да злым хозявам,
 Мы глазами не оглядимся,
 Резвых ног мы не обогрем —
 Как на ту же опять работу,
 Как на ту же опять тяжелу!
 Ты пойдешь ли, моя подружечка,
 По лугам ли да по зеленым,
 Ты по пожням, по сенокосам,
 Вспомяни-косе, бела лебедь:
 Всё мы вместе с тобой ходили
 Всё на долгих да на покосах,
 На широких да на пограбах,
 На тяжелой да на работушке!
 Тяжелым ли да тяжело было,
 Молодым ли да нам молодехоньким
 Не по силушке да было нашей!
 Тяжело рукам доставалось,
 Могучи плеча уставали,
 Со работы ноги дрожали,
 Со тяжелой мы уставали,
 Мы не плату да получали,
 Хошь копеечки собирали!
 Что за наш-то труд-работушку
 Кто ли денежки собирал,
 Себе богатство да наживал!
 Подойдет-то пора-время,
 Докатится час-минутушка
 До тебя ли, до красной девушки,
 Как в расстанюшке житья девьего
 Спомяни-косе, бела лебедь,
 Про меня ли, про красну девушку:
 Каково было мне-ка, красной девушке,
 Таково будет тебе, белой лебеди!

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

УТРО ДНЯ СВАДЬБЫ
У ЖЕНИХА

Дружка читает заговор от «еретника».

Будь наша хоромина пресветлая,
Благословенная:
Каждая дырочка,
Каждая щелочка,
Со дверьми, с окошечками,
С окладными со бревешечками,
Кругом нашей хоромины
Каменная ограда с залезным тыном!
Кто эту ограду городил?
Ангелы Господние!

Он восклицает:

Благословите, все гости,
Нашего большого друженьку
С малыми полудружьями,
С нашим князем — молодым обрушным!

Читает шепотом:

Заговорю я еретника:
Губы-зубы, глаза — в косицу,
Язык колом во веки веков!
Еретник, сам себя еретничай,
Режь свое тело,
Пей свою кровь! (3 раза.)

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная,
 Тысяцкой — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полюбовные!
 Позвольте мне,
 Князь молодой новобрачной,
 Выступить из высокого терема
 На широкую улицу,
 В стоила стоялые,
 Во дворы, в конюшни!
 Отпирал я замки висячие,
 Вынимал запоры булатные,
 Отворял ворота широкие,
 Заходил я в стойла стоялые,
 Во дворы, в конюшни,
 Смотрел добрых команей,
 Накладывал я на их уздечки тасмяные,
 В белые руки брал,
 По крутым бедрам стегал,
 По уму, по разуму выбирал;
 Накладывал уздечки тасмяные,
 Седельшко черкасское,
 Хомутик астраханской,
 Шлейки строченые,
 Гужики шелковые,
 Вожжечки гарусные
 И с тех стойлов стоялых,
 Дворов-конюшен
 Сдергивал санки-скочки пошавеночки,
 Запрягал я своих добрых команей,
 Ставил на путь-дорогу
 Как сесть да ехать!

Иду я, предъезжий дружка,
 С молодым подружием
 С широкой улицы на крыльцо белодубовое,
 На моста калиновы
 Ко князю молодому новобрачному
 В дом благодатной;
 И в сем доме благодатном,

Образец набойки. XIX в. Архангельская область

У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшко родимой, матушка родная!
 Ходил я в стойла стоялые,
 Во дворы-конюшни,
 Смотрел я добрых команей,
 В белые руки брал,
 По крутым бедрам стегал,
 По уму, по разуму выбирал,
 Накладывал я уздечку тесьманую,
 Седельшко черкасское,
 Хомутик астраханской,
 Шлейки строченые,
 Гужики шелковые,
 Вожжечки гарусные;
 С этих стойлов стоялых, дворов-конюшен
 Сдергивал санки-скачки пошавеночки,
 Запрягал я добрых команей,
 Ставил я на путь-дорогу
 Как сесть да ехать!

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый,
 Матушка родная!
 Хочу я спросить у вашей милости:
 Чем вы будете
 Нашего князя молодого новобрачного,
 Чем вы будете его благословлять,
 Чем будете в путь-дорогу наделять:
 Куницами, или лисицами,
 Или черными соболями,
 Заморскими зверями,
 Златом-серебром,
 Скатым жемчугом,
 Хлебом-солью или святым образом?

Извольте стать на свои резвые ноги,
 Батюшко родимый, матушка родная!
 Извольте взять
 В белые руки святую икону,
 Благословляйте чада милого,
 Голубя сизого,

Лебедя белого,
Сокола ясного,
Нашего князя молодого новобрачного
В путь-дорогу ехать
По княгиню молодую новобрачную,
Взять за правую руку,
За белые персты,
За золотые перстни;
В путь-дорогу ехать!

Стоит наш князь молодой обрушной
Среди полу дубового:
Он горьки слезы утирает тонкими полотнами,
Просит родительское благословение!
Приступись, хресной батюшко,
Хресна матушка!

Крестные родители благословляют жениха малой иконой, говоря: «Бог благословит!», жених им кланяется в ноги.

Добро жаловать ехать, друженька,
В поезде по темным лесам,
По чистому полю,
По долам, по горам,
По сиверным логам,
По большим деревням
К нашей княжешке молодой обрушной
К высокому терему со ласковым словом,
Со своими лошадями,
Как с белыми лебедями!
Дружка, при встрече ни от кого не отворачивай —
Пусть они нам отворачивают!
Полудружья, добро жаловать ехать
В чистое поле
На киян-море серу утицу ловить!

Встают за стол. Дружка:

Не пьется, не естся, не кушется,
Бела лебедь не рушится
Без батюшка родимого,
Без матушки родимой!
Приступись со своим блюдечком позолоченным
Жениха позолотить,

Сваху подарить,
Дружку наделить!
Батюшко родимой!
Стол пошевелите,
Яству поначалуйте,
Поклон отдайте!

Отец жениха подходит к столу и просит кушать.
При окончании столования дружка восклицает:

Встаньте на ножки,
Помолитесь Пресвятой Богородице,
По три поклона положите,
А вы, полудружья, ступайте
Коней запрягайте;
А батюшко родимой, матушка родима,
Нашего князя молодого обрушнова благословляйте!

Зажигают перед образом свечи.

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшко родимой, матушка родная!
 Когда благословили своего чада милого,
 Голубя сизого,
 Лебедя белого,
 Сокола ясного,
 Нашего князя молодого новобрачного,
 Когда вы благословили
 Князя молодого новобрачного,
 То извольте вы снаряжаться,
 В путь-дорогу отправляться!

В сем доме благодатном,
 У князя молодого новобрачного,
 Есть батюшко родимой, матушка родная,
 Тысяцкой — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд
 И все гости любовные!
 Извольте вы снаряжаться,
 Исправляться
 Скоро в путь-дорогу ехать!

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Тысяцкой — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости любовные!
 Извольте выходить
 Из высокого терема на широкую улицу,

Извольте садиться на своих добрых команей,
 Все по коням,
 Все по местам,
 Все по чинам,
 Как соловьи по гнездам!

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная,
 Тысяцкой — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полюбовные!
 Благословляйте
 Нашего князя молодого новобрачного
 В путь-дорогу ехать
 По княгиню молодую новобрачную,
 Взять ее за правую руку,
 За белые персты,
 За золотые перстни;
 Извольте выйти
 Из высокого терема на широкую улицу,
 Садиться на своих добрых команей,
 Ехать в путь-дорогу ко святой церкви —
 Под золотой венец стать,
 Закон Божий принять,
 Заповедь Божию исполнить,
 Руса коса надвое расплести,
 Честной женой в дом ввести!

В сем доме благодатном,
 У нашего князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная!
 Есть ли у вас умницы певички —
 Сизые голубицы,
 Красные девицы:
 Аленькие платочки,
 Сизые волосочки,
 Кудреватые височки,
 Брови щипаные,
 Рожи мазаные,

Носы тянуты,
Походочки молодецкие,
Говоры лебединые?
Благословляйте
Нашего князя молодого новобрачного
В путь-дорогу ехать
Со святою Божией милостию!

•

В сем доме благодатном,
У нашего князя молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная,
Тысяцкой — большой человек,
Княжна сваха — большая боярня,
Средний и меньший,
Весь княжеский молодецкий поезд,
Все гости полюбовные!
Извольте выйти из высокого терема на широкую улицу
Ехать в путь-дорогу,
Когда выйдете
Из высокого терема на широкую улицу,
Извольте вы садиться
На своих добрых команей,
Все по коням,
Все по местам —
Как соловьи по гнездам!..

•

Мир — народ,
Стары, малы,
Усаты, бородаты,
Холосты-неженаты,
Белы, кудреваты,
Молодцы вожеваты,
Стрельцы, борцы,
Кулашные бойцы,
Удалые добрые молодцы,
Кутяна, полатяна, запечана,
Умницы молодые молодницы —
Сизые голубицы,
Белые лебедицы —
Красные девицы:
Брови щипаны,
Рожи мазаны,

Носы тянуты,
 Походки молодецкие,
 Говоры лебединые!
 Старые старухи,
 Маненьки ребята,
 Все гости полюбовные!
 Благословляйте меня,
 Предъезжего дружку,
 С молодым поддружем
 В путь-дорогу ехать!..

Когда мы поедem в путь-дорогу,
 Все по коням,
 Все по местам —
 Как соловьи по гнездам,
 Тогда извольте вы в путь-дорогу ехать
 Или нам прикажете?
 Кто нам настречу попадет
 Или брак с браком съедется,
 Как вы нам прикажете:
 В сторону пихать
 Или половину дороги давать?
 Извольте выходить
 Из высокого терема на широкую улицу,
 Извольте, гости полюбовные,
 Стать на свои резвые ноги,
 Прочитать молитву Господню на путь-дорогу
 Со всем честным браком!

В сем доме благодатном,
 У князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная,
 Тысяцкой — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньшей,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полюбовные!
 Извольте выходить
 Из высокого терема на широкую улицу!
 Я, дружка, с молодым поддружием
 Шапочку в руки взял,
 Сам из избы пошел!

Фрагмент мужской свадебной рубашки и пояса. 1920-е гг. Пензенская область

Мужская свадебная рубашка. 1920-е гг. Пензенская область

Повел наш большой друженька
Со своими малыми полудружьями
Нашего князя молодого обрушного
Со всем полком,
Со всем поездом храбрым!
Благословите, все гости званые,
Все почетные,
Все полюбовные!
Повел я по лакову полу
Из светлой светлицы,
Из белой столовой горницы:
Отпирайтеся, двери стеклянные,
Скобы хрустальные,
Крюки укладные,
Петли ветляные!
Повел нашего князя молодого обрушного по сенечкам!
У нашего князя молодого обрушного
Кони запряжены в карету,
Сани крашены,
Полозочки дубовы,
Копылочки ильмовы,

Вязочки вязовы,
 Постели пуховы!
 Садится наш князь молодой обрушной
 Со своим тысяцким,
 С большими боярами,
 С меньшими боярами!

В сем доме благодатном,
 У князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная,
 Тысяцкий — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости поллюбовные!
 Извольте выйти
 Из высокого терема на широкую улицу,
 Извольте садиться
 На своих добрых команей
 И ехать в путь-дорогу!

Наш князь молодой новобрачный,
 Тысяцкий — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полубовные,
 Все ли вышли
 Из высокого терема на широкую улицу?
 Все ли по коням?
 Все ли по местам,
 Как соловьи по гнездам?
 Вы извольте садиться
 На своих добрых команей,
 Чтобы всем было поровну
 На кажных санях,
 На кажных скочках,
 Чтобы не было ни спору, ни содому,
 Чтобы все было по глаголу!

[Дружка] берет воску с конца свечи, закатывает его в челку коню и, держа его на правое ухо, тихо говорит заговор:

Послужи, конь, чё тебе велят,
 Пособи мне, добрый конь,
 Дороженьку топтать!
 Посажу я на тебя, на доброго коня,
 Егорья Храброго со слугами со могучими,
 Со стрелами со калеными!
 Стреляй и пали всех врагов и супостатов,
 Ушами прытко стриги,
 Врагов гони,
 Чтобы не приступились к тебе,
 К коню храброму!

Мир-народ,
 Стары, малы,
 Усаты, бородаты,
 Холосты-неженаты,
 Белые, кудреваты,
 Молодцы вожеваты,
 Стрельцы, борцы,
 Кулашные бойцы,

Платок. Нач. XX в.
Архангельская обл.

Удалые добры молодцы!
 Благословляйте
 Нашего князя молодого новобрачного
 В путь-дорогу ехать
 По княгиню молодую новобрачную,
 Под злат венец стать,
 Закон Божий принять,
 Заповедь Божию исполнить,
 Руса коса расплести,
 Надвое заплести,
 Честной женой в дом ввести!

Наш князь молодой новобрачный,
 Тысяцкий — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд!
 Все ли по коням,
 Все ли по местам —

Как соловьи по гнездам?
Извольте правою рукою стегнуть,
Так с места скакнуть!

В ограде поезжане сидят в санях.

Батюшко родимый!
Приступись со своим графином,
Со стаканом серебряным!
Подай-ка тысяцкому,
Большим боярам,
Меньшим боярам,
Большим новобрачным,
Передовым дружкам!
Из ограды выпускайте!
Растворились решетчаты ворота,
Поехали мы не на стрельбу,
Не на войну,
Только по нашу княгиню молодую обрушную!

Когда поедут от жениха к невесте, поезд останавливается за воротами, и дружка начинает наговор: он читает три раза Иисову молитву («Господи Иисусе»), за ней наговаривает:

Все ли в скопе,
Все ли в сборе,
Все ли в добром здоровьи?
Все ли выехали со двора,
Не осталось ли кого за столбом?
Свахонька-суредихонька!
Всех ли ты поезжан суредила,
Всех ли по козелкам усадила?
На наших поезжанах
Азямчики фабричного сукна,
Кушачки малинового цвету,
Перчаточки жамчатные,
Шапочки бухарчатые,
Шарфики у всех вязаны,
Головушки примазаны!
Взяли ли все,
Не забыли ли чё?
Взяли ли шубку,

Взяли ли юбку,
Взяли ли башмачки,
Взяли ли чулочки,
Взяли ли белильца,
Взяли ли румянца,
Взяли ли зеркальцо?
Свахонька-суредихонька,
Взяла ли ты пуховую подушку,
Чтобы не избить молодую молодушку
О виченную плетюшку?
Поехали мы за девкой,
Привезем молодушку!
Отец благословенный!
Мати порожденна!
Благословите нашего князя молодого
Под златой венец встать,
Святой закон принять,
А нам, дружкам, вперед ехать,
Путь-дорожку торить!

Все отвечают: «Бог благословит!»

Мир-народ,
 Стары, малы,
 Усаты, бородаты,
 Холосты-неженаты,
 Молодцы вожеваты,
 Стрельцы-борцы,
 Кулашные бойцы,
 Удалые добры молодцы,
 Скажите, не окляните,
 Меня, дружку, не обманите!
 Я к вам приехал не сам собой,
 Не насильно,
 Не навально,
 Не нахвально,
 Не самовольно,
 Я приехал от нашего от сизого голубя,
 От лебедя белого,
 От ясного сокола,
 От нашего князя молодого новобрачного!
 Наш князь молодой новобрачный
 Велел дом сыскать
 Или путь-дорогу указать!

Поезд подъезжает к воротам дома невесты. Ворота не открыты. У ворот стоит народ. Дружка наговаривает:

Ехал наш большой друженька
 Со своими малыми полудружьями,
 Со своим князем молодым обрушным
 Кочками трясучими,
 Болотами зыбучими;
 Каменные горы расступались,
 Решетчатые ворота растворялись,
 Нашего князя молодого обрушного пропускали!
 Вы что стоите не пропускаете?
 Вы не отворите —

У меня полудружья подскочат, отворят!
(Ворота отворяют.)
 Заезжает впереди
 Новобрашной передовой дружка
 К нашей княжешке молодой обрушной
 На широкий новый двор!

Здравствуйте, дети отецки,
 Жены молодецки,
 Все гости званы,
 Все незваны,
 Все гости почетны,
 Все гости полюбовны!
 Со всеми я здороваюсь!
 Ехал наш князь молодой новобрашный
 По темному лесу,
 По чистому полю,
 По долам, по горам,
 По северным лугам,
 По большим деревням
 К нашей княжешке молодой
 К высокому терему
 За тем же словом,
 За тем же приговором!
 Сидит наша княжешка молодая обрушная
 В каменном дому
 В верхнем этажу
 За стеклянными дверями,
 За хрустальными скобами,
 За укладными крюками,
 За ветляными петлями!
 Не болит ли буйна головушка,
 Не расплела ли трубчату косу,
 Не вывязала ли алы ленточки,
 Не побросала ли,
 В грязь не потоптала ли?
 Дождается ли своего князя молодого обрушного,
 Желает ли с им в Божью церковь ехать,
 Ко Евангелию приложиться,
 Перстнями перемениться,
 Закон Божий принять?

Вот сказали: «Дружка не «говорок»!»
Идет дружка-говорок,
Плечиками поворачивает,
Умильно поглядывает,
С ножки на ножку подскакивает,
Каблук о каблук поколачивает!
(Сам подскакивает.)

•

Раздайся, народ, на две стороны!
Пропусти меня,
Предъезжего дружку, с молодым поддружьем
На крыльцо белодубовое!
У вашия княгини молодой новобрачной
Которые стоят у дверей притворнички,
У ворот приворотнички!
Слышали вы колокольчики певкие —
И у меня голос приветливый!
Наш князь молодой новобрачный
Велел к воротам приступать,
Двери отворять
Или молитву сотворять!

•

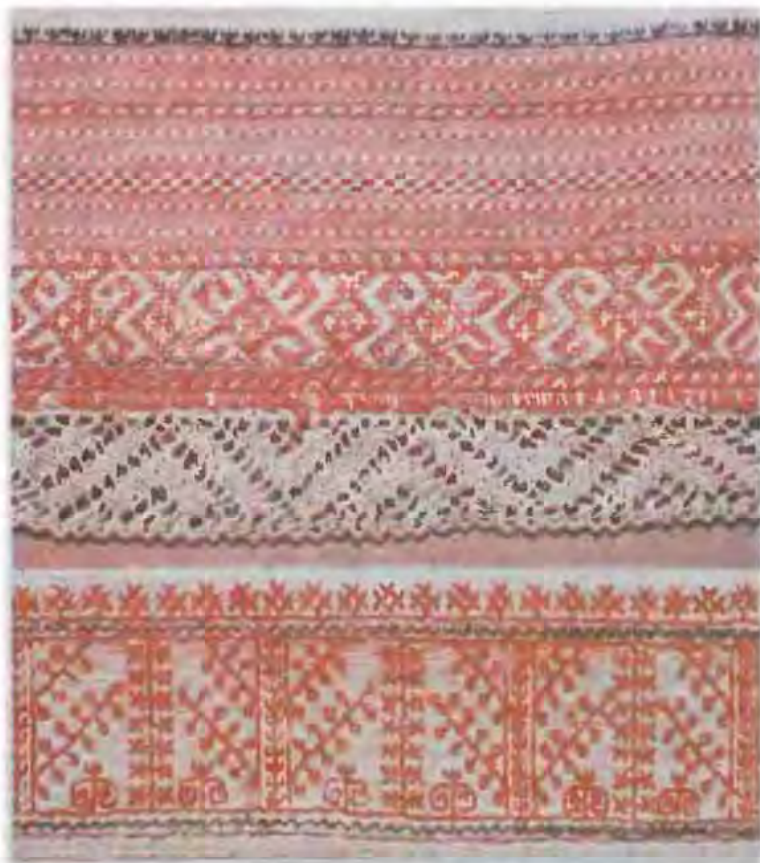
У ворот молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Боже наш, помилуй нас!» Они: «Аминь!»

Спасибо на аминь, на Божиим слове!
Голос я ваш слышу,
А в очи не вижу,
Не знаю я вас,
Как зовут и как величают!
Я к вам приехал не сам собой,
Не насильно, не навально,
Не нахально, не самовольно,
Я приехал
По приказанию князя молодого новобрачного!
Наш князь молодой новобрачный
Выходил из высокого терема на широкую улицу;
Я, предъезжий дружка, с молодым поддружием
Выходил из высокого терема на широкую улицу,
Я запрягал своего доброго команя,
И оседлал, и овожжал,
Шелковой плеткой стегал;

Мой добрый конь осердился,
 От сырой земли отделился,
 Скакал мой добрый комань с горы на гору,
 С холмы на холму,
 Горы, доли хвостом устилал,
 Мелки речки перескакивал;
 Доскакивал мой добрый комань до синего моря;
 На том синем море, на белом озере
 Плавали гуси серые,
 Лебеди белые,
 Соколы ясные!
 Спрошу я гусей и лебедей:
 Где этот дом,
 Где этот терем —
 Наши княгини молодой новобрачной?
 На то мне гуси отвечали:
 «Поезжай к синему морю в восточную сторону,
 Тут стоит дуб о двенадцати корней».
 Я поехал в восточную сторону,
 Доехал до того дуба;
 Выскочила кунка —
 Не та кунка, которая по лесу ходит,
 А та кунка, которая сидит в высоком тереме,
 Сидит на решетчатом стуле,
 Шьет ширинку нашему князю молодому новобрачному!
 Я, предъезжий дружка, с молодым поддружием
 Поехал по куньему следу,
 Доехал до высокого терема на широкую улицу,
 Ко княгине молодой новобрачной к высокому терему;
 След куний по подворотнице ушел,
 А назад двором не вышел;
 След куний отведи или двери отопри!

«Хто тут — комар или муха?»
 «Я не комар, не муха,
 Тот же человек — от Святого Духа!
 След куний отведи или ворота отопри!»
 «Поди под кутное окно!»
 «Наш князь молодой новобрачный
 По-под кутным окошкам не ходит,
 Спасенок не собирает,
 А прямо к воротам приступает!
 След куний отведи или ворота отопри!»
 «Милости просим хлеба-соли есть

Фрагмент рубахи женской
венчальной «долгостанец».
А. А. Демьянова. 1902 г.
Тверская область

Да по подворотенке лезь!»
«Наш князь молодой новобрачный
Мышьими норами не бегаёт,
Собачьими лазеями не лазает,
Прямо к воротам приступает!
Куний след отведи или ворота отопри!»
«Ворота заперты,
Ключи в море брошены!»
«Наш князь молодой новобрачный
Ездил к синему морю,
Нанимал рыбаков-удальцов,
Добрых молодцев;
Оне кидали шелковый невод,
Изловили белую рыбицу,
В той белой рыбице
Нашли золотые ключи
От высокого терема!
След куний отведи или ворота отопри!»
«Не по тому крыльцу зашел!»
«У вашей княгини молодой новобрачной

Имеется два крыльца:
 Одно дубовое, а другое кленовое;
 По этому крыльцу по белодубовому
 След куний по подворотнице ушел,
 Назад двором не вышел!
 След куний отведи или ворота отопри!»
 «Ворота лесом и чащей заросли!»
 «Наш князь молодой новобрачный
 Ездил к кузнецам к молодцам,
 Оне ковали топоры булатные,
 Нанимал работничков удалых,

Набивная ткань. XIX в.
Архангельская обл.

Оне чащу-лес вырубали,
 Ворота отворяли!
 След куний отведи или ворота отопри!»
 «Милости просим!»

У вашия княгини молодой новобрачной
 Есть которые стоят у дверей притворнички,
 У ворот приворотнички!
 Отпирайте замки висячие,
 Вынимайте запоры булатные,
 Отворяйте ворота широкие,
 Пропущайте меня,
 Предъезжего дружку, с молодым подружием
 Всех наперед!
 Хочу я спросить у вашия милости:
 Нет ли у вас на мостах калиновых
 Столбов близко,
 Перекладов низко,
 Чтобы мне, дружке, ступить,
 Да головы не проломить?

У вашия княгини молодой новобрачной
 Есть которые стоят у дверей притворнички,
 У ворот приворотнички!
 Извольте доложить княгине молодой новобрачной:
 У вас, княгиня молодая новобрачная,
 Ступеньки редки,
 Крыльцо высоко,
 Двери узки,
 Мосты низки;
 Извольте, княгиня молодая новобрачная,
 Ступеньки перебраться,
 Крыльцо приопустить,
 На мосты немецки сукна стлать,
 Чтобы нашему князю молодому новобрачному идти —
 Ног не замарать!

У вашей княгини молодой новобрачной
 Которые стояли у дверей притворнички,
 У ворот приворотнички!
 Извольте нашим добрым команям
 Представить конюхов хороших,
 Привязать ко столбам белодубовым,
 Чтобы на наших добрых команях
 Были бы сбруи целы, сохранны:
 У нас стоит одна узда полтора ста,
 Хомут да шлея два ста,
 Сани и дуга — не сказана цена,
 Чтобы это все цело и сохранно было!

У вашия княгини молодой новобрачной
 Есть которые стоят у дверей притворнички,
 У ворот приворотнички!
 Берите правою рукою за золоченую скобу,
 Отворяйте двери на пятау,
 Пропущайте меня, предъезжего дружку,
 С молодым подружием
 Ко княгине молодой новобрачной в высок терем!

У вашия княгини молодой новобрачной
 Есть которые стоят у дверей притворнички,
 У ворот приворотнички!
 Не имеется ли в вашем доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Нет ли под столами собак ярых,
 В куте старух старых,
 Ребят-ревунов,
 Петухов-клевунов,
 Знатков знатливых,
 Колдунов колдуливых,
 Чтобы на этом честном браке
 Скверного слова не было!

Чтобы нашему князю молодому новобрачному
 Зайти ко княгине молодой новобрачной
 В высок терем,
 Чтобы его старухи не обругали,
 Собаки не искушали,
 Ребята не осмеяли,
 Петухи не поклевали;
 Извольте вы собак вон выгнать,
 Молодых людей на честь,
 Старух на печь,
 Маленьких ребят в колыбель,
 Чтобы на сем браке честно и хорошо!

Есть у нашей княгини обрушной
 Стары старики,
 Пожилые мужики,
 Главные молодцы,
 Аккуратны удалцы!
 Приступитесь к нашему князю молодому обрушному
 И поздоровайтесь!
(Жених и тысяцкий сидят в санях в ограде.)
 Также поздоровайтесь:
 Вместо нашего князя молодого обрушного
 У его послан и выбран вместо себя
 Большой друженька с малыми полудружьями,
 К ему подойдете — поздоровайтесь!
 У меня, у друженьки,
 Ноженьки с подходом,
 Рученьки с подносом,

Язык с приговором,
 Буйна головушка с низким поклоном!
 У меня, у друженьки, бутылка стеклянна,
 Стаканы хрустальны,
 Наливаю вам зелена вина!
 Есть у нашей княгини молодой
 Стары старики,
 Пожилые мужики,
 Главные молодцы,
 Аккуратные удалцы,
 Пейте все:
 Пейте у ворот приворотнички,
 У дверей — придвернички,
 У брусков — забруснички,
 У матки — заматнички,
 У столов — застольнички,
 У трубчатой косы — прикоснички!
 Чем же дружке будет расплатиться:
 Или винком, или пивком,
 Или золотой казной?
 Чем желаете, тем и расплатимся!
 Желаете зеленым вином?
 Сладкой водочкой?
 Пейте вино и пиво не оставляйте,
 Разговоров не ведите,
 Между себя не деритесь,
 Пивко-то нам также припасайте!
 У нас тысяцкий большебрюхий:
 Он все выпьет!
 Дружка присел —
 Все чисто съел!
 (Идет в сени.)

У вашия княгини молодой новобрачной
 Я хочу спросить:
 У вас, княгиня молодая новобрачная,
 Пороги высоки,
 Двери низки,
 У меня, у дружки, ноги худые:
 Скок через порог —
 Едва ноги переволок!
 Захожу я, предъезжий дружка, с молодым подружием
 Ко княгине молодой новобрачной в высок терем
 С ласковым словом,
 С низким поклоном!

Вот сказали, что наша княгиня молодая
 Мостики не метила,
 Топором не скоблила!
 Вот сказали, что не дожидает
 Наша княгиня молодая обрушная
 Князя молодого обрушного!
 Мостички подмела,
 Топориком подскоблила
 И нашего князя молодого обрушного дождалась!
 По сеничкам все подмела веничком!

В сем доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Вижу я святые иконы:
 Правую рукою перекрещую,
 Хозяина в доме спрошуся:
 Я к вам приехал не сам собою,
 Не насильно, не нахвальню,
 Не навальню, не самовольно,
 Я приехал по приказанию его милости —
 Сизого голубя,
 Белого лебедя,
 Сокола ясного,
 Нашего князя молодого новобрачного;
 Наш князь молодой новобрачный
 Посылал сватовей верных,
 Сватовья верно сватали,
 Богу молились,
 На том уложились!

Дружка заходит в избу.

Здорово живете, сватушко со сватьей!
 Я спрошу: нужно ли наговаривать
 Или «всяко-просто»?

Если скажут: «Ну-ко наговаривай», наговаривает. После наговора отдает говядину и хлеб.

По честь примите,
 А блюдо назад тащите!
 Придут от нашего князя молодого обрушного
 Большие свахоньки:

Русу косу расплетать,
Шаль коврову надевать!
Алы ленты [невеста] подарила ли?
Не подарила — сейчас подари!

По приезде поезда к невесте дружка с полудружьями идут в избу к невесте, поезжане остаются в ограде и дожидаются, пока возвратится дружка и пригласит их в избу. Подойдя к дверям избы, дружка читает молитву Исусову три раза. Хозяин говорит: «Аминь», и дружка с полудружьями заходят в избу. Стоя среди избы, дружка начинает наговаривать:

Здравствуйте, господа,
Явился дружка к вам сюда!
За кого вы будете меня почитать?
За русского ли царя
Или за французского богатыря?
Нет, я не русский,
Я не французский,
Я хорошо воспитан был
И смолоду везде я жил:
Был я в Тамбове,
Был я в Ростове,
Был я в Рязани,
Был и в Казани,
Был в Париже,
Был и ближе,
Но не видал такой веселой компании,
Какая здесь собралась!
Есть на мне мундир:
Семьдесят семь дыр,
Пятьдесят две заплатки,
С меня взятки гладки!
Любезный сватушка
И любезная сватьюшка!
Зашел я к вам не в клить,
Нельзя ли чем язык отлить?
(Сват подает вино.)
Теперь за этот стакан
Читать решился я невольно,
Нужда заставила меня!
Она мне сердце давит больно:
Прошу вас выслушать меня!
Если знать вы все хотите,

То повнимательней сидите,
 То узнаете тогда мою молитву до конца!
 Теперь я, дружка, к вам пришел
 И всем радость вам принес:
 Окорок капусты
 И вилок ветчины!
 Здравствуй, кут,
 Здравствуй, брус!
 Здравствуйте, старые старички
 И дорогие гостеньки!
 Здравствуйте, старые старушки
 И молодые молодушки!
 Здравствуйте, красные девицы,
 Пирожные мастерицы!
 Здравствуйте, столы и скамейки
 И вся дорогая семейка!
 Здравствуй, сват и сватья,
 Сегодня ли у вас свадьба?
 (Ответ: «Сегодня».)
 Как мы ни годили,
 А в один день угодили,
 Пива и винца наварили!
 Ты теперь, сватушко,
 Свою-то родню попотчуй пивцом,
 А нашу-то винцом!
 Мы напьемся у тебя попьанее,
 Будем говорить про тебя повеселее,
 Что хорошо напоил сватушко дорогой!
 Нельзя ли за это выпить по рюмочке по одной —
 А за другую опять скажем!
 (Опять подают вино.)
 Мы приехали к вам не со Слудки,
 Не на семеры сутки,
 Не день дневать,
 Не ночь ночевать,
 А попить-погулять,
 А к ночи опять домой уезжать!
 Приехали к вам не в осуду,
 А опростать посуду;
 Стали мы сегодня с полночи,
 Гнали что есть мочи,
 А рассветало,
 [По] лужкам ехали-торопились,
 В трех соснах заблудились,
 Ехали по вашему волоку:
 Ваш волок — семь елок,

Полотенце. XIX в. Архангельская область

Я на каждую елку глядел —
 Очень ись-пить захотел!
 Сватушко дорогой,
 Нет ли у вас примочек из винных бочек?
 (Опять подают вино.)
 Теперь, любезная сватушко
 И любезный сватьюшка!
 Станьте на скамеечку
 К среднему окошечку,
 Посмотрите в окошечко —
 На вашем поле
 На наших конях едет свадьба!
 Конички у нас у всех вороные,
 Кареточки городовые,
 Дуженьки вязовые,
 Оглобельки ветловые,
 Заверточки шелковые,
 Хомуты с плащам,
 Вожжи с клещам,
 Уздечки тесьмяные —
 С большим кистям!
 Ехали-понужали —
 К широкому двору подъезжали;
 Подъезжали к вашей деревне,
 Как к городу,
 А к вашему дому — как к терему;
 Как у ваших у ворот
 Стоит дворник Сиволот
 И зевает во весь рот;
 Сторонись, братцы-народ,
 Чтобы кому дружка не замчался в рот!
 Любезный сватушко
 И любезная сватьюшка выходили,
 Златые ключи выносили,
 Немецкие замки отпирали
 И нас на двор впускали!
 Мы становили лошадей
 Среди широкого двора
 У парадного крыльца,
 Привязывали их к златым столбам
 Шелковым поводам
 Немецким узлам!
 Теперь, любезный сватушка,
 Дайте нашим лошадям сена по копне
 Да овса по зобне,
 Сена зеленого,

А овса толченого,
 А то хлеба,
 А если нет хлеба печеного,
 То ты, сватушко,
 Найди нам человека:
 Мы с него снимем портки
 И заставим всю ночь овес толчи!
 Наш молодой князь остался в чистом поле,
 В широком раздолье
 В полном здоровье,
 А ваша княгиня как?
(Ответ: «Тоже, слава Богу, здорова!»)
 Наш сватушко этому сильно обрадовался,
 Из горенки в горенку похаживает,
 Из шкафчика во шкафчик поглядывает,
 Бутылочки переставлял
 И нам, дружкам, по рюмочке водочки наливал!
(Опять подают вино дружке.)
 Теперь я тебе, любезный сватушко,
 Скажу и прикажу:
 Трубу закрыть,
 Двери затворить!
 Поставьте ко столу столыничка,
 Ко дверям притворщичка,
 К печке стряпею,
 Чтобы печку открывала,
 Бочечку отгыкала;
 Мне дайте, дружке,
 Стульчик с перильцам,
 Чтобы навалиться широким крыльцам!
 Дайте ложку-долгочеренку:
 Как хлебнуть, так и за пояс заткнуть,
 Молодых молодушек под бок ткнуть,
 Чтобы оне не дремали,
 А почаще нам ись-пить подавали —
 Я пить-то не пью, да честь люблю!
 Боюсь, чтобы мне самому не напиться
 И тебя не напоить,
 Да и ваших гостеньков не удивить.
(Подают вино.)
 А вы, малые ребятишки —
 Синие пупки,
 Косые желудки,
 Через брус на меня, дружку,
 Глядеть глядите,
 Да на меня, дружку,

Фрагмент полотенца. XIX в. Архангельская область

Конец полотенца. XIX в.
Архангельская область

Не уроните соплей мотушку,
 А идите в чистое поле,
 В широкое раздолье!
 Вам там посеян загон репы,
 Вы его рвите,
 В середку не ходите
 Да и не деритесь!
 А если раздеретесь,
 То я приду на суд,
 Принесу еловый сук
 И всех вас перепорю!
 А вы, красные девицы —
 Пирожные мастерицы!
 Идите за ворота:
 Вам там поставлен горшок каши,
 Вы его хлебайте,
 А лбы не марайте
 И меня-то, дружку, не ругайте!
 А если не хватит,
 Я ишо добавлю!
 А вы, старые старички —

Седые бородки,
Умные головки!
Садитесь по лавке в кут,
Я вам дам шерсти пуд да пива куб!
Вы пиво пейте,
Шерстку теребите,
Да и меня, дружку, хвалите,
Что хорошо устроил!
А вы, старые старушки,
Пожилые молодухи,
Набоковые шамшуры,
Толстые синюхи,
Косые заплаты,
Лицом вы рябоваты,
А сзади горбаты!
Становитесь ко стене лицом,
Чтобы удобнее было вас хлестать бичом!
А полезайте на полати —
Гнилой лук перебирати!
Вы на меня, дружку, не сердитесь:
Я ведь ругаю тех,
Которым семьдесят лет,
А здесь таких, наверно, нет;
Вы на меня, дружку, не сердитесь,
А лучше по доброй воле по домам разойдитесь:
Да молодых молодухек пошлите
Про нас, поезжан, песенку спеть,
Нашего молодого князя развеселить
И молодую расхвалить,
А с нас, поезжан, денег получить:
С кого — алтын,
С кого — пятак,
А с меня, дружки, можно и так,
Но если заспорите, то и я отдам!
А теперь, любезный сватушко
И любезная сватьюшка!
Милости просим
Встретить нашего князя молодого,
Тысяцкого, поневестницу,
Больших бояр и малых бояр
И всех любезных поезжан!
Ты, сватушко, иди с винцом,
А ты, сватьюшка, с пивцом!
Винцо-то неси не шкаличком, не косушечкой,
А целой четвертушечкой!
Стаканчик не выбирай,

А в обе руки забирай,
 Подноси — не сплесни,
 Подавай — прибивай,
 Участи-улести,
 Чтобы не совестно было завтра самому приехать!
 Это ишо не сказка, а присказка,
 Сказка будет впереле:
 На той неделе — к середе,
 А пока этой молитве аминь,
 А за ее ишо выпьем стаканчик один!

Дружка уходит в ограду и приходит с дарами.

Меня, дружку Петрушку,
 Ишо поезжана
 К вам в избу послали —
 Молодую навестить
 И подарок подарить!
 Я, дружка Петрушка,
 На легоньких ножках,
 Сафьяновых сапожках
 Шел у вас по сеням —
 Чуть меня телята не съели!
 Телята у вас стоят страшные,
 Лбы у их стышные,
 Брюха рваные,
 Ноги драные!
 Я их испугался,
 За скобочку схватался;
 Скок через порог,
 Едва ножки переволок,
 Глаза упер в пол и потолок!
 Расступися, народ!
 Расшатися, народ!
 Дайте дружке дорожку,
 Чтобы не наступить кому на правую на ножку!
 Которая здесь молодая?
 Прошу тебя на резвые ножки стать
 И нам, дружкам, поклон воздать,
 А от нас гостинец принять!

Невеста принимает гостинец. И тогда все идут в ограду встречать поезжан.

В сем в доме благодатном,
У нашия княгини молодой новобрачной,
Есть батюшко родимый и матушка родная;
Я хочу спросить у вашей милости
Про княгиню молодую новобрачную:
Во всем ли она здоровье,
Во всем ли она благополучии
На сей день Господень пребывает?

В сем доме благодатном,
У княгини молодой новобрачной,
Есть батюшко родимый и матушка родная;
Я хочу спросить у вашей милости:
Все ли готово,
Всё ли исправно,
Засвечены ли свечи восковые святым иконам,
Стоят ли столы белодубовые,
На тех столах белодубовых
Набраны ли скатерки шелковые,
Ястия сахарныя,
Пития медовыя,
Накладены ли ложечки кленовыя,
Вилочки точеныя,
Ножички булатныя,
Все ли готово, все ли исправно?

Наряжена ли княгиня молодая новобрачная
В убранном одноцветном платье,
Сидит ли она на почтенном месте —
За столом белодубовым?
Меня, предъезжего дружку,
Послал наш князь молодой новобрачный
Всех наперед,
Велел он вам, княгиня молодая новобрачная,
Челобитье справить,
Челом ударить
И низкий поклон воздать:
«Здравствуй, княгиня молодая новобрачная!»

В сем доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Имеются ли у вас грицы-певицы —
 Молодые молодницы,
 Красные девицы —
 Сизые голубицы,
 Белые лебедицы —
 Красавицы молодницы;
 Аленьки у вас платочки,
 Белые волосочки,
 Кудрявые височки,
 Брови щипаны,
 Нося тянуты,
 Походочки молодецкие,
 Говоры лебединые?
 Я не знаю, вас [как] по святому имени звать,
 По отчеству величать;
 Прошу всех вообще — по низкому поклону:
 «Здравствуйте, сватовья, сватьяшки!»

В сем доме благодатном,
 У нашей княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый и матушка родная;
 Я хочу спросить у вашей милости:
 Чем вы будете
 Нашего князя молодого новобрачного встречать,
 Чем вы будете принимать:
 Куницами или лисицами,
 Черными соболями,
 Заморскими зверями,
 Златом-серебром,
 Скатым жемчугом,
 Хлебом или солью
 Или пьяной переварой?

В сем в доме благодатном,
 У ваши княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Извольте вы налить чашечку пивца
 За добрые сердца,
 Извольте вы мне, предъезжему дружке,

Взять сальную свечу посветить,
Чтобы мне за что не запнуться,
Голову не проломить,
Нашему подвоскому пива не пролить, —
Это-то вам будет честно и нам хорошо!

В сем в доме благодатном,
У княгини молодой новобрачной,
Есть батюшко родимый, матушка родная;
Имеется ли в вашем в доме благодатном,
У вашие княгини молодой новобрачной,
Имеется ли крестная матушка,
Нашей княгине свашенька?
Извольте, свашенька, нарядиться,
Поскорее налить чашечку пивца
За добрые сердца,
Стречать нашу свашеньку со широкой улицы;
Наша свашенька
Сердита, спесива, гордлива:
Она не ходит по ступенькам кленовым,
По крыльцам белодубовым;
Наша свашенька ходит по атласу-бархату,
По сукну серонемецкому;
Наша свашенька на ступень ступит —
Сто рублей платит,
На другую ступит —
Двести рублей платит,
На третью ступень ступит —
Всему дому не будет подъему!

Беру я свахоньку дорогую,
Погоняхоньку золотую,
Идти ко князю молодому обрушному
Со свахами поздороваться,
Нашего князя молодого обрушного
Завести в каменный дом,
В верхний этаж!

•

Идет с двумя свахами невесты в ограду. В ограде и происходит встреча свах, и поезжане все приходят в избу с женихом и тысяцким во главе.

Батюшко, благослови,
Матушка, повели заходить за столы дубовые!

Просит зажечь свечи перед иконами.

Ехали мы темными лесами,
Калиновыми мостами;
Под нами калиновы мостички подломились,
Мы все огнива перемочили!
Приехали мы с ветру —
Пожалуйте нам свету!

•

Благословите, батюшко родимый,
Матушка родима,
Ко князю молодому обрушному
Отходить из-за грядки дубовые,
Из-за занавесы шелковые!
Иду по светлой по светлице,
По белой столовой горнице:
Иду по лакову полу,
Берусь за скобу хрустальну,
Выхожу я на белые мосточки,
По шелковы чулочки,
По черны чеботочки!

Приносит с собой из саней дары невесте.

Благослови, батюшко родимый,
За грядку зайти!
У меня, у дружки,
В рученьках белые чулочки,
Черны чеботочки,
Ало платье с румянами,
С рыбьими гребнями,
Со своими булатными кладешками,
С камфарными мылами!
Русы волосы причесывать,
Алы ленты побросать!
Приступитесь, братцы миленькие,
Сестрицы родименькие!

●

Извольте вы, княгиня молодая новобрачная,
Встречать нашего князя молодого новобрачного
Со всеми гостями полюбовными!
Извольте, князь молодой новобрачный,
Заходите в высок терем
Со всеми гостями полюбовными:
Наша княгиня молодая новобрачная
Бьет хлебом да солью,
Сверх того — пьяною переварою!

●

В сем в доме благодатном,
У княгини молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте приступитесь ко столам белодубовым,
Извольте вы нашим добрым команям
Представить конюхов хороших,
Привязать к столбам белодубовым,
Надавать сена до колена,
Овса до щетки,
Белояровой пшены до вгребу,
Сена зеленого,
Овса ядреного —
Чтобы это было все исправно!

●

В сем в доме благодатном,
У княгини молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый и матушка родная;

Извольте приступить к столам
белодубовым,
 У нашего князя молодого новобрачного
 И у всех гостей полюбовных
 Взять шапочки и рукавицы,
 Чтобы шапочки не смешались
 И рукавицы не потерялись,
 Чтобы все это цело, сохранно!

•

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Имеются ли у вас в куте за занавесой
 Грицы-певицы — молодые молодницы,
 Сизые голубицы,
 Красные девицы:
 Аленьки платочки,
 Белые волосочки,
 Кудреватые височки,
 Брови щипаны,
 Рожи мазаны,
 Носы тянуты,
 Походочки молодецкие,
 Говоря лебединая?
 Раздайтесь шире на две стороны,
 Пропустите нашего сватушка
 В куть за занавесу,
 За шитую-полотняную,
 За белую-перебраную,
 Дарить честной брак!

•

В сем доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Извольте приступить к столам
белодубовым;
 Я хочу спросить у вашей милости:
 Нет ли у вас из дяков,
 Из духовных отцов,
 Из грамотных людей?
 Извольте прочесть молитву,
 Извольте — скажите
 Или нам прикажите!

Валек. М. Шапошников.
 1786 г.

Фрагмент валька. М. Шапошников. 1786 г.

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть матушка родная;
 Извольте приступить к столам белодубовым
 У нашего князя молодого новобрачного
 И княгини молодой новобрачной,
 Извольте приступить ко столу,
 Рука с рукою сложить,
 Нога с ногой заплести,
 Закон Божий свести!

Вы плакали — да проплакали;
 А мы плясали — да выплясали!
 Батюшка родимый, матушка родима!
 Умели вы свое чадо милое
 Вспоить-вскормить,
 Обшивать-обмывать,
 За кросна посадить,
 Ткать научить!
 Наша княгиня молодая
 По бору не гуляла,
 Шишечки не сбирала,
 Дары приносила,
 Скатерти вытыкала,
 Дары припасала,
 Полотна вышивала
 Своими белыми руками,
 Мягкими мякишками,
 Востроканскими иглами,
 Шелковыми нитками!
 Также благословите
 И умеите за столы дубовы завести!
 Отступитесь
 От нашего князя молодого обрушного
 Все свадебжана,
 Все поезжана!
 Веди нашу княжну молодую обрушную,
 Родимый батюшко,
 Три поклона положить,
 Богу помолиться!

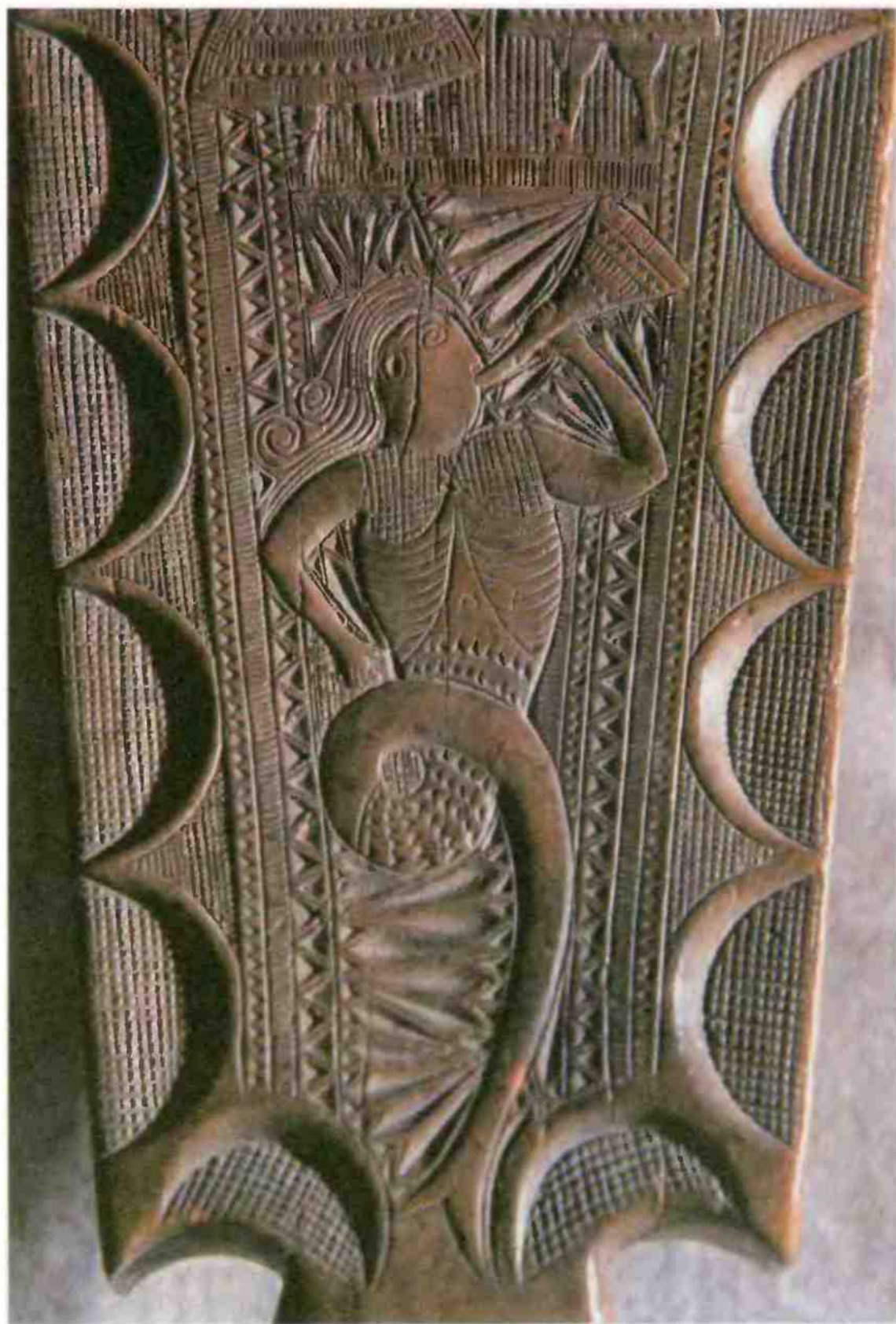
В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Наш князь молодой новобрачный,
 Тысяцкий — большой человек,
 Княжна сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полубовные!
 Извольте садиться за столы белодубовья,
 За скатерки шелковые,
 За ястия сахарныя,
 За пития медовья,
 Свои места знайте,
 Не забывайте;
 Мне, предъезжему дружке, с молодым подружием —
 Скамья белодубовая!
 Вы, князь молодой новобрачный,
 Садитесь в передний угол
 На белодубовую лавочку,
 На кунью шубочку,
 На соболью лапочку,
 Под святые иконы,
 Под свечи воскояровы;
 На том почтенном месте
 Сей день Господь Бог почтил!
(Все гости за стол сели — нужно дарить гостей.)

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Извольте вы приступиться ко столам белодубовым,
 Извольте со столов пироги унести,
 Питие, ястие принести!

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть старушка-стряпочка —
 Сизая лапочка!
 Изволь — заслоночкой стучи,
 На стол пития принеси!

Фрагмент валька. М. Шапошников. 1786 г.

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Наш князь молодой новобрачный;
 Извольте встать на резвые ноги,
 Взять княгиню молодую новобрачную
 За правую руку,
 Выйти из-за стола белодубового,
 Встать на резвые ноги,
 Изволь, князь молодой новобрачный,
 Взять графин с водкой,
 Княгине молодой новобрачной —
 стакан с подносом
 И угощать ваших гостей полубовных!

Сидят за столами. Дружка, обращаясь к зрителям, восклицает:

Стары старики,
 Пожилые мужики бородатые,
 Ступайте домой,
 Коням мешайте,
 Своих сыновей в лес на работу посылайте!
 Стары старушки,
 Запечные стряпушки,
 Ступайте домой,
 За прядницы садитесь,
 С маленькими ребятами водитесь!
 Маленькие ребятки — худые заплатки,
 Ступайте домой,
 Лотки морозьте да катайтесь!
 А молодые удалцы,
 Главные молодцы,
 Посмотрите-поглядите:
 Вам это же будет!
 Красные девицы,
 Подойдите и поглядите!

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшко родимый, матушка родная;
 Извольте приступить ко столам белодубовым,
 Хлеб-соль звеличать,
 Честных гостей на ноги поднять!

Как «отстолуют», дружка восклицает:

Надо огня добыть,
Молодых благословить!
Приступись, отец,
Становись на отецко место,
Мать — на материнско,
Крестный — на крестного место,
Крестна на крестницко!
Есть у нашей княгини молодой
Икона Пресвятой Богородицы —
По три поклона положите!

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Чем вы будете своего чада милого,
Голубя сизого,
Лебедя белого,
Сокола ясного,
Нашего князя молодого новобрачного
И княгиню молодую новобрачную —
Чем вы будете благословлять?
Чем будете в путь-дорогу наделять?
Куницами или лисицами,
Черными соболями,
Заморскими зверями,
Златом-серебром,
Скатным жемчугом,
Хлебом-солью
Или благословением великим?

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть княгиня молодая новобрачная
И князь молодой новобрачный;
Чего вы будете просить:
Куниц или лисиц,
Черных соболей
Или заморских зверей,
Злата-серебра,
Скатного жемчуга
Или благословения великого?

•

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте благословлять чада милого,
Голубя сизого,
Сокола ясного,
Нашего князя молодого новобрачного
И княгиню молодую новобрачную
В путь-дорогу ехать
Ко святой Божией церкви,
Под злат венец стать,
Закон Божий исполнять,
Заповедь Божию принять,
Руса коса расплести,
Надвое заплести,
Честной женой в дом ввести!

•

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте стать на резвые ноги,
Взять святую икону в белые руки,
Благословлять князя молодого новобрачного
И княгиню молодую новобрачную!
Извольте, князь молодой новобрачный,
Правою рукою перекреститься,
Ко святой иконе приложиться!

В сем в доме благодатном,
У княгини молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый и матушка родная;
Настало время наряжать
Княгиню молодую новобрачную ко злату венцу;
Извольте наряжать-исправлять,
Скоро ко злату венцу ехать!

В сем в доме благодатном,
 У молодой новобрачной,
 Есть князь молодой новобрачный
 И княгиня молодая новобрачная;
 Извольте выступить из-за столов белодубовых,
 Извольте, княгиня молодая новобрачная,
 Наряжаться,
 Втирать белила бело,
 Румяна ало,
 Надевать одноцветную юбку,
 Накладывать соболью шубку,
 Шаль шелкову!

В сем в доме благодатном,
 У молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Я хочу спросить у вашей милости:
 Нарядили ли княгиню молодую новобрачную?
 Все ли готово,
 Все ли исправно?
 И запряжены ли добрые комани,
 И поставлены ли на путе на дороге,
 Чтобы сесть да ехать?

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Извольте вы запрягать доброго команя
 Под княгиню молодую новобрачную
 В путь-дорогу ехать
 Ко святой Божией церкви,
 Под злат венец стать,
 Закон Божий исполнять,

Женский праздничный костюм. 1920-е гг. Пензенская область

Заповедь Божию исполнить,
Руса коса расплести,
На две заплести,
Честной женой в дом ввести!

•

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Наш князь молодой новобрачный
И тысяцкий — большой человек,
Князя сваха — большая боярня,
Средний и меньший,
Весь княжеский молодецкий поезд!
Тысяцкий-подвоской!
Извольте взять святую икону в белые руки,
Ехать в путь-дорогу!

•

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте приступить к столам белодубовым;
Я хочу спросить:
Все ли готово,
Все ли исправно?
Извольте вы выдать нашим гостям полюбившим
Шапочки и рукавицы —
Пора и время ехать в путь-дорогу!

•

В сем в доме благодатном,
У молодой новобрачной,
Есть наш князь молодой новобрачный,
Тысяцкий — большой человек,
Князя сваха — большая боярня,
Средний и меньший,
Весь княжеский молодецкий поезд;
Извольте вы выходить
Из высокого терема на широкую улицу
И садиться на своих добрых команей,
На санки-скочки пошавеночки
И править в путь-дорогу!

Фрагмент женского
 праздничного костюма.
 1920-е гг. Пензенская
 область

В сем в доме благодатном,
 У княгини молодой новобрачной,
 Есть грицы-певицы —
 Молодые молодницы,
 Сизые голубицы,
 Белые лебедицы —
 Красные девицы:
 Аленьки платочки,
 Белые волосочки,
 Кудреватые височки,
 Брови щипаны,
 Рожи мазаны,
 Носы тянуты,
 Походочки молодецкие,
 Говоря лебединые!
 Благословляйте
 Нашего князя молодого новобрачного
 И княгиню молодую новобрачную
 В путь-дорогу ехать!

Наш князь молодой новобрачный,
Тысяцкий — большой человек,
Князя сваха — большая боярня,
Средний и меньший,
Княжеский молодецкий поезд,
Все гости полюбовные!
Извольте съезжать
С широкой княгининой улицы
В путь-дорогу с Божиею милостью!

Мир-народ,
Стары, малы,
Усаты, бородаты,
Холосты-неженаты,
Белые, кудреваты,
Молодцы вожеваты,
Стрельцы-борцы,
Кулашные бойцы,
Удалые добры молодцы!
Благословляйте
Нашего князя молодого новобрачного
В путь-дорогу ехать,
Под злат венец стать,
Закон Божий принять,
Заповедь Божию исполнять,
Руса коса расплести,
Надвое заплести,
Честной женой в дом ввести!

Подъезжаю я, предъезжий дружка,
 С молодым поддружием
 Ко святому Божьему храму на широкую улицу;
 Тут стоят удалые добрые молодцы,
 Старые старики,
 Пожилые мужики,
 Старые старушки,
 Молодые молодухи,
 В том числе — крестьяне и мещане,
 Всех я не знаю, [как] по святому имени звать
 И по отчеству величать!
 Всем по низкому поклону:
 «Здравствуйте, господа!»

Наш князь молодой новобрачный,
 Княгиня молодая новобрачная,
 Тысяцкий — большой человек,
 Князя сваха — большая боярня,
 Средний и меньший,
 Весь княжеский молодецкий поезд,
 Все гости полубовные!
 Все ли вышли из святой Божией церкви
 На широкую улицу?
 Извольте добрых команей изладить-исправить
 Как сесть да ехать!

У всего святого храму
 Стоят удалые добрые молодцы,
 Старые старички,
 Пожилые мужички,
 Есть купцы и мещане
 И государственные крестьяне,

Молодые молодицы —
Сизые голубицы,
[Красные девицы —]
Белые лебедицы:
Аленькие у вас платочки,
Белые волосочки,
Кудреватые височки,
Брови щипаны,
Рожи мазаны,
Носы тянуты,
Походочки молодецкие,
Говоря лебединая;
Старенькие старушки,
Маленькие ребятишки!
Я не знаю, вас [как] по святому имени звать,
По отчеству величать;
Прошу я всех вообще
К нашему князю молодому новобрачному
Пиво пить да меду есть!
У нашего князя молодого новобрачного
Пиво варено,

Женский кокошник. XIX в. Московская область

Медом наживлено,
 Солод вятской,
 [Хмель] казанской,
 Пивовар ярославской!
 Ах, пивце — как суслице;
 Из чашечки три бочечки,
 В устах примочки,
 Губы слипаются,
 Ноги подгибаются,
 На землю кружит,
 Очень спать велит;
 Кто пивца изопьет,
 Того с ног сшибет!

•

Мир-народ,
 Старые, малые,
 Усатые, бородатые,
 Холосты-неженаты,
 Белые, кудреваты,

Молодцы вожеваты,
Стрельцы-борцы,
Кулашные бойцы,
Удалые добры молодцы,
Затем прощайте,
Меня, дружку, не осуждайте:
Я не знаю ни слова сказать,
Ни речь молвить!

Наш князь молодой новобрачный,
Тысяцкий — большой человек,
Князя сваха — большая боярня,
Средний и меньший,
Весь княжеский молодецкий поезд!
Извольте в путь-дорогу ехать с Божиею помощью
От святой Божией церкви!

У вашего князя молодого новобрачного
Есть которые стоят у высокого терему!
Мир-народ,
Я хочу спросить у вас:
Это ли его дом?
Это ли его терем?
Мне народ дом сказали
И ворота указали!

•

Я захожу, предъезжий дружка,
С молодым подружием
Ко князю молодому новобрачному в высок терем
Ко родимому батюшку благословения просить,
Подымаюся по ступенькам кленовым
На крыльцо белодубовое!

В сем в доме благодатном,
 У князя молодого новобрачного,
 Есть батюшка родимый, матушка родная;
 Все ли готово,
 Все ли исправно?
 Засвечены ли свечи воску ярого,
 Стоят ли столы белодубовые?
 На тех столах белодубовых
 Набраны ли скатерки шелковые,
 Ястия сахарныя,
 Пития медовыя?
 Все ли готово,
 Все ли исправно?

Извольте, князь молодой новобрачный,
 Заходить в высок терем
 Со всеми гостями любовными;
 Извольте садиться,
 Князь молодой новобрачный,
 За столы белодубовыя,
 За скатерки шелковыя,
 За ястия сахарныя,
 За пития медовыя
 В передний уголок
 На белодубовую лавочку,
 На кунью шубочку,
 На соболью лапочку,
 Под святыя иконы,
 Под свечи воску ярого;
 На том месте сей день
 Господь Бог почтил!

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть у печи старушка стряпочка —
Сизая лапочка!
Извольте приступиться
Ко столам белодубовым,
Со стола пироги унести,
Питие, ястие принести!

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте приступиться ко столам белодубовым;
Я хочу спросить у вашей милости:
Имеется ли в вашем доме благодатном
Из дьяков, из дьячков,
Из духовных, из грамотных,
Из грамотных людей?
Извольте прочитать молитву!

Подвенечное платье крестьянки. Начало XX в. Архангельская область

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте приступить к столам белодубовым
Хлеб-соль взвеличать,
Честных князя и княгиню
На ноги поднять!

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте, князь молодой новобрачный,
Стать на резвые ноги,
Взять княгиню молодую новобрачную за правую руку,
Выйти из-за стола белодубового,
Извольте выйти на широкую светлицу,
Извольте наряжаться на перепой (или: на подклет).

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Все наши гости любовные,
Извольте выходить перепиваться;
А ходите все вообще — с большого до меньшого,
И прошу не перепираться,
Все вперед подвигаться!

В сем в доме благодатном,
У молодого новобрачного,
Есть батюшка родимый, матушка родная;
Извольте, князь молодой новобрачный, исправляться,
В путь-дорогу отправляться,

На подклет идти!
Мир-народ,
Кутяна, полатяна, запечана,
Все гости полюбовные,
Благословляйте
Нашего князя молодого новобрачного
На подклет идти,
Под шубкой спать,
Под куньей спать,
Белая рубашка на пуп заскать,
Пролубка продолбить,
Ковырка попоить,
Плаха с плахой сложить,
Клин забить;
Клин войдет —
Только дым пойдет!

Извольте, князь молодой новобрачный,
Ложиться на кроватку кленову,
На перину пухову,
Под одеяло шелкову —
Спать ночь без пробуду!

ПЕСНИ

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Как у свата на дворе,
У Михаила Афанасьевича,
В трое колокол ударили —
Молодца поздравляли
Со своей со будущей [женой] —
С раздушной красной девицей!

•

Исполать тебе, добрый молодец
Свет (*имя и отчество жениха*),
Из ковшей в ковши наливать,
Из природства бояр выбирать!
Он выбирал себе тысяцкого —
Своего крестного батюшку
Свет (*имя и отчество*)!

•

Заводилась мыленка
Как у наших у девушек,
Затоплялась банюшка,
Разгорались дровечика:
Первые дровечика-то — березовые,
Другие-то дровечика — сосновые,
Третьи-то дровечика — кедровые;
Накалилася каменка,
Камешочки троеразные,
Троеразные, самоцветные,
Самоцветные, лазоревые!

У ворот, у ворот сосенушка была зелена,
Ой да ля-ли, ой да люля-ли, была зелена!
(Припев с повторением конца строки.)

У нас была вот Марьюшка весела,
Не весила головушку никогда,
Во пятницу головушку повесила,
Во субботу головушку повесила,
В воскресенье к венчаньюшку плакала,
Ой да ля-ли, ой да люля-ли, к венчаньюшку плакала!

Не было ветру, не было — вдруг понаваяло,
Не было ветру, не было — вдруг понаваяло,
Не было гостей, не было гостей — к венцу понаехали,
(Каждая строка повторяется дважды.)
Наехали-наступили полный двор бояр,
Проложили гору золотую,
Вышумливали соловья из саду из зеленого,
Вышумливали соловья из саду из зеленого!

Все-то бояре на двор въехали,
Молодые-то на крыльцо взошли,
Со крыльца-то в нову горенку!

Продал брат сестрицу
За рубль, за полтину,
За золоту гривну,
Продал, променял,
Черные черочки подвязал!

Катился бел виноград да по загорью,
Красно солнышко да по залесью,
Дружка с князем да по застолью,
Сзади за ним посыпальная сестра,
Сыплет житом и хмелем:
Житом посыплет — чтоб жить хорошо,
Хмелем посыплет — чтоб жить хорошо!

Бела рыбица, ты мечися,
 Бела рыбица, ты мечися,
 (Каждая строка повторяется дважды.)

Мечися, мечися, мечися,
 Жива в руки не давайся,
 Не давайся, не давайся, не давайся,
 Свет Марьюшка, догадайся,
 Догадайся, догадайся, догадайся;
 Иван-сударь целовать хочет,
 Целовать, целовать, целовати,
 Через бусовы он жерелья,
 Жерелья, жерелья, жерелья,
 Через запонку золотую,
 Золотую, золотую, золотую,
 Свою милую, дорогую,
 Дорогую, дорогую, дорогую,
 Дорогую, дорогую, дорогую!

Ягода с ягодой сокатилась,
 Ягода с ягодой целовалась,
 Ягода с ягодой обнималась!

Встрепыхайся, бела рыба, встрепыхайся,
 Ой лёли, лёли, встрепыхайся, (Припев
 с повторением последнего слова строки.)
 Догадайся, Иван-сударь, догадайся,
 Что боровковские ребята вороваты,
 Что хотят твою свет Марьюшку поймати,
 Что хотят твою Сергеевну целовати
 Через тонкое платье парчевое,
 Через бусовы жерелья низовые,
 Через золоты сережки золотые,
 Ой лёли, лёли, золотые!

Упал соловей на свое гнездечко —
 Сел князь молодой на свое местечко!

Ожерелье с «зобом». Начало XX в. Тамбовская область

Женские нагрудные украшения «гайтаны» — «змейки». Первая половина XIX в. Юг России

По городу звоны пошли,
По терему дары понесли:
Дарила дары свет (*имя невесты*),
Принимал дары добрый молодец,
Добрый молодец — новобрачный князь!

На дворе, матушка, что ни дождь, ни роса,
В тереме мила теща бояр дарила:
Камкой, тафтой, золотой парчой,
Милого зятя — вековечным даром,
Вековечным даром — своей дочерью!

Подари, Иван-сударь,
Подари, Васильевич!
Ой лё, яли, яли,
Ой лё, яли, яли! (*Припев.*)
Не рублем плати —
Золотой гривною,

Если у тебя денег нет,
Ты займи у товарища,

Ты займи у товарища,
Своего друга милого,

Своего друга милого —
Да Прасковьи Васильевны,
Ой лё, яли, яли,
Ой лё, яли, яли!

Не гром гремит во тереме,
Не верба в поле шатается,
Ко сырой земле приклоняется —
Милое чадо благословляется
Ко золотому венцу ехать!

Во вечер, вечер свет у Домнушки,
 Во вечер, вечер свет Васильевны
 (Каждая строка повторяется дважды.)

Не спалося ей, не дремалося;
 На заре-то ей приуснулося,
 Нехороший сон во сне виделся:
 Расплеталась у ней коса русая,
 Выпадала у ней лента алая,
 Лента алая, да лента длинная,
 Лента длинная — трехаршинная...
 Из-за лесу, лесу, лесу темнова
 Выезжали кони серые,
 Увидали Домну Васильевну,
 Увозили с собой к венцу Божьему,
 Увозили с собой к венцу Божьему!

Разливается полая вода,
 Потопляет весь широкий двор;
 На дворе-то три кораблика:
 Как и первый-то кораблик
 С сундуками, со укладами,
 А другой-то кораблик
 Со купцами, со боярами,
 А третий кораблик
 Со душою красной девицей —
 Со душой Анной-то Семеновной!

Заюшка лесы обегает,
 Серенький лесы обегает;
 Сватьяюшка хмелем осыпает,
 Гордая хмелем осыпает,
 Дружилушко вслед ходит,
 Хороброй кнутом порет!

Отставала лебедушка,
 Да отставала лебедь белая
 Прочь от стада лебединого,
 Приставала лебедушка,
 Да приставала лебедь белая
 Ко стаду ко серым гусям!

Андрей-то едет с суженой, с суженой,
Иванович едет с ряженой, с ряженой —
Со своей суженой Анной Ивановной!

Вскочило солнце в оконце,
Светит месяц с зарею;
Сидит Иван с женою —
С Авдотьюшкой-душою!

Тетера за стол прилетела —
Молода спать захотела!

Залетела пташечка
Во чужую клеточку;
Она в дверь не вылетит,
В окно не выпорхнет!

Конопелька добрая,
Былинка зеленая!
Коровать тесовая,
Перина пуховая,
[Перина пуховая] —
Подушка шелковая!
Одеянье было теплое,
Обниманье было крепкое,
[Обниманье было крепкое] —
Целованье было сладкое!

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью — зелену дубраву!
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то дом свекров,
А другой-то дом батюшкин!

Ты и скуй нам,
Кузьма-Демьян, свадебку! —
Чтобы крепко-накрепко,
Чтобы вечно-навечно,
Чтобы солнцем не рассушивало,
Чтобы дождем не размачивало,
Чтобы ветром не раскидывало,
Чтобы люди не рассказывали!

Молоду князю песенку
С молодой княгиней!
Молод князь Иван-сударь,
Беленький Николаевич,
Княгиня свет Марьюшка,
Белая Ивановна!
Бог их свел, Бог их свел
За единый стол,
Бог им велел, Бог им велел
Одну хлеб-соль кушать,
Бог им велел, Бог им велел
Одну речь говорить!

Уж те, сватушку, пожилося, пожилося,
На дворе скота повелосся, повелосся:
И лошадушки сивогривы, сивогривы,
И коровушки златороги, златороги,
И овечушки долгохвосты, долгохвосты!

Семену пожилось бы:
Ему рожь с овсом родилось,
И что ярая пшеница,
И что черная гречиха;
Возы бы ему насыпать
И на торг бы ему отвозить,
Дорогой ценой продавать,
Ему денежки собирать!
Его денежки золотые,
А игрицы молодые,
А нас, игриц-то, немножко:
Всего сорок три да четыре!

Пекись, пекись, сыр каравай,
Дерись, дерись, сыр каравай,
Выше дуба дубовá,
Выше матицы еловóй,
Ширши печи кирпичнóй!

Жениху

Что у месяца рога золотые —
И у солнышка лучи светлые;
У Ивана кудри русые
Из кольца в кольцо испронизаны!
Что за эти-то кудёрочки
Государь его хочет жаловать
Первым городом — славным Питером,
Другим городом — Белым Озером,
Третьим городом — каменной Москвой!
На Белом Озере — там пиво варят,
В каменной Москве — там вино гонят,
В славном Питере — там женить хотят,
У купца брать дочь, у богатого,
Дочь умную, дочь разумную —
Катерину Пантелеевну,
Со даньём ее, со приданым,
Со бельем ее коробейным!

Ох ты, винная ягодка,
Наливное сладкое яблочко —
Удалой добрый молодец
Свет Иван-то Васильевич!
Уродился хорош и пригож,
Уродился он счастливый,
Говорливый, талантливый,
Говорливый, забавливый!
Что за это его тесть возлюбил,
Теща-матушка жаловала:
Милой дочерью даровала —
Свет-от Анной Ивановной!

Невесте

Сказали, наша Маринушка
 Неткаха, непряха,
 А она, наша Гавриловна,
 Еще и шелкошвейка!
 Тонко пряла, часто ткала,
 Бело белила —
 Весь род подарила:
 Она подарила свекру рубашку,
 Свекрови — другую,
 А деверечкам-соколочкам
 Да по шитому платочку!

Золото с золотом свивалось,
 Да свивалось,
 Жемчуг с жемчугом сокатался,
 Сокатался!
 Да Иван с Марьюшкой сходились,
 Да сходились
 Да за единый стол-от становились,
 Становились!
 Да еще наше золото получше,
 Получше,
 Да и наш-от жемчуг подороже,
 Подороже,
 Да и Марья Ивана получше,
 Получше,
 Да она возрастом еще побольше,
 Побольше,
 Да она личушком покрасивее,
 Покрасивее,
 Да она беленьким побелее,
 Побелее,
 Да у нее ясны очи пояснее,
 Пояснее,
 Да у нее черны-то брови почернее,
 Почернее,
 Да не наши по ваше ходили,
 Ходили,
 Еще ваши по наше ходили,
 Ходили,
 Да они семь комоней истомили,
 Истомили,

Да и семеро полозьев истерли,
Истерли,
Да и семеро подошв истоптали,
Истоптали,
Да до нашей-то Марьи доходили,
Доходили,
До Егоровны доступали,
Доступали!

Новобрачным

Тихонько, бояре,
Вы с горы спускайтесь!
Не сломите вишенки,
Не сорвите ягодки:
Вишенка — Викторушка,
Ягодка — Настасьюшка!

Как у месяца золоты рога,
Ой яли, яли, яли, лё, яли! *(Привев.)*
Ай, у солнышка очи ясные,
Очи ясные, распрекрасные,
У Иванушки кудри русые,
Кудри русые по плечам лежат,
По плечам лежат, словно жар горят,
Да никто к кудрям не приступится,
Приступилася молодая жена,
Приняла кудри на свои руки,
На свои руки, руки белые,
Начала кудри она расчесывать,
Она расчесывать, расприглаживать:
«Да и что ж это за кудерки,
Да и что же за русые,
Они витые-перевитые,
Чистым серебром пересыпаны».
Ой яли, яли, яли, лё, яли!

Ходит голубь, ходит сизый —
 Золотая голова,
 У голубушки его
 Позолоченная,
 У голубушки его
 Позолоченная,
 Черным шелком, черным шелком
 Перестроченная,
 Черным шелком, черным шелком
 Перестроченная,
 Алой лентой, алой лентой
 Перевязанная,
 Алой лентой, алой лентой
 Перевязанная...
 Этот голубь, этот сизый —
 Все Иван-государь,
 Этот голубь, этот сизый —
 Все Иван-государь,
 Его сизая голубушка —
 Все Марьюшка,
 Его сизая голубушка —
 Все Марьюшка...
 Как пришел к нему товарищ —
 Позавидовал ему:
 Как пришел к нему товарищ —
 Позавидовал ему:
 «Кабы мне бы, молодцу,
 Да такую бы жену!
 Кабы мне бы, молодцу,
 Да такую бы жену —
 Я б не пил бы, не курил —
 Я б белил-румян купил,
 Я б не пил бы, не курил —
 Я б белил-румян купил,
 Я б белил-румян купил,
 Набелиться велел,
 Я б белил-румян купил,
 Набелиться велел:
 «Набелись, моя сударка,
 Нарумянься, душа!
 Набелись, моя сударка,
 Нарумянься, душа!»
 Уж я летом бы ее
 Во колясочке возил,
 Уж я летом бы ее
 Во колясочке возил,

Донце прялки.
 Л. Мельников. 1865 г.
 Нижегородская
 область, г. Городец

А зимой я ее,
 Я — на писаных санях,
 А зимой я ее,
 Я — на писаных санях,
 Я — на писаных санях,
 На ямских лошадях!
 Я на писаных санях,
 На ямских лошадях,
 У нас кони вороные,
 Извозчики молодые,
 У нас кони вороные,
 Извозчики молодые!
 Приударьте по коням,
 По ямским лошадям!
 Приударьте по коням,
 По ямским лошадям,
 Чтобы кони легче шли,
 Молоду жену везли!»

Тысяцкому

Как у тысяцкого бородка, бородка,
 У Григорья-то хорошая, хорошая,
 У Петровича пригожая, пригожая!
 За ту бороду цари любят, цари любят,
 По головушке цари гладят, цари гладят,
 Воеводою называют, называют:
 «Нареченный наш воевода, воевода!»

«А ты, тысяцкий, не ломайся, не ломайся
 Да за свой карман принимайся, принимайся,
 За свой карман-карманину, карманину:
 Во кармашке денежки шевелятся, шевелятся,
 К нам, девушкам, норовятся, норовятся!»

Дружке

Мы пойдёмте по ряду,
 Мы найдемте бороду,
 Бороду почестную,
 Бороду дружилову!
 А дружила-дружечка,
 Дружко наш почестненький,
 Честная бородушка —
 Николай Тарасьевич!

Фрагмент донца прялки. Л. Мельников. 1865 г. Нижегородская область, г. Городец

Головка донца прялки. Л. Мельников. 1865 г. Нижегородская область,
г. Городец

Поддружию

Да и честь и хвала Ванина:
 Прислал казака умного,
 Своего братушку родного!
 Да умеет он Богу молиться,
 Нашим девочкам кланяться,
 Нашим девочкам кланяться!

Свату

Сватушка — сват хорошенький,
 Сват хорошенький — сват пригоженький!
 Сват на меду замешенный,
 Сытою поливанный,
 Сватушка сытою поливанный!
 Сватушка, подари-ка нам,
 Сватушка, не рублем-полтиною —
 Сватушка, золотою гривною!

Сватушка — гость богатый, тороватый;
 Он с гривны на гривну ступает,
 Он рублем ворота запирает,
 Он полтиной ворота отпирает!
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся!
 В мошне денежка шевелится,
 К красным девушкам норовится!

Свахе

Исполать тебе, свaxonька,
 Да исполать тебе, приезжая,
 Да Лизавета Ивановна! —
 Коя охоча к нам в терем бывать
 Да коя охоча нас, девиц, любить,
 Коя охоча песни слушати,
 Коя охоча нас, девиц, дарить
 Не рублем, не полтиною —
 Золотою одной гривною!
 Уж мы мед-пиво выпили,
 Золотую гривну вынули,
 Мы низкий поклон поставили,
 Челобитьице исправили!

Сидит наша свашенька
 Свет Дарьюшка Офимьевна,
 Ой, люли-люшеньки,
 Дарья Офимьевна, *(Припев*
с повторением второй строки в строфе.)
 Сидит наша свашенька
 Толстая, пушистая,
 Толстая, пушистая,
 Белая, румяная!

Только нашей свашеньке
 При городе жити,
 При городе жити,
 Торгом торговати,
 Торгом торговати,
 Кумач продавати,
 Кумач продавати,
 Кумачи, китайки,
 Кумачи, китайки
 И шелки-бумаги,
 Ой люли-люшеньки,
 И шелки-бумаги!

Боярину

Чтой над той ли рекой — над Йорданом,
 Над Йорданом!
 Там стояли два дерева кипарисны,
 Кипарисны!
 Там сидели две птицы молодые,
 Молодые!
 Они пели-то песни веселые,
 Веселые!
 Они пели-то песни боярам,
 Да боярам:
 «Чтой кому-то ведь быти в боярах,
 Да в боярах?
 Чтой кому-то ведь быти в воеводах,
 В воеводах?
 Еще быти в боярах Олександрю,
 Олександрю!
 Еще быти в воеводах Ивановичу,
 Да Ивановичу!

А жене-то его — во княгинях,
 Во княгинях!»
 «Затем здравствуй, Александр да с Клавдией,
 Да с Клавдией!
 Поздравляем ты, Иванович, с Петровной!»

Кухарочке

А где тая кухарочка,
 Что обед состроила? —
 А на ней шуба люба
 Да жарелье боброво,
 А сама черноброва!
 А на ней чеботушки
 Севской работушки;
 А на ней поясочек
 И шелковый платочек!

Парню

У кого ж у нас
 Кудри русые,
 Ой люли, ой люли! (*Прпев.*)
 У кого ж у нас
 Самородные?
 У Ивана
 Кудри русые,
 У Ивана
 Самородные,
 Они чесаны,
 Перечесаны,
 Они лентами
 Перевязаны,
 Жемчугом черным
 Пересыпаны.
 Алые ленты
 Поразвяжутся —
 Да жемчуг черный
 Порассыпется,
 Ой люли, ой люли!

Из ворот на улицу
Выходил Иван-сударь,
 Ой лёли, лёли, лёли,
 Выходил Иван-сударь
 (Припев с повторением второй строки.)
Красных девок
Обманывать:

«Уж вы, девки-девушки,
Уж вы, девки красные,

Рассказать ли вам диву,
Рассказать ли диковину:

Серед зимы в воскресенье
Зелены сады расцветают».

«Ой, неправда, Иван-сударь,
Ой, неверно, Николаевич!»

«Как я сам гулял,
Как я сам цветочки рвал,

Как я сам венки вил,
Красных девок дарил».
 Ой лёли, лёли, лёли,
 Красных девок дарил!

Как у рюмочки у серебряной
Золотой веночек, золотой веночек,
У Дементия у Егоровича
Дорогой умочек, дорогой умочек;
К нему мать приходила,
Сударыня говорила:
«Женись, женись, дитяtko,
Сговорися, милое!»
«На что же мне, маменька, жениться,
Сударыня, сговориться?
Меня и так люди знают:
По отчеству величают,
По отчеству величают,
По имени называют!»

Ходит молодец молоденький,
 Сюртучок на нем коротенький,
 Как в правой руке тросточка,
 А в левой папиросочка!
 Он ходит да погуливает,
 Папиросочку покуривает,
 Умной речью разговаривает,
 Красных девушек подзадаривает.

Девушке

Земляничка-ягодка
 Во сыром бору росла,
 Ой лёли, ой люли,
 Во сыром бору росла,
 (*Припев с повторением второй строки.*)
 Во сыром бору росла,
 На присолнушке цвела!
 Да где ж тебя посадить,
 Да чем тебя поливать?
 Посажу, посажу
 Во зеленом во саду,
 Полью я, полью я
 Ключевою водою!
 Милая гостьюшка
 Наталья Ивановна,
 Да где ж тебя посадить,
 Да чем тебя угостить?
 Посажу, посажу
 Во высоком терему,
 Угощу, угощу,
 Чаем-кофьем напою,
 Чаем-кофьем напою,
 Конфетами угощу,
 Ой лёли, ой люли,
 Конфетами угощу!

На ком, на ком платок шелковый,
 Ай люли, люли, платок шелковый?
 (*Припев с повторением конца строки.*)
 На ком, на ком с алыми коймами?
 На Татьянушке платок шелковый,
 На Ивановне с алыми коймами,
 Она лугом шла, лугом зелёным,

Конец полотенца
«лишвы». А. Д. Щербакова. 1890-е гг.
Тверская область

Образец набойки.
XIX в. Архангельская
область

Намочила она шубу новую,
Шубу новую, шаль ковровую,
Шаль ковровую, сторублевую,
Сторублевую, ненадевану,
Ай люли, люли, ненадевану!

•

Из-под кустика
С-под малинова,
Люли, яли, лей! (Привев.)
С-под малинова,
С-под ракитова

Вылетала пташка
Незнакомая,

Незнакомая,
Подмосковная.

Она по перушку —
Перепелушка,

А по голосу —
Красна девушка,

Красна девушка
Свет Марьюшка.

Она звала братца
Играть на улицу:

«Ты пойдем, братец,
Играть на улицу:

Уж ты с гусями,
Я с ладонями!»

Что не быть гусям
Лучше ладошков,

Что не быть парню
Лучше девушки,

Лучше девушки
Свет Марьюшки.
Люли, яли, лей!

Мужу и жене

У нас по саду было, садику,
По зелено виноградику,

Ой люли, люли, люли,
По зелено виноградику:

(Припев с повторением второй строки.)

Подымались буйные ветра,
Расшатала в саду яблоньку,

Отломился два сучика,
 Откатилися два яблока,

 Откатилися два яблока —
 Два садовые, медовые,

 Два садовые, медовые,
 Два наливчатых, рассыпчатых,

 По блюдечкам катаются,
 По имени называются:

 Как и первое яблочко
 Королю-то королевичу,

 Королю-то королевичу —
 Что Василию Ивановичу,

 Как второе-то яблочко —
 Королихе королевичной,

 Королихе королевичной —
 Что Наталье Ивановне,
 Ой люли, люли, люли,
 Что Наталье Ивановне!

Семье

Как по садику, садику,
 По зеленому виноградику,
 Ой лё, ой лёли,
 По зеленому виноградику,
(Припев с повторением второй строки.)
 Тут катилися два яблочка —
 Два яблочка два садовья,

 Два садовья, медовья,
 Два наливчатых, рассыпчатых.

 Как и первое яблочко —
 Да Иван все Иванович,

 А второе-то яблочко —
 Да и Вера Михайловна,

 Как и третье-то яблочко —
 Да и Павел Иванович,

Как четвертое яблочко —
Да Агафья Ивановна,

Как и пятое яблочко —
Да и Анна Ивановна,
Ой лё, ой лёли,
Да и Анна Ивановна!

Вдове

«Да уж ты ветер ли, ветер,
Да ветер буйный, холодный!
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да все леса приломати,
Да все леса приломати?
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да круты горы раскатати,
Да круты горы раскатати?
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да сине море взволновати,
Да сине море взволновати?
Да уж ты можешь ли, ветер,
Уж ты можешь ли, ветер,
Корабли приломати,
Да корабли приломати?
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да весь товар подмочити,
Да весь товар подмочити?
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да уж ты можешь ли, ветер,
Да весь народ потопити,
Да весь народ потопити?»
«Да могу, могу я, ветер,
Да могу, могу я, ветер,
Да все леса приломати,
Да все леса приломати!
Да могу, могу я, ветер,
Да могу, могу я, ветер,
Да круты горы раскатати,
Да круты горы раскатати!
Да могу, могу я, ветер,
Да могу, могу я, ветер,

Да сине море взволновати,
Да сине море взволновати!
 [Да могу, могу я, ветер,
 Да могу, могу я, ветер,
Да корабли приломати,
Да корабли приломати!]
 Да могу, могу я, ветер,
 Да могу, могу я, ветер,
Да весь товар подмочити,
Да весь товар подмочити!
 Да могу, могу я, ветер,
 Да могу, могу я, ветер,
Да весь народ потопити,
Да весь народ потопити!
 Да не могу я, ветер,
 Да не могу я, ветер,
Да вдову взвеселити,
Да вдову взвеселити!»

«Уточка, покупайся,
Серая, полощися!»
«Уж я рада бы покупалась,
Я рада бы полоскалась —
Нету сизого селезенка:
Он за синими за морями,
Он за черными за грязями!»

«Степанида-душа, умывайся,
Ты, Ивановна, снаряжайся!»
«Уж я рада бы умывалась,
Я рада бы снаряжалась —
Нет у меня мила друга
Свет Андрея-то Николаича:
Он за темными за лесами,
За высокими за горами!»

Свадебному поезду

У Филиппа поезжанушки все дураки,
Все дураки!
Они полем ехали — куче поклонилися,
Куче поклонилися!
Они думали, гадали — церква стоит,
Церква стоит,
Поглядят, посмотрят — куча стоит,
Куча стоит!
Они в деревню-то въехали — поленнице поклонилися,
Поленнице поклонилися:
Они думали-гадали — народа толпа,
Народа толпа!
Они в избу входят — коту поклон,
Коту поклон:
Они думали, гадали — поп с крестом,
Поп с крестом!

Не белы наехали —
Чтой черные, как вороны,
Чтой черные, как вороны!
Да неумытые головы,
Неумытые головы
Да не учесаны бороды,
Не учесаны бороды;
Еще чьи это бояре,
Еще чьи это бояре?
Да чтой бояре Ивановы,
Чтой бояре Ивановы,
Да поезжане Ивановича,
Поезжане Ивановича!
«Да уж вы, бояре, бояре,
Уж вы, бояре, бояре,
Да вы бояре Ивановы,
Вы бояре Ивановы,

Женский праздничный костюм. 1920-е гг. Пензенская область

Да поезжане Ивановича,
 Поезжане Ивановича!
 Уж вы съездите, бояре,
 Уж вы съездите, бояре,
 Да вы на Кицкое озеро,
 Вы на Кицкое озеро,
 Да насеките ольшинничку,
 Насеките ольшинничку,
 Да вы нажгите-ко пепелу,
 Вы нажгите-ко пепелу,
 Да наварите-ко щелоку,
 Наварите-ко щелоку,
 Да вы умойте-ко головы,
 Вы умойте-ко головы,
 Да учешите-ко бороды,
 Учешите-ко бороды, —
 Да вы тогда будете бояре,
 Вы тогда будете бояре
 И чтой бояре Олександровы,
 Чтой бояре Олександровы,
 Да поезжане Ивановича!»

Ой, мы приехали
 Не двора смотреть —
 Ой, мы приехали
 Все бояр смотреть!
 Ой, нам сказали,
 Что бояре баски,
 Ой, посмотрели мы —
 Что бояре страшны!
 Ой, нам сказали:
 Сваха под шалью,
 Ой, посмотрели мы —
 Сваха под рогозой!

Жениху

У нашей невесты рубаха бела —
 У вашего жениха короста съела!
 Наша невеста как сыр с-под масла —
 У вас жених как черт с-под прясла!
 Наша невеста как лук зеленый —
 У вашего жениха весь рот малёный!

Фрагмент женского праздничного костюма и украшение из бисера. 1920-е гг. Пензенская область

Ох вы, князи-бояре,
Да вы бором езжали,
Да вы бором езжали —
Чего хвощу не нарвали,
Чего хвощу не нарвали —
Своего князя не вымыли?
Да как наша княжна
Ростом висока, тонка,
Ростом висока, тонка,
Лицом бела, румяна!
А как ваш-от князь
Да как черная грязь,
Да как черная грязь —
Да как пень смоловой!

•

Что сказали про жениха,
Что жених-то хорош!
Еще, черт, не хорош:
Он на морозе красён,

А как в избу зайдет,
Так раскис, как рассол!

Что сказали про жениха,
Что шапка добра!
Еще, черт, не добра:
Как воронье гнездо,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!

Что сказали про жениха,
Что сапоги хороши!
Еще, черт, хороши:
Закаблучье одно,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!

Что сказали про жениха,
Что брюки хороши!
Еще, черт, хороши!
Да заплатье одно,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!

Что сказали про жениха,
Что пиджак-то хорош!
Еще, черт, не хорош:
На четыре полы,
Да бока-то голы,
Да и то не свои —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!

Невесте

Ты пади, спесивая,
Ты пади, ломливая!
Не мы тебя сватали —
Ты сама набивалася,
В воротах настоялася,
В колечко набрячалася!

Тысяцкому

«У тебя в огороде не снег ли —
Тысяцкий, не ослеп ли?»
«У тебя в огороде не мох ли —
Тысяцкий, не оглох ли?»
«У тебя в огороде не сад ли —
Тысяцкий, не озяб ли?»
«У тебя в огороде не тын ли —
Тысяцкий, не застыл ли?»

Дружкам

Ели дружки, ели —
Да целого воробья съели!

Дружке

У приезжего дружки
Косые глазищи!
На порог наступает —
А в печь заглядает:
«Густа ли капуста
Да велик ли горшок каши —
Наедятся ли наши?»

«В огороде-то у нас не мак ли —
У нас дружка-то не дурак ли?»
«В огороде-то у нас не лук ли —
У нас дружка-то не глух ли?»
«В огороде-то у нас не снег ли —
У нас дружка-то не слеп ли?»
«Посадите-ка друженьку повыше —
На три скамеечки дубовы:
Не услышит ли нас друженька поближе,

Фрагмент женского праздничного костюма. 1920-е гг. Пензенская область

Не увидит ли нас друженька подале?
 Поедет наш друженька жениться
 На добром коне — на таракане,
 Со вострым копьём — со трепалом,
 По чистому полю — подполью,
 За пушистыми зверями — за мышами!»

Свахе и дружке

Приехала свахонька-копотуха,
 Не тебе бы, свахонька, во свахах-то быть,
 Тебе только, свахонька, на печке сидеть,
 Мешалки слодать, осметки счищать!
 Приехала свахонька обжориста,
 Съела наша свахонька два адонья ржи,
 Выпила наша свахонька озеро воды,
 Села наша свахонька на пороге —
 Сикнула наша свахонька до дороги!
 Села наша свахонька на порог —
 Сикнула наша свахонька до задних ворот!
 Села наша свахонька на вьюшку —

Сикнула наша свахонька на дружку!
 Дружки-подружки, косы глаза,
 Под стол глядят, мослов хотят!

Свахе

Наша-то сваха богата,
 Богата,
 Сватьюшка да дорогая,
 Дорогая!
 На ней шубочка штофяная,
 Штофяная,
 По подолу оборка золотая,
 Золотая!
 Уж ты, свахонька, приподвинься,
 Приподвинься,
 Под тобою сундуки дорогие,
 Дорогие,
 Под тобою ларцы золотые,
 Золотые!
 Еще наша-то сваха богата,
 Да богата:
 Как у нашей-то свахи три рубахи,
 Три рубахи —
 Еще первая рубаха у нее дубова,
 Дубова,
 Как вторая-то рубаха смолёна,
 Да смолёна,
 Еще третья рубаха крапивна,
 Да крапивна,
 Дубова-то рубаха пяты бьет,
 Э, пяты бьет,
 А смолёна-то рубаха к телу льнет,
 Э, к телу льнет,
 А крапивна-то рубаха тело жжет,
 Да тело жжет!
 Еще сваха на свадьбу спешила,
 Спешила,
 Она в крынке рубаху мочила,
 Да мочила,
 В полотухе рубаху стирала,
 Да стирала,
 Она в лоханке рубаху полоскала,
 Да полоскала,
 На мутовке рубаху сушила,
 Э, сушила!

Наша свашка-рохля,
 Наша свашка-рохля
 Под печкою сдохла!
 Дружко заглядает —
 Кочергой выгребает!

Свахам

Чурахи, свахи-чурахи,
 Не мыты ваши рубахи!
 Хоть бы по воду сходили —
 Свои рубахи помыли!

Сватам

Сваты наши скупые, да скупые,
 У, рано, рано, скупые, да скупые!
 У них шубы худые, да худые,
 У, рано, рано, худые, да худые!
 Надо латок заняти, да заняти,
 У, рано, рано, заняти, да заняти!
 Сватам шубы латати, да латати,
 У, рано, рано, латати, да латати!
 Нас сватушка не угостил, да не угостил,
 У, рано, рано, не угостил, да не угостил!
 Вином-медом не поил, да не поил,
 У, рано, рано, не поил, да не поил!
 Нас детками не дарил, да не дарил,
 У, рано, рано, не дарил, да не дарил!

Вы, сваты богатые,
 Что вас долго не было?
 Ой лё, яли-д, яли,
 Яли лё, яли-д, яли! (*Прпев.*)
 Что вас долго не было —
 Иль у вас хлеб-соли нету?

Вы бы к нам посыл слали,
 Мы бы вам хлеб-соли дали,

Вы, сваты богатые,
 Что вас долго не было?

Что вас долго не было —
Иль у вас коней нету?

Вы бы к нам посыл слали,
Мы бы вам коней дали,

Вы, сваты богатые,
Что вас долго не было?

Что вас долго не было —
Иль у вас девок нету?

Вы бы к нам посыл слали,
Мы бы вам девок дали,
Ой лё, яли-д, яли,
Яли лё, яли-д, яли!

Дурны сваты, дурны:
Заехали в гумны,
Верею обнимали,
Свинью целовали:
Они думали, что девка,
Ажно свинья белка!

Свату

«Деверь-деверечек,
Васильев сыночек,
Скажи, скажи, деверь,
Где Васильев терем?»
«Его терем знатен:

Конец полотенца «лишвы».
А. Д. Щербакова. 1890-е гг.
Тверская область

Женский головной убор. XIX в.
Псковская область

О девяти окон,
Десятая — маковица!»
«Мы свата не знали —
Двора не угадали,
Теперь мы узнали
И двор угадали:
Весь двор под горою
Зарос лебедою,
Сенцы под горкою
Заросли лебедою!»

•

А мы у свата были,
На сене сидели,
Кислый горох ели!

Сватье

У нашей сватьи голова лохмата,
Голова лохмата — хоть печь выметай,

Ноги кривые — хоть жар загребай,
Зубы редки — что у черта в клетке,
А язык в роте — как черт в болоте!

Постельникам

Постельнички-плуты
Растряли кнуты!
Постельницы пьяны
Постель растеряли!

Каравайницам

Каравайницы-воры
Всё тесто покрали,
Всё тесто покрали —
В карманы поклали,
Им на беду пошло:
Все тесто из кармана ушло!

Каравайнице

Каравайница-псица
Сидит как лисица!
Каравайница пьяна
Все тесто покрала:
То в карманы,
То в запазухи,
То в уличные торбы —
Муж сидит за плечами
С семерыми детьми!

Попу

Приехали к попу,
Привезли денег копу,
А поп кажет: «Мало!»
А чтоб его разорвало!

Как по сенюшкам свет Марьюшка ходила,
 Ой ли, ой люли, ходила,
 (Припев с повторением последнего слова строки.)
 Как по новым Ивановна гуляла,
 Все кедровые орешки она щелкала,
 А шкорлупочки в окошечко кидала,
 Во Ивановы кудри попала,
 А Иван на Марью оглянулся,
 А Иванович на Ивановну усмехнулся:
 «Насмею ль, насмею ль я насмешку
 За твои ли за кедровы орешки,
 Постоишь ты, постоишь ты у кровати,
 Познобишь ты, познобишь ты белы ножки,
 Пороняешь, пороняешь из глаз слезки
 За свои ты за кедровы орешки».
 Ой ли, ой люли, за орешки!

У нас было да на Дону,
 У нас было да на Дону,
 На́ Дону да на Донú,
 На́ Дону да на Донú,
 На зеленом на дубу,
 На зеленом на дубу,
 На́ дубу, на дубú,
 На́ дубу, на дубú!
 Слеталися галушкí,
 Слеталися галушкí,
 Га́лушки, галушкí,
 Га́лушки, галушкí!
 Садилися рядушком,
 Садилися рядушком,
 Ря́душком, рядушкóм,
 Ря́душком, рядушкóм!
 Одна галка с краю всех,
 Одна галка с краю всех,
 С кра́ю всех, с краю всёх,
 С кра́ю всех, с краю всёх!

Отколь взялся соколѣк,
 Отколь взялся соколѣк,
 Сóколик, соколѣк,
 Сóколик, соколѣк!
 Поймал галку за крыло,
 Поймал галку за крыло,
 Зá крыло, за крылó,
 Зá крыло, за крылó!
 За то крыло правое,
 За то крыло правое,
 Прáвое, правоé,
 Прáвое, правоé!
 Стала галка проситься,
 Стала галка проситься,
 Прóситься, проситься,
 Прóситься, проситься:
 «Пусти, сокол, на волю,
 Пусти, сокол, на волю,
 Нá волю, на волю,
 Нá волю, на волю!»
 «Я тогда тебя пущу,
 Я тогда тебя пущу —
 С крыла перья ощиплю,
 С крыла перья ощиплю!»
 «Тогда сама не пойду,
 Тогда сама не пойду,
 Нé пойду, не пойдú,
 Нé пойду, не пойдú!
 Меня галки не примúт,
 Меня галки не примúт,
 Нé примут, не примúт,
 Нé примут, не примúт!»

У нас было да на Дону,
 У нас было да на Дону,
 Нá Дону, на Донú,
 Нá Дону, на Донú;
 На высоком терему,
 На высоком терему,
 Тéрему, теремú,
 Тéрему, теремú,
 Сходилися девушкѣ,
 Сходилися девушкѣ,
 Дéвушки, девушкѣ,
 Дéвушки, девушкѣ!

Садился рядышком,
 Садился рядышком,
 Рядышком, рядышкóм,
 Рядышком, рядышкóм!
 Одна ж девка с краю всех,
 Одна ж девка с краю всех,
 С краю всех, с краю всех,
 С краю всех, с краю всех!
 Откуль взялся Иван-сударь,
 Откуль взялся Иван-сударь,
 Иван Иванович,
 Йван Иванович!
 Взял девку за руку́,
 Взял девку за руку́,
 За руку, за руку́,
 За руку, за руку́,
 За ту руку правую́,
 За ту руку правую́,
 Пра́вую, правую́,
 Пра́вую, правую́!
 Стала девка проситься,
 Стала девка проситься,
 Прóситься, проситься́,
 Прóситься, проситься́:
 «Пусти, Иван, на волю́,
 Пусти, Иван, на волю́,
 На́ волю, на волю́,
 На́ волю, на волю́!»
 «Я тогда тебя пущу,
 Я тогда тебя пущу —
 Русу косу расплету,
 Русу косу расплету!»
 «Тогда да сама не пойду́,
 Тогда да сама не пойду́,
 Не́ пойду, не пойду́,
 Не́ пойду, не пойду́!
 Меня ж девки не приму́т,
 Меня ж девки не приму́т,
 Не́ примут, не приму́т,
 Не́ примут, не приму́т!»

У ворот трава росла,
У новых шелковая,
Ой лё, лёли, лёли,
У новых шелковая!
(Припев с повторением второй строки.)

Да и кто траву топтал,
Да и кто шелковую,

Сватовья-ходатаи,
Женихи богатаи,

Женихи богатаи
Да и Марью сватали,

Сосватали свет Марьюшку,
Сосватали Ивановну

Не за князя, не за барина,
За такого крестьянина,

За такого крестьянина —
За Ивана Перовича.

Как Иван свет Петрович
Он и просит приданого,

Он и просит приданого —
Ни большого, ни малого,

Ни большого, ни малого —
Гусака чубарого,

Гусака чубарого
Да гусыню серую,

Да гусыню серую —
Да свет Марью белую.

Как и Марьяна мать —
Да она по двору ходила,

Да она по двору ходила —
Тосковала, горевала,

Тосковала, горевала,
Еще плакала, рыдала,

Еще плакала, рыдала,
Тяжело вздыхала:

«Мне не жаль приданого,
Я б еще прибавила,

Я б еще прибавила
Да свет Марью оставила!»
Ой лё, лёли, лёли,
Да свет Марью оставила!

Конiec полотенца. А. Ф. Мильченкова. 1900-е гг. Тверская область

«Цвела, цвела липушка алыми цветами,
Опадала липушка тихими зарями
На твою, Маринушка, да на русую косу,
Да на русую косу — на белое лицо!
Жить было у батюшки да потише ходити,
Буйную головку да пониже носити,
Родимого батюшку было не гневити!»
«Сестрицы-подруженьки, я тихо ходила,
Золотыми ключами я не звонила,
Родимого батюшку я не гневела,
Родимую матушку я не слезила,
Молодого Иванушку я в гости не звала —
Он сам ко мне ходит и гостинчики носит!»

•

На горе калина́
Во кругу стояла,
Ой, ладо́, ладо́,
Во кругу стояла!
(Припев с повторением второй строки.)

Как на той калине
Соловей сидел,

Он клюет, клюет
Горькую ягоду,

Он закусывает
Сладкою малиною.

Случилось ехать
Доброму молодцу,

Доброму молодцу —
Сергею Ивановичу,

Он махнул, махнул
Шелковой плеткою,

Он спугнул, смахнул
Соловья с гнезда:

«Ты лети, соловей,
К моему тестю в сад,

Ты там сядь, соловей,
Во саду на яблонку,

Во саду на яблонку —
На самую маковку,

Ты там спой, соловей,
Жалкую песенку,

Разбуди, соловей,
Ты нашу Евгеньюшку!

Как нашей Евгеньюшке
Много даров надобно —

Ей дарить, дарить
Свекра со свекровию,

Деверьев дарить
Да все со золовками,

А меня, молодца,
Со всем поездом,

Со всем поездом —
 Шелковым поясом».
 Ой, ладо, ладо,
 Шелковым поясом!

На дворе, дворе вечерается,
 Да красно солнышко закатается,
 Да добрые молодцы коней поят,
 Да красные девицы воду носят,
 Да воду носят не для батюшки,
 Да не для батюшки, не для матушки —
 Да для души для красной девицы
 Да свет для Настасьи-то Васильевны,
 Да для ее же горя горького!
 Да посадили ее, горькую,
 Да ее в кут, горе, за занавесу;
 Да у нее в куте за занавесой
 Да нет-то ни грязи, нет ни черные,
 Да ни воды, воды болотные,
 Да ни осочинки резучие,
 Да ни крапивушки жалючие:
 Да не ужалит у родного батюшки
 Да ретивое сердце каменно —
 Да вот скобами оно зажимано,
 Да вот булатом сердце сковано!

Как у нашего соседа
 Проявилася беседа —
 Все Манечкино веселье;
 Манечка по сеням ходила,
 Дробные слезаньки ронила,
 Девоч-подружек просила:
 «Девочки мои, подружки,
 Прибудьте ко мне в вечерок,
 Не киньте меня при горе,
 При этой при худой године!
 Посадите меня на дежу,
 Расплетите мне косоньку,
 Расчешите мне голову;
 Тихонько, девочки, чешите,
 Из косы волосы не рвите:
 А мой же волос мне болен,

Моему батюшке он дорог,
Моей матушке он жалок;
Моя матушка печальна:
По двору ходит — печалит,
В хату войдет — заплачет:
«Дочушка моя Манечка!
Кого мне рано будить,
На работушку проводить?»

Течет речка — не всколѣхнется,
Течет речка — не всколѣхнется,
Золотым песком не возмѣтится,
Золотым песком не возмѣтится!
(Каждая строка повторяется дважды.)

Что сидит наша Настасьюшка —
Не улыбнется и не усмѣхнется!
«Ну, к чему же мне улыбнуться
И к чему же мне усмѣхнуться?
Полон двор карет наехало,
Полна горница гостей собралась!
Одного-то гостя нетути —
Нет кормильца моего батюшки!
Снарядить-то меня есть кому,
А благословить-то меня некому!
Уж вы, девушки-подруженьки,
Вы пойдите по дороженьке!
Вы зайдите во Божью церковь,
Вы ударьте в большой колокол!
Вы ударьте в большой колокол,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите моего батюшку,
Разбудите моего батюшку!»

«Елушка да сосенушка,
Все ли у тебя сучки-веточки?»
«С корня до макушечки,
Только нет одной верхушечки!»
«Мария да Ивановна,
Все ли у тебя гости собраны,
Все ли у тебя гости посажены?»
«Все у меня гости собраны,
Все у меня гости посажены,

Только нет одного гостя,
 Только нет гостя милого —
 Батюшки да родимого!
 Ты большой брат Николаюшка!
 Ты поди ко святой церкви,
 Ты ударь во большой колокол;
 Расступись, мать сыра земля,
 Расколись, гробова доска,
 Подымись, родимый батюшка:
 Меня, сироту, благословить некому!»

Что не сизая павушка по сеням ходит,
 Она белые перышки ронит,
 К бережку-положку припадает —
 Свет Настасья по горенке ходит,
 Горючими слезами уливает,
 Родного батюшку пробуждает:
 «Ох ты, встань-пробудись, родный батюшко,
 Ты уйми, ты уйми горючи слезы,
 Укрепи, укрепи ретиво сердце:
 Мне не век же у вас вековати —
 Одну ноченьку ночевати,
 Еще завтра пожить до обеду;
 А с обеду наедут бояре
 Все со крашеными со санями,
 Все со воронными со конями,
 Все со писаными со дугами:
 Увезут, увезут красну девку
 Еще за три моря, моря сини,
 Еще за три реки, реки быстры,
 Еще за три болота топучи,
 Еще за три деревни большие!»

Вот веники зеленые
 Всю ночь прошумели,
 Э ой лёли, ой лёшеньки,
 Всю ночь прошумели,
 (Припев с повторением второй строки.)
 Свет Марьюшка Ивановна
 Всю ночку проплакала:
 «Родимая моя матушка,
 Скоро нам разлука».

Женский «ушевой» платок. Конец XIX в. Тамбовская область

«Родимая моя доченька,
 Да кто нас разлучит?»
 «Родимая моя матушка,
 Ивановы братья».
 «Желанная моя доченька,
 Я тебя не отдам».
 Э ой лёли, ой лёшеньки,
 Я тебя не отдам!

«Вы, луга мои, лужочки,
 Вы, луга мои, лужочки,
 Луга мои зеленые!
 Луга мои зеленые,
 Луга мои зеленые,
 Берега-луга крутые,
 А полой водой наливались,
 А полой водой наливались,
 Ой, куда вода сбегать будет?
 Ой, куда вода сбегать будет,
 Ой, куда вода сбегать будет?»
 «Вода будет на Дунай-речку,
 Вода будет на Дунай-речку,
 Вода будет на Дунай-речку».
 «А кто воду выпивать будет?
 А кто воду выпивать будет,
 А кто воду выпивать будет?»
 «Пили воду вороные кони,
 Пили воду вороные кони,
 Пили воду вороные кони,
 Вороные да Ивановы,
 Вороные да Ивановы,
 Вороные да Ивановы».
 «Куда ж они собираются?
 Куда ж они собираются,
 Куда ж они собираются?»
 «Собираются воевать,
 Собираются воевать,
 Собираются воевать».
 «А кто ж у нас воитель будет?
 А кто ж у нас воитель будет,
 А кто ж у нас воитель будет?»
 «Дружья воителем, дружинушка,
 Дружья воителем, дружинушка,
 Дружья воителем, дружинушка,
 Молодым князем да Иван-сударь!»

Как у нашего князя
 Невеселые кони стоят:
 Они чуют путь-дороженьку
 По невесту ехать!
 «Ах вы, девушки-подруженьки!
 Уливайте гору крутую,
 Чтобы моему разлучнику
 Не взойти бы, не взъехать!»
 «Не грози, княгиня-душа!
 На крутую гору пеш взойду,
 Добра коня в поводу сведу!»
 «Ах вы, девушки-подруженьки!
 Запирайте вы вороточки
 Что тремя замками немецкими!»
 «Не печалься, княгиня-душа!
 Приведу я с собою слесаря:
 Отопрет замки немецкие!»
 «Ах вы, девушки-подруженьки!
 Заплетайте косу русую,
 Чтобы моему разлучнику
 Не расплесть, не расчесать ее!»
 «Не печалься, княгиня-душа!
 Привезу с собой свахоньку:
 Расплетет она косу русую,
 Увезем тебя с собой, душеньку!»

У высокого терема
 Золотые были выходы,
 Переходы серебряные;
 Тут ходила-погуливала
 Душа красная девица;
 Она не знала, не ведала,
 Когда сваха приехала,
 Гордая и спесивая,
 Молодая, ломливая —
 Ступить она не ступила,
 Только слово промолвила:
 «Собирайся ты, умная,
 Собирайся ты, разумная,
 На чужу дальну сторону:
 Чужая сторонущка —
 Она сахаром усеяна,
 Сытою поливана,
 Виноградом огорожена!»

«Ох ты, прочь, прочь, разлучница!
 Поди прочь, подговорщица!
 Я сама знаю-ведаю
 Чужу дальнюю сторону!
 Чужая сторонущка —
 Она горем усеяна,
 Слезами поливана,
 Печалью огорожена!»

Немножко-то венчику
 На стенке висеть,
 Э-э-эх, на стенке висеть,
(Припев с повторением второй строки.)
 Немножко нашей Наташеньке
 Во девушках сидеть,

Не год, не неделюшку —
 Один вечерок!

Вечор эту косушку
 Девушки плели,

Сестрицы-подруженьки
 Золотцем вилы.

Поутру рано-ранешенько
 Свашенька пришла,

Пришла эта свашенька
 Немилостливая,

Начала эту косушку
 Рвать и метать,

Из косы алую ленточку
 Выплетывати,

Положила эту ленточку
 На тарелочку:

«Красуйтесь, девушки,
 На мою ли красоту,

Красота моя девичья
 Миновалася,

Со черною грязью
Сомешалася,

Со черною грязью
С подорожною».
Э-э-эх, с подорожною!

Ах ты, елка моя, елка,
Елка зеленая,
Э ой лёли, ой лёшуньки,
Елка зеленая!
(Припев с повторением второй строки.)
Да кто ж у нас свет Марьюшка —
Наша молодая?

Она, наша молодая,
По саду гуляла,

Она по саду гуляла,
Калину ломала,

Цвет-калинушку ломала,
Горькую щипала,

Она горькую щипала,
Золото сымала,

Она золото сымала,
Ковры расшивала,

Ковры расшивала —
Свекора дарила,

Она свекора дарила,
Сама говорила,

Сама, сама говорила:
«Не сама я шила,

А мне шили-вышивали
Милые подружки!

Раскачаю, размахаяю
Зеленую сосну,

Прогуляла, девки, с вами
Последнюю вёсну».

Ах ты, елка моя, елка,
Елка зеленая!

Да кто ж у нас свет Марьюшка —
Наша молодая?

Она, наша молодая,
По саду гуляла,

Она по саду гуляла,
Калину ломала,

Цвет-калинушку ломала,
Горькую щипала,

Она горькую щипала,
Золото сымала,

Она золото сымала,
Ковры расшивала,

Ковры расшивала —
Свекровью дарила,

Она свекровью дарила,
Сама говорила,

Сама, сама говорила:
«Не сама я шила,

А мне шили-вышивали,
Милые подружки!

Раскачаю, размахаяю,
Зеленую сósну,

Прогуляла, девки, с вами
Последнюю вёсну».

Ах ты, елка моя, елка,
Елка зеленая!

Да кто ж у нас свет Марьюшка —
Наша молодая?

Она, наша молодая,
По саду гуляла,

Она по саду гуляла,
Калину ломала,

Цвет-калинушу ломала,
Горькую щипала,

Она горькую щипала,
Золото сымала,

Она золото сымала,
Ковры расшивала,

Ковры расшивала —
Ивана дарила,

Свет Петровича дарила,
Сама говорила,

Сама, сама говорила:
«Не сама я шила,

А мне шили-вышивали
Милые подружки!

Раскачаю, размахая
Зеленую со́сну,

Погуляла, девки, с вами
Последнюю вёсну!»

Э ой лёли, ой лёшуньки,
Последнюю вёсну!

Ударили, вот ударили два мороза,
Ой яли, яли, яли, два мороза,
Два мороза, два мороза, третий снег,
Ой яли, яли, яли, третий снег,
Четвертая холодная зимушка,
Ой яли, яли, яли, холодная зимушка!
Не зимой — весной сосенушка была зелена,
Ой яли, яли, яли, была зелена,
В пятницу да Марьюшка была весела,
Ой яли, яли, яли, была весела,
В субботу головку гладила,

Женский головной убор. Конец XIX в. Тамбовская область

Ой яли, яли, яли, головку гладила,
 В воскресенье к венцу шла, плакала,
 Ой яли, яли, яли, шла плакала,
 У батюшки благословеньице просила,
 Ой яли, яли, яли, благословеньице просила,
 Благословенье, благословенье ко венцу,
 Ой яли, яли, яли, родимого батюшки!
 «Да не сжалился родный батюшка до меня,
 Ой яли, яли, яли, до меня,
 Отдают, отдают молодешеньку от себя,
 Ой яли, яли, яли, от себя!
 Оставляют три садика зеленых,
 Ой яли, яли, яли, зеленых!
 Вставай, родной батюшка, раненько,
 Ой яли, яли, яли, раненько,
 Поливай алы цветочки частенько,
 Ой яли, яли, яли, частенько,
 Что на утренней-вечерней зарями,
 Ой яли, яли, яли, зарями,
 А послед того, родный батюшка, горячими слезами,
 Ой яли, яли, яли, со слезами!»

Разлилася-разлелсялась
По всем лугам вода вольная —
По ракитовым по кустикам,
По лазоревым по цветикам!
Отошла дочь, отъехала
Любимая дочь от батюшки,
От сударыни от матушки;
Ворочал ее батюшка:
«Воротися, мое дитятко,
Позабыла золоты ключи
Что на шелковом на поясе!»
«Не сподманывай, сударь-батюшка!
Не ключи я у тебя забыла —
Позабыла волю девичью,
Волю девичью — негу матушкину!»

«Матушка моя, да что в поле пыльно,
Сударыня моя, да что в поле запылило?»
«Дитятко мое, кони разыгрались,

Фрагменты женского
головного убора.
Конец XIX в. Тамбов-
ская область

Свет милая ты моя, вороны разыгрались!»
 «Матушка моя, да чьи же эти кони,
 Сударыня ты моя, да чьи вороны?»
 «Дитятко мое, Ивановы кони,
 Свет милая ты моя, Ивановича вороны!»
 «Матушка моя, по улице едут,
 Сударыня ты моя, по широкой едут!»
 «Дитятко мое, авось ты не пугайся,
 Свет милая ты моя, не отдам во чужи люди!»
 «Матушка моя, к дому подъезжают,
 Сударыня ты моя, к дому подъезжают!»
 «Дитятко мое, авось ты не пугайся,
 Свет милая ты моя, не отдам в чужи люди!»
 «Матушка моя, во горенку всходят,
 Сударыня ты моя, во новую всходят!»
 «Дитятко мое, авось ты не пугайся,
 Свет милая ты моя, не отдам во чужи люди!»
 «Матушка моя, за столы садятся,
 Свет милая ты моя, за столы садятся!»
 «Дитятко ты мое, авось не пугайся,
 Свет милая ты моя, не отдам в чужи люди!»

«Матушка моя, за рученьку взяли,
Свет милая ты моя, за правую взяли!»
«Дитяtko мое, ступай, Бог с тобой,
Свет милая ты моя, ступай, Бог с тобой!»

Из-за лесу, лесу темного,
Да из-за темного, дремучего
Да там летит стадо серых гусей,
Да там летит стадо серых гусей,
Да друго стадо белых лебедей,
Да что друго-то — белых лебедей!
Да отставала лебедушка,
Да отставала лебедушка
Да все от стада лебединого,
Да все от стада лебединого,
Да приставала лебедушка,
Да приставала лебедь белая
Да чтой ко стаду — ко серым гусям,
Да чтой ко стаду — ко серым гусям!
Да стали гуси ее щипати,
Да стали гуси ее щипати,
Да бела лебедь стала кикати
Да лебединым тонким голосом:
«Да не щипите, гуси серые,
Да не щипите, гуси серые!
Да не сама я к вам залётала,
Не сама я к вам залётала,
Да не своею охотою,
Не своею охотою:
Да занесло меня погодою,
Да занесло меня погодою,
Да злой великою невзгодою,
Да злой великою невзгодою!»

Да что по полю, полю чистому,
Да по раздолью широкому
Да едет рота добрых молодцев
Да всё друга-то — красных девушек!
Да отставала Овдотьюшка,
Да отставала тут Павловна
Да от подруг своих любимых,
Да от соседок порядовных,
Да приставала Овдотьюшка,
Да приставала тут Павловна

Да ко дородну добру молодцу —
 Да к Николаю Владимировичу!
 Да не успела на двор въехать
 Да на головушке управити —
 Да стали люди смеяться,
 Да стали люди смеяться,
 Да свекор-батюшка журить-бранить,
 Да свекровь-матушка начал вести!
 Да воспроговорит Овдотьюшка,
 Да воспроговорит Овдотьюшка:
 «Да не жури ты, свекор-батюшка,
 Да не жури ты, свекор-батюшка,
 Да не началуй, свекровь-матушка,
 Да не началуй, свекровь-матушка!
 Да не сама я к вам заехала,
 Да не своею охотою —
 Да завезли меня добры кони,
 Да завезли меня добры кони —
 Да добры кони Николаевы,
 Николая Владимировича!»

Ой, черна, черна самородина,
 Ой люли, люли, самородина,
 Ой, тошна, тошна чужа сторона,
 Ой люли, люли, чужа сторона,
 (Припев с повторением конца строки.)
 Чужа сторона, незнакомая,
 Незнакомая, подмосковная!
 Тут и шел-прошел добрый молодец,
 Добрый молодец свет Иванушка!
 Он идет, идет, за собой ведет,
 За собой ведет красну девицу,
 Красну девицу да свет Марьюшку.
 Он ведет, ведет да все спрашивает:
 «Ой, чего ж тебе, душа, хочется —
 Иль пивца-винца, сладкой водочки?»
 «Ничего мне, мил друг, не надобно,
 Только хочется к отцу с матерью,
 К отцу с матерью на родну сторону!»
 Ой, люли, люли, на родну сторону!

Светел месяц восходил
Над горенкою,
 Ой ли, яли-я, али-я, али-я,
 Над горенкою,
 (Припев с повторением второй строки.)

Величается Иван
Перед жenuшкою,

Перед жenuшкою —
Перед Марьюшкою!

Он шатается, валяется
Он у Марьюшки в ногах:

«Уж ты, Марьюшка, разуй,
Ивановна, разобуй!»

«Я бы рада тебя разула —
Позабыла, как зовут!»

«Ой, поди ты ко соседу
И спроси, как зовут!»

«А соседи говорят,
Что Иваном зовут!»

А другие говорят,
Что Ивановичем!

Уж я ногу-то разую —
Я Иваном назову,

А другую-то разую —
Все Ивановичем.

Мне не стоит разувать,
Белы руки намарать.

Белы руки намарать,
Златы перстни поломать».

«Уж ты, Марья, не тужи,
Ты, Ивановна, не горюй!»

У нас мыльные заводы,
Златори у нас свои;

Белы руки смоются,
Златы перстни сольются!

Златы перстни сольются,
А мне, молодцу, разуться!»
Ой ли, яли-я, али-я, али-я,
А мне, молодцу, разуться!

А на горке дубок,
А на нем голубок,
Да погуркивает,
Пошугуркивает;
Марина батюшке
Поговаривает:
«Батюшка мой родимый,
Возьми ты меня
Опять к себе:
Я у тебя была —
Как роза цвела,
А нынче стала —
Как снег бела!»
Вчера молода
Что роза цвела,
Нынче молода
Как снег бела!

Вдоль Дунаю, вдоль Дунаю,
Вдоль по тихому Дунаю,
Ай люли, ай люли,
Ай люли, люли, люли! *(Привев.)*
Вдоль по тихому Дунаю
Там Иван-сударь гуляет,

Там Иван-сударь гуляет —
Табун коней загоняет,

Табун коней загоняет
Он не криком, он не свистом —

Он не криком, он не свистом,
Только шляпою махает,

Шкатулка-короб.
XIX в. Русский Север

Набивная доска. XIX в.

Только шляпою махает,
С рук перчаточки бросает,

С рук перчаточки бросает
За душою красной девицей,

За душою красной девицей
Свет Агафьюшкой-сестрицей.

«Ты, Агафьюшка-душа,
Сбереги мого коня,

Сбереги мого коня —
Не оборвал бы поводя,

Повода-то шелковые,
Стремена-то золотые!»

«Когда буду я твоя,
Сберегу твоего коня,

А теперь я не твоя,
 Не могу беречь коня!»
 Ай люли, ай люли,
 Ай люли, люли, люли!

•

Ой, от горенки,
 Да от горенки,
 От горенки да до горенки,
 От горенки да до горенки,
 (Далее все строки повторяются дважды; строки 6,
 9, 18, 21, 35 повторяются с изменением.)
 Там разостланы,
 Разостланы ковры шелковые!

Ой, по тем коврам,
 По тем коврам да и Марьюшка и шла,
 По тем коврам да Ивановна!

В руках несла,
 В руках несла виноградное вино,

В другой руке,
В другой руке меды ставленные,

Ой, под мышкою,
Под мышкою бел-крупитчатый пирог.

Ой, за нею вслед,
За нею вслед да Иванушка,
За нею вслед да Иванович!

«Ой, стой-постой,
Ой, стой-постой да и Марьюшка,
Ой, стой-постой да Ивановна!

Ой, и дай выпить,
Ой, дай выпить виноградного вина!

Ой, и дай запить,
Ой, дай запить меды ставленные!

Ой, и дай закусить,
Дай закусить белый-крупитчатый пирог!»

«Я не для тебя,
Не для тебя вино курила!

Я не для тебя,
Не для тебя меды ставила,

Я не для тебя,
Я не для тебя пирог пекла!

Я вино курила,
Вино курила для батюшки,
Вино курила для родного,

Я меды ставила,
Меды ставила для брата своего,

Я пирог пекла,
Я пирог пекла для матушки!»

Летит, летит черная галка
 Улицей,
 Ой лёли, лёли, яли, яли! (Привев.)
 Распустила черные крылья
 До земли!

«А кто ж моему большому горю
 Подмогнёт,

А кто ж мои черны крылья
 Подберет?»

Как тут взялся черный ворон
 Говорить:

«Не тужи, не горюй, черная галочка,
 Не тужи,

Уж я твоему большому горю
 Подмогну,

Уж я твои черны крылья
 Подберу!»

Вот ходит-гуляет свет Марьюшка
 Горницей,

Распустила светлое платье
 До земли!

«А кто ж моему большому горю
 Подмогнёт?

Кто мое светлое платье
 Подберет?»

Вызывается Иван-сударь,
 Говорит:

«Не тужи, не горюй, ой, Марьюшка,
 Не тужи,

Уж я твоему большому горю
 Подмогну,

Уж я тебя за себя замуж
 Возьму!»

Ой лёли, лёли, яли, яли!

Эх, хмель, моя хмелюшка,
Весела головушка,
Ой ли, ой люли,
Весела головушка!
*(Припев с повторением
второй строки.)*

Как бы эту хмелюшку
На нашу сторонущку —

На нашей сторонущке
Привольице вольное,

Привольице вольное —
Раздолье широкое!

По этому раздольицу
Ходил-гулял молодец,

Ходил-гулял молодец
Что Иван-молодец,

Что Иван-молодец,
Что Иванович!

Связал, связал голову
Тафтою зеленою,

Тафтою зеленою
Да шалью полосатою!

Увидала матушка
С высокого терема,

Из окошка ясного,
Из стекла хрустального:

«Дитя мое, дитяtko,
Что ходишь невесело?»

Что ходишь невесело,
Гуляешь нерадостно?»

«Родимая матушка,
Чему ж веселиться мне?»

Все мои товарищи
Давно поженились,

Донце прялки. XIX в. Поволжье

Я у вас, матушка,
Холостой хожу,

Холостой, неженатый хожу,
Холостой погуливаю».

«Женись, мое дитятко,
Женись, мое милое,

Возьми, возьми девочку,
Возьми в Хорошеве,

В Хорошеве девочку —
У Ивана дочерю,

У Ивана дочерю,
Дочерю хорошую,

Дочерю хорошую,
Марью Ивановну».
Ой ли, ой люли,
Марью Ивановну!

Что ни белая береза кудревая,
Ой лёли, лёли, кудревая,
*(Припев с повторением последнего
слова строки.)*

Супротив солнца во холоде стояла,
Обливалась береза росую,
Заливалась свет Марьюшка слезою —
Что вечер ее батюшка просватал
За такого за детину за старого!
«Со старым-то я ночку ночевала —
Ровно кошка с собакой прорычала».

Что ни белая береза кудревая
Супротив солнца во холоде стояла,
Обливалась береза росую,
Заливалась свет Марьюшка слезою —
Что вечер ее батюшка просватал
За такого за детину за младого!
«С молодым-то я ночку ночевала —
Ровно голубь с голубкой гурковала!»
Ой лёли, лёли, гурковала!

На улице дождь, дождь
Сильный поливает,
Э ой лёли, лёли,
Сильный поливает,
(*Припев с повторением
второй строки.*)

По этому дождю
Свет Марья гуляет,

Плачется, льется:
«Куда молодой деться?»

Куда молодой деться,
Куда схорониться?»

Я кинуся-брошусь
Ко батюшке в сенцы,

Тута мне не место,
Тута не подворье,

Тута не подворье —
Житье-нездоровье!»

На улице дождь, дождь
Сильный поливает,

По этому дождю
Свет Марья гуляет,

Плачется, льется:
«Куда молодой деться?»

Куда молодой деться,
Куда схорониться?»

Я кинуся-брошусь
Ко матушке в сенцы,

Тута мне не место,
Тута не подворье,

Тута не подворье —
Житье-нездоровье!»

На улице дождь, дождь
Сильный поливает,

По этому дождю
Свет Марья гуляет,

Плачется, льется:
«Куда молодой деться?»

Куда молодой деться,
Куда схорониться?

Я кинуся-брошусь
К Алексею в сенцы,

Тута мне и место,
Тута и подворье,

Тута и подворье —
Широко раздолье!»
Э ой лёли, лёли,
Широко раздолье!

Во горенке, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых сидели,
И пьют и льют, в литавры бьют,
В цимбалы играют,
В цимбалы играют,
Нашу Марьюшку да Ивановну —
Ее забавляют,
Ее забавляют!
Наша Марьюшка да Ивановна
По горнице ходит,
По светлой гуляет,
Разубрана головушка
Всякими цветами,
Всякими цветами,
Уряжена была шеюшка
Крупными жемчугами,
Крупными жемчугами,
Увешаны белы рученьки
Золотыми перстнями,
Золотыми перстнями!
«Душа наша да Марьюшка,
Тебя батюшка кличет,
Тебя родной кличет!»

«Сестрицы вы, подруженьки,
Право, не слыхала,
В глаза не видала!»

Во горенке, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых сидели,
И пьют и льют, в литавры бьют,
В цимбалы играют,
В цимбалы играют,
Нашу Марьюшку да Ивановну —
Ее забавляют,
Ее забавляют!

Наша Марьюшка да Ивановна
По горнице ходит,
По светлой гуляет,
Разубрана головушка
Всякими цветами,
Всякими цветами,
Уряжена была шеюшка
Крупными жемчугами,
Крупными жемчугами,
Увешаны белы рученьки
Золотыми перстнями,
Золотыми перстнями!

«Душа наша да Марьюшка,
Тебя матушка кличет,
Тебя родная кличет!»

«Сестрицы мои, подруженьки,
Право, не слыхала,
В глаза не видала!»

Во горенке, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых сидели,
И пьют и льют, в литавры бьют,
В цимбалы играют,
В цимбалы играют,
Нашу Марьюшку да Ивановну —
Ее забавляют,
Ее забавляют!

Наша Марьюшка да Ивановна
По горнице ходит,
По светлой гуляет,
Разубрана головушка
Всякими цветами,
Всякими цветами,

Пряничная доска. XIX в.
Надпись: «Сей пряник на
одном меду кого люблю
того дарю».

Уряжена была шеюшка
Крупными жемчугами,
Крупными жемчугами,
Увешаны белы рученьки
Золотыми перстнями,
Золотыми перстнями!
«Душа наша да Марьюшка,
Иван тебя кличет,
Иванович кличет!»
«Сестрицы мои, подруженьки,
Иванушку слышу,
Иванушку вижу!»

•

Уж мы ж тебе, свет Марьюшка,
Давно говорили,
Э ой лёли, ой лёшуньки,
Давно говорили!
(Припев с повторением второй строки.)
Уж мы ж тебс, Ивановна,
Давно голосили:

Поди выди, свет Марьюшка,
 За новы ворота,

 Возглянь, возглянь, Ивановна,
 Во чистое поле:

 В чистом поле — синем море
 Иван коня поит,

 По другую сторонушку
 Девки воду носят,

 Они носят и голосят,
 Кромыслицы гнутся!

 «Ну и что ж вы, кромыслицы,
 Долго не ломались?

 Ну и что ж ты, Иван-сударь,
 Долго не женился?»

 «Тебя, тебя, свет Марьюшка,
 Тебя дожидался —

 Пускай моя свет Марьюшка
 Боле вырастает,

 Пускай моя Ивановна
 Даров нашивает:

 Как и первый драгой товар —
 Свекору родному,

 А второй-то драгой товар —
 Все родной свекрови,

 А как третий драгой товар —
 Самому Ивану!»

 «Не прогневайся, Иван-сударь,
 На моих подарках —

 При скорости, при спешности
 Мое дело стало,

 Мое, мое дело стало —
 Плохо вышивала,

Прялка. Конец XIX в. Архангельская область

Плохо, плохо вышивала,
Брала-выбирала».
Э ой лёли, ой лёшуньки,
Брала-выбирала!

У нас рано, рано по заре,
У нас рано, рано по заре
Стояли кони на дворе,
Стояли кони на дворе!
(Каждая строка повторяется дважды.)
Никто про коней не прознал —
Знала-прознала Авдотья!
Брала коней за повода,
Ставила коней на стойла!
Сыпала сахару вместо овса,
Лила меду вместо воды:

«Пейте вы, кушайте, кони мои,
Пейте вы, кушайте, вороные,
Завтра пораньше свезите меня
Дальше-подальше от батюшки,
Ближе-поближе к свекору в дом!
Ближе-поближе к свекору в дом —
Тут-то я рада-радешенька».

У нас рано, рано по заре
Стояли кони на дворе!
Никто про коней не прознал —
Знала-прознала Авдотья!
Брала коней за повода,
Ставила коней на стойла!
Сыпала сахару вместо овса,
Лила меду вместо воды:

«Пейте вы, кушайте, кони мои,
Пейте вы, кушайте, вороные,
Завтра пораньше свезите меня —
Дальше-подальше от матушки,
Ближе-поближе к свекровушке!
Ближе-поближе к свекровушке —
Тут-то я рада-радешенька».

У нас рано, рано по заре
Стояли кони на дворе!

Никто про коней не прознал —
 Знала-прознала Авдотья!
 Брала коней за поводá,
 Ставила коней на стойлá!
 Сыпала сахару вместо овса,
 Лила меду вместо воды:

«Пейте вы, кушайте, кони мои,
 Пейте вы, кушайте, вороны,
 Завтра пораньше свезите меня —
 Дальше-подальше от девок,
 Ближе-поближе к Василью в дом,
 Ближе-поближе к Василью в дом —
 Тут-то я рада-радешенька!»

Кузнецы молодые,
 Кузнецы молодые,
 Да куйте коней крепче,
 Куйте коней крепче,
 Куйте коней крепче —
 Да нам ехать далеко!
 Нам ехать далеко,
 Нам ехать далеко —
 Да по селам, по деревням,
 По селам, по деревням,
 По селам, по деревням
 И по рвам, по каменьям!
 По рвам, по каменьям,
 По рвам, по каменьям —
 Подковки-то звяк, звяк,
 Подковки-то звяк, звяк,
 Подковки-то звяк, звяк,
 А люди-то скажут,
 А люди-то скажут,
 А люди-то скажут:
 «И богатые едут,
 И богатые едут,
 И богатые едут,
 Богатую везут!
 Богатую везут,
 Богатую везут:
 И в шубке, в юбке,
 В шубке, в юбке,

В шубке, в юбке,
 В котках, в чулочках,
 В котках, в чулочках,
 В котках, в чулочках —
 В сафьяновых сапожках!»

Ах, по лугу вода,
 По лугу вода,
 По лугу вода разливается,
 По лугу вода разливается,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот убивается,
 Зять у ворот убивается:
 «Теща моя,
 Теща моя,
 Теща моя, теща ласковая,
 Теща моя, теща ласковая!
 Дай ты мне дар,
 Дай ты мне дар,
 Дай ты мне дар, мой суженый,
 Дай ты мне дар, мой ряженный!»
 Вынесла теща,
 Вынесла теща
 Коробья, коробья с добром,
 Коробья, коробья с добром!
 «Это не мой дар,
 Это не мой дар,
 Не мой дар, не мой суженый,
 Не мой дар, не мой ряженный!»

Ах, по лугу вода,
 По лугу вода,
 По лугу вода разливается,
 По лугу вода разливается,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот убивается,
 Зять у ворот убивается:
 «Тесть ты мой, тесть,
 Тесть ты мой, тесть,
 Тесть ты мой, тесть ласковый,
 Тесть ты мой, тесть ласковый!
 Дай ты мне дар,
 Дай ты мне дар,

Сарафан XIX в. Архангельская область

Дай ты мне дар, мой суженый,
 Дай ты мне дар, мой ряженный!»
 Вывел тесть,
 Вывел тесть,
 Вывел тесть вороного коня,
 Вывел тесть вороного коня!
 «Это не мой дар,
 Это не мой дар,
 Это не мой дар, не мой суженый,
 Это не мой дар, не мой ряженный!»

Ах, по лугу вода,
 По лугу вода,
 По лугу вода разливается,
 По лугу вода разливается,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот,
 Зять у ворот убивается,
 Зять у ворот убивается:
 «Шурин мой,
 Шурин мой,
 Шурин мой, шурин ласковый,
 Шурин мой, шурин ласковый!
 Дай ты мне дар,
 Дай ты мне дар,
 Дай ты мне дар, мой суженый,
 Дай ты мне дар, мой ряженный!»
 Вывел брат сестру,
 Вывел брат сестру,
 Вывел брат сестру, сестру за руку,
 Вывел брат сестру, сестру за руку!
 «Это вот мой дар,
 Это вот мой дар,
 Это вот мой дар, мой суженый,
 Это вот мой дар, мой ряженный!»

Ты заря моя, зорюшка вечерняя,
 Ой яли, яли, яли, зорюшка вечерняя!
 Зорюшка вечерняя, солнышко восхожее,
 Ой яли, яли, яли, солнышко восхожее!
 Высоко всходило, далеко светило,
 Ой яли, яли, яли, далеко светило!
 Через тын, через поле, через синее море,
 Ой яли, яли, яли, через синее море!

Там лежала жердочка, жердочка еловая,
 Ой яли, яли, яли, жердочка еловая!
 Да никто по жердочке, да никто не хаживал,
 Ой яли, яли, яли, никто не хаживал!
 Да никто не хаживал, никого не важивал,
 Ой яли, яли, яли, никого не важивал!
 Перешел мой Юрушка, перешел Егорович,
 Ой яли, яли, яли, перешел Егорович!
 Перевел Натальюшку, перевел Николаевну,
 Ой яли, яли, яли, перевел Николаевну!
 Перевел уж и целует, перевел уж и милует,
 Ой яли, яли, яли, перевел уж и милует!
 «Друг моя Натальюшка, друг Николаевна,
 Ой яли, яли, яли, друг Николаевна!
 Ты моя утешница, ты моя забавница,
 Ой яли, яли, яли, ты моя забавница!
 Ты меня утешила, ты меня уважила,
 Ой яли, яли, яли, ты меня уважила!
 На улицу выходила, про отца с матерью забыла,
 Ой яли, яли, яли, про отца с матерью забыла!
 Про отца с матерью забыла, меня, друга, полюбила,
 Ой яли, яли, яли, меня, друга, полюбила!
 Меня, друга, полюбила, шириночкой подарила,
 Ой яли, яли, яли, шириночкой подарила!»
 Шириночка шелковая — Натальюшка молодая,
 Ой яли, яли, яли, Натальюшка молодая,
 Натальюшка молодая — что ягодка налитая,
 Ой яли, яли, яли, что ягодка налитая!

Не вереюшки гнутся,
 Не столбы шатаются,
 Ой ли, ой люли,
 Не столбы шатаются,
 (Припев с повторением второй строки.)
 Вереюшки точеные,
 Воротцы крашёные!

Как из этих из ворот
 Выходил Иван-сударь,

Выходил Иван-сударь,
 Выкликал товарищей:

«Уж вы, братцы-молодцы,
 Вы, товарищи мои,

Фрагмент набойки.
XIX в. Архангель-
ская область

Выходите на улицу,
Я скажу вам диковину,

Я скажу вам диковину —
Дивованье великое:

Серед лета, на Петров день,
Замерзало сине море!

А вы мне не верите,
Да вы мне поверите:

Уж я сам по льду ходил,
Уж я сам прорубь рубил!

Уж я сам прорубь рубил —
Воронных коней поил».

Не вереюшки вьются,
Не столбы шатаются,

Верюшки точёные,
Воротцы кращёные!

Как из этих из ворот
Выходила свет Марьюшка,

Выходила свет Марьюшка,
Выкликала сестер-подруг:

«Уж вы, сестры-подружки,
Вы, подруженьки мои,

Выходите на улицу,
Я скажу вам диковину,

Я скажу вам диковину —
Дивованье великое:

Серед зимы, на Крещенье,
Расцветали в саду цветы!

А вы мне не верите,
А вы мне поверите:

Я сама в саду была,
Я сама цветы рвала!

Я сама цветы рвала,
Я сама венок плела,

На свою головушку,
На чужу сторонушку».

Ой ли, ой люли,
На чужу сторонушку!

У нас по улице,
У нас по широкой,
Ой яли, люли, яли, яли, люли!

(Привев.)

Там ходит-гуляет
Большой воевода,

Большой воевода —
Иван Иванович.

Он ходит-гуляет,
Во скрипку играет,

Во скрипку играет,
Марью забавляет:

«Не плачь, свет Марьюшка,
Не плачь, Ивановна,

Мы пойдем с тобою
Во ельник, сосенник,

Во ельник, сосенник,
Во частый березник:

Сказали, в лесе
Грузди родились,

Грузди родились —
Белые белянки!

Беленький груздочек —
Иванов сыночек,

Белая белянка —
Свет Марьиного дочка».

Ой яли, люли, яли, яли, люли!

КОММЕНТАРИИ

В этой книге представлены подлинные записи русской народной свадьбы. Они опубликованы без сокращения, в том виде, в каком увидели свет: без исправлений, обработки и т. д. Читатель может увидеть своеобразие свадьбы в разных регионах страны, почувствовать особенности народной речи, народной поэзии, ощутить незабываемую атмосферу праздника, подаренного нам через многие десятилетия очень не похожими друг на друга собирателями.

Русскую свадьбу записывали на протяжении почти двух с половиной столетий люди самых разных судеб, профессий, сословий. Большинство из них не были учеными-этнографами или фольклористами. Это были военные и учителя, студенты и школьники, священники и ссыльные... Конечно же, были и специалисты, но записывали свадьбу и сами крестьяне. И сейчас мы являемся владельцами громадного, бесценного наследства, состоящего из нескольких тысяч описаний свадебных обрядов и свадебного фольклора из самых отдаленных уголков страны. В первую часть выпуска вошло лишь пять из них. При отборе материала мы стремились дать целостные описания свадеб и вместе с тем представить разные регионы страны; отбирали только те обряды и произведения обрядовой поэзии, которые являются не только этнографическими, но и поэтическими явлениями. В сборнике публикуются записи северо- и среднерусских свадеб, сибирской и казачьей. Это дает возможность читателю сравнить и увидеть сходство и различие между свадьбами разных регионов.

В севернорусской свадьбе богато представлена традиция причитывания, меньше звучат песни, приговоры дружки. В среднерусской свадьбе несколько приглушен трагический тон причитаний, сами они не столь эпичны, как на севере, на первый план

выходит песня — и печальная, и радостная. Русские свадебные обряды в Сибири свидетельствуют о том, из каких регионов европейской части России прибыли предки русских сибиряков. Описание свадьбы Южной Сибири, сделанное С. И. Гуляевым, имеет много общего с севернорусской обрядовой традицией. Для южнорусской свадьбы (и казаков в том числе) эпический размах, столь характерный для севернорусской свадьбы, не присущ, нет в ней и строгого канона среднерусской свадьбы. Южнорусская свадьба лирична в своей основе, свадебный фольклор в ней — песенный, много исполнялось и необрядовых песен, частушек. Во второй части сборника публикуется только свадебный фольклор. Издание его отдельно от обрядов дает возможность представить обрядовую поэзию не только как праздничное проявление быта, но и как искусство слова. Свадебный фольклор столь же разнолик, сколь многообразны сами обряды.

В комментариях к записям свадеб и фольклорным текстам приводятся сведения об источниках публикаций, а также даны некоторые материалы, не вошедшие в основной корпус книги. Мы не стали комментировать обряды, давать определения жанровой принадлежности произведений свадебного фольклора. Это потребовало бы существенного увеличения объема книги; впрочем, острой необходимости в этом нет: основное об обрядах и обрядовой поэзии сказано во вступительной статье. Хотелось бы только обратить внимание на то, что в записях свадеб причитания нередко определяются собирателями как песни, а песни, наоборот, — причитания. Но не будем строго судить собирателей, будем благодарны им за их бескорыстный труд. Следует обратить внимание на еще одну особенность. В описаниях свадеб часто публиковались произведения, не имеющие прямого отношения к свадебному фольклору. Такие произведения есть и в записях свадьбы, помещенных в нашей книге. Это главным образом традиционные лирические песни или песни, созданные в литературной традиции. Их несложно отличить от свадебных, и прежде всего — по тематике.

Публикуемые в данном сборнике фольклорные тексты не повторяют их буквально в том виде, как они изданы первоначально. В чем заключалась редакция текстов? Прежде всего в переводе изданных в дореволюционное время текстов на современную орфографию. Диалектные записи также переводились на современную орфографию; редакции подверглась их фонетическая сторона, хотя во многих текстах сохранены приметы устного, диалектного звучания песни, приговора, причитания («братилко» вместо «брателко», «приветливой» вместо «приветливый», «благословеньцо» вместо «благословеньце» и др.). Знаки препинания расставлены с учетом современных требований. Свадебные приговоры печатались главным образом как прозаические произведения, что, разумеется, недопустимо. В данной книге они публикуются с разбивкой на стихи.

Проведенная редакция текстов свадебного фольклора никак не коснулась их поэтического содержания, художественной формы, не отразилась на их своеобразии как явления искусства и быта.

Все неоговоренные примечания к записям свадеб принадлежат собирателям. Пояснения диалектных и устаревших слов даются в Словаре.

Акимова — Фольклор Саратовской области. Сост. и вступ. статья Т. М. Акимовой, кн. 1. Саратов, 1946.

Аргентов — А р г е н т о в Г. Наговоры дружки. — Уральский современник, 1940, № 3.

Аргентов, 1941 — А р г е н т о в Г. Наговоры дружки. — Прикамье, 1941, № 2.

Балашов — Б а л а ш о в Д. М., М а р ч е н к о Ю. И., К а л м ы к о в а Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский р. Вологодской обл.). М., 1985.

Балашов, 1969 — Б а л а ш о в Д. М., К р а с о в с к а я Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

Белослюдов — Б е л о с л ю д о в Ал. Свадебный ритуал «каменщиков» (материалы по этнографии Бухтарминской долины). — Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО. 1913, вып. 7.

Белоусов — Фольклор русского населения Прибалтики. Авт.-сост. А. Ф. Белоусов, Т. С. Макашина, Н. К. Митропольская. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1976.

Бутова — Б у т о в а Е. Станица Бороздинская Терской обл. Кизлярского округа. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1889, вып. 7.

Волжский фольклор — Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. С предисл. и под ред. Ю. М. Соколова. М., 1937.

Геннади — Г е н н а д и Г. Свадебные обряды и песни крестьян Сычевского у. Смоленской губ. — Вестник РГО на 1852 г. СПб., 1852, т. 5, кн. 1—2.

Гринкова — Г р и н к о в а Н. Старая и новая свадьба в Ржевском у. Тверской губ. — Сборник Ржевского общества краеведения. Ржев, № 1.

Добровольский — Д о б р о в о л ь с к и й В. Н. Песни Дмитровского у. Орловской губ. — Живая старина, 1905, вып. 3—4.

Добровольский, 1893 — Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский, ч. 2. СПб., 1893.

Жаравов — Ж а р а в о в А. Сельские свадьбы в Архангельской губ. — Москвитянин, 1853, вып. 13, 14.

Жекулина — Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 г.). Песни и причитания. Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.

Каффка — Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа. По рукописи С. П. Каффки приготовил к печати Д. К. Зеленин. — Записки Уральского общества естествознания. 1905, т. 25.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I. М., 1911.

Киреевский, 1968 — Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. — Литературное наследство, т. 79. М., 1968.

Киреевский, 1977 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях, т. 1. Подг. текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977.

Колобов — К о л о б о в И. Русская свадьба Олонецкой губ. Пудожского у. Корбозерской вол. — Живая старина, 1915, № 1—2.

Колпакова — Лирика русской свадьбы. Изд. подг. Н. П. Колпакова. Л., 1973.

Копаневич — К о п а н е в и ч И. К. Народные песни, собранные и записанные в Псковской губ. — Труды Псковского археологического общества. 1911—1912. Псков, 1912, вып. 8.

Костюрина — К о с т ю р и н а М. Н. Крестьянская свадьба в подгородних деревнях г. Тобольска. — Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1898, вып. 9.

Круглов — Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., 1989.

Кузнецов — К у з н е ц о в А. Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия. — Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 72, № 5. СПб., 1902.

Леонова — Фольклор Западной Сибири, вып. 1. Сб. составлен Т. Г. Леоновой по материалам фольклорных экспедиций Омского педагогического института им. А. М. Горького. Омск, 1974.

Листопадов — Л и с т о п а д о в А. М. Песни донских казаков, т. 4. М., 1953.

Машкин — М а ш к и н А. Быт крестьян Курской губ. Обоянского у. — Этнографический сборник. СПб., 1862, вып. 5.

Мохирев — М о х и р е в И., Х а р ь к о в В., Б р а з С. Народные песни Кировской области. М., 1966.

Мякутин — М я к у т и н А. И. Песни оренбургских казаков, ч. 4. СПб., 1910.

Николаев — Н и к о л а е в П. Песни, поговорки, пословицы и проч., записанные в Псковской губ. — Труды Псковского археологического общества. 1911—1912. Псков, 1912, вып. 8.

Новикова — Н о в и к о в а А. М., П у ш к и н а С. Н. Свадебные песни Тульской области. Тула, 1985.

Померанцева — Песни и сказки Ярославской области. Ред. Э. В. Померанцева. Ярославль, 1958.

Померанцева, 1973 — Традиционный фольклор Владимирской деревни. Под ред. Э. В. Померанцевой. М., 1973.

Потанина — Русские свадебные песни Сибири. Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1979.

Прозвицкая — Прозвицкая Л. И., Мельников М. Н. Смоленские свадебные традиции в Сибири (описание обрядов, свадебные песни). — Сибирский фольклор. Новосибирск, 1976.

Савушкина — Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.). Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980.

Славянина — Старинная севская свадьба. Записи и свод О. А. Славяниной. Подг. текстов к печати и ред. Ф. М. Селиванова. М., 1978.

Соколов — Тамбовский фольклор. Ред. и предисл. акад. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941.

Успенский — Успенский М. Марипчельская крестьянская свадьба. Бытовой очерк. — Живая старина, 1898, вып. 1.

Чистов — Причитания. Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова. Л., 1960.

Шейн — Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, легендах и т. п., т. 1. СПб., 1900.

СВАДЬБА

Эпиграф — Даль.

Н. Н. Виноградов. Народная свадьба в Костромском уезде (с. 21). — Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Этнографический сборник, вып. 8. Кострома, 1917, с. 71—129.

С. Я. Дерунов. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде (с. 82). — Труды Ярославского губернского статистического комитета, вып. 5. 1868, с. 101—133.

Пр. В. Е-ий. Описание сельской свадьбы в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии (с. 114). — Этнографическое обозрение, 1899, № 3, с. 108—144.

С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные обряды (с. 172). — Библиотека для чтения, т. 90, 1848, с. 3—47.

М. Василькова. Свадьба в станице Ладожской Кубанской области (с. 228). — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901, вып. 29, отд. 3, с. 49—86.

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПРИЧИТАНИЯ

«Благослови-тко...» (с. 263) — «Где-то есть еще...» (с. 269). — *Чистов.*

«Охти мне.. мне-ка тошнешенько...» (с. 269) — «Уж ты подружка моя...» (с. 278). — *Колобов.*

«Чего век-то я не думала» (с. 279). — *Чистов.*

«Кормилец ты мой батюшка...» (с. 284), «Дитяtko ты мое милое...» (с. 284). — *Соколов.*

«Что у меня, беднушки...» (с. 285). — *Колобов.*

«Будет спать...» (с. 285). — *Чистов.*

«Охти мне... Задорочили...» (с. 287). — *Колобов.*

«Вы вставайте-тко» (с. 288). — *Чистов.*

«Охти мне, победнушке...» (с. 292) — «Из-за лесу, лесу...» (с. 303). — *Колобов.*

«Наставала тучка темная...» (с. 305) —

«Уж ты, чуж да млад...» (с. 315). — *Чистов.*

«Уж полети-тко, моя волюшка...» (с. 317) — «Уж мы жили...» (с. 337). — *Колобов.*

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

«Будь наша хоромина...» (с. 340). — *Аргентов.*

«В сем доме благодатном...» (с. 340) — «Извольте стать...» (с. 343). — *Кузнецов.*

«Стоит наш князь...» (с. 344) —

«Встаньте на ножки...» (с. 345). — *Аргентов.*

«В сем доме благодатном... Когда благословили...» (с. 346) — «В сем доме благодатном... Шапочку в руки взял...» (с. 349). — *Кузнецов.*

«Повел наш большой...» (с. 350). — *Аргентов.*

- «В сем доме благодатном... ехать в путь-дорогу...» (с. 351) — «Наш князь молодой...» (с. 352). — *Кузнецов*.
- «Послужи, конь...» (с. 352). — *Аргентов*.
- «Мир-народ...» (с. 352) — «Наш князь молодой...» (с. 353). — *Кузнецов*.
- «Батюшко родимый...» (с. 354). — *Аргентов*.
- «Все ли в скопе...» (с. 354). — *Аргентов*, 1941.
- «Мир-народ... Не насильно...» (с. 356). — *Кузнецов*.
- «Ехал наш большой друженька...» (с. 356) — «Вот сказали...» (с. 358). — *Аргентов*.
- «Раздайся, народ...» (с. 358) — «Чтобы нашему князю...» (с. 363). — *Кузнецов*.
- «Есть у нашей княгини...» (с. 363). — *Аргентов*.
- «У ваши княгини...» (с. 364). — *Кузнецов*.
- «Вот сказали, что наша княгиня...» (с. 365). — *Аргентов*.
- «В сем доме благодатном...» (с. 365). — *Кузнецов*.
- «Здорово живете...» (с. 365). — *Аргентов*.
- «Здравствуйте, господа...» (с. 366) — «Меня, дружку Петрушку...» — (с. 373). — *Аргентов*, 1941.
- «В сем доме благодатном... Во всем ли...» (с. 374) — «В сем доме благодатном... Извольте, свашенька...» (с. 376). — *Кузнецов*.
- «Беру я свяхоньку...» (с. 377) — «Благослови...» (с. 378). — *Аргентов*.
- «Извольте вы, княгиня...» (с. 378) — «В сем в доме благодатном... Рука с рукою...» (с. 381). — *Кузнецов*.
- «Вы плакали...» (с. 381). — *Аргентов*.
- «В сем в доме благодатном... Свои места...» (с. 382) — «В сем в доме благодатном... Хлеб-соль звеличать...» (с. 384). — *Кузнецов*.

«Надо огня добыть...» (с. 385). — *Аргентов*.

«В сем в доме благодатном... Куницами...» (с. 385) — «Извольте, князь...» (с. 402). — *Кузнецов*.

ПЕСНИ

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

- «Как у свата на дворе...» (с. 403). — *Мякутин*, с. 39.
- «Исполать тебе, добрый молодец...» (с. 403). — *Мякутин*, с. 90.
- «Заводилась мыленка...» (с. 403). — *Жаравов*, вып. 13, № 42.
- «У ворот, у ворот...» (с. 404). — *Волжский фольклор*, с. 83—84.
- «Не было ветру...» (с. 404). — *Новикова*, № 49.
- «Все-то бояре...» (с. 404). — *Костюрина*, с. 9.
- «Продад брат сестрицу...» (с. 404). — *Бутова*, с. 76.
- «Катился бел виноград...» (с. 404). — *Николаев*, с. 192.
- «Бела рыбаца...» (с. 405). — *Новикова*, № 81.
- «Ягода с ягодой сокатила...» (с. 405). — *Гринкова*, с. 127.
- «Встрепыхайся, бела рыба...» (с. 405). — *Новикова*, № 80.
- «Упал соловей...» (с. 405). — *Копаневич*, с. 163.
- «По городу звоны пошли...» (с. 406). — *Киреевский*, № 242.
- «На дворе, матушка...» (с. 406). — *Шейн*, № 1755.
- «Подари, Иван-сударь...» (с. 406). — *Новикова*, № 84.
- «Не гром гремит во тереме...» (с. 407). — *Каффка*, № 42.
- «Во вечер, вечер...» (с. 408). — *Новикова*, № 17.
- «Разливается поляя вода...» (с. 408). — *Акимова*, с. 127.

- «Заюшка лесы обегает...» (с. 408). — *Машкин*, с. 132.
- «Отставала лебедушка...» (с. 408). — *Балашов*, с. 267.
- «Андрей-то едет...» (с. 409). — *Жаравов*, вып. 14, с. 99.
- «Вскочило солнце в оконце...» (с. 409). — *Геннади*, с. 19.
- «Тетера за стол прилетела...» (с. 409). — *Шейн*, № 1349.
- «Залетела пташечка...» (с. 409). — *Киреевский*, № 609.
- «Конопелька добрая...» (с. 409). — *Шейн*, № 1997.
- «Прекрасное наше дерево...» (с. 409). — *Шейн*, № 2122.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

- «Ты и скуй нам...» (с. 410). — *Добровольский*, с. 299.
- «Молоду князю песенку...» (с. 410). — *Новикова*, № 64.
- «Уж те, сватушку...» (с. 410). — *Померанцева*, с. 65.
- «Семену пожилось бы...» (с. 411). — *Киреевский*, № 501.
- «Пекись, пекись...» (с. 411). — *Шейн*, № 1842.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

- «Что у месяца рога...» (с. 412). — *Колпакова*, № 303.
- «Ох ты, винная ягодка...» (с. 412). — *Леонова*, с. 62.
- «Сказали, наша Маринушка...» (с. 413). — *Славянина*, № 246.
- «Золото с золотом свивалось...» (с. 413). — *Савушкина*, с. 73—74.
- «Тихонько, бояре...» (с. 414). — *Киреевский*, № 667.
- «Как у месяца золоты рога...» (с. 414). — *Новикова*, № 66.
- «Ходит голубь...» (с. 415). — *Новикова*, № 70.

- «Как у тысяцкого...» (с. 416). — *Мохирев*, с. 137.
- «Мы пойдемте по ряду...» (с. 416). — *Листопадов*, т. 4, № 219.
- «Да и честь и хвала...» (с. 419). — *Листопадов*, т. 4, № 134.
- «Сватушка — сват хорошенький...» (с. 419). — *Померанцева*, 1973, с. 137.
- «Сватушка — гость богатый...» (с. 419). — *Киреевский*, № 1968.
- «Исполтай тебе, свахонька...» (с. 419). — *Мохирев*, с. 137.
- «Сидит наша свашенька...» (с. 420). — *Новикова*, № 85.
- «Чтой над той ли рекой...» (с. 420). — *Балашов*, 1969, с. 78.
- «А где тая кухарочка...» (с. 421). — *Славянина*, № 130.
- «У кого ж у нас...» (с. 421). — *Новикова*, № 134.
- «Из ворот на улицу...» (с. 422). — *Новикова*, № 131.
- «Как у рюмочки...» (с. 422). — *Соколов*, с. 225.
- «Ходит молодец молоденький...» (с. 423). — *Соколов*, с. 225.
- «Земляничка-ягодка...» (с. 423). — *Новикова*, № 129.
- «На ком, на ком...» (с. 423). — *Новикова*, № 128.
- «Из-под кустика...» (с. 424). — *Новикова*, № 130.
- «У нас по саду было...» (с. 425). — *Новикова*, № 119.
- «Как по садку...» (с. 426). — *Новикова*, № 120.
- «Да уж ты ветер ли...» (с. 427). — *Савушкина*, с. 108—109.
- «Уточка, покупайся...» (с. 428). — *Киреевский*, 1968, с. 482—483.

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

- «У Филиппа...» (с. 429). — *Жекулина*, с. 192.
- «Не белы наехали...» (с. 429). — *Балашов*, 1969, с. 80—81.

- «Ой, мы приехали...» (с. 431). — *Потанина*, с. 85.
- «У нашей невесты...» (с. 431). — *Потанина*, с. 125.
- «Ох вы, князи-бояре...» (с. 432). — *Белюсов*, с. 133.
- «Что сказали...» (с. 432). — *Круглов*, с. 244.
- «Ты пади, спесивая...» (с. 434). — *Успенский*, с. 103.
- «У тебя в огороде...» (с. 434). — *Савушкина*, с. 66.
- «Ели дружки...» (с. 434). — *Славянина*, № 149.
- «У приезжего дружки...» (с. 434). — *Славянина*, № 148.
- «В огороде-то у нас...» (с. 434). — *Белюсов*, с. 3—4.
- «Приехала свахонька...» (с. 435). — *Волжский фольклор*, с. 86—87.
- «Наша-то сваха...» (с. 436). — *Савушкина*, с. 109.
- «Наша свашка-рохля...» (с. 437). — *Листопадов*, т. 4, № 277.
- «Чурахи...» (с. 437). — *Прозвицкая*, с. 142.
- «Сваты наши скупые...» (с. 437). — *Листопадов*, т. 4, № 123.
- «Вы, сваты...» (с. 437). — *Новикова*, № 51.
- «Дурны сваты, дурны...» (с. 438). — *Добровольский*, 1893, с. 112.
- «Деверь-деверечек...» (с. 438). — *Славянина*, № 100.
- «А мы у свата были...» (с. 439). — *Славянина*, № 123.
- «У нашей сватьи...» (с. 439). — *Потанина*, с. 151.
- «Постельнички-плуты...» (с. 440). — *Славянина*, № 192.
- «Каравайницы-воры...» (с. 440). — *Шейн*, № 2090.
- «Каравайница-псица...» (с. 440). — *Добровольский*, с. 373.
- «Приехали к попу...» (с. 440). — *Славянина*, № 88.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

- «Как по сенокшам...» (с. 441). — *Новикова*, № 34.
- «У нас было да на Дону...» (с. 441). — *Новикова*, № 32.
- «У ворот трава росла...» (с. 444). — *Новикова*, № 3.
- «Цвела, цвела липушка...» (с. 445). — *Славянина*, № 39.
- «На горе калина...» (с. 445). — *Новикова*, № 4.
- «На дворе, дворе...» (с. 447). — *Мохирев*, с. 161.
- «Как у нашего соседа...» (с. 447). — *Прозвицкая*, с. 123—124.
- «Течет речка...» (с. 448). — *Новикова*, № 20.
- «Елушка да сосенушка...» (с. 448). — *Круглов*, с. 267.
- «Что не сизая павушка...» (с. 449). — *Мохирев*, с. 167.
- «Вот венки зеленые...» (с. 449). — *Новикова*, № 46.
- «Вы, луга мои...» (с. 451). — *Новикова*, № 47.
- «Как у нашего князя...» (с. 452). — *Киреевский*, 1968, с. 213—214.
- «У высокого терема...» (с. 452). — *Киреевский*, 1977, с. 238.
- «Немножко-то венчику...» (с. 453). — *Новикова*, № 37.
- «Ах ты, елка моя...» (с. 454). — *Новикова*, № 12.
- «Ударили, вот ударили...» (с. 456). — *Новикова*, № 58.
- «Разлилася-разлеялась...» (с. 458). — *Круглов*, с. 267—268.
- «Матушка моя, да что...» (с. 458). — *Круглов*, с. 267.
- «Из-за лесу, лесу...» (с. 460). — *Балашов*, 1969, с. 45.
- «Ой, черна, черна...» (с. 461). — *Новикова*, № 76.
- «Светел месяц восходил...» (с. 422). — *Новикова*, № 90.

- «А на горке...» (с. 463). — *Славянина*, № 250.
- «Вдоль Дуная...» (с. 463). — *Новикова*, № 10.
- «Ой, от горенки...» (с. 465). — *Новикова*, № 9.
- «Летит, летит...» (с. 467). — *Новикова*, № 33.
- «Эх, хмель...» (с. 468). — *Новикова*, № 1.
- «Что ни белая...» (с. 470). — *Новикова*, № 75.
- «На улице дождь...» (с. 471). — *Новикова*, № 43.
- «Во горенке...» (с. 472). — *Новикова*, № 40.
- «Уж мы ж тебе...» (с. 474). — *Новикова*, № 5.
- «У нас рано...» (с. 476). — *Новикова*, № 55.
- «Кузнецы молодые...» (с. 477). — *Новикова*, № 62.
- «Ах, по лугу вода...» (с. 478). — *Новикова*, № 53.
- «Ты заря моя...» (с. 480). — *Круглов*, с. 284—285.
- «Не вереюшки гнутся...» (с. 481). — *Новикова*, № 12.
- «У нас по улице...» (с. 483). — *Новикова*, № 78.

СВАДЬБА

Н. Н. ВИНОГРАДОВ.
НАРОДНАЯ СВАДЬБА В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ

Публикуя описание свадьбы, собиратель предпослал ему предисловие: «Моя настоящая работа имеет своим предметом деревенскую свадьбу, то есть все те чрезвычайно многочисленные и разнообразные обряды и церемонии, которые в народном быту необходимо сопутствуют церковному таинству брака. Последовательно и сколь возможно подробно в дальнейшем описываются: сватовство, сговорки, девичник, самая свадьба, красный стол и пр. — по имеющимся у меня материалам, собранным лично мною непосредственно от выдающихся знатоков свадебного обряда, своего рода специалистов по части наговоров и причитаний. Почти все записи, кроме того, проверены путем личного участия в целом ряде свадебных церемоний в различных местностях уезда.

Все записи были сделаны в период моей службы народным учителем, в 1901—1905 годах, главным образом в Шунгенской и Шишкинской волостях. В целом ряде других местностей уезда подробных записей не делалось, так как оказалось, что наиболее полно весь свадебный обряд, причеты и наговоры сохранились в Шишкинской и Белореченской волостях.

Этот вывод вполне подтвердило и подробное рассмотрение материала, собранного в 1899—1901 годах по программе, разосланной Костромской Ученой Архивной Комиссией. Несмотря на обилие материала, поступившего из всех 12 уездов губернии (всего прислано свыше 200 ответов), ни один ответ не дает подробного, связного и полного описания всего свадебного обряда со всеми сопровождающими его обычаями, причитаниями и наговорами.

Вследствие этого при записях отмечались лишь только отличные от имевшихся обряды, причеты и наговоры, но и таковых оказалось сравнительно очень немного. Все они будут помещены частью в примечаниях, частью в приложениях и дополнениях в настоящей работе.

В основной текст (в первую часть работы) внесено лишь то, что наблюдало лично или же удостоверено несколькими, вполне надежными, свидетелями как имевшие место в свадебном обряде в настоящее или недавнее время.

В приложениях же будет помещена и библиография по вопросу о Костромской свадьбе».

В данном сборнике публикуется только первая часть работы Н. Н. Виноградова. Ценность ее заключается не только в том, что в ней приводятся сведения, собранные лично собирателем, и его запись — одна из самых полных и точных, но и в том, что в ней представлена богатейшая традиционная поэзия дружки — приговоры. К сожалению, многие собиратели, обращая внимание на причитания и песни, прошли мимо приговоров.

Стр. 22. *Брюсов календарь*. — Приписываемый Я. И. Брюсу (1670—1735) широко известный календарь содержал наряду с полезными астрономическими сведениями предсказания погоды, урожаев, войн, болезней и по положению светил. Неоднократно переиздавался в XVIII—XIX вв.

Стр. 26. *Невеста... воет*. — Невеста, исполняя обязательные, традиционные причитания, нередко импровизировала и, жалуясь, действительное «выла», «вопила», «плакала». Отсюда и термины, определяющие севернорусских исполнительниц причитаний: вопленицы, вильницы, плакальщицы.

Стр. 73. *Дружка... кладет «под Апостол» привезенные с собой горбушки хлеба*. — Горбушки хлеба, привезенные в церковь и положенные в алтаре под книгу Деяний и Посланий апостолов, должны были, по верованиям, сделать жизнь новобрачных сытной и богатой.

С. Я. ДЕРУНОВ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА В ПОШЕХОНСКОМ УЕЗДЕ

Одно из самых известных описаний народной свадьбы. Представляет несомненный интерес не только точным описанием свадебного ритуала, причитаний и песен, но и тем, что передает драматическую сущность обряда. С. Я. Дерунов — один из немногих собирателей, кому удалось зафиксировать свадебные загадки.

Стр. 105. *Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как Илья; посажен в огонь, как Кирик; вышел из огня, как Иосиф...* — Адам, согласно Библии, создан Богом из «праха земного» и «дыхания жизни»; Илья Пророк вознесен Богом за преданность и страдания на небо в огненной колеснице, запряженной огненными конями; Кирик и Иосиф — христианские мученики.

ПР. В. Е-ИЙ. ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ В
СЕНГИЛЕЕВСКОМ УЕЗДЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Публикацию записи свадьбы собиратель предварил вступлением: «Брак в жизни каждого человека составляет эпоху, так как с этого времени он вступает в круг новых обязанностей — гражданина и семьянина. Но осо-

бенно брак составляет одно из важнейших событий в жизни русского крестьянина, который в лице нового члена семьи видит и приобретает еще и теперь преимущественно только рабочую силу, подспорье в своем хозяйстве. В самом деле, жизнь нашего простолюдина менее всего может мыслиться без женщины. Вращаясь сыздетства среди крестьян, будучи постоянным свидетелем их жизни, нам пришлось убеждаться в этом много раз, наблюдая жизнь так называемых «одинок». Сплошь и рядом бывают такие случаи: у крестьянина умирает жена, оставив ему 3—4 детей, как говорится, мал мала меньше; нет у него помощника, горе большое — и вот мужичок начинает пить, и пьет «бесшабашно», по народному выражению, т. е. излишне. Но вот он женится во второй раз с тем, как сам свидетельствует, чтобы «баба» сварила ему щи и кашу да убрала ребятишек, т. е. приготовила бы им белье, обмыла пред праздником в бане и т. п. Что же оказывается? После второго брака этот самый мужик, предавшийся было пьянству, под влиянием жены бросает пить водку и снова принимается за труд; его энергия увеличивается при виде работающей и трудящейся жены, и он начинает поправляться в своем хозяйстве. Конечно, не каждая женщина способна так благотворно влиять на своего мужа и не каждый второй брак оканчивается так хорошо; но вообще-то должно сказать, что жизнь крестьянина без женщины только в редких случаях может идти правильно и без ущерба для хозяйства и пр., когда с ним живут уже взрослые и способные работать дети. Вот поэтому-то издревле крестьянская свадьба совершается с различными освященными временем обрядами; они считаются необходимыми, и несоблюдение их, по мнению народа, влечет за собою дурные последствия.

В настоящем очерке мы опишем крестьянскую свадьбу так, как она совершается в селе Зеленце Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Городские жители и вообще все те лица, которые не видели, как совершается и празднуется сельская свадьба, думаем, найдут немало интересного в описании ее. Кроме того, должно заметить, что с вымиранием старых людей безвозвратно исчезает много такого, что можно было бы занести на страницы народной литературы. Потому предлагаемый очерк имеет в виду, между прочим, и то, чтобы присловья и обряды, совершаемые и произносимые при свадьбе, передать памяти потомства. Интересна сельская свадьба и в том отношении, что здесь во всем блеске проявляется крестьянская вежливость и изысканность в обращении, приправляемые вместе с тем и русским безобразием, которого, кажется, никогда не бывает нигде и столько, как на свадьбе.

Свадьбы здесь преимущественно совершаются осенью, когда крестьянин уберется с своим хлебом в поле и определит приблизительно свой годовой доход, или, выражаясь его словами, свою «казну», когда у него не так много дела «по домашности».

Данное описание свадьбы является по своей полноте и подробностям одним из немногих, зафиксировавших поволжский вариант среднерусской свадьбы.

С. И. ГУЛЯЕВ.
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

В журнальной публикации описанию свадьбы предшествует эпиграф и небольшая заметка:

«Что ни город, то норы;
Что ни деревня, то обычай.

Старинная пословица

Свадьба в семейной жизни русского народа составляет одно из важнейших событий, когда человек вступает в круг новых обязанностей гражданина и семьянина. Потому-то издревле бракосочетание сопровождается разными освященными временем обрядами, отступление от которых влечет за собою, по мнению народа, неприятные последствия. Хотя в больших городах от влияния образованности свадебные обряды не соблюдаются уже с такою строгостию, как в прежние времена, однако в отдаленных местах империи они считаются доньше совершенно необходимыми, особенно между низшими сословиями. Так, например, в Южной Сибири или в обширном округе колывановоскресенских заводов, занимающем почти всю Томскую губернию, свадебные обряды, не говоря уже о других поверьях и обычаях, сохраняются доньше между нижними горными чинами, заводскими мастеровыми, мещанами и, главнейше, крестьянами или вообще в среднем и низшем сословии тамошнего края, к которым должно причислить также живущих в горном округе казаков линейного сибирского войска и нижних военных чинов. Свадьбы лиц этих сословий, конечно, совершаются не одинаково, но вполне и по всем обычаям старины у крестьян следующим образом...»

Описание свадьбы С. И. Гуляева является одним из самых ранних, сделано внимательным собирателем и представляет собой одну из самых полных записей русской сибирской свадьбы.

Стр. 203. ...*породила Во христовскую заутреню...* — Родиться на Пасху, в первый благовест, — примета, предвещавшая счастливую жизнь.

Стр. 227. ... в «*Песнях русского народа*», изданных господином Сахаровым... — Имеется в виду сборник «Песни русского народа» И. П. Сахарова (1807—1863), известного собирателя и исследователя русского фольклора. Сборник издан в 1838—1839 гг. в 3-х частях.

М. ВАСИЛЬКОВА.

СВАДЬБА В СТАНИЦЕ ЛАДОЖСКОЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Описание представляет типичный вариант южнорусской казачьей свадьбы с ее песенным обрядовым и необрядовым фольклором.

Стр. 234. *Последний час разлуки...* — слова из песни литературного происхождения: слова приписываются М. В. Ломоносову (стихотворение «Молчите, струйки чисты...»).

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПРИЧИТАНИЯ

Публикуемые причитания представляют собой главным образом севернорусскую традицию; для сравнения даны два причета, записанные в Тамбовской области, с ярко выраженным импровизационным, лирическим началом. Причитания отражают вариативность как хода свадьбы, так и самого причитывания. Посещение невестой родственников и баня нередко совершались в предшествующий дню свадьбы день; по-разному, как можно убедиться по публикациям, происходило и прощание с «волей».

Стр. 268. *Ты веди... свадебку... честно да... имянно!* — Подчеркивается, что именно «кормилец-батюшка» должен вести свадьбу.

Стр. 284. *Матушка ты моя, нежна волька...* — Обращение невесты к девичьей воле.

Стр. 286. *...за Осипом Прекрасным, За сонным да рассудителем...* — Речь идет об Иосифе Прекрасном, библейском персонаже, младшем из одиннадцати сыновей Иакова, отличавшемся красотой. По библейским преданиям, он владел даром предсказания и умел разгадывать сны.

Стр. 288. *По Ивана Волосатого...* — Так называли в народе Иоанна Крестителя. По евангельскому преданию, он носил одежду из верблюжьего волоса и, как и Иосиф Прекрасный, обладал даром предвидения.

Стр. 296. *Уж как первая угодушка... Подоконье сторублевое!* — Речь идет о том, что невесте после замужества не придется далеко ходить за водой, она будет постоянно получать известия от родных, станет богатой.

Стр. 312. *...на местну Богородицу...* — Речь идет об иконе, посвященной Богородице; в разных деревнях почитались разные иконы Божьей Матери (Казанская, Владимирская и проч.).

Стр. 317. *Девушки поют дальше.* — В некоторых местностях причитания невесты исполняли и девушки — от имени невесты.

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

Приговоры дружки в данном разделе в основном печатаются по одному источнику — рукописи, в которой собраны приговоры одного свадебного дружки и отражающие, что очевидно, традицию одной местности (опубл. А. Кузнецовым). В них много повторов, но это повторы, обусловленные фольклорной обрядовой сущностью произведений, в частности — ритуальной и магической. Это и показатель местной фольклорной традиции, в чем легко убедиться, сравнив приговоры с публикуемыми рядом текстами, записанными Г. Аргентовым в Пермской губ., а также с приговорами по записям Н. Виноградова и С. Гуляева (см. первую часть книги). Представляя наиболее полно репертуар дружки, донеся до нас высокохудожественные образцы приговоров, рукопись, к сожалению, не имеет сведений о том, когда и в какой местности были сделаны эти записи.

«В сем доме благодатном» (с. 341). — *Княжна сваха* — «со стороны невесты (княгини)» (примеч. собирателя).

«В сем доме благодатном...» (с. 347). — *Кудреватые височки* — «подвитые волосы на висках». *Брови щипаные*. — «Слишком густые и широко разросшиеся брови у девиц в простонародье считаются некрасивыми, а потому щеголихи употребляют выщипывание волос из бровей, чтобы придать им более изящную форму». *Рожи мазаные* — «т. е. набеленные и поддурмяненные» (примеч. собирателя).

«Мир — народ...» (с. 348). — *Кутяна, полатяна, запечана* — «т. е. находящиеся в кути (в заднем углу избы), на полатах, за печью» (примеч. собирателя).

Стр. 358. *У ворот молитва... Они...* — «т. е. те, которые стоят по ту сторону ворот, со стороны двора» (примеч. собирателя).

«Хто тут — ко мар или мух а?» (с. 359). — *Поди под кутное окно* — под «окно около заднего угла избы, против которого обыкновенно приходится устье печи. Милостыню чаще всего подают через кутное окно, так как оно ближе других к залавку, где сохраняется печеный хлеб» (примеч. собирателя). *Спасенок* — здесь: милостыня.

«В сем доме благодатном...» (с. 375). — *Грицы-певицы*. — «Грица происходит от старинного слова «грает», т. е. поет; напр.: «Грает ворон на дубу, он играет во трубу» (примеч. собирателя).

«В сем в доме благодатном...» (с. 376). — *Нашей княгине свашенька*. — «Свахой за невестой, равно как и за женихом, бывала всего чаще мать крестная» (примеч. собирателя).

«В сем в доме благодатном...» (с. 382). — *Садитесь... На кунью шубочку*. — «Жених и невеста садились на лавку, покрытую каким-либо мехом, — чтобы жить богато» (примеч. собирателя).

«В сем в доме благодатном...» (с. 401). — *Извольте наряжаться на перепой...* — «Перед тем как молодых укладывали спать, гости совершали перепой, т. е. пропивали девство молодой. Молодых всегда укладывали в подклете, т. е. в комнате под жилым помещением, а за неимением такой комнаты — в подполье» (примеч. собирателя).

ПЕСНИ

Песни — самый сложный вид свадебного фольклора. В данном разделе они представлены прежде всего как искусство слова. Их взаимосвязи с обрядовыми действиями очень разнообразны — от тесных до независимых. Закрепленность в обряде также очень относительна: если ритуальные песни исполнялись в строго определенных моменты свадьбы, то величальные, корильные и лирические песни могли в зависимости от местных традиций прикрепляться к разным этапам свадьбы. Поэтому, кроме ритуальных, нет необходимости давать этнографический комментарий этим песням: содержание достаточно точно свидетельствует об их месте в свадебном ритуале.

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«Как у свата на дворе...» (с. 403). — Песня оповещала об обряде поздравления жениха после положительного решения родителей новобрачных о свадьбе.

«И сполать тебе, добрый молодец...» (с. 403). — Песня рассказывает об обряде выбора тысяцкого в свадебный поезд.

«Заводилась мыленка...» (с. 403). — Песня рассказывает об обряде бани в доме невесты.

«У ворот, у ворот...» (с. 404). — Песня фиксирует эмоциональное состояние невесты перед венчанием.

«Не было ветру...» (с. 404). — Песня фиксирует приезд свадебного поезда в день свадьбы.

«В сет-о бо я ре...» (с. 404). — Песня исполнялась во время приезда свадебного поезда на девичник или в день свадьбы.

«Продад брат сестрицу...» (с. 404). — Песня оповещала о состоявшемся обряде выкупа поезжанами места для жениха рядом с невестой.

«Катился бел виноград...» (с. 404). — В песне рассказывается об обряде сидения жениха рядом с невестой после выкупа места; в ней отражен также магический обряд осыпания жениха и дружки зерном.

«Беларыбица...» (с. 405). — Песня исполнялась перед обрядовым поцелуем жениха и невесты за свадебным столом перед венчанием.

«Ягода с ягодой сокатила сь...» (с. 405). — Песня оповещала об обряде соединения молодых — центральной части обряда отдавания невесты жениху; обряд происходил так: взяв невесту за правую руку, дружка соединял руки жениха и невесты; в момент соединения рук и пелась эта песня.

«Встрепыхайся, беларыба...» (с. 405). — См. примеч. к песне «Беларыбица...».

«Упал соловей...» (с. 405). — Песня оповещала о том, как жених и невеста садились за стол после исполнения обряда передачи жениху невесты.

«По городу звонь...» (с. 406). — Песня оповещала об обряде одаривания жениха.

«На дворе, матушка...» (с. 406). — Песня оповещала об обряде одаривания тещей зятя и поезжан.

«Подари, Иван-сударь...» (с. 406). — Песней певцы требовали вознаграждения за исполнение величальных песен.

«Не гром гремит...» (с. 407). — Песня оповещала об обряде благословения невесты родителями.

«Во вечер, вечер...» (с. 408). — Песня фиксирует отъезд свадебного поезда в церковь.

«Разливается полая вода...» (с. 408). — Песня оповещала об отъезде свадебного поезда от дома невесты.

«Заяшка лесы обегает...» (с. 408). — Песня оповещала об исполнении магического обряда осыпания свадебного поезда хмелем.

«Отставала лебедушка...» (с. 408). — Песня рассказывала о расставании невесты со своими подругами.

«Андрей-то едет...» (с. 409). — Песня фиксировала приезд свадебного поезда к дому жениха.

«Вскочило солнце в оконце...» (с. 409). — Песня, величая, фиксировала сидение новобрачных за свадебным столом в доме жениха.

«Тетера за стол прилетела...» (с. 409). — Песня оповещала об обряде отвода молодых на «подклет».

«Залетела пташечка...» (с. 409). — См. примеч. к песне «Тетера за стол прилетела...».

«Копелька добрая...» (с. 409). — Песня оповещала о возвращении молодых с «подклета».

«Прекрасное наше дерево...» (с. 409). — Песня оповещала о целомудренности невесты.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«Пекись, пекись, сыр каравай...» (с. 411). — Песня исполнялась накануне дня свадьбы во время посадки каравая в печь.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«Сказали, наша Маринушка...» (с. 413). — *Часто тка-ла* — «т. е. мелко».

«Как у тысяцкого бородка...» (с. 416). — Со слов «А ты, тысяцкий, не ломайся» — ритуальная песня.

«Сватушка — сват хорошенький...» (с. 419). — Со слов «Сватушка, подари-ка нам» — ритуальная песня.

«Сватушка — гость богатый...» (с. 419). — Со слов «Сватушка, догадайся» — ритуальная песня.

«Исполать тебе, свaxonька...» (с. 419). — Со слов «Уж мы мед-пиво выпили» — ритуальная песня.

«А где тая кухарочка...» (с. 421). — *Севской работушки* — т. е. сделаны в Севске (город в Брянской области).

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«О х вы, князи-бояре...» (с. 432). — ...хвоцу не нарвали... — Хвоц использовался при приготовлении щелока, употреблявшегося вместо мыла.

«Сваты наши скупые...» (с. 437). — *Детки* — мучное изделие.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«Матушка моя, да что в поле пыльно...» (с. 458). — ...авось ты не пугайся... — не бойся, не пугайся.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

При толковании слов дается только значение, с которым слово или выражение бытует в той местности, где произведена запись.

Все даты даны по старому стилю.

- Адóнье* — нижний слой сена, соломы в стогу.
- Алтáрь* — главная, восточная, часть церкви (в православной церкви отделенная от общего помещения иконостасом).
- Аналóй* — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги.
- Апóстол читать* — читать книгу Деяний и Посланий апостолов, учеников Христа.
- Арлапáньиц* — горлопан.
- Ари́иң* — русская мера длины, равная 0,711 м.
- Бажóньи* — взлелеянный, желанный, милый.
- Баскá, баскáя* — красивая, пригожая.
- Берчáтая* — ткань с тканым нецветным узором.
- Бесéда* — вечеринка.
- Богодáнные родители* — свекор, свекровь по отношению к невесте; тесть, теща по отношению к жениху.
- Бóярин* — член свадебного поезда.
- Брáная скáтерть* — узорчатая, с узорами.
- Брюзá* — свадебный чин: сестра жениха.
- Брjúнec* — медная круглая или четырехугольная бляха с кольцом, прикрепляемая на верхней части хомута; во время езды кольцо, падая на бляху, производит звук.
- Бурмáстый, бурнáстый* — хохлатый, мохнатый.
- Бурмáцкая* — крупная, окатистая.
- Бухáрчатые* — опушенные пыжиком; из хлопчатобумажной ткани, бязи.
- Вéнтерь* — рыболовная снасть в виде суживающейся книзу плетенки на обручах.
- Верéя* — столб, на который навешиваются ворота.
- Вери́ник* — верховой, едущий верхом на коне; дружка.
- Ветляне́нский* — сделанный из ветлы.
- Вилáвьи* — кривой.
- Витля́вая* — приветливая, ласковая.
- Ви́ца* — прут, хворостина, розга.
- Ви́ченная* — из вицы.
- Вóзрост* — рост.
- Вóлтинка* — узор.
- Волхíт* — колдун, знахарь, чародей.
- Вопотáй* — тайно.
- Гáрус* — сученая белая или цветная шерстяная нитка.
- Гóлбец* — род чулана, загородки в крестьянской избе между печью и полатами; припечье со ступеньками для всхода на печь и на полаты и с лазом в подполье.

Голомѣдные — очень сладкие, медовые.

Горнц — кружка, стакан; горшок.

Грѣвна — денежная единица в Древней Руси; серебряное или золотое шейное украшение в Древней Руси.

Грѣдня — горница.

Грѣдка — шест, перекладина, полка под потолком от печи до противоположной стены в крестьянской избе.

Дѣверь — брат мужа.

Девѣчник, девѣшник — в народном свадебном обряде вечеринка с подругами в доме невесты накануне венчания.

Дежѣ — см. квашня.

Дѣнежка — полкопейки, две полушки.

Дрѣбка — милая.

Дрѣбная — обдасканная.

Дрѣжка — член свадебного поезда, распорядитель, организатор свадебного ритуала.

Духов день — праздник Сошествия Св. Духа на другой день Пятидесятницы; воскресный день в народе зовут Троицей, а понедельник — Духовым днем.

Еретник — еретик, колдун.

Есьва, ежа — еда.

Жамчатные — смятые; тисненные.

Жарѣтоцька — место на шестке русской печи, иногда с ямкою, для выгрева жара.

Жарѣлье — ожерелье; воротник.

Жирушка — жизнь, житье.

Жупить — красиво, сладко петь.

Закратѣтися — погаснуть.

Залезный — железный.

Залѣжечка — дверная задвижка, крючок.

Зарудѣть — обрызгать кровью, пустить кровь (руда — кровь).

Золѣвка — сестра мужа.

Зобнѣ — корзинка, лукошко.

Ископить — земля, грязь, снег из-под копыт бегущего коня.

Казинѣтовое — из казинета, полушерстяной гладкой ткани.

Калитка — здесь: четырехугольная ватрушка, шаньга, лепешка с кашей и сметаной или с творогом.

Камкѣ — старинная шелковая ткань с узорами.

Канун — здесь: пиво или брага, сваренные к празднику.

Кармазѣнная — из кармазина, тонкого ярко-алого, багряного цвета сукна.

Кашемѣровый — из кашемира, тонкой шерстяной или полушерстяной ткани.

Квашнѣ — дежа, кадка, в которой квасят тесто, ставят хлеб.

Кѣкать — кричать.

Кѣкиболка — женский головной убор, кокошник, надеваемый на молодую после венца (кика бабья).

Кѣловѣтая — от «кила» — с наростами.

Кѣтайка — простая хлопчатобумажная ткань.

Кѣча, кѣчка — старинный русский праздничный головной убор замужних женщин.

Кѣлѣрос — место в церкви для певчих по обеим сторонам алтаря.

Кѣврѣвая шаль — ненабивная, вытканная узором, плотная.

Кѣкошник — старинный женский головной убор с высоким расшитым полу-круглым щитком.

Кѣлубѣнь — качели.

Кѣмонь (кѣмань) — конь.

Кѣренные свѣт, свѣха — отец, мать жениха и невесты или, в случае смерти родителей, ближайшие родственники.

Кѣсник — лента или ленты, вплетавшиеся в косу девушки, или подушечка, шитая бисером, на конце косы; женская шапочка под платок.

Косящето (*косивчато*) — окно с косяками и рамой.

Красное окно — окно с косяками и рамой, среднее в ряду обычных для крестьянской избы трех окон, украшенное более других снаружи резьбой.

Красный двор — двор перед домом.

Красный угол — в крестьянской избе почетный, передний угол, в котором висят иконы, стоит стол.

Красота — лента или венец невесты из лент и цветов, символизирующий девичество и девичью волю; украшенное деревце (ель, сосна).

Крестовая — крестная (мать).

Крестовые кумушки — подруги, обменявшиеся на Троицу нательными крестами; особенно близкие подруги.

Крупнчатый — из лучшего зерна, муки; из муки особого помола.

Крякновистый — кряжистый, узловатый.

Кудлеватый — кудрявый, курчавый.

Кузлò — кузнечная работа, ковка.

Кукóбница — заботница, заботливая.

Кульцòжный — из металла, крепкий, как кольчуга.

Кумач — хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета.

Кунка — куна, куница.

Купáв молодец — чистый, белый, красивый.

Кут, куть — угол в крестьянской избе (чаще всего у печи или двери).

Курная изба — изба, топившаяся по-черному, без трубы — дым из избы вытягивался через волоковое окно.

Лихòтка — лихо; злобная, злорадная, завистливая.

Лòпоть — верхняя рабочая одежда.

Лубяной — из луба, коры (вместе с волокнистой внутренней частью)

липы, вяза и некоторых других лиственных деревьев.

Луток — порода диких уток.

Малахай — большая шапка на меху с наушниками.

Малёнка — деревянная кадочка, мера для зерна.

Малёный — грязный, замазанный.

Мáтица — средняя потолочная балка.

Мелёдить — медлить, мешкать.

Мерёжа — рыболовная сеть, натянутая на обручи.

Миткальный — из миткаля, хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения.

Моргòтно — нудно, тошно, горько на душе.

Мостиненка — доска в полу.

Муравчатый — покрытый муравой (молодой сочной зеленой травой).

Мутóватъ — сердить.

Мутóвка — палочка с сучками на конце для взбивания, размешивания чего-либо.

Мясоед — период, когда, по уставу православной церкви, разрешается мясная пища.

Нá пята — настежь (пята — нижняя часть двери в притворе).

Наб — надо.

Навлáсь — власть, в удовольствие.

Навинá, новинá — первый плод, первый сбор нового урожая; холст небеленый; новая вещь, утварь, украшение.

Навя́зная — навязанная.

Напрокóдить — напроказничать.

Насáд — речное судно с высокими бортами.

Невестка — замужняя женщина по отношению к родным ее мужа.

Никола веиный — христианский праздник в честь св. Николая, отмечаемый 9 мая.

Нòнько — ныне.

Нунь — ныне.

Обру́чная, обру́шная — обрученная, засватанная, т. е. невеста.

Окаце́нные — огороженные.

Онуча — обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка.

Опа́ра — заправленное дрожжами и забродившее жидкое тесто.

Опа́чки — пачкуны.

Осмётки — куски грязи, остатки чего-либо.

Остоло́питься — поглупеть, подуреть.

Па́ва — самка павлина; женщина с горделивой осанкой и плавной походкой.

Пави́ная — как у павы.

Па́дера — буря с вихрем, дождем, со снегом; метель, выюга.

Па́руша — баня.

Парче́вник — кокошник.

Перева́ра — пиво старинной домашней варки.

Перего́дние — прошлогодние.

Передний угол — см. красный угол.

Пестряди́нный — из пестряди, пестрядины, грубой льняной или хлопчатобумажной ткани из разноцветных ниток, обычно домотканой.

Петров день — христианский праздник, отмечавшийся 29 июня в честь апостолов Петра и Павла.

Пеу́н — петух.

Пове́ть — помещение под навесом на крестьянском дворе.

Пово́йник — старинный женский головной будничный убор.

Поволо́ка — ткань для верха шубы; покрытая холстом овчинная шуба, тулуп.

Подвоско́ — тысяцкий.

Поддру́жье — помощник дружки.

Подка́рзана — подрубленная.

Подкла́ет, подкла́ть — холодное помещение, в котором устраивалось для жениха и невесты брачное ложе.

Поезд свадебный — участники поездок со стороны жениха к невесте.

Поезжа́нин — член свадебного поезда.

Позори́ться — разориться.

Покров — христианский праздник в честь Богородицы, отмечаемый 1 октября.

Полаво́шник — холст, ковер для покрытия лавок.

По́лог — занавес.

Полоту́ха — бадья для мытья полов.

Поневе́стница — член свадебного поезда, сваха или посаженная мать (крестная) со стороны невесты.

Порядовные соседи — живущие в избах по улице в одном ряду.

Посло́бница — сладко, сытно кормящая.

Пошавёночки — пошевни, широкие крестьянские сани, розвальни.

Приза́длаться — остаться позади.

Прилу́б — перегородка, разгородка.

Просекная лента — с просечками, кружевная.

Прощеное воскресенье — воскресенье на масленицу (в конце), в которое ходили в гости и просили друг у друга прощение за обиды.

Пря́женцы — жаренное в масле печенье.

Пря́сло — часть изгороди, забора от кола до кола, в длину жерди, доски.

Раденье — забота, старание, усердие.

Ребе́рчата — ребристая.

Репля́ная — из репы.

Ро́стань — место за городом, селом, до которого провожают кого-либо, перекресток дорог.

Ру́шать — резать.

Ря́женный, ря́женная — то, что было выторговано, о чем «рядились» и есть договор (здесь: жених и невеста); переодетый, одетый ради шуток.

Санда́л — дерево южных стран с ароматической древесиной, а также краска (обычно красная), добываемая из древесины этого и некоторых других деревьев.

Сварьба́ — свадьба.

Свеча христовская — зажигавшаяся на Пасху; по верованиям, обладала магической силой.

Святки — с 25 декабря по 6 января.

Сгибень — пирог, обычно сложенный вдвое, с какой-либо начинкой.

Сельник (сильник) — холодный чулан, кладовая, хлев.

Синюха — домашний сарафан синего цвета.

Симьянная — из семян.

Скатный, скачёный жемчуг — крупный, ровный.

Слега — длинная большая жердь.

Слодоть — облизывать.

Сорока — старинный женский головной убор, в отличие от кички (кики) без «рогов».

Спорядовный — живущий рядом, по одну сторону улицы.

Стрепница — стряпуха.

Стрича — встреча.

Стышный лоб — упрямый; глупый; нескладный.

Суженый, суженая — то, что предопределено судьбой; жених, невеста.

Судимый — предопределенный судьбой.

Супонь — ремень для стягивания хомута.

Суредихонька — снаряжальщица.

Сыта, сытица — подслащенная медом вода или медовый отвар на воде.

Таланливый — счастливый, удачливый.

Тароватый — щедрый; расторопный, ловкий, проворный.

Тасмяные — тесьмяные.

Твиновое — из твина, гладкоокрашенной полушерстяной ткани саржевого переплетения, идущей на платья и верхнюю одежду.

Топилище — лампада (небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконой).

Трестá, трёсточка — полотнище, полоса ткани.

Троица — один из праздников православной церкви, празднуемый в пятидесятый день после Пасхи.

Тя — тебя.

Тягло́ — полочка, угольник для икон.

Уклад — сталь.

Улётушка — быстрый, легкий.

Хрестной — крестный.

Чары́ — обувь, бахилы.

Часторыбий — из моржовой кости.

Чёрочки — род женской обуви.

Чесь — час.

Чирок — некрупная водоплавающая птица семейства утиных.

Шамиура — женская шапочка под платок и кокошник.

Шелки-бумаги — белый шелк.

Ширкунчик — пустой медный шарик с дробью, привязываемый к сбруе лошади.

Шоломцятые гвозди — со шляпками.

Штофник — шелковый сарафан.

Ястия — еда.

СВАДЕБНЫЙ СТОЛ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЕ

Веселая, разгульная русская свадьба. Звонком колокольцев под дугой лихой тройки, удалой плясовой, раздольной песней, сумасбродством ряженных, раскрасневшимися от хмельной чарки лицами, криками «горько», робким сладким поцелуем молодых откликается она в душе россиянина. Видное, если не сказать центральное, место в длинной веренице свадебных обрядов всегда занимало праздничное застолье. Повсеместно в России оно отличалось обилием блюд и питья. Известная русская поговорка «Все, что есть в печи, на стол мечи» как нельзя лучше выражает сам дух свадебного пира.

Кстати, к трапезам свадебного обряда в старину относились и предсвадебные, и послесвадебные угощения. Так, после сватовства в доме невесты накрывали стол для ближайших родственников молодых. За «запоем» или «сговором», как называли эту трапезу, обсуждались организационные и хозяйственные вопросы, связанные с проведением предстоящих свадебных торжеств. Интересно, что сначала на стол выставлялись угощения, привезенные родственниками жениха, а уж потом их сменяли блюда, приготовленные в доме невесты.

Накануне же свадьбы молодежь устраивала вечеринки — невеста прощалась со своими подругами, а жених — с товарищами («боярами»). Случалось и так, что нетерпеливый жених с товарищами ездил на вечеринки к невесте.

Редкий свадебный обряд у славян обходился без свадебного хлеба — каравай. Без каравай не пристало сватам появляться в доме отца невесты. Во время смотрины хлеб клали по углам стола. Хлебом скрепляли и брачное соглашение. При этом сват разламывал каравай на две половинки — одну вручал отцу невесты, а вторую — отцу жениха. Считалось, что после этого родители были не вправе отказаться от свадьбы. Да и на саму свадьбу гостей приглашали хлебом-солью. Им же благословляли молодых и вручали после венчания. Каравай несли перед свадебным поездом. В общем, не перечислить всех обрядов русской свадьбы, где бы не фигурировал свадебный хлеб. И это не случайно, так как во все времена хлеб у славян считался основным продуктом питания, с ним связывали достаток в доме, благополучие в семье, продолжение рода, крепость брачных уз.

Как уже мы отмечали выше, практически у всех славянских народов роль обрядового свадебного хлеба выполнял каравай. В старину караваем

называли обыкновенный хлеб, а позднее (с XVI—XVIII вв.) сдобный. Готовили каравай битые — тесто для них выбивали с маслом в специальном сосуде, ставленные, напоминающие кулич на молоке, ячки — с использованием большого количества яиц и многие другие. Однако со временем название «каравай» прочно укрепилось только за свадебным хлебом.

Как правило, каравай пекут круглой формы в виде большого калача, заплетенного косичкой. Однако форма каравая и его размеры везде разные. Отличительной особенностью каравая является его необыкновенная величина. Так, на старинных княжеских и царских свадьбах выпекали такой огромный каравай, который было под силу нести только четверым мужикам. Для этой цели имелись даже специальные обитые гладким бархатом носилки. Рассказывают, что и в крестьянских домах когда-то пекли каравай-великаны, вытащить которые из печи было невозможно, не разобрав устье.

Приготовление каравая в России всегда облакалось в обрядовые одежды. Прежде всего, пекли его только для той свадьбы, где невеста выходит замуж впервые. Сам же обряд приготовления свадебного хлеба в каждой местности свой.

Вот как описывает обряд приготовления свадебного хлеба Л. Н. Чижикова в статье «Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX — начале XX в.», опубликованной в сборнике «Русские: семейный и общественный быт»: «В приготовлении каравая принимали участие замужние родственницы жениха и свадебные чины: дружка, сваха, дядько, бояре. Сваха по знаку дружка ставила лоток с закваской и зажигала над ним три свечи. После того как дружка просил родительского благословения на изготовление каравая, замешивали тесто, валяли каравай и сажали его на лопате в печь под пение хора:

Заюшка по полю рыщет,
Свашенька кочергу ищет,
Чем жар нагребать и каравай сажать...

Дружка со свахой в три приема выпивали поднесенный отцом жениха стакан вина и троекратно целовались. После этого всех гостей угощали большим обедом, на котором подавалось до 20 блюд. В конце обеда бояре просили дружку:

Наш дружка неученый, каравай неиспеченный,
Зажги, дружка, свечку, загляни, дружка, в печку...

А под пение:

У Александра во дворе свои кузни новые
И ковали молодые.
Вы берите молоты, разбивайте печеньку,
Доставайте каравай, доставайте яровой... —

дружко со свахой и дядькой били по печи, вынимали из печи каравай, укладывали его в решето, посыпанное овсом, покрывали полотенцем, три раза обносили вокруг примостного столба и торжественно выносили в клеть в сопровождении всех гостей».

Рецептов приготовления свадебного караваев так же много, как и связанных с этим обрядов.

Вот один из них.

СВАДЕБНЫЙ КАРАВАЙ

2 кг пшеничной муки, 1 л молока, 4 яйца, 0,5 стакана растительного масла, 50 г дрожжей, 2 столовые ложки сахарного песка, соль по вкусу.

В эмалированную кастрюлю вылить молоко, подогреть его до 30—40°C, развести в нем дрожжи, сахар, добавить немного муки, чтобы тесто имело консистенцию густой сметаны, обсыпать сверху мукой, накрыть кастрюлю полотенцем и поставить в теплое место. Когда тесто подойдет, добавить в него взбитые яичные желтки, соль и оставшуюся муку. Месить тесто следует до тех пор, пока оно не станет эластичным и не будет отставать от рук. Затем, добавив в тесто растительное масло, снова перемесить и дать ему вторично подойти. После этого сделать его обминку и дать подняться в третий раз. Все это необходимо для того, чтобы каравай получился пышный и долго не черствел.

Готовое тесто разделить на две части. Из половины теста сформовать колоб и выложить его на смазанный маслом противень. Вторую половину теста разделить на три части и каждую из них раскатать руками в длинный жгут. Жгуты заплести косичкой и опоясать ею колоб. Дать тесту снова подойти. Пока оно подходит, из густого тертого теста вылепить фигурки голубков, шишечки, цветы и украсить ими гладкую поверхность караваев. Смазать хлеб яичными белками и поставить в разогретую до 200°C духовку.

Если каравай во время выпекания начнет растрескиваться, смазать трещины яичными белками.

Готовый каравай осторожно переложить на круглое плоское блюдо, устланное полотенцем, и воткнуть в него живые цветы, колосья пшеницы.

В некоторых селах в каравай вставляли бутылку с вином. В эту бутылку помещали связанные красной лентой колосья ржи. Их украшали конфетами, разноцветными лентами и цветами. Таким же образом вместо ржи украшали ветки сосны, ели, калины, вишни. Иногда ветки обмазывали тестом и обжигали в печи, а вместо конфет их украшали фигурками из теста (голубками, цветами и т. д.).

В дополнение к караваю часто пекли ритуальные свадебные хлебы меньшей величины: сдобное печенье, калачи, лежни (небольшие изделия, снизу круглые, кверху сужающиеся, наверху с крестом из теста) и шишки (с небольшими по краям пупырышками наподобие сосновых шишек).

ТЕСТО ДЛЯ ЭТИХ ИЗДЕЛИЙ:

2 стакана пшеничной муки, 250 г сливочного масла, 1 стакан сахарной пудры, $\frac{1}{3}$ чайной ложки соды, 1 яйцо, соль по вкусу.

Масло растереть с сахарной пудрой до белого цвета, добавить яйцо, соль и снова хорошо растереть. Всыпать муку, соду и замесить тесто.

Изделия выпекать в хорошо разогретой духовке.

В некоторых губерниях России для свадебного пира обязательно готовили сладкие пряженые пирожки — левашники. Ими молодые угощали всех присутствовавших на свадьбе гостей.

ЛЕВАШНИКИ

400 г муки, 2 яйца, $\frac{2}{3}$ стакана воды, 20 г водки, 40 г сахара, 1 стакан варенья, 300 г растительного масла (для фритюра), соль по вкусу.

Просеять пшеничную муку, сделать в ней воронку. В холодную воду всыпать сахар, соль, добавить водку, яичный белок, хорошо все размешать и вылить в середину воронки из муки. Замесить очень крутое тесто, раскатать его очень тонким слоем и нарезать квадратики. На одну сторону квадратика положить варенье, свернуть квадратик по диагонали, края склеить яичным желтком. В небольшую кастрюлю налить растительное масло и поставить ее на огонь. Когда масло сильно разогреется, каждое изделие проколоть вилкой и обжарить. Подавать левашники очень горячими.

Ту же роль, что и левашники, выполняли в свадебном обряде пряники (особенно на городских свадьбах). Размеры этих пряников были довольно внушительные. Для их изготовления использовали специальные пряничные доски, которые выполняли роль клише: пряничное тесто «припечатывали» к противню или листу, отсюда и название пряников — печатные. Каждый большой свадебный пряник состоял из маленьких пряничков, на каждом из которых был свой рисунок (птиц, рыб, цветов и др.).

Пряники выкладывали на большой поднос, с которым молодые обходили всех гостей. На поднос также ставили три сосуда, наполненные вином, брагой и медом.

МЕДОВЫЙ ПРЯНИК

200 г меда, 400 г муки, 200 г сливочного масла, $\frac{1}{2}$ стакана сахарного песка, 2 яйца, $\frac{1}{2}$ лимона, 2 чайные ложки порошка корицы, имбирь, гвоздика, соль по вкусу.

Мед вылить в кастрюлю, положить туда же масло, поставить на огонь и прогреть до тех пор, пока масло не растает. Снять кастрюлю с огня, доба-

вить в нее сахар, соль, имбирь, толченую гвоздику, тертую цедру лимона, корицу, взбитые яйца. В конце всыпать муку и все хорошо перемешать.

Противень смазать маслом, обсыпать мукой и выложить на него раскатанные пластом куски пряничного теста, по форме и размеру соответствующей пряничной доске. Смазанной маслом и обсыпанной мукой пряничной доской сформовать пряники. Лишнее тесто с противня убрать.

Если нет пряничной доски, поступают так. Стол обсыпать мукой и раскатать на нем пряничное тесто пластом. Нарезать тесто выемками в форме разных фигурок, уложить их на противень, смазанный маслом и обсыпанный мукой. Выпекать в несильно разогретой духовке. Готовые пряники покрыть глазурью. Для ее приготовления 1 яичный белок хорошо размешать со 100 г сахара и ванилью.

В Архангельской губернии вместо каравай пекли так называемый «челпан» — большой продолговатый хлеб. В некоторых других районах ту же роль выполнял «банник» — круглый ржаной хлеб, который вместе с солонкой и ложкой завязывали в скатерть, «рыбник» — большой пирог, начиненный рыбой, и др.

Чаще других роль свадебного хлеба во многих местах России выполнял курник. Этот круглый куполообразный пирог из пресного теста, как видно из его названия, начинялся куриным мясом. Иногда внутри курника запекали яйца прямо в скорлупе, а сверху пирог украшали куриной головкой из теста. Как и хлеб, курица в свадебном обряде символизировала плодородие и обновление. Не случайно уже в XVI—XVII вв. на русских свадьбах в богатых семьях молодым в опочивальню подавали именно курицу.

Приготовить настоящий свадебный курник неизмеримо сложнее, чем каравай. Нужно обладать соответствующими кулинарными навыками и терпением. Вряд ли этот пирог удастся с первого раза. Но поверьте, что он стоит того, чтобы над ним поколдовать на кухне.

КУРНИК СВАДЕБНЫЙ

Для теста: 3 стакана пшеничной муки, 3 столовые ложки сливочного масла, 2 яйца, 1 столовая ложка сахарного песка, $\frac{1}{3}$ чайной ложки пищевой соды, 2 столовые ложки сметаны, $\frac{1}{2}$ стакана молока, соль по вкусу.

Для блинчиков: $\frac{1}{2}$ стакана муки, 1 чайная ложка сахара, 1 яйцо, $\frac{1}{2}$ стакана молока, соль по вкусу.

Для первого слоя фарша: $\frac{1}{4}$ стакана риса, 1 яйцо, 1 столовая ложка сливочного масла, 2—3 столовые ложки рубленой зелени петрушки, соль по вкусу.

Для второго слоя фарша: 450—500 г мякоти курицы, 2 столовые ложки сливочного масла, 1 чайная ложка муки, 3—4 столовые ложки куриного бульона.

Для третьего слоя фарша: 150 г свежих или нитку сухих грибов, ложка сливочного масла.

Замесить пресное сдобное тесто: в теплом молоке хорошо размешать соль, сахар, половину нормы муки. Затем добавить остальную муку, соду и быстро размешать до получения однородной массы. Влить в нее сметану, масло и снова размешать. Полученное тесто разделить на две части. При этом одна из них должна быть немного меньше. Раскатать из меньшей части теста круглую лепешку диаметром 25—30 см и толщиной 0,5—0,7 см.

Замесить тесто для блинов и напечь тонкие блинчики.

Начинка в этом пироге играет важнейшую роль, поэтому к ее приготовлению нужно отнестись с особым вниманием.

Первый фарш: сварить рассыпчатую рисовую кашу, добавить в нее рубленое вареное яйцо, зелень, масло, соль и все перемешать.

Второй фарш: вареную куриную мякоть нарезать на кусочки, муку обжарить с маслом, влить в нее немного бульона, в котором варилась курица, и, положив в этот соус кусочки курицы, прокипятить их в течение 5—10 мин.

Третий фарш: грибы (лучше белые) промыть, замочить, слегка отварить, нарезать кусочками, обжарить в масле и заправить тем же соусом, что и курицу.

На лепешку из теста плотно уложить слой выпеченных блинчиков, на них — куриный фарш, снова слой блинчиков, на них — грибной фарш и т. д. Верхний слой должен быть из рисового фарша. При этом фарш и блинчики нужно укладывать таким образом, чтобы получился холмик. Этот холмик обложить со всех сторон блинчиками.

Раскатать из теста вторую лепешку диаметром 35—40 см. Сделать в ней 4 радиальных разреза и накрыть ею фарш. Края верхней и нижней лепешки защипить у основания. На поверхности курника защипить грани по линиям радиальных надрезов. Сделать из теста различные украшения (цветы, фигурки человечков, голубки и проч.) и уложить их на курник. Смазать яйцом, в нескольких местах проколоть вилкой и выпекать в духовке при температуре 200—210°C.

Раз уж мы заговорили о курнике, то уместно будет несколько слов сказать о свадебных обрядах, связанных с курицей. В старину жареную курицу или петуха подавали молодым в опочивальню. После свадьбы, если невеста была целомудренной, вареную курицу обкладывали калиной, красной бумагой и несли в дом тестя, сопровождая шествие пением и музыкой. В присутствии тестя курицу разрывали на куски и раздавали всем присутствующим.

Вообще использование курицы в свадебном и послесвадебном обрядах связано главным образом с акцентированием внимания на целомудрии невесты. Правда, в некоторых местах эту роль вместо курицы выполняла кулебяка. Если невеста была целомудренна, тестю отсылали кулебяку, начиненную рыбой, а в противном случае пирог был без начинки.

Определенное значение на свадьбах придавали и яичнице. В северо-западных губерниях России мать невесты жарила яичницу тотчас после сговора и кормила ею жениха и сватов. Яичницу вместо курицы подавали в

спальню молодым. Жених вырезал в ней небольшое отверстие и, если новобрачная была целомудренной, наливал в это отверстие масло. В противном случае плевал в него.

Не последнюю роль среди свадебных обрядовых кушаний играла и каша. Кстати, в старину свадебный пир и назывался кашей. Так, Новгородская летопись 1239 г., сообщая о браке Александра Невского, говорит, что князь венчался в Троице и там кашу чинил, а другую в Новгороде.

А вот какая история вышла с «кашей» Дмитрия Донского. Решив жениться на дочери нижегородского князя, он, по существовавшему в ту пору обычаю, должен был ехать «на кашу» к отцу своей невесты. Однако князь Московский счел ниже своего достоинства справлять свадьбу на земле будущего тестя и предложил последнему прибыть в Москву. Но нижегородский князь упал бы в собственных глазах и в глазах своих соседей, согласись он на такое «оскорбительное» предложение. И тогда выбрали золотую середину: кашу «сварили» не в Москве и не в Новгороде, а в Коломне, что лежит почти посередине дороги между двумя главными городами.

Кашу уже в нашем понимании варили на свадьбе и кормили ею молодых. Так, по описанию свадебных обрядов второй половины XVII в., в опочивальню молодым приносили кашу, которую они «черпают и за себя мечут». Здесь каша являлась символом посева и плодородия.

Согласно более ранним источникам (XVI в.), после свадьбы князь Василий Иванович с женой ходил в мыльню, и там новобрачные ели кашу. Часто каша была единственной едой молодых на свадебном пиру.

Иногда свадебную кашу готовили в форме каравай.

ПШЕННЫЙ КАРАВАЙ

4 стакана крутой пшениной каши, 3 яйца, 50 г сливочного масла, 3—4 столовых ложки сахарного песка, 1/2 стакана тертых сухарей.

Сварить на молоке крутую пшеничную кашу и остудить. Отделить яичные белки от желтков. Желтки перемешать с кашей — масса должна быть однородной, без комков. Белки взбить с сахаром до образования устойчивой пены, ввести их в кашу. Круглую широкую форму или сковороду смазать маслом, посыпать сухарями, выложить ровным слоем кашу и поставить в разогретую духовку. Через 15—20 минут каравай готов. Сверху его можно украсить фруктами и цветами.

А теперь немного о кушаньях, которые наши предки выставляли на свадебном пиру. Их всегда было довольно много. Все зависело от достатка в доме. Вот примерное меню свадебного обеда в богатых домах: куриная лапша, пироги с разными начинками, жаркое из мяса и рыбы под разными соусами, поросенок с тертым хреном и сметаной, яичница, ботвинья, блины, молочная каша, заливные, студни.

В качестве послеобеденных закусок подавали медовые пряники, маковки, моченые яблоки, повидло, изюм и пр.

Из алкогольных напитков в почете были водки: запеканка, полынная, гвоздичная, настойки из трав и пряных кореньев, вишневка, сливянка, смородиновка и др., а также пиво и брага.

Перед женихом и невестой ставили пустые тарелки с положенными на них крестообразно двумя ложками, рядом лежал ржаной целый хлеб, обсыпанный солью. Посреди стола размещали каравай. Его накрывали крест-накрест двумя полотенцами.

Интересно, что в продолжение всего обеда молодые ничего не ели.

Когда на стол ставили первое кушанье — куриную лапшу, отец и мать жениха начинали потчевать гостей водкой. Все это сопровождалось заздравным пением. Потчевание водкой повторялось перед каждой переменной блюд.

Распорядителем свадебного стола был старший дружок. Он следил за тем, чтобы все были сыты, в меру хмельны, веселы.

В определенный момент свадебного обеда старший дружок снимал с каравая полотенца, одно перевязывал через плечо сам, а другое отдавал подручному. После этого начиналось оделение караваем всех гостей. Каждый, кто получал кусок каравая, бросал на поднос деньги для молодых, высказывал им свои напутствия.

Все знают, что означает выражение «медовый месяц», а вот откуда оно пошло, известно далеко не каждому. В древности существовал обычай, в соответствии с которым для вступающих в брак специально варилась слабоалкогольная медовуха. Молодые пили ее не только на свадебном пиру, но и тридцать дней после него. Никаких других более крепких напитков пить не дозволялось. Отсюда и пошло выражение «медовый месяц». Жаль, что об этом мудром обычае не знают многие современные молодожены. Вот один из рецептов так называемого ставленного меда, которые готовились из меда и свежих ягод: смородиновый, вишневый, малиновый, черничный, ежевичный и другие:

МЕД ВИШНЯК СТАРИННЫЙ

2 кг меда, 4 стакана воды, 4—5 кг вишни.

Мед положить в эмалированную кастрюлю либо в таз для варки варенья, залить водой и сварить сироп, периодически помешивая и снимая пену. В бутылку с узким горлышком или в бочонок выложить промытую вишню без косточек и залить ее остуженным сиропом. Накрывать сырой тряпкой и оставить в теплом помещении на три дня для брожения. Когда смесь забродит, вынести бутылку в погреб и, заткнув отверстие свернутым куском холста, оставить для созревания. Через три месяца мед готов для употребления. Однако вкус его будет тем лучше, чем дольше выдержка.

В. Ковалев и Н. Могильный

В русских семьях к свадьбе готовились, как правило, с рождения ребенка. Постепенно, год за годом, собиралось приданое и атрибуты свадебных торжеств, в которых не было ничего случайного, все освящалось традицией, имело свое объяснение. Считалось, что будущая жизнь молодых зависела от того, насколько соблюдались общепринятые обычаи. Именно по этой причине все, что имело отношение к свадебному обряду, отличает особая сохранность древнего смысла.

Так, например, в Архангельской области солоницы в форме водоплавающей птицы (с. 111, 310, 313, 314) были обязательной принадлежностью свадебного стола — как пожелание счастья и семейного благополучия. Может быть, потому, что (как об этом рассказывает одна из поморских легенд) утка считалась прародительницей земли, непременной спутницей солнца в его невидимом ночном плавании по океану, а соль издревле была одним из дорогих продуктов? Видимо, поэтому все праздничные енды, ковши, наливки, из которых на Севере и в Поволжье угощались свадебные гости, так или иначе напоминают водоплавающую птицу: лебедя, гуся и др.

Некоторые из таких сосудов снабжены соответствующими надписями. По наружному бортику одного из самых крупных ковшей конца XIX столетия вязью написано, что ковш происходит из деревни Минино Чебоксарского уезда и сделан в подарок дочери Анне Михайловне (с. 13). Небольшие ковшики-черпаки, из которых гости пили мед, пиво или квас, наливая из большого ковша, также сохранили древнейшую солнечную символику: чаша в виде ладьи, в ручке просматриваются изображения конских или птичьих головок (с. 312—313).

Почти повсеместно, особенно в центре России, к свадьбе пекли особые пряники, приберегая для этого случая пряничные доски. На одной из них (с. 474), кроме парных изображений цветов и плодов, животных, увенчанных короной, вырезана надпись: «Сей пряник на одном меду, кого люблю, того дарю». Такой пряник приносила невеста в дом своего мужа.

С пожеланиями будущего благополучия новой семье связаны хлеб и соль, участвующие в разных формах свадебного обычая вместе с сопутствующими им полотенцами и столешниками. Некоторые из этих предметов особенно интересны. Например, черевковские полотенца Архангельской области кроме трехчастной композиции с деревом жизни, в одном случае напоминающим двухглавую птицу — геральдический знак, — украшались полосой древнейших знаков солнца в виде особой фигуры — свастики (с. 368—371). Этот знак, издревле известный всем индоевропейцам, у каждого народа получил дополнительные смысловые оттенки. В данном случае это символ огня, домашнего очага, ведь полотенцем молодая, войдя

в дом мужа, украшала иконы в красном углу.

Важной частью приданого, неперменной деталью брачной постели были подзоры, решенные в бело-красной или только белой гамме. Древнеславянские изображения солнца, трехчастной композиции как символа возрождения жизни, птица Сири́н, многочисленные фигурки птиц, присутствующие в каждом из них с давних времен, дополняются в образцах XVIII—XIX столетий развернутыми сюжетными повествованиями. На них сцены катаний на лодках и красивых лошадях, дамы и кавалеры, стоящие внутри высоких дворцовых покоев, как бы списанные с живописного оригинала или воспроизведенные по литературному источнику своего времени (с. 70—71).

Многие уверены, что без сундуков русская свадьба никогда не обходилась. Это далеко не так, ведь первые сундуки появились в русском быту только в середине XIX века, до этого всю необходимую одежду, обувь, головные уборы хранили в берестяных или лубяных коробах, коробьях, коробейках. В них когда-то и перевозили все приданое невесты в дом суженого. Долее всего, вплоть до начала XX века, короба сохранились на реке Мезени Архангельской области. Мезенские короба привлекают внимание золотистым сиянием олифы с таинственно просматривающимися сквозь нее чередующимися в строгом ритме красно-черными геометрическими узорами. Сундуки же, как правило, расписывались травами, цветами, солнечными птицами и розетками не только снаружи, но и внутри (с. 44 и 45).

Приданое невесты, кроме носильных вещей, постели, полотенец, столешников, запасов холста и других тканей, включало и орудия труда. Многие из них выполнялись специально для подарка. Влек 1786 года мастера Шапошникова (с. 379, 380, 383) один из таких предметов. На нем, кроме парных изображений жениха и невесты, вырезаны геральдический знак, птицы и трубящий единорог. К этому кругу следует отнести и швейку работы ярославских мастеров XIX века (с. 297), к мягкой подушечке которой прикреплялся конец ткани при шитье вручную. Высокая, состоящая из нескольких ярусов, она как бы излучает свет крупными и мелкими порезками геометрического узора.

На Севере большую роль в свадебном цикле событий играло зеркало. Часто зеркало дарил жених невесте до венца, но она не открывала его до самой свадьбы для того, чтобы после свадьбы смотреться в него вдвоем. Этот обычай, верили, способствовал дружной жизни молодых. Одно из таких старинных зеркал XVII столетия (с. 156—157) хранится в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Зеркало сделано руками московских мастеров и, по одному из преданий, связано с обиходом царевны Софьи, тайно венчавшейся с Василием Голицыным в селе Воздвиженское, что в 10 км от Троице-Сергиева монастыря.

Во многих селах русского Севера и Поволжья жених до свадьбы дарил невесте коробочки и ларцы с определенным набором предметов: иголки с нитками как пожелание видеть свою избранницу рукодельной; гребень, которым расчесывали волосы невесты и жениха перед венцом; мыло, которым невеста и подружки мылись, чтобы очиститься от злых сил, и ряд других мелочей, например, косметику — «мазилии».

Свадебные торжества, длившиеся не один день, не обходились без празднично украшенных повозок. Доставалась самая нарядная сбруя из сыромятной кожи со множеством металлических накладок, витых и красиво разрезанных кожаных подвесок (с. 194, 197), дополненных разноцветными лентами. Ленты вплетались в гриву и хвост лошади, к дуге и сбруе крепи-

лись колокольчики и бубенчики, звон которых, как, впрочем, и развевающие элементы убранства, отпугивали, по преданию, нечистую силу.

Любая русская свадьба делилась на два главных периода, соединенных венчанием. Первый связан с подготовкой жениха и невесты к венчанию, с целым рядом обычаев, которые должны были отразить тяжесть расставания невесты с вольной жизнью. Одежда невесты была не очень нарядной: во всем, что надевалось на нее в день венчания, присутствовала печаль. Чаще всего во всех деталях преобладал белый цвет с дополнениями красного и, в поздних образцах, черного. Одна из самых архаичных свадебных рубах (с. 231, 233) привезена из Каргопольского района Архангельской области. Она вышита по счету нитей древним двусторонним швом; на подоле — одна из наиболее сложных и полных космологических композиций, в которой более всего разработаны земной и небесный ярусы Вселенной. Поверх такой рубахи надевали сарафан из домотканой или покупной ткани, на голову полагалась девичья повязка, на нее (не всегда и не повсеместно) прикрепляли свадебную корону — «коруну», подобно той, что привезена когда-то из С.-Петербургской области (с. 53).

Из девичьих кокошников нижегородский выделяется необычной формой и преувеличенными размерами. Он украшен рубленным жемчугом, перламутром, цветными стеклышками в высоких оправках — кастах, имитирующими драгоценные камни.

Все девичьи головные уборы оставляли открытой косу, украшенную лентами и специальными косничками. На груди было ожерелье из речного жемчуга или янтаря (позднее их имитаций), которому придавали охранительный смысл. В некоторых селах девушку не отдавали замуж, пока у нее не было янтарей (Пензенская и Тамбовская области). Иногда это могло быть всего несколько бусин, дополнявшихся более дешевыми стеклянными.

Один из свадебных женских костюмов происходит из Великого Устюга Вологодской области и относится к концу XIX столетия (с. 132—136). Он состоит из рубахи, сарафана, пояса, передника и косынки, которые украшены браными узорами и решены в гамме бело-красного цвета. Браный геометрический орнамент выткан не только красными нитями по белой основе, но и белыми по белой, отчего рельефная поверхность приобретает большое фактурное богатство. Северная невеста в таком наряде двигалась плавно и величаво, ничто не стесняло ее движений, шла «будто пава».

В этом отношении южнорусские костюмы более статичны и в то же время торжественны, формы всех деталей костюма отличаются особой монументальностью. Собирая к венцу южнорусскую невесту, на нее надевали рубаху, поневу, ожерелье, пояс и девичью повязку. Как в селе Вяземка Пензенской области, где рубаха украшалась цветными (чаще кумачными) плечевыми вставками — поликами, сложной вязью геометрического узора, тканного закладным способом красными нитями (с. 430). Рубаха сохранила древнейшую длину рукавов, которые в спущенном виде достигали колен. По некоторым предположениям, во время разного рода церемоний жених не должен был брать невесту за голую руку (иначе «жизнь будет голая»), только за рукав, который в обычных случаях собирался у локтя. Иногда такие рукава называли «плакальными», так как невеста, собираясь к венцу, во время вольного или обрядового плача размахивала ими для усиления достоверности действия.

Большую роль в свадебном обряде играли специальные покрывала в виде полотенца, столешника, платка и даже шали, которыми невесту накрывали, выводя из дома родителей к венцу. Покрывало (часто его называли фатой) должно было уберечь молодую от дурного глаза так же, как и различные предметы, которые ей клали в складки одежды, карманы, обувь. Впрочем, это же делали и по отношению к жениху. Покрывало снимали в доме молодого мужа.

Кульминационным моментом свадьбы был обряд расплетания косы, который сопровождался большим количеством предосторожностей и в некоторых случаях затмевал собой венчание, после которого он происходил. Прощание с девичьей косой — вольной волею проходило по-разному: в одних местах в церковной сторожке, в других переносилось в дом невесты (реже) или жениха (чаще). Волосы расплетали, расчесывали, переплетали в две косы, которые укладывали в женскую прическу. Сверху надевали волосник, не позволявший волосам выбиваться наружу. Отныне женщина на люди никогда не могла показаться «простоволосой» — только в головном уборе. Считалось, что открытые женские волосы могут принести в дом мужа, как принадлежащий другому роду, несчастье. Поверх волосника надевали праздничный головной убор. В некоторых областях, например в Рязанской, волосник был частью кички — рогатого головного убора.

Головные уборы замужней женщины более всего сохранили связь с древней космологической системой предков, по которой человек был не только частью Вселенной, но и сам олицетворял ее. Головные уборы отражали верхний ярус небесной жизни, населенный солнечными птицами. Отсюда названия головных уборов — «сорока», «кика» (что означает утка), «кокошник» (что переводится с древнерусского как петух и курица-наседка одновременно).

В той или иной форме на всех женских головных уборах присутствуют разнообразные выступы. Они сливаются с формой кокошника (Поволжье), или сглажены (московские, некоторые из архангельских), или чуть возвышаются надо лбом (каргопольские Архангельской области). В наиболее чистом виде рога сохранились в рязанской кичке. Объяснений этому явлению много, во всех так или иначе заложена идея продолжения рода человеческого, рожки как бы символизируют ростки новой, зарождающейся жизни из земли нашей матушки. Кстати, церковь долго и безуспешно боролась с рогатыми кичками, женщин в таких головных уборах даже не пускали в церковь, но рогатые кички существовали до начала XX столетия.

На псковском кокошнике XIX века (с. 439) эта же идея получила иное выражение: высокое очелье в нижней части сплошь покрывалось жемчужными или перламутровыми шишками различных размеров. Видимо, здесь заложена мысль о соединении женского (рогообразное завершение кокошника) и мужского (шишки как фаллические знаки) начал. Существовало поверье, что чем больше шишек изображалось на головном уборе, тем больше детей будет у молодых. Тамбовская сорока конца XIX — начала XX века (с. 457—459) почти утратила рога. Они одеваются отдельно и сверху маскируются собственно сорокой с золотошвейным очельем. Завершался головной убор позатыльным и специальным покрывалом — «ушевым платком», напоминающим длинный шарф (с. 450). Около ушей сороки крепились гусиные пушки, цветные кисточки, низки бус, заменяющие серьги (с. 62—63).

Замена головного убора сопровождалась переодеванием невесты, которая, как бы смирившись с волей родителей, одевала самый праздничный наряд. Чаще всего это происходило в доме молодого мужа после первого стола, хотя иногда была принята перемена всей одежды невесты вместе с головным убором. В северных и поволжских селах это могли быть парчовые, штофные сарафаны, рубахи с тонкими кисейными рукавами. А могли быть и домотканые сарафаны с узорами, выполненными на ткацком стане или с помощью набивной доски. Это зависело не только от сложившейся традиции, но и от благосостояния семей, участвующих в свадьбе.

В южнорусских областях символом женской доли считалась понева, особого кроя клетчатая или полосатая юбка. Чаще всего поневу начинали носить перед свадьбой, иногда первое надевание поневы происходило непосредственно во время свадьбы, во время сборов к венцу. Во всех случаях понева означала переход девушки в новое для нее состояние замужней женщины. Видимо, в древности одевание сороки и поневы составляло единый цикл.

Самыми древними поневами считаются распашные, не сшитые в передней части. Одной из таких понев является понева с. Вяземка Пензенской области (с. 97), которая отличается густыми оттенками синего и красного, определяющих ее цветовую гамму. Вяземский свадебный костюм кроме рубахи и поневы дополнялся гайтаном и коротким нагрудником туникообразной формы.

Близок к вышеописанному костюму праздничный наряд с. Ушинка той же Пензенской области (с. 37). Оба села относятся к той части пензенских земель, где проживает обрусевшая уже к XIII веку мещера. Здесь мы встретились с невероятным количеством вариаций геометрического узора, тесно связанного со знаковой системой древних земледельцев. Именно в с. Ушинка Сверчкова Дарья Егоровна назвала нам (потом это подтвердили другие женщины) солярное изображение в виде свастики словом «ярга», заставив вспомнить славянское обозначение солнечного божества «Ярило».

Простейшее чередование ромбов и крестов буквально на всем, что создавалось руками южнорусской женщины: в ткачестве, вышивке, бисерном низании, кружевоплетении. Ряд исследователей считают такой орнамент одним из древнейших, являющимся наиболее устойчивым символом вечно возрождающейся жизни. В нем как бы неразрывно соединяются мужское и женское начала («семя и овамо»).

Женский костюм с. Красная Дубрава Пензенской области (с. 430, 435) отличается особой декоративностью. Рубаху, поневу, ожерелье дополняли или длинный распашной шушун, или короткий нагрудник, называемый здесь шушпаном, или запон с рукавами. Пояс особой формы и сорока, напоминающая тамбовскую, завершали наряд. Особого внимания заслуживают пояса этого села: одинаково плетенные на дощечках, они различались только длиной кистей (в женском поясе кисти значительно длиннее) и разнообразием цветовых соотношений. В завершении пояса наша свое достаточно ясное выражение идея соединения мужского и женского начал. Оба конца пояса перевязываются особой формы замкнутым узлом, известным с древнейших времен и славянам, и уграм, и тюркам. У всех народов он означал долгодетие, а также выражал пожелание счастья и здоровья. Каждый конец заканчивался точно таким же одним, а иногда двумя-тремя узлами. То есть пояс был одновременно как личным оберегом — благожеланием жениху и невесте, так и талисманом нарождающегося союза молодых.

Мужская рубаша из этого же села Красная Дубрава начала XX столетия (с. 220—221) была выполнена невестой до свадьбы. Она сохранила древний туникообразный крой, украшена по низу рукавов и подолу полосами бравого ткачества (белыми нитями по белой основе), дополненными стежками счетной глади красного цвета. Композиция орнамента каждой полосы делится на три части: на самой широкой средней чередование ромбов и косых крестов, о которых упоминалось выше, по сторонам — узкие волнистые линии, которые, кроме знака воды, у многих народов, в том числе у славян, означают водораздел, границу различных явлений.

Несколько обособленно в этом ряду стоит воронежский свадебный костюм (с. 328, 333), который по типу головного убора, набору деталей и красочности относится к южновеликорусским и в то же время имеет совершенно самобытные черты, отличающие его от них. Цветовая гамма костюма строится на контрастах: белого холста и тонкой черной вязи счетной вышивки на рубаше и переднике, черной в белую контурную клетку поневы и яркой сплошной вышивки красными, зелеными, синими, желтыми, алыми и фиолетовыми шерстяными нитями. Красный с продольными полосами пояс как бы объединяет все краски в единое целое. Сорока воронежской женщины состояла из двух сложно соединяемых частей, которые напоминают чепцы с твердым очельем и завязками. Большой чепец одевался золотой вышивкой назад, малый, с возвышающимся небольшим хохолком, прикреплялся поверх него таким образом, что золотое очелье с хохолком украшало лоб. Серьги с перьями селезней и «грибатка» — особое плетеное ожерелье, составленное из крупных кругов, — завершали женский свадебный костюм Воронежской области. Главная необычность его заключается в черном цвете вышитого узора рубашки и передника, придающем всему достаточно яркому ансамблю особую торжественность.

Интересно, что цветовое решение, стилистика вышивки, ее орнамента совершенно не отличались в мужском и женском наряде. Это относится и к рубашке, поясу и грибатке. Выполнялись они, как правило, руками невесты и были свадебными дарами жениху.

В. Жигулева

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Г. КРУГЛОВ
МУДРОСТЬ И ПОЭЗИЯ НАРОДНОЙ СВАДЬБЫ
5

СВАДЬБА

Н. Н. ВИНОГРАДОВ
НАРОДНАЯ СВАДЬБА В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ
21

С. Я. ДЕРУНОВ
КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА В ПОШЕХОНСКОМ
УЕЗДЕ
82

ПР. В. Е-ИЙ
ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ
В СЕНГИЛЕЕВСКОМ УЕЗДЕ СИМБИРСКОЙ
ГУБЕРНИИ
114

С. И. ГУЛЯЕВ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ
172

М. ВАСИЛЬКОВА
СВАДЬБА В СТАНИЦЕ
ЛАДОЖСКОЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
228

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПРИЧИТАНИЯ

НА ПРОСВАТАНЬИ
263

НА РУКОВИТЬИ
279

ДЕНЬ СВАДЬБЫ. УТРО
285

ПОСЕЩЕНИЕ РОДСТВЕННИКОВ
294

БАНЯ
299

ПРИЕЗД СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА
303

ПРОЩАНИЕ С ВОЛЕЙ
317

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД ЗА СТОЛОМ
327

ДАРЫ

336

ПРОЩАНИЕ

337

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

УТРО ДНЯ СВАДЬБЫ. У ЖЕНИХА

340

ОТЪЕЗД К НЕВЕСТЕ

346

ПРИЕЗД К НЕВЕСТЕ

356

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД ЗА СТОЛОМ

377

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

385

ОТЪЕЗД К ВЕНЦУ

388

ЦЕРКОВЬ. ВЕНЧАНИЕ

393

ПРИЕЗД К ЖЕНИХУ

397

СВАДЕБНЫЙ СТОЛ

398

ПОДКЛЕТ

401

ПЕСНИ

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

403

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

410

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

412

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

429

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

441

КОММЕНТАРИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

486

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

488

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ

491

ПРИМЕЧАНИЯ

496

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

505

СВАДЕБНЫЙ СТОЛ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЕ

510

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

518

М 89 **Мудрость народная.** Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Ю. Круглова; Подбор ил. В. Жигулевой; Фотограф А. Рязанцев. — М.: Худож. лит., 2001. 525 с., ил. (Мудрость народная).

ISBN 5-280-02287-X

В четвертом выпуске серии «Мудрость народная» напечатаны подлинные записи пяти русских народных свадеб. В разделе «Обрядовая поэзия» публикуются причитания невесты, приговоры дружки, песни величальные, корильные, лирические и др.

УДК 882
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6

**Мудрость
народная**
**ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ
ЮНОСТЬ И ЛЮБОВЬ
СВАДЬБА

Составитель
ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КРУГЛОВ

Зав. редакцией
В. МАКСИМОВ

Редакторы
Н. АРТЕМОВА, Е. МАЛИНИНА
Художественный редактор

Е. КУДИНОВА

Технический редактор
Л. СИНИЦЫНА

Корректор
Т. СИДОРОВА

Изд. лиц. ЛР № 010153 от 14.02.97 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 31,2. Тираж 3000 экз. Заказ № 2620.

Ордена Трудового Красного Знамени
государственное издательство «Художественная литература».
107882, Москва, ул. Ново-Басманная, 19

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ГУП «Республиканская типография им. П. Ф. Анохина».
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

В серии
МУДРОСТЬ НАРОДНАЯ

вышли

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
МЛАДЕНЧЕСТВО. ДЕТСТВО

(Кольбельные песни,
пестушки и потешки,
прибаутки и др.)

ВЫПУСК ВТОРОЙ
ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО

(Сказки. Загадки)

ВЫПУСК ТРЕТИЙ
ДЕВИЧЕСТВО

(Гадания, песни,
заговоры и др.)

ISBN 5-280-02287-X

9 785280 022874

